

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

∞

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume eight

CHANGELING

MADWAND

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

**МИРЫ
РОДЖЕРА
ЖЕЛЯЗНЫ**

Том восьмой

**ПОДМЕНЕННЫЙ
ОДЕРЖИМЫЙ МАГИЕЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

Миры Роджера Желязны том 8 / Пер. с англ.
Рига Полярис 1995. — 431 с.

Диалогия из романов «Подмененный» и «Одержимый Магией» посвящена характерной для Р. Желязны теме как и можно ли вообще совместить науку и волшебство. Драматические фигуры героев изобретательность сюжета, динамичность повествования несомненно привлекут внимание читателей

Произведения, включенные в данное издание охраняются законом об авторском праве Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя

Changeling
Copyright © 1980 by Roger Zelazny

Madwand
Copyright © 1981 by Roger Zelazny

© Издательская фирма «Полярис»
оформление, составление
название серии, 1995

Подмененный
© О Колесников перевод, 1995

Одержимый Магией
© А Кузьмина, перевод, 1995

ПОДМЕНЕННЫЙ

Глава 1

Когда среди нападавших лорд Рондовал увидел хромящего старого Мора, он понял, что конец его правления близок. Штормовые черные тучи закрыли небо, и стало темно. Непрестанно шел дождь, сверкали молнии, удары грома становились все ближе. Но Дет Морсон, стоявший на главном балконе замка Рондова-ла, не собирался уходить. Он вытер лицо черным шарфом и пробежал рукой по снежно-белым волосам, среди которых выделялась широкая черная прядь, тянувшаяся от затылка до лба. Затем достал искусно сделанный скипетр и вытянул его вперед, держа обеими руками чуть выше уровня глаз. Вдохнул и начал говорить. На его правой руке запульсировало родимое пятно в форме дракона.

Внизу разлился свет, преграждая нападавшим путь. Люди отпрянули назад, и только лучники-кентавры проявили твердость — выпустили стрелы в его сторону. Когда сильный порыв ветра разметал их по сторонам, Дет расхохотался. Он запел воинственную песню, и тут же на земле, под землей и в воздухе его грифоны, драконы, василиски и демоны стали готовиться к последней битве.

Но старый Мор поднял посох, и свет погас.

Дет сокрушенно покачал головой, сожалея об утерянном могуществе. Он повысил голос, и земля содрогнулась. Василиски вылезли из мрачных глубин и ринулись на врагов. Гарпии устремились на противника с воздуха, пронзительно крича, осыпая дерьмом и кляца страшными клювами. С флангов на нападающих броси-

лись оборотни. Высоко в горах драконы услышали призыв Дета и расправили крылья. Но пламя погасло, гарпии были уничтожены стрелами кентавров, василиски от яркого света, лившегося из посоха Мора, мгновенно ослепли и погибли, и лишь драконы, самые разумные, слишком долго спускались с гор и избежали столкновения с нападающими, которые теперь снова двинулись вперед.

Дет понял, что счастье отвернулось от него, что слуги не помогут. Он уже не в силах использовать для спасения свое могущество — Мор блокировал все магические выходы, а обычные выходы из замка Рондовала были заблокированы людьми, окружившими замок.

Дет снова покачал головой и опустил скипетр. О почетной сдаче в плен не могло быть и речи. Враг жаждал крови, и при этой мысли его охватила внезапная слабость. Выругавшись и бросив последний взгляд на нападающих, он вернулся в комнату. На приготовления оставалось совсем мало времени. Он решил не пытаться обмануть противника инсценировкой самоубийства, лучше взять побольше их с собой в могилу.

Дет стряхнул воду с плаща и поспешил вниз. Он встретит врага на первом этаже. Гром грянул уже над самой головой. Яркие молнии сверкали в каждом окне, мимо которого он проходил.

Леди Лидия Рондовал шла так быстро, что ее темные волосы развевались. Повернув за угол, она увидела, как тень-то тень мелькнула и скользнула в дверную нишу. Произнеся заклинание, изгоняющее те нечеловеческие создания, которые могли здесь оказаться, леди продолжила свой путь по коридору к этой двери. Войдя, она осмотрелась и тут же поняла, что заклинания излишни. Перед ней стоял Маусглов — маленький человек, вор, одетый во все черное. До этого момента леди была уверена, что он заперт в подземной камере.

Маусглов быстро оправился от испуга и, улыбаясь, поклонился.

— Очень рад встрече с миледи.

— Как ты выбрался?

— С затруднениями. Очень уж хитрые замки.

Она вздохнула и прижала к себе свой сверток.

— Мне кажется, что ты проделал свой фокус в неподходящее время, — сказала она. — Враги стучатся в наши двери. Они вот-вот ворвутся в замок.

— Так вот что это за шум, — протянул он. — В таком случае, может, ты мне покажешь ближайший тайный выход отсюда?

— Боюсь, что они все заблокированы.

— Жаль. Хотя это и невежливо с моей стороны, но я все-таки поинтересуюсь, куда это ты спешишь с... Ай!

Маусглов пытался протянуть руку к свертку, однако леди Лидия сделала почти незаметный жест, и он тут же отдернул ее и стал дуть на обожженные пальцы.

— Я иду в башню. Надеюсь, мне удастся вызвать дракона, чтобы он спас меня. Если, конечно, они есть поблизости. Чужих драконы не любят, так что тебя я не приглашаю. Тебе там делать нечего.

— Иди, — сказал он, поклонившись снова. — Мне придется самому позаботиться о себе. Как всегда.

Леди заспешила дальше. А Маусглов, посасывая на ходу обожженные пальцы, бросился туда, откуда пришел. У него тоже был план.

Когда Лидия достигла конца коридора, замок начал дрожать. Она пошла наверх. Окно на площадке разлетелось вдребезги, и в замок ворвались дождь и ветер. Лидия поднялась на второй этаж и свернула на винтовую лестницу, ведущую на верх башни.

Страшный удар грома оглушил ее, стены угрожающе затрещали. Однако леди продолжала свой путь. Вскоре она ощутила, что башня начала шататься. Лидия заколебалась. На стенах появились трещины, пыль и щебень посыпались сверху. Лестница накренилась.

Сорвав с себя плащ, Лидия завернула в него сверток и бросилась назад. Лестница накренилась еще больше. Со всех сторон леди слышала угрожающий скрип. Впереди треснул потолок, и в замок хлынула вода. А дальше внизу был виден вздыбливающийся пол.

Лидия без колебаний сунула сверток в образовавшееся в стене отверстие.

И мир под ней провалился.

Когда войска Джареда Кейта по трупам защитников ворвались в главный зал замка Рондовала, из бокового коридора с большим луком в руках вышел лорд Дет. Он выпустил стрелу, и та пробила доспехи Джареда, грудную кость и сердце.

Дет отбросил лук в сторону и взял скипетр. Он медленно провел им над головой, описывая круг. Его враги почувствовали, что какая-то невидимая сила отбрасывает их назад. Но один из них вышел вперед. Это, конечно, был Мор. Его светящийся посох вертелся в руках, как огненное колесо.

— Зачем ты с ними, старик? — спросил Дет. — Это же не твоя война.

— Она стала моей с тех пор, как ты нарушил баланс, — ответил Мор.

— Ха! Баланс был смещен много тысяч лет назад и причем в нужном направлении.

Мор покачал головой. Посох завертелся быстрее. Казалось, руки старика не касаются его.

— Я боюсь вызванных тобой последствий. Нельзя заниматься этим в одиночку.

— Так надо было вдвоем!

Дет медленно наклонил скипетр. Он колебался долю секунды; затем скипетр сверкнул, и из него вырвалось ярко-красное огненное копье. Оно ударило в сверкающий щит, образованный сверкающим посохом Мора, отразилось от щита и с силой ушло в потолок. С грохотом, заглушавшим удары грома, потолок треснул. На лорда Рондовала обрушились каменные глыбы, которые свалили его на пол и погребли под собой.

Мор выпрямился. Вращение огненного колеса замедлилось, оно снова стало просто посохом. Старик тяжело оперся на него.

Когда эхо в зале замерло, звуки боя тоже начали стихать. Буря улеглась, молний стало меньше, удары грома доносились откуда-то издалека.

Ардель, один из лейтенантов Джареда, медленно вышел вперед, пристально глядя на кучу камней.

— Все кончено, — сказал он наконец. — Мы победили...

— Вроде бы да, — ответил Мор.

— Его людей осталось совсем немного.

Мор кивнул.

— ...а драконы? И другие его сверхъестественные слуги?

— Теперь они не очень опасны, — мягко ответил Мор. — Я сам ими займусь.

— Хорошо... Что... что это за шум?

Они прислушались.

— Какой-нибудь колдовской трюк, — сказал сержант по имени Маракас.

— Узнай точнее. Сходи и посмотри. Доложи немедленно.

Маусглов в это время прятался за шторами вблизи от лестницы, ведущей вниз, в подвалы. Он хотел вернуться в свою камеру и запереться там. Пленник Дета, рассудил он, вправе рассчитывать на доброжелательное отношение. Но он успел добраться только до этого места, когда ворота замка распахнулись, ворвались нападающие и состоялась дуэль магов. Все это Маусглов видел через дырочку в шторах.

И теперь, когда внимание всех было направлено на другое, настал самый подходящий момент, чтобы выскользнуть из своего убежища и скрыться в подвале. Но... любопытство пересилило. Он остался.

Вскоре внесли сверток, из которого доносились какие-то звуки. Сержант Маракас держал в руках плачущего ребенка.

— Дет, наверное, приготовил его для жертвоприношения, чтобы добиться победы, — предположил он.

Ардель наклонился и посмотрел на ребенка, взял хрупкую ручонку и повернул ладонью вверх.

— Нет. На его правой руке родимое пятно в форме дракона, фамильный знак могущества, — сказал он. — Это ребенок самого Дета.

— О!

Ардель взглянул на Мора. Но старик глядел на ребенка, не замечая ничего вокруг.

— Что мне с ним делать? — спросил Маракас.

Ардель прикусил губу.

— Этот знак означает, что ребенок будет колдуном. Даже если ему никто ничего не скажет об отце, он все равно рано или поздно узнает правду. И когда это произойдет, захочешь ли ты встретиться с колдуном, которому известно, что ты участвовал в убийстве его отца и уничтожении его рода?

— Понимаю. Что ты предлагаешь?

— Самое лучшее — уничтожить ребенка.

Сержант отвернулся. Затем сказал после непродолжительного молчания:

— А не лучше отослать его в отдаленную страну, где никто никогда не слышал о роде Рондовалов?

— И где однажды появится путешественник, который обо всем знает? Нет. Нерешительность может погубить нас. Другого выхода я не вижу. Надо проявить твердость.

— Сэр, а нельзя ли ограничиться отсечением руки? Это все же лучше, чем убийство.

— Могущество все равно останется, — вздохнул Ардель. — И с рукой, и без руки. К тому же здесь очень много свидетелей. Нет. Если ты не можешь сделать это сам, среди нас найдется тот, кто...

— Подожди! — внезапно произнес старый Мор, как будто очнувшись от сна. — Выход есть. Есть возможность оставить ребенку жизнь и быть уверенным, что твои опасения не сбудутся. — Он подошел и тронул ребенка за руку.

— Что ты предлагаешь? — спросил Ардель.

— Когда-то, тысячи лет назад, у нас были большие города, могучие и умные машины, и к тому же мы обладали магией...

— Я слышал эти легенды, — сказал Ардель. — Но чем нам это может помочь?

— Это не просто легенды. Действительно, случился катаклизм, после которого мы оставили себе магию, а от всего остального отказались. Теперь происшедшее в те времена кажется сказкой, и с тех пор мы ненавидим все, не созданное силами природы.

— Конечно, ведь это...

— Дай мне закончить. Ключевое решение создало развилку, потому что во Вселенной должна сохраняться симметрия, развитие жизни должно параллельно идти различными путями. Так что существует второй мир, во многом подобный нашему, только там отказались от магии и сохранили все остальное. Там наш мир и наш образ жизни является такой же легендой как у нас — их жизнь.

— И где же этот мир?

Мор улыбнулся.

— Он является контрапунктом в музыке нашей сферы. Совсем рядом, за углом, но туда никто не может повернуть. Это другой поворот на развилке сверкающей дороги жизни.

— Колдовские загадки! Как это нам поможет? Способен ли туда кто-нибудь попасть?

— Я способен.

— О! Тогда...

— Именно. Если мы переправим ребенка туда он останется живым, но могущество не будет иметь для него никакого значения. Ученые будут пытаться объяснить это явление, рационализировать его. Ребенок найдет себе место в жизни и никогда не узнает о нашем мире, не будет даже подозревать о его существовании.

— Отлично. Так и сделаем, если это так просто

— Этому есть цена.

— Что ты имеешь в виду?

— Закон симметрии, о котором я говорил, должен выполняться. Может произойти только обмен. камень на камень, дерево на дерево.

— Ребенок? Ты хочешь сказать, что в обмен мы получим оттуда ребенка?

— Да.

— И что мы с ним будем делать?

Сержант Маракас откашлялся:

— Мы с женой Мел только что лишились сына. Может...

— Хорошо. Пусть будет так.

Ардель кивком указал на скипетр Дета и пнул его ногой.

— А с этим что? Он не опасен?

Мор наклонился, поднял скипетр и стал вертеть его в руках, что-то бормоча.

— Да, — промолвил старый маг, когда ему наконец удалось разделить скипетр на три части. — Его нельзя уничтожить, но если я каждый сегмент помещу в углы магического треугольника Инта, то, возможно, он навсегда лишится могущества. Во всяком случае, восстановить его будет трудно.

— И ты сделаешь это?

— Да.

В этот момент Маусглов выскользнул из-за шторы и бросился вниз по лестнице. Затем остановился и прислушался, боясь услышать окрик. Нет, все спокойно. Он поспешил дальше.

Добравшись до подвала, Маусглов повернул направо, сделал несколько шагов и остановился. Здесь были не коридоры, а скорее естественные туннели. Проклятье, через какой же из них он проник сюда? Может, через правый? Или через этот, который круто поворачивает? Он даже не запомнил, что туннелей было два. Откуда-то сверху послышался шум. Маусглов решил идти по правому туннелю и заспешил вперед. Здесь было так же темно, как и тогда, когда он пробирался в замок. Но шагов через двадцать он дошел до крутого поворота, которого не помнил. Назад идти было уже поздно. А впереди забрезжил слабый свет...

В глубине небольшого алькова горел камин, рядом лежала вязанка хвороста. Маусглов сунул сук в огонь, подул, чтобы тот разгорелся. Получился импровизированный факел. Захватил с собой несколько сучьев и отправился дальше по туннелю.

Вскоре он пришел к развилке. Левый путь казался более широким, как бы приглашал Маусглова. И Маусглов пошел по нему. Он опять скоро дошел до развилки, но на этот раз повернул направо.

Через некоторое время стало заметно, что туннель постепенно углубляется. Маусглов миновал еще три развилки, а затем комнату в виде пчелиных сотов. После этого он решил оставлять отметки углем на правой от себя стене. Наклон стал более пологим, туннель расширился, теряя свое сходство с коридором.

Остановившись, чтобы зажечь второй факел, Маусглов забеспокоился — путь, которым он пробирался сюда, был заметно короче. Но возвращаться назад тоже не хотелось. «Пройду еще сотню шагов. Хуже не будет». Когда Маусглов прошел намеченное расстояние, то оказался перед входом в большую теплую пещеру, из которой несло каким-то незнакомым запахом. Он поднял факел высоко над головой, но дальний конец огромной пещеры остался скрытым во мраке. «Еще сотню шагов...»

Пройдя их, он решил больше не рисковать, а возвращаться назад тем же путем. Но в тот же момент услышал вдали подозрительный шум, который постепенно приближался к нему и становился все громче. Маусглов понял, что ему надо либо отдаться на милость этих людей, попытавшись, если удастся, объяснить ситуацию, либо спрятаться, погасив факел. Но по своему опыту он знал, к чему может привести встреча с людьми, поэтому стал осматриваться, ища убежища.

По всему замку в эту ночь шла охота за слугами Рондовала. Их ловили и убивали. Драконов и прочих чудовищ, которых невозможно было уничтожить, Мор своим могуществом заколдовал и перенес в глубокие пещеры, где погрузил в сон на многие столетия.

Однако то, что ему еще предстояло сделать, было гораздо труднее.

Глава 2

Он шел по сверкающей дороге. Вся дорога была усыпана рядами миниатюрных молний, но это не пугало его. То слева, то справа рождалось сияние — это мелькали возле дороги другие миры, другие реальности. Прямо над головой нависал темный купол небес, на котором ровным светом горели звезды.

В правой руке Мор держал посох, в левой — ребенка. Время от времени ему встречались перекрестки с мрачными боковыми ответвлениями.

Он миновал их, едва бросив взгляд, но на одной из развилок свернул и пошел по левому пути. Мерцания сразу же стали реже.

Маг шел теперь гораздо медленнее, внимательно разглядывая появляющиеся по сторонам дороги изображения. Через некоторое время он совсем остановился и стал всматриваться в открывшуюся его глазам панораму. Он шевельнул посохом, и панорама застыла. Мор смотрел на нее некоторое время, а затем вытянул посох вперед. Картина перед ним стала оживать, наливаясь цветом и жизнью.

Осень... вечер... маленький городок... небольшая улочка... Университет...

Он шагнул вперед.

Майкл Чейн, румяный, рыжеволосый, весом в триста с лишним фунтов, ослабил узел галстука и уселся за письменный стол.левой рукой он пробежался по клавиатуре компьютера, и на экране монитора появились какие-то фигурки. Майкл изучал их с полминуты, затем покрутил что-то на задней панели.

Взяв карандаш и линейку, он срисовал фигурки на лист бумаги, откинулся в кресле, пожевал губу, что-то подправил.

— Майкл, — сказала невысокая черноволосая женщина в вечернем платье. — Ты можешь оторваться от работы?

— Но я уже одет, а сиделка еще не пришла.

— Она здесь. Завязывай галстук, мы опаздываем.

Майкл вздохнул, положил карандаш и выключил компьютер.

— Хорошо, — сказал он, поднимаясь и застегивая воротник рубашки. — Через минуту я буду готов. Хотя на факультетскую вечеринку можно было бы и опоздать.

— Да, но ведь там будет декан.

— Глория, — он покачал головой, — поверь мне, Джим и недели не протянет в реальном мире. Извлеки его из университетского окружения, усади за обычную конструкторскую работу, и он...

— Ой, только не заводись снова, — сказала она, выходя. — Я знаю, что ты здесь несчастлив, но пока с этим ничего нельзя сделать.

— У отца была собственная консалтинговая фирма, — горячо продолжал Майкл. — И она могла бы стать моей...

— Вот только он ее пропил... Идем. Пора.

— Да, ему не повезло в конце. Но он был умница, — как и мой дед, который основал фирму и...

— Знаю, знаю, ты из династии гениев, и, разумеется, наш Дэн подхватит эстафету. Тем не менее...

Майкл взглянул на Глорию и спросил мягко:

— Как он?

— Спит.

— Ладно, давай одеваться. Обещаю быть паинькой.

Жена повернулась и вышла.

Он пошел следом за ней. Бледный глаз следил за ними с экрана дисплея.

Мор притаился напротив дома, который его интересовал. На ступеньках стоял высокий мужчина в

темном пальто, сунув руки в карманы и глядя на улицу. Рядом с ним невысокая женщина разговаривала с кем-то через полуоткрытую дверь. Наконец женщина закрыла дверь, повернулась, взяла мужчину под руку, и они пошли по улице. Мор следил за ними, пока они не повернули за угол. После этого он выждал еще немного — вдруг вернутся, что-нибудь позабыв, — затем подошел к двери и постучал посохом.

Дверь спустя минуту приоткрылась, оставаясь замкнутой на цепочку, и из-за нее на Мора выглянула девушка с темными глазами, в которых не было ни тени подозрения.

— Я пришел, чтобы кое-что забрать и кое-что оставить, — заявил старый маг. Благодаря заклинанию, его язык был понятен девушке.

— Хозяев дома нет. Я сиделка.

— Это хорошо, — сказал он, медленно опуская посох до уровня ее глаз. Дерево слабо запульсировало, сучки и прожилки засветились бледным светом. Девушка застыла. Старик зафиксировал ее внимание, а затем медленно поднял посох к своему лицу. Их глаза встретились, и он приковал к себе ее взгляд. Голос его перешел в более низкий регистр.

— Сними цепочку с двери.

Она едва заметно шевельнулась, цепочка звякнула и упала.

— Отойди назад.

Лицо исчезло. Мор открыл дверь и вошел.

— Ступай в гостиную и там сядь. — Он запер за собой дверь. — Когда я отсюда уйду, ты закроешь дверь на цепочку и забудешь, что я здесь был.

Девушка удалилась.

Старик пошел по квартире, осторожно заглядывая в комнаты. Наконец он остановился на пороге погруженной во тьму детской. Вошел туда, посмотрел на ребенка в кроватке, затем приблизил посох к его головке.

— Спи, — промолвил он. — Спи! — И дерево запульсировало слабым светом.

Старый маг осторожно опустил юного Рондовала на пол, прислонил посох к кроватке, взял ребенка из

постели. Он положил его на пол рядом с принесенным и внимательно осмотрел обоих. Ребенок из кровати был заметно меньше того, которого он принес, и волосы были посветлее. Ну, ничего...

Он быстро поменял их одежду и закутал ребенка из кровати в свое покрывало. Затем положил в кровать последнего лорда Рондовала и долго смотрел на него. Слегка коснулся пальцами родимого пятна в форме дракона, потом резко отвернулся, взял посох и поднял с пола маленького Дэниэла Чейна.

Проходя по коридору, он бросил девушке-сиделке:

— Я ухожу. Закрой за мной дверь и забудь обо всем.

Старик вышел на улицу и, отходя от дома, услышал, как звякнула цепочка. Звезды сверкали в просветах между облаками, холодный ветер дул ему в спину. Из-за угла выскочил автомобиль, осветил его фарами, но не остановился, а проехал мимо.

По сторонам дороги заиграли огоньки, дома начали терять свою реальность, стали подергиваться рябью. Сверкание искр усилилось, и тротуар постепенно перешел в сверкающую дорогу, ведущую куда-то в бесконечность. Множество мелких дорожек разбежалось от нее вправо и влево. По сторонам дороги сверкала удивительная мозаика из различных миров. Мозаичные изображения непрерывно менялись, создавая причудливые картины. Иногда Мор видел на боковых дорожках другие фигуры, не всегда человеческие. Они шли по своим делам, таким же непостижимым, как и его дело.

Когда он приблизился к своему миру, посох начал светиться. Из-под ног у него вылетали молнии.

Глава 3

Шло время. Когда мальчику было уже шесть лет, заметили, что он не только пытается исправить то, что сломал, но и что это ему часто удается. Мел показала мужу отремонтированные кухонные щипцы.

— Не хуже, чем это бы сделал в кузнице сам Винчи, — сказала она. — Мальчик будет хорошим мастером.

Маракас осмотрел щипцы.

— Ты видела его за работой?

— Нет. Я слышала, что он стучит молотком, но не обращала на это внимания... Он вечно возится с железками.

Маракас кивнул и отложил щипцы в сторону

— Где парень сейчас?

— Думаю, плещется в оросительном канале.

— Я схожу туда, похвалю его за щипцы.

Он завернул за угол и пошел по дорожке мимо огромного дерева по направлению к полю. В траве жужжали насекомые, весело щебетали птицы. Старый сержант шел и с гордостью думал о своем приемыше: сильный, здоровый мальчик — и очень умный.

— Марк! — позвал он, подойдя к каналам.

— Я здесь! — раздалось откуда-то справа.

Он пошел в ту сторону

— Где?

— Внизу.

Мальчик поставил поперек канала ровную круглую палку, а в центре палки закрепил колесо с лопатками. Водный поток ударял в лопатки и крутил колесо.

Станный трепет охватил Маракаса при виде этого сооружения

Он не смог разобраться, что это было за чувство, но постепенно, пока старый сержант наблюдал за вращением колеса, оно сменилось чувством гордости за своего сына.

— Что это ты сделал, Марк? — Маракас уселся на насыпь.

— Колесо. — Мальчик улыбнулся. — Вода вертит его.

— А что оно делает?

— Ничего. Просто вертится.

— Это интересно?

— А разве нет?

— Ты замечательно сделал щипцы. — Маракас сорвал травинку и сунул ее в рот. — Твоя мать очень довольна.

— В этом не было ничего сложного.

— Тебе нравится делать вещи?

— Да.

— Ты хотел бы заниматься этим всю жизнь?

— Наверное.

— Старый Винчи ищет себе ученика в кузницу. Если ты считаешь, что тебе нравится работать с железом, я могу поговорить с ним.

— Поговори. — Марк улыбнулся.

— Лучше ведь делать настоящие вещи, а не игрушки, а? — Маракас кивнул на колесо.

— Это не игрушка. — Марк повернулся к своему творению.

— Но ты же сказал, что оно ничего не делает.

— Оно *может* делать. Я придумаю, как заставить его работать.

Маракас с улыбкой встал, потянулся, бросил травинку в воду и проследил взглядом, как вода стремительно уносит ее.

— Скажешь мне, когда придумаешь.

Он повернулся и зашагал обратно к дому.

— Скажу, — задумчиво произнес малыш, не отрывая взгляда от вращающегося колеса.

Мальчику уже исполнилось шесть лет. Он вошел в кабинет отца, чтобы еще раз посмотреть на стран-

ную машину, с которой работал отец. Может, в этот раз...

— Дэн! Выйди отсюда! — крикнул Майкл Чейн, даже не повернувшись.

На экране монитора маленькая фигурка вдруг заплясала, поползла вниз и превратилась в прямую линию. Рука Майкла лихорадочно забегала по пульту управления, пытаясь восстановить изображение.

— Глория! Забери его отсюда. Опять то же самое!

— Отец, — начал Дэн, — я не хотел...

Майкл повернулся к нему.

— Я же говорил тебе: не заходи сюда, когда я работаю.

— Я знаю. Но я думал, что на этот раз...

— Ты думал! Пора уже слушаться старших.

— Прости...

Майкл Чейн начал подниматься со стула, и Дэн мгновенно выскочил за дверь. Он услышал за спиной шаги матери, повернулся и обхватил ее руками.

— Прости меня.

— Опять? — спросила Глория, глядя на мужа.

— Опять, — вздохнул тот. — Этот ребенок — настоящий генератор помех.

На столе вдруг задребезжал стаканчик с карандашами. Майкл повернулся и изумленно посмотрел на него. Стаканчик дернулся, упал на бок и медленно покатился. Майкл бросился, чтобы поймать его, но не успел и только сильно ударился о край стола.

— Уведи его отсюда! — крикнул он в бешенстве.

— Идем, — сказала Глория, уводя мальчика. — Мы знаем, что ты не виноват.

Распахнулось окно. Со стола полетели бумаги. Что-то треснуло, и из шкафа вывалилась книга.

Майкл вздохнул, закрыл окно, собрал рассыпавшиеся бумаги. Когда он снова сел за компьютер, машина уже работала нормально. Он посмотрел на нее с раздражением. Майкл не любил того, чего не мог понять. Может, их сын излучает какие-то волны? И это излучение становится более сильным, когда он обижен или раздражен? Майкл уже пытался обнаружить излучение, но датчики барахлили и выходили из строя.

— Ну вот, опять ты обидел его, — сказала Глория, входя в комнату мужа. — Мальчик плачет, и в доме все домается. Если бы ты был с ним помягче... Я обычно вывожу его из этого состояния с помощью ласки.

— Во-первых, — сказал Майкл, — я вовсе не уверен, что делаю что-то не так или неправильно. А во-вторых, это всегда происходит слишком внезапно.

Она рассмеялась, и он тоже.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Пойду поговорю с ним. Я знаю, что Дэн не виноват, и не хочу, чтобы он чувствовал себя несчастным.

Майкл подошел к двери и остановился.

— Но я все думаю... — начал он.

— Я знаю, — ответила она.

— Уверен, что у нашего ребенка сначала не было этого странного родимого пятна.

— Ну, хватит, не начинай снова, пожалуйста.

— Ты права.

Он вышел из кабинета и пошел к комнате Дэна. До его ушей донеслись мягкие звуки гитары. Один аккорд, другой... И довольно чисто. Он удивился, что малыш так быстро научился играть на большой гитаре. Это было странно. В их роду никто не обладал музыкальными способностями.

Майкл осторожно постучал в дверь. Музыка прекратилась.

— Да?

— Можно мне войти?

— Конечно.

Майкл открыл дверь и вошел. Дэн полулежал на постели. Гитары видно не было. Наверное, убрал под кровать.

— У тебя очень хорошо получается.

— Всего несколько звуков.

— А почему ты перестал играть?

— Тебе же не нравится.

— Я так не говорил.

— И так знаю.

Майкл сел рядом и потрепал Дэна по плечу.

— Ты не прав. Каждый должен делать то, что хочет. Я, например, люблю свою работу.... Ты пугаешь

меня, Дэн. Не понимаю, почему это происходит, но когда ты идешь мимо, машины просто сходят с ума. А то, чего я не понимаю, меня пугает. Но ты не думай, что я на тебя злюсь. Я кричу от неожиданности и удивления.

Дэн прижался к отцу, посмотрел ему в лицо и улыбнулся.

— Ты не сыграешь что-нибудь для меня?

— Не сейчас. — Мальчик покачал головой.

Майкл окинул взглядом комнату, шкафы с красочными книгами, приемник. Затем посмотрел на сына. Дэн потирал руку.

— Болит?

— Нет. Просто как-то странно пульсирует пятно.

— Часто?

— Иногда. Когда случается то, что пугает тебя, — он махнул рукой на дверь комнаты. — Сейчас это пройдет.

Отец взял руку мальчика, тщательно осмотрел родимое пятно в форме дракона.

— Доктор сказал, что можно не беспокоиться, ни к чему плохому оно не приведет.

— Сейчас уже все нормально.

Майкл долго смотрел на руку, затем погладил ее, выпустил и улыбнулся.

— Тебе что-нибудь нужно, Дэн?

— Ну... еще книжек.

— Это все? — Майкл рассмеялся. — Ладно, как-нибудь мы с тобой заглянем в книжную лавку, и ты сам выберешь, что захочешь.

Наконец Дэн улыбнулся.

— Спасибо.

Майкл слегка толкнул его в плечо и встал.

— Я больше не буду заходить в твой кабинет, отец.

Майкл еще раз ласково потрепал плечо сына и вышел, оставив его на постели. Дойдя до своего кабинета, он вновь услышал мягкие звуки гитары.

Когда мальчику было уже двенадцать лет, он сделал лошадь, которая двигалась сама при помощи пружины. Все свое свободное время он работал в кузнице:

что-то ковал, рубил, резал, шлифовал. И вот теперь лошадь танцевала на полу перед ним и Норой Вейль, девятилетней соседской девочкой. Она захлопала в ладоши, когда лошадь повернула голову и как бы посмотрела на них.

— Это прекрасно, Марк! Это прекрасно! Ничего подобного никогда не было, разве что в старину.

— Что ты имеешь в виду? — быстро спросил он.

— Ну, сам знаешь. Когда-то очень давно у людей были разные умные вещи, вроде этой.

— Но ведь это сказки. Разве не так?

Девочка покачала светловолосой головой.

— Нет. Мой отец был в одном из запрещенных мест к югу, возле горы Анвил. Там все еще валяются всякие сломанные машины, каких люди теперь делать не могут, — она посмотрела на лошадь, движения которой стали медленнее. — Может, даже такие, как эта.

— Интересно. Но я не понимаю... И они все еще лежат там?

— Так говорил мой отец.

Мальчик посмотрел в глаза Норы, и она отвела взгляд.

— Знаешь, эту лошадь, наверное, лучше никому не показывать.

— Почему?

— Люди могут решить, что ты копался в запрещенных вещах и изучал их.

— Это глупость! — воскликнул Марк, когда завод пружины кончился и лошадь упала. — Самая настоящая глупость. — Он помолчал. — Пожалуй, я подожду, пока не сделаю что-нибудь получше, что обязательно понравится людям.

Следующей весной Марк продемонстрировал друзьям и соседям мельницу, которая работала за счет движения воды в оросительном канале. Две недели люди спорили об этой мельнице, а затем решили разобрать ее.

— Я придумаю еще что-нибудь. Что-нибудь такое, что им обязательно понравится, — заявил он Норе.

— Зачем?

— Чтобы они, наконец, поняли!

— Что поняли?

— Что прав, конечно, я, а не они.

— Этого люди никогда не поймут.

— Посмотрим, — рассмеялся он.

Мальчику было уже двенадцать лет. Он, как обычно, взял гитару и пошел в маленький парк, расположенный в самом центре города из пластика, стекла и бетона, в котором жила теперь его семья.

Он потрогал пыльное синтетическое дерево, пересек искусственную лужайку с голографической картиной травы и цветов и сел на пластиковую скамейку. Из скрытых динамиков доносилось пение птиц. В воздухе порхали искусственные радиоуправляемые бабочки. Аромат цветов распространялся в воздухе из скрытых аэрозольных распылителей.

Дэн вынул из футляра гитару, настроил ее и начал играть. Бабочка, пролетавшая слишком близко, выпорхнула из управляющего луча и упала на землю к его ногам. Он нагнулся, чтобы рассмотреть ее поближе. Проходившая мимо женщина бросила к его ногам монету. Юноша выпрямился и, глядя вслед женщине, пробежал рукой по волосам. Серебряные волосы, которые рассыпались, когда он нагнулся, легли теперь на место и закрыли широкую черную прядь, проходившую широкой полосой от лба до затылка.

Юноша опер гитару на колени и стал играть правой рукой очень сложную композицию. Внезапно рядом с ним села птица — настоящая птица! Дэн от изумления чуть не перестал играть. Он перешел на простую мелодию, чтобы полюбоваться птицей.

Иногда он играл на гитаре прямо на крыше дома — там, где гнездились птицы, прямо под звездами, мигающими ему с неба. Он не раз слышал попискивание птиц недалеко от себя, но ни разу их не видел. Может,

их отпугивала аэрозольная установка? Теперь он с любопытством смотрел на птицу. Та попрыгала возле него на земле, затем подскочила к лежавшей на земле бабочке, но тут же поняла, что эта бабочка несъедобна, бросила ее, а вскоре поднялась в воздух и улетела.

Дэн снова перешел на сложную мелодию, затем начал петь, стараясь заглушить городской шум. Красный шар солнца пылал над его головой. Время от времени весь парк начинал вибрировать — это под землей проносились поезда метро. После того как он несколько раз сфальшивил, Дэн понял, что у него начал ломаться голос.

Глава 4

Марк Мараксон, ростом уже в шесть футов и все еще продолжающий расти, с крепкими, как у каждого кузнеца мускулами, вытер руки о полотенце; откинул со лба непослушные огненно-красные кудри и подошел к машине.

Еще раз проверил топку, подрегулировал клапан давления, а затем уселся за руль управления. Машина дернулась, когда он открыл клапан, и выехала из сарая. Марк направил ее по расчищенной вдоль дороги полосе. Он счастливо улыбался, ощущая своими руками мощность машины. Затем резко повернул руль и снова обрадовался, что она легко подчиняется ему. Это было уже шестое испытание его самодвижущейся тележки, и по-прежнему все работало превосходно. Первые пять поездок он совершил тайно, но на этот раз...

Он громко рассмеялся. Да, пришло время удивить жителей деревни, показать, что могут умелые руки и умная голова.

Марк еще раз проверил давление пара. Все в норме...

Для поездки утро было превосходным — солнце, легкий ветерок, весенние цветы по сторонам дороги.

На больших рытвинах Марка немилосердно подбрасывало, и в голове у него билась мысль о системе мягкой подвески.

Он мчался по дороге, изредка подкладывая дрова в топку, и представлял себе выражение лиц людей, когда они впервые увидят его детище. Вдалеке на поле фермер бросил свою лопату и выпрямился, завидев

чудо, но он был слишком далеко, и Марк не мог насладиться его удивлением. Ему сразу захотелось встроить в машину свисток или колокол.

Приблизившись к деревне, он сбавил ход и поехал по обочине. Ему хотелось въехать прямо на центральную площадь, остановиться, встать на сиденье и сказать: «Откажитесь теперь от своих лошадей! Для вас настали новые времена!..»

Раздались восторженные крики ребятишек. Вскоре их за ним бежала уже целая толпа. Они что-то спрашивали, и он пытался отвечать, но из-за шума машины не было слышно ни вопросов, ни ответов.

Свернув на единственную улицу деревни, Марк поехал еще медленнее. Встречная лошадь шарахнулась от машины и опрокинула телегу. Захлопали двери, стали выбегать люди. Собаки завыли, залились лаем и бросились за ним, а уж дети не отставали ни на шаг

Доехав до площади, Марк остановился.

— Можно нам покататься? — спрашивали дети

— Потом, — сказал он, осматривая машину. Все было в полном порядке.

Из домов выходили люди и смотрели на него, но на лицах их было совсем не то выражение, которого он ожидал. Некоторые из них побледнели, другие были явно испуганы, в глазах третьих сверкал гнев.

— Что это? — крикнул один из жителей.

— Паровая машина, — ответил Марк. — Она..

— Убери ее отсюда! — крикнул другой. — Она зовет на нас проклятье.

— Но здесь нет никакой злой магии!

— Убирайся отсюда!

— Привести в деревню проклятую машину..

Ком земли ударил в котел.

— Вы не понимаете...

— Убирайся! Убирайся!

Полетели камни. Люди стали приближаться.

Марк обратился к человеку, которого хорошо знал.

— Джек! — крикнул он. — Ведь это не магия! Здесь просто пар от кипящей воды! Это почти что чайник!

Джед ничего не ответил. Он молча шел вместе с людьми, которые угрожающе приближались.

— Сейчас мы вскипятим тебя, ублюдок! — раздался чей-то голос. В машину полетели камни.

— Стойте! Перестаньте! Вы же ломаете ее! — закричал Марк.

Давление пара в котле было высоким, а прочность его не была рассчитана на удары камней. Марк понял, что сейчас произойдет, и выпрыгнул из машины.

— Идиоты! — падая на землю, заорал он; потом покатился по земле и ударился обо что-то головой, но сознания не потерял. Он увидел, как котел взорвался и полетели угли из топки. Несколько капель горячей воды обожгли его, но основная масса кипятка хлынула в канаву.

— Идиоты! Идиоты! Идиоты! — как бы со стороны слышал он свой голос. Затем сознание его помутилось.

Когда Марк снова пришел в себя, то почувствовал запах дыма и услышал треск пламени. Машина была охвачена огнем. Вокруг стояли люди и смотрели, как она горит. Спасти ее никто не пытался.

— ...умного человека, чтобы изгнать бесов, — донесся женский голос. — Дети, отойдите подальше! Ее нельзя трогать.

— Идиоты, — прошептал он и попытался встать.

Нежные руки мягко придержали его.

— Не привлекай к себе внимания, лежи тихо

— Нора?

Он посмотрел на нее и только сейчас понял, что девушка прикладывает к его голове холодную мокрую тряпку.

— Да. Пока отдыхай и собирайся с силами. Сейчас уйдем отсюда. Надо скорее уходить.

— Они не понимают...

— Знаю, знаю. Это почти как та лошадь, которую ты сделал в детстве.

— Да.

— Я понимаю тебя.

— Будь они прокляты!

— Нет. Просто они думают не так, как ты

— Я докажу им.

— Только не сейчас. Готовься уходить отсюда. А затем, я думаю, тебе лучше вообще исчезнуть на некоторое время.

Не отрывая глаз, Марк смотрел на горящую тележку, на лица людей, собравшихся вокруг нее.

— Наверное, ты права, — сказал он наконец. — Будь они прокляты. Я готов. Пойдем отсюда.

Она взяла его за руку. Он поморщился и отдернул руку.

Девушка сказала:

— Извини. Я не заметила, что рука обожжена.

— Я тоже. Ну ничего. Пошли.

Нора помогла ему подняться, и они пошли, скрываясь за кустами и домами. Он следовал за ней, не спрашивая, куда она его ведет. Когда они остановились для отдыха, Марк сказал:

— Спасибо. Пожалуй, ты права. Я уйду отсюда на некоторое время.

— Куда?

— На юг.

— О нет. Не надо. Там очень страшно. — Девушка посмотрела ему в глаза. — Нет, нет.

Юноша шагнул к ней и обнял ее. Нора напряглась всем телом, но затем расслабилась, покоряясь его объятиям.

— Я вернусь за тобой, — сказал он.

Марк шел, и деревья становились все ниже, а земля все суше. Уже меньше было растительности и больше пустошей. Почва стала каменистой, и здесь было значительно тише, чем на его родине. Он шел и не слышал ни пения птиц, ни журчания воды в ручейках, ни хруста сучьев под ногами животных.

Рука зажила. Бинт с головы он тоже уже снял. Его походка стала более твердой, несмотря на слабость, которая его не покинула. На горизонте показалась цепь гор.

Уже удлинялись тени, наступал вечер. За спиной юноша нес небольшой мешок, а на поясе болталась фляга с водой. Одежда его была грязной, лицо и руки тоже. Но он улыбался и продолжал идти вперед.

Марк не верил, что здесь водятся, как утверждали люди, демоны и другие чудовища, однако был вооружен коротким мечом, который сам выковал себе когда-то, чуть ли не в детстве. Теперь он казался молодому человеку игрушкой, с которой он обращался с удивительной легкостью и скоростью. Марк затратил очень много времени на обучение фехтованию и испробовал много мечей, и это дало ему возможность стать хорошим мастером по оружию. Он не забыл взять этот меч, когда возвращался в кузницу, чтобы собраться для побега. Теперь же, приближаясь к запретной зоне, он не ощущал необходимости в оружии, так как местность вокруг была пустынна. Однако он заметил, что, несмотря на искусство, с которым был обработан меч, он значительно уступал по качеству кускам металла, которые время от времени можно было найти валяющимися на земле.

Один из таких кусков он нес в руке и по пути изучал его. Это был какой-то очень прочный сплав, легкий и, как выяснилось после того, как Марк очистил его от грязи, совершенно не подвергающийся коррозии. Что за силы создали этот сплав? Какие температуры? Какие давления? Марк понял, что здесь когда-то существовало общество чрезвычайно могущественное и высокоразвитое.

К вечеру он подошел к сохранившемуся остову гигантского здания. Даже вообразить было трудно, что могло находиться там внутри. Когда молодой человек остановился, осматривая здание, ему дважды послышались какие-то звуки. Хотя Марк не заметил ничего подозрительного, ночевать он решил подальше от развалин.

Он никак не мог решить, нужно ли разводить огонь: отпугнет или привлечет костер тех, кто обитает в этих местах. Но отсутствие достаточного количества дров само решило проблему. Марк поел всухомятку и,

завернувшись в одеяло, пристроился спать на уступе на высоте футов восемь над землей. Меч он положил рядом.

Наверное, прошло несколько часов, прежде чем он проснулся от царапающего звука. Марк мгновенно пришел в себя, и рука его потянулась к мечу.

Между камней что-то двигалось, двигалось в направлении к нему. Состоящее из сегментов тело твари блестело в лунном свете. Она проворно пробиралась между камнями, перебирая множеством ног. Передняя часть туловища то поднималась, то опускалась. Существо было раза в три или четыре больше человека и походило на гигантскую металлическую гусеницу двигавшуюся по его следу. Верхом на передней части гусеницы сидело что-то скрюченное и похожее на куклу. В левой руке оно держало поводья, а правой сжимало древко длинного копья. Гусеница поднялась на задних ногах во весь рост, и голова ее оказалась на уровне уступа, на котором лежал Марк. Затем она качнулась и упала вперед, наклонив голову, как бы вынюхивая след.

Волосы у Марка встали дыбом, кровь заледенела. Он быстро осмотрелся в поисках путей отступления. Если поторопиться, у него, может, еще есть шанс спастись.

Марк выдохнул воздух и прыгнул вниз на землю, но неудачно — подвернул ногу. Поднявшись, он, хромая, двинулся к камням и тут же услышал за собой царапающий звук. Он понял, что существо преследует его, и заковылял вперед со всей скоростью, на которую был способен. Думая о длинном копье в руке неизвестного...

Оглянувшись, Марк увидел, что странный всадник уже близко и занес руку для броска. Юноша мгновенно бросился на землю и услышал, как позади него копье ударилось в камень. Марк тут же побежал дальше, стремясь к тем развалинам, которые осматривал вечером.

Звуки погони не утихали. Чудовище передвигалось быстрее, чем можно было предположить. Юноша

бежал между камнями, все время слыша шум у себя за спиной, отчаянно стремясь добраться до развалин. Там можно будет спрятаться, да и защищаться там удобнее, чем здесь, на открытом пространстве.

Он обогнул громадный камень и замер. Его рука сама выхватила меч. Еще одно существо, тоже со всадником, выскочило навстречу. Оно тоже охотилось за ним. В него уже летело копьё.

Марк отбил копьё мечом и нанес удар по туловищу гусеницы. Оно зазвенело, как колокол, и дернулось вперед. Марк отскочил в сторону и ощутил острую боль в колене, а затем бросился на всадника. Лезвие меча вошло во что-то мягкое, послышался короткий вскрик.

Марк выдернул лезвие, повернулся и побежал.

Шума погони слышно не было, и, когда Марк оглянулся, он увидел гусеницу без всадника, бесцельно бредущую среди камней. Юноша облегченно вздохнул и в тот же момент куда-то провалился

Он недолго падал в полной темноте и вскоре ударился плечом обо что-то твердое. Меч со звоном выскочил из руки, но Марк тут же схватил его. Сверху что-то звякнуло, посыпались мелкие камни и комья земли. И вдруг вспыхнул свет, такой яркий, что он невольно зажмурил глаза.

Когда же он наконец сумел их открыть, то никак не мог понять, где находится.

Стол... да, это стол. И стулья. А где же источник света? Неужели та серая квадратная штукавина с квадратным стеклом, закрепленная на потолке?

Все вокруг было неподвижно, лишь медленно оседала серая пыль. Юноша поднялся на ноги и медленно двинулся вперед.

— Здравсьте! — прошептал он.

— Да, здравсьте! Здравствуйте!.. — ответил громкий голос

— Где ты? — спросил Марк, остановившись и осматриваясь

— Здесь, рядом — донесся ответ

Слова звучали с каким-то странным акцентом почти как у жителей Севера. Построение фразы тоже было необычным.

— Я не вижу тебя. Где ты?

— У тебя странная речь. Ты чужой? Я справочная и обучающая машина. Компьютер.

— Моя речь кажется тебе странной, потому что прошло много лет, — сказал Марк, внезапно поняв, что перед ним машина, созданная очень давно. — А ты не могла бы приспособиться ко мне? Я с трудом тебя понимаю.

— Хорошо. Только говори что-нибудь. Мне нужно много речевой информации для настройки. Расскажи о себе и сообщи, что тебе хотелось бы узнать.

Марк улыбнулся и опустил меч. Он дохромал до ближайшего стула и сел, потер ушибленное плечо.

— Ну, давай. Что здесь светит?

Перед ним вспыхнул экран. Под толстым слоем пыли появилась схема электропроводки.

— Ты это хотел узнать?

— Не знаю. Вполне возможно.

— Ты знаешь, что это?

— Еще нет. Но с удовольствием узнаю, если ты мне расскажешь.

— Здесь есть все, что нужно для твоего существования, так что я могу рассказывать тебе бесконечно.

— Кажется, я провалился именно в ту яму, о которой всю жизнь мечтал, — ответил Марк. — Я расскажу тебе о себе, а ты расскажешь мне все, что знаешь.

Глава 5

Дэниэл Чейн, стройный и крепкий после двух лет усиленных занятий боксом и регби, увлекался изучением средневековья и лингвистикой. В то же время отец настойчиво уговаривал его бросить свои музыкальные упражнения и «заняться наконец делом». В тот вечер Дэниэл, сидя на высоком стуле, размышлял над многими вещами. Он всегда погружался в мечты и размышления во время игры на гитаре.

В клубе было дымно и душно. Он подыгрывал Бетти Льюис, которая пела зажигательные песни и томительные блюзы. Когда она раскланялась, зал взорвался аплодисментами. Затем девушка ушла со сцены, и Дэн заполнил зал звуками своей гитары. В этом клубе он играл по субботам, а иногда и по пятницам, исполняя инструментальные произведения и песни. Публика любила его музыку. Петь ему сегодня не хотелось.

Пока Дэн играл, он создавал из клубов дыма под потолком замки, горы, леса, фантастических чудовищ. При этом пятно на его руке загадочно пульсировало. Как ни странно, никто этого не замечал. Может считали чем-то само собой разумеющимся?

Импровизируя, юноша двинул армию через горы на потолке, затем атаковал ее драконами и полностью разгромил. Войска в панике разбежались. Улыбнувшись, он ускорил темп.

Внезапно Дэн заметил, что один из сидящих за столиками локтем столкнул кружку пива. Он продолжал играть, но кружка застыла в воздухе, повернувшись так чтобы содержимое ее не выливалось, и плава-

но опустилась на пол. Когда тот человек обнаружил свою кружку на полу, он громко проявил свое изумление, а Дэн продолжал играть, вернувшись в фантастический мир деревьев, гор, единорогов и ревущих грифонов.

Джерри, бармен, прислал ему пинту пива. Отхлебнув пива, Дэн начал играть мелодию, которую сочинил сам и назвал «Минивер Чиви»*.

И вдруг поймал испуганный взгляд Джерри. Тот подался назад, а человек, стоящий перед ним, наклонился вперед, держа в руке стакан и смотря прямо ему в лицо. Дэн откинулся на стуле, чтобы лучше видеть происходящее. Он заметил маленький пистолет, завернутый в носовой платок. Дэн еще никогда не пытался помешать выстрелу и не знал, сможет ли он это сделать. Конечно, можно помешать нажать на курок... Джерри медленно повернулся к кассе.

Дэн посмотрел на тяжелую пивную кружку и заставил ее бесшумно скользить по стойке, при этом пульсация в его кисти с родимым пятном заметно усилилась. Затем он перевел взгляд на пустой стул и стал двигать его к стойке, под ноги к незнакомцу. При этом Дэн как бы сам переселялся в эти предметы.

Джерри открыл кассу и стал отсчитывать банкноты. Стул уже занял место позади грабителя.

Дэн снова запел. Замки стали рушиться, драконы взмыли в воздух, войска в панике разбежались.

Джерри повернулся к стойке и протянул незнакомцу толстую пачку денег, быстро исчезнувшую в кармане грабителя. Тот выпрямился и отклонился от стойки, глаза и оружие были направлены на бармена. Грабитель стал поворачиваться, но неожиданно зацепился за стул и упал. Когда он оказался на полу, кружка соскочила со стойки и упала ему на голову. Удар был сильным, незнакомец потерял сознание. Пистолет, за-

* Герой одноименной поэмы американского поэта Эдвина А. Робинсона (1869—1935), который словно бы «выпал» из своего времени.

вернутый в платок, выскользнул из его руки, покатился по полу и исчез под сценой.

Дэн закончил песню и отпил еще глоток. Джерри уже вытаскивал деньги из кармана грабителя. Вокруг него столпились люди.

— Странная была сценка.

Дэн повернул голову. Это была Бетти Льюис. Она покинула столик, за которым сидела, и сейчас стояла возле сцены

— В чем странность?

— Я видела, как стул двигался сам — тот, о который он споткнулся.

— А может, его кто-то толкнул?

— Нет. — Теперь девушка смотрела только на него, не обращая внимания на все остальное. — Очень странно все это было. И кружка... Странные вещи происходят, когда ты играешь. Что-нибудь маловероятное, но и малозаметное, хотя, может быть, это только ощущение

Дэн улыбнулся

— Следствие настроения Я мастерски играю и потому могу внушать.

Он тронул струны и взял аккорд. Бетти рассмеялась

— Нет Я думаю, ты околдовываешь.

— Как Минивер Чиви, — кивнул он. — Видениями

— Все позабыли о нас, никто на нас не смотрит, — сказала она. — Давай сядем

— Хорошо — Дэн положил свою гитару и перенес пиво на ее стол.

— Ты свои песни сам пишешь? — спросила Бетти, когда они сели

— Да

— Мне нравятся твоя музыка и твой голос. Может, нам сделать несколько номеров вместе?

— Я за, если ты не будешь возражать против тех странностей, которые происходят, когда я играю.

— Мне нравятся странности. — Девушка протянула руку и коснулась его волос. — Эта прядь настоящая?

— Конечно.

— Мне с самого начала показалось, что в тебе есть что-то колдовское.

— А теперь ты в этом уверена?

— Да, — она рассмеялась. — Я слышала, что ты учишься. Это правда?

— Правда.

— А потом ты будешь заниматься музыкой?

— Трудно сказать. — Дэн пожал плечами.

— Мне кажется, ты бы добился успеха. Ты записывался на пластинки?

— Нет.

— А я записывалась. Но ничего хорошего не вышло.

— Очень жаль.

— Полный провал. Не знаю почему. Мне хочется попробовать с тобой. Надо посмотреть, как это будет звучать. Если получится, я знаю человека...

— Мои песни?

— Да.

— Хорошо, — он кивнул. — Когда здесь все закончится, пойдем куда-нибудь и попробуем.

— Я недалеко живу. Можно пойти ко мне.

— Отлично.

Дэн снова отпил пива, осмотрелся и увидел, что грабитель уже начал приходить в себя. Вдали послышались звуки полицейской сирены. Он услышал, как кто-то спросил: «А где пистолет?»

— Когда я слушаю тебя, — продолжала Бетти, — у меня возникает странное ощущение, будто в нашем мире появляется трещина...

— Может, так оно и есть.

— ...и я могу заглянуть через нее в другой мир.

— Как бы я хотел сделать эту щель широкой, чтобы пролезть через нее!

— Ты говоришь почти как мой бывший муж.

— Он был музыкантом?

— Нет, он был физиком и любил поэзию.

— И что с ним случилось?

— Ушел на побережье, в коммуны. Искусство, ремесла, садоводство и все такое прочее...

— Просто ушел или звал тебя за собой?

— Он звал, но я не хочу пачкать ноги в поросячем дерьме.

У входа, сверкая мигалкой, остановился полицейский автомобиль. Дэн уже допил пиво, когда наконец нашли оружие.

— Мы с тобой такая парочка, что нас можно хоть сейчас на обложку журнала, — сказала Бетти. — Особенно твоя прядь. Пожалуй...

Человека с разбитой головой уже уводили. Дэн, поднимаясь, сказал:

— Мне нужно спеть что-нибудь. Или твоя очередь?

Она посмотрела на часы.

— Заканчивай ты, а я послушаю.

Он взял в руки гитару. Клубы дыма начали формироваться в причудливые картины.

Глава 6

Огромная металлическая птица принесла Марка Мараксона на вершину холма. Юноша отвернул рукав рубашки и нажал несколько кнопок на широком браслете, надетом на кисть левой руки. Птица взлетела в воздух.

С помощью кнопок на браслете он управлял полетом птицы и через маленький экран на браслете смотрел на землю сверху ее глазами. Он увидел, что дорога впереди свободна. Марк закинул за спину мешок и стал спускаться с холма. Затем долго шагал через лес, после чего вышел на дорогу, идущую по более открытой местности. Птица парила над его головой и казалась всего лишь черной точкой.

Теперь он шел мимо возделанных полей, приближаясь к дому отца. Дорогу домой он выбирал очень осторожно.

Мастерская стояла нетронутой. Марк оставил там мешок и направился к дому. Там царил такой страшный беспорядок, какого он еще никогда не видел.

— Эй! Кто-нибудь! Эй!..

Никто не ответил. Юноша обошел весь дом, но матери нигде не было. Он оглядел окрестности, посмотрел в сарае, в стойлах, подошел к оросительным каналам и к полю. Никого. Он вернулся в дом и поискал что-нибудь поесть, однако ничего не нашел, и ему пришлось подкрепиться из собственных принесенных запасов. Затем Марк пообщался немного с браслетом; птица в небесах перестала кружить и полетела на юг.

Охваченный беспокойством, он стал наводить порядок в доме, затем пришел в мастерскую и приступил к сборке механизма, который принес с собой.

Был уже вечер. Марк давно закончил свою работу и отдыхал, когда услышал звук подъезжающей телеги. Он вышел из дома и стал ждать.

Маракас подошел к сараю и начал разгружать телегу. Марк подошел помочь ему.

— Отец, — сказал он. — Здравствуй!

Старый сержант повернулся и увидел его. Выражение его лица было совсем тупым. И таким оно оставалось на лице долго, очень долго. По замедленной реакции Марк понял, что отец сильно пьян.

— Марк, — наконец сказал старик, поняв, кто перед ним. Затем сделал шаг вперед. — Тебя долго не было. Полтора года. Почти два. Что с тобой приключилось? Где ты пропадал?

— Это долгая история. Позволь мне помочь тебе.

Юноша разгрузил телегу, загнал в конюшню лошадей, дал им сена.

— ...и они разломали мою тележку. Я испугался и сбежал. Я ушел на юг.

Солнце было уже совсем возле горизонта.

— Но почему ты так долго не посылал мне даже словечка?

— Я не мог. А как... как мать?

Маракас отвернулся и ничего не ответил. Затем наконец махнул рукой в сторону кладбища.

— Там..

Немного помолчав, Марк спросил:

— Как это случилось?

— Во сне. Она не мучилась. Идем.

Они прошли на кладбище. В тени небольшого дерева Марк увидел небольшую обложенную камнями могилу. Он остановился рядом с ней и долго молча смотрел на нее.

— Мой побег?.. — спросил он наконец. — Это из-за меня?

Маракас положил руку ему на плечо.

— Нет. Конечно же, нет.

— Такие, как она, всегда незаметны... пока их не лишишься.

— Знаю.

— И поэтому в доме все не так, как раньше?

— Не секрет, что я начал пить. Мое сердце не переносит разлуки с ней.

Марк кивнул, опустил на колено и прикоснулся к камню.

— Теперь, раз ты вернулся, мы сможем работать вместе... — сказал Маракас.

— Вряд ли.

— У нас теперь другой кузнец.

— Я не хочу быть кузнецом.

— Чем же ты будешь заниматься?

— Совсем другим. Это тоже долгая история
Мать...

Его голос дрогнул, и он замолчал.

— Марк, я тугο соображаю, когда выпью. Не знаю, стоит ли тебе это говорить. Ты любил ее, она любила тебя, и я сомневаюсь...

— Что?

— Думаю, мужчина должен знать о себе все. Видишь ли, мы очень хотели ребенка...

Марк медленно поднялся.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не твой отец. И Мелани тебе не мать. В прямом смысле, конечно.

— Не понимаю.

— Наш ребенок умер. Для нас это было большим горем. И как только появилась возможность взять ребенка, мы его взяли...

— А где же мои настоящие родители?

— Не знаю. Это случилось сразу же после войны.

— Я был сиротой?

— Скорее всего, нет. Трудно понять, что говорят эти колдуны. Они не хотели убивать сына старого дьявола Дета и куда-то его перенесли. А в обмен взяли там тебя. Вот все, что мне известно. Мы с радостью тебя усыновили, Мел стала намного счастливее, я тоже. На-

деюсь, в наших отношениях ничего не изменится? Думаю, ты имеешь право все знать.

— Вы хотели меня, — Марк обнял его. — Немногие могут сказать это о своем ребенке.

— Хорошо, что ты вернулся. Пойдем домой, найдем какую-нибудь еду.

За ужином они выпили бутылку вина. Маракас скоро уснул, а Марк снова пошел в мастерскую. Птицы, вероятно, уже кружились над ней. Они принесли материалы и оборудование и теперь только ждали его сигнала, чтобы спуститься.

Марк перенес собранный прибор на открытое место и оттуда передал команду. Из облаков стали спускаться черные птицы, заслоняя звезды. Они приближались к земле и становились все крупнее. Марк радостно рассмеялся.

За несколько часов он разгрузил их и перенес снаряжение в сарай. При этом он до смерти устал. Затем отослал всех птиц обратно на юг, кроме одной, которая осталась кружить наверху. Покинув мастерскую, перед тем как идти спать, юноша снова зашел на кладбище и постоял у могилы.

На следующий день Марк собрал небольшой автомобиль, который, как он объяснил Маракасу, энергию для движения берет от солнца. Ему никак не удавалось убедить отца, что здесь обошлось без магии, а то, что он не хотел говорить отцу, откуда взялись части машины, еще больше усилило подозрения старика.

Когда Марк заметил, что его объяснения безрезультатны, он прекратил их и вернулся к работе. В полдень парень нагрузил машину различными деталями и поехал по дороге вдоль канавы. Ему пришлось сделать несколько рейсов, чтобы перевести оборудование.

В следующие пять дней Марк почти не появлялся на ферме. К полудню шестого он завершил все, что задумал, и поехал в деревню. Он въехал в нее и поехал по центральной площади, на которой когда-то сломали его паровую тележку. Там включил громкоговорящую систему и взял микрофон.

— Я Марк Мараксон, — начал он, и его голос разнесся по всей деревне. — Я вернулся, чтобы сказать вам то, что вы не захотели слушать раньше, и еще кое-что

Из окон стали высовываться люди, громко захлопали двери.

— Эта машина, как и все другие, не приводится в действие демонами. В ней работают только силы самой природы. Я могу построить завод и делать для вас машины, которые будут работать быстрее и лучше, чем любая из ваших лошадей. Я предлагаю бесплатно снабдить машинами каждую ферму и научить всех пользоваться ими. Я хочу, чтобы вы собирали большие урожаи. Я хочу, чтобы вы все стали богатыми, чтобы не было среди вас нищих и несчастных...

Народ выходил на улицу — знакомые лица, но были среди них и такие, кого он не знал. Возможно, люди и кричали, но Марк не слышал их. Его голос заглушал все

— Я могу научить вас выращивать богатые урожаи, обрабатывать почву, удобрять ее, выводить хорошие породы скота. Для вас всегда проблемой было орошение. Я создал систему, в которой автоматические клапаны поддерживают в канавах постоянный уровень воды. Такая система действует на старой ферме Бренсона. Я хочу, чтобы вы посмотрели на нее и увидели, как она работает. А после этого подумайте над моими словами.

Марк говорил, а в машину уже летели палки, камни, комья грязи, но все это не могло причинить ему вреда, и он продолжал:

— Я засеял заброшенное поле. Посмотрите, как хорошо оно обработано, и подождите до следующего урожая. Ручаюсь, вы будете поражены.

Четверо мужчин бросились к нему и ухватились за машину, но их тут же отбросило назад.

— Это электрический удар, — сказал Марк. — Я не такой идиот, чтобы дать вам еще раз сломать мою машину. Черт возьми! Ведь мы же соседи, и я хочу вам помочь! Я хочу, чтобы ваша деревня стала самой богатой! И это только начало! Скоро для каждого из вас жизнь превратится в сказку. Я сделаю вам машины, ко-

торые станут летать по воздуху, плавать под водой! Я создам оружие, с которым вы выиграете любую войну! Я сделаю вам механических слуг! Я..

Крики толпы перекрыли даже рев мощной громкоговорящей системы. Полетели тяжелые предметы.

— Хорошо! Я уезжаю! — крикнул он. — Но подумайте над моими словами! Когда вы остынете, они покажутся вам более разумными. Сходите и посмотрите на ферму Бренсона. Я еще вернусь, и тогда мы поговорим.

Машина медленно двинулась прочь. Несколько человек пытались преследовать его, кидали камни и палки, но вскоре они отстали. Марк выехал из деревни.

Он повернул направо и стал подниматься по склону холма. Внезапно он заметил стройную девушку в голубой блузке и серой юбке. Она стояла на обочине и махала ему. Марк узнал Нору, остановился и открыл дверь

— Садись.

Она недоверчиво посмотрела на машину и покачала головой

— Нет. Я знала, что ты здесь поедешь, и прибежала тебя предупредить.

— Предупредить?

— Они очень злы..

— Знаю.

Она сердито стукнула кулаком по ладони.

— Не перебивай! Слушай! Ты мог слышать, о чем они говорили?

— Нет. Я..

— Уверена, что в этом шуме ты ничего не слышал. А я слышала. Так вот, они не желают смотреть, что ты сделал, и не собираются успокаиваться. Думаю, что ты остался жив только потому, что они не смогли разбить эту штуку. — Нора осторожно дотронулась до дверцы — Не возвращайся домой! Тебе, наверное, лучше снова исчезнуть. — Голос ее дрогнул, и она отвернулась. — Ты ни разу не дал о себе знать. А ведь обещал.

— Я.. я не мог, Нора.

— Где ты был?

— Далеко.

— Далеко? В горах Анвил или в других запретных местах?

Он не ответил.

— Там? — снова спросила она.

— Это совсем не так, как ты думаешь, — сказал Марк наконец. — Да, я там был, но...

— Уходи! Я не хочу больше знать тебя! Я тебя предупредила. Если тебе дорога жизнь, не появляйся здесь больше. Не возвращайся!

— Я могу доказать, что ты не права. Если ты выслушаешь меня, если позволишь мне показать...

— Я не хочу тебя слушать! И не хочу ничего смотреть!

Девушка повернулась и побежала между деревьями. Марк мог бы догнать ее, но побоялся покидать машину. Ведь жители деревни могли гнаться за ним.

— Вернись! — позвал он, но ответа не было.

Неохотно он закрыл дверь и включил мотор. С вершины холма за ним наблюдал изумленный кентавр

Глава 7

По улицам оживающего города ползали механические гусеницы и убирали грязь и мусор. Низкорослый широкоплечий мутант с тяжелыми надбровными дугами, надсмотрщик, наблюдал за работой и изредка подгонял их. Над сверкающими шпилями зданий сияло безоблачное небо. Роботы-гусеницы уже очистили от грязи широкие террасы. Ровный гул от работы сборочных заводов наполнял воздух. С автоматических сборочных линий сходили устройства различного назначения, машины, летательные аппараты, оружие. Огромные металлические птицы взлетали и садились на крыши домов, неся патрульную службу.

Мутанты склоняли головы, проходя мимо монумента из белого камня, воздвигнутого у входа в здание, где находилась обучающая ЭВМ. Это здание приказал соорудить повелитель. Он назвал его святилищем.

Надсмотрщик крикнул и щелкнул кнутом. Вот она, наконец-то, жизнь! Пришел тот, кто коронован солнцем, тот, кто обладает властью над старыми машинами.

Мутант с нетерпением ожидал, когда предводитель вернется с успехом из очередного похода. Тогда все они пойдут в святилище и вознесут молитвы за тепло, за свет, за обилие пищи. И от избытка радостных чувств он снова щелкнул кнутом.

Майкл Чейн, уже постаревший и с поредевшими волосами, сидел в маленьком ресторанчике напротив Дэниэла и старался не показывать виду, что изучает

парня. Дэн, в свою очередь, очень неловко чувствовал себя в новом костюме. Он тыкал ложкой в растаявшее мороженое, пил остывший кофе и старался не показывать, что его несколько обескураживает такое изучение.

Время от времени он ощущал пульсацию в кисти руки, и тогда где-то начинали дребезжать тарелки. Дэн поспешно подавлял эти пульсации, пользуясь техникой биосвязи, которой овладел совсем недавно.

— Я слышал, записи не очень хорошо продаются? — спросил Майкл.

Дэн поднял голову и покачал ей. Затем пожал плечами.

— Сперва трудно понять, что делаешь неправильно. Но теперь я уже вижу многое, что следовало бы сделать иначе...

— А мне понравилось, — сказал Майкл, чем здорово удивил Дэна. Затем он хлопнул ладонью по столу. — И все равно: маленькая студия, отсутствие рекламы... Ты знаешь, как много песен записывают каждый год?

— Да. И знаю...

— Все же ты кое-что согласишься в статистике и экономике, несмотря на гуманитарное образование.

— Пробриться тяжело, — признал Дэн.

Майкл снова хлопнул ладонью по столу.

— Да почти невозможно, черт побери!

Где-то на кухне снова раздался звон разбитой посуды. Дэн вздохнул.

— Наверное, ты прав. Я ко всему этому еще не готов.

Старший Чейн заказал послеобеденную выпивку. Дэн отказался.

— Ты по-прежнему встречаешься с этой Льюис?

— Да.

— Весьма экстравагантная особа.

— Нам хорошо вместе.

— Решай сам, это твоя жизнь, — Майкл пожал плечами.

Дэн допил кофе. Когда он снова поднял глаза на отца, тот смотрел на него и смеялся.

— Я рад за тебя. Я рад, что ты живешь своим умом. Я знаю, что иногда слишком даваю на тебя, но послушай: что бы ни случилось, знай, что в моей фирме для тебя всегда найдется место, даже без специального образования. Если захочешь, необходимому всегда можно научиться по ходу. Помни об этом.

— Спасибо, отец.

Майкл допил виски и осмотрелся.

— Официант, счет!

Подсвечник на столе начал подозрительно шататься. Дэн тотчас среагировал и постарался остановить излучение энергии.

Мор стоял, держась руками за спинку кровати и яростно тер пальцами глаза. Похоже, в последнее время он только и делает, что спит. И колени снова распухли...

Старик взял со столика у кровати графин с водой и жадно выпил, закашлялся, затем принял снотворное, приготовленное заранее, и запил его глотком воды. Подойдя к окну, он откинул тяжелые шторы и открыл его. На бледном небе сверкали звезды. Утро это или вечер?

Поглаживая свою седую бороду, он смотрел в окно, прекрасно понимая, что не просто физиологическая потребность подняла его на ноги. Он снова ждал сна, приносящего облегчение, но тот не приходил. Постояв у окна, старый маг затем опустил шторы, не позаботившись его закрыть. Может, если он вернется в постель, и сон вернется к нему... Да, это хорошая мысль.

Медленно покачивая головой, он подошел к постели. Человеческие тела так подвержены болезням, подумал он. Несколько раз проухала сова. Где-то между стенами скреблись мыши.

Глубоко под землей, в подвале замка Рондовала, одурманенный сильным заклинанием, погружившим его в сон, в величественной позе на полу пещеры лежал Лунная Птица — самый могущественный дракон.

Его дыхание теплым ветром разносилось по пещере, согревая соседей. Дух его, как некий призрак, носился в небесах. Он пролетал мимо огромных черных птиц, чьи тела были как мечи из металла, и летали они на высотах, доступных только ему. Он был невидим и нематериален, он не угрожал и не нападал, и птицы летели по своим делам, не обращая на него внимания. Он не мог причинить им вреда.

Бессилие приводило Лунную Птицу в бешенство, и он возвращался назад, в глубокую пещеру, где покоилось во сне его тело. Страшные когти дракона царапали по каменному полу, едва не задевая соседей.

Глава 8

Крики не разбудили Марка. Он еще долго спал после того, как они прозвучали впервые, и проснулся только тогда, когда чья-то фигура появилась в мастерской, схватила его за плечо и стала его трясти.

— Проснись! Пожалуйста, проснись! — услышал он шепот.

— Что... — начал Марк, но ладонь тут же зажала его рот.

— Тихо! Это я, Нора. Скоро они будут здесь, они совсем близко. Тебе надо бежать.

Он сел и начал обуваться.

— Что случилось? О чем ты говоришь?

— Я старалась успеть раньше, чтобы предупредить тебя, но они бежали слишком быстро. Я вспомнила, что ты часто ночевал в мастерской...

Марк взял свой пояс с ножнами и надел его.

— У меня в сарае есть оружие, способное остановить кого угодно...

— Сарай уже горит.

— Горит?

— Да. И дом, и стойло, и остальные постройки тоже.

Он сразу же вскочил на ноги. Подойдя к окну, отодвинул штору.

— В доме отец...

Она схватила его за руку, но Марк вырвался и бросился к дверям.

Нора крикнула:

— Стой! Уже поздно! Спасайся сам!

Он распахнул дверь и увидел, что она права. Дом пылал, как факел. Крыша уже провалилась. Жители деревни бежали сюда. Дикие крики огласили воздух, когда они увидели его. Марк отступил назад.

— Уходи через заднее окно, — прошептал он Норе. — Иначе они узнают, что ты была здесь. Быстрее!

— Идем вместе!

— Поздно! Меня уже заметили. Беги!

Он вышел из мастерской, закрыл за собой дверь и обнажил меч.

Они приближались. Грязные и потные лица, освещенные огнем пожарища. Марк вспомнил о сгоревшем в своем доме старом Маракасё. Поздно, слишком поздно...

— Они поплатятся за это, отец!

Он выступил вперед.

Они были вооружены дубинками и мечами — Марк не сомневался, что некоторые из этих мечей сделаны им самим. Мечи были заточены и смазаны.

— Убийцы! В доме спал мой отец! Вы все его знали! Никогда никому не причинил он зла!.. Будьте все вы прокляты!

Никто ему не ответил, но Марк и не ожидал ответа. Размахивая мечом, он бросился на противников. Ближайший из них, мясник Гим, крикнул и упал на землю, схватившись за распоротый живот. Марк ударил еще раз, и по земле с криком покатился брат мясника.

Следующий удар Марка был отбит, и дубинка ударила его по плечу. Марк парировал удар, направленный в грудь, и упал. Меч его описал широкую дугу и рубанул по руке с дубинкой, занесенной над его головой. С неба сыпался пепел. Огонь, пожирая сухую траву, двигался к кладбищу. Слева, рассыпая искры, пылал сарай.

Что-то тяжелое ударило его в грудь. Он пошатнулся, но не перестал размахивать мечом. Снова его ударила дубинка, на этот раз в бедро, и Марк снова упал. Все набросились на него, пиная и нанося удары дубинками. Меч вырвали у него из рук. Он сразу же схватился за браслет и нажал несколько кнопок.

Над его головой завис меч. Марк откатился в сторону, но почувствовал, как острое лезвие входит в тело... Он вскрикнул и закрыл лицо руками.

Среди воплей нападавших послышался знакомый голос. Истекая кровью, сквозь острую боль, он уловил истерический крик Норы:

— Вы убьете его! Стойте! Остановитесь!

Кто-то еще раз пнул его, но это был последний удар. Из облаков вынырнула черная птица и стала спускаться прямо в гущу нападавших. Ее когти были остры, как бритвы, а металлический клюв наносил сильные удары по жителям деревни. Марк облегченно вздохнул и с трудом поднялся на ноги. Сознание затуманивала боль, левая рука была по-прежнему прижата к лицу, кровь текла между пальцами, стекала по рукам, окрашивая браслет в красный цвет.

Большинство нападавших уже лежало на траве, а черная птица охотилась за теми, кто еще двигался...

Пальцы Марка пробежали по кнопкам браслета. Птица остановилась, захлопала крыльями, стала описывать круги в воздухе.

— Вы сами выбрали свою судьбу, — хрипло проговорил Марк.

Птица опустила, схватила юношу за плечи и подняла в воздух. Его левая рука была красной от крови и крепко прижата к лицу.

— Тем из вас, кто еще не мертв, я дарю жизнь — пока. Чтобы среди вас оставалась память об этом дне, чтобы остались свидетели этого! — крикнул он. — Я вернусь и сделаю все, о чем говорил в деревне, но теперь вы будете не равноправными партнерами, а рабами. За то, что вы сегодня сделали, я проклиная вас!

Птица набирала высоту.

— ...Кроме тебя, Нора, — донеслось сверху. — Не бойся, я еще вернусь за тобой!

Пламя трещало и рассыпало искры, на земле стояли раненые.

Боль преследовала Марка во время полета. Кровь его редкими каплями орошала обработанные им поля, над которыми он сейчас пролетал.

Глава 9

Она постучала в дверь и подождала. Никто не открыл. Снова постучала. Затем дернула дверь и поняла, что та закрыта изнутри.

Нора сильно устала, совершив за ночь долгое путешествие сюда. Прислонившись к двери, она принялась изо всех сил бить в нее ногой.

— Открой, черт возьми! — крикнула девушка, затем услышала, как щелкнул замок. Дверь отворилась.

На пороге стоял Мор, одетый в мантию бледно-голубого цвета. Старик щурился от дневного света.

— А я думал, кто-то скребется, — сказал он. — Ты кажешься мне знакомой...

— Нора. Нора Вейль из Восточной Деревни. Я прошу прощения...

— Помню, — обрадовался Мор. — Ты была маленькой девочкой... Конечно! Однако время летит... Прости меня, — он отступил назад. — Входи. Я сейчас приготовлю чай. Не обращай внимания на беспорядок.

Нора прошла за ним через одну странную комнату в другую, столь же странную. Мор освободил ей место, сбросив что-то с кресла, и занялся чайником.

— Это ужасно... — начала девушка.

— Давай подождем, пока закипит чай, — строго сказал Мор. — Я не люблю слушать ужасы на голодный желудок.

Она кивнула и устроилась поудобнее, наблюдая, как старый колдун резал хлеб и сыр, заваривал чай. Руки его дрожали. Лицо, изрезанное глубокими морщинами, было неестественно бледным. Мор не ошибался.

Много лет тому назад он действительно видел ее еще девочкой, когда по пути куда-то останавливался у них в доме. Она помнила удивительно долгий разговор...

— Ну вот, — сказал он, поставив тарелку и чашку на стол перед ней. — Подкрепись.

— Благодарю.

Во время еды она начала говорить. Рассказ получился бессвязным, но Мор не перебивал ее. Когда Нора опять посмотрела на него, то заметила, что цвет вернулся в его дряблые щеки, а рука с чашкой перестала дрожать.

— Да, это серьезно, — согласился он, выслушав. — Ты правильно сделала, что пришла ко мне.

Маг поднялся, пересек комнату, подошел к маленькому темному зеркалу в металлической рамке.

— Пожалуй, надо сейчас же посмотреть на это. — Он провел пальцами вокруг зеркала и что-то пробормотал.

Старик стоял спиной к ней, загораживая зеркало, однако Нора заметила, что в зеркале мелькают какие-то тени, затем увидела линию горизонта и смутный силуэт в воздухе. После этого картины слились, и девушка не могла определить, на что смотрит Мор.

Она лишь видела, как меняется освещенность при смене изображений. Наконец старый маг провел руками по зеркалу, и его заполнила темнота. Все изображения исчезли.

После этого Мор вернулся в свое кресло, поднял чашку, отхлебнул из нее, но содержимое ему не понравилось, и он, сделав гримасу, выплеснул все в огонь. Затем встал и приготовил свежий чай.

— Да, — повторил он, когда снова сел за стол. — Это весьма серьезно, надо что-то предпринять.

— Что?

— Не знаю, — вздохнул старик.

— Не может быть, чтобы тот, кто изгнал демонов Дета...

— Это было давно. Тогда я мог бы легко остановить его. Но сейчас... сейчас у меня нет такого могуще-

ства, как раньше. Я слишком стар. Но именно я отвечаю за случившееся.

— Как? Почему?

— Марк — не из нашего мира. Я принес его сюда еще ребенком. Это был единственный способ избавиться от Поля Детсона, последнего лорда Рондовала, который тоже был ребенком. А теперь, по иронии судьбы, человек, которого мы взяли в обмен на демона, представляет для нас большую опасность, чем тот, от кого мы избавились. Да, именно я отвечаю за это. И я должен что-то сделать. Но что?

— Кто-нибудь может помочь тебе?

Мор коснулся ее руки.

— Мне необходимо остаться одному и подумать. Возвращайся домой. Прости, что я не предлагаю тебе остаться.

Девушка поднялась.

— Но ты ведь сделаешь что-нибудь?

— Возможно, — он улыбнулся. — Но сначала я должен все обдумать.

— Он сказал, что вернется за мной, — тихо промолвила Нора. — А я не хочу. Я боюсь его.

— Я подумаю, что можно сделать.

Мор встал и проводил ее до двери. На пороге она резко обернулась и схватила его старческую руку.

— Пожалуйста, сделай что-нибудь!

Старик обнял ее другой рукой, погладил волосы, прижал ее к себе, а затем легонько оттолкнул.

— Иди.

И она пошла.

Он смотрел ей вслед, пока девушка не скрылась за кустами. После этого некоторое время следил за порхающими над цветами бабочками, а затем запер дверь и прошел во внутреннюю комнату, где приготовил себе мощные снадобья. Приняв лекарства, снова вернулся в комнату, в которой сидел с Норой.

Встав перед зеркалом, он снова проделал те же движения, что и раньше, и добавил несколько новых. Голос его становился твердым, когда он произносил заклинания.

Темнота рассеялась, и в зеркале возникло помещение, в котором за столом сидели люди. На сцене на краю помещения юноша с серебристыми волосами играл на музыкальном инструменте.

Мор долго рассматривал его, словно пытаясь что-то понять, затем произнес еще одно заклинание. Теперь он смотрел на это здание снаружи и тоже внимательно изучал его. Затем в зеркале перед ним стала проплывать одна улица, другая... Мор пристально смотрел в зеркало.

После того как он убедился, что узнал все, что хотел, старик махнул рукой, и в зеркале снова воцарился мрак.

Покинув зеркало, он прошел во внутреннюю комнату, перелил в пузырек остатки лекарства и взял свой пыльный посох из угла, куда поставил его еще прошлым летом.

Выйдя из дома, старый маг повернулся вокруг своей оси три раза и поднял перед собой посох. Когда кончик посоха начал светиться, Мор улыбнулся. Затем он неторопливо пошел вперед, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, словно ища что-то плавающее в воздухе.

Глава 10

Выйдя из клуба, Дэн поднял воротник и пошел по ночной улице. Шурша шинами, мимо пролетали автомобили, но пешеходов видно не было. С гитарой на плече он шел домой к Бетти. От канализационной решетки поднимались клубы ядовитых испарений.

Юноша ускорил шаг. Где-то вдали слышался вой полицейской сирены. Им снова овладело беспокойное, какое-то странное чувство, недавно испытанное им. Казалось, кто-то его тщательно изучает. Но хотя он осмотрел всех посетителей клуба, никого из них нельзя было заподозрить в преувеличенном внимании к нему.

Оглядываясь назад, Дэн припомнил и другие подобные случаи, когда ощущал наблюдение за собой. И всегда это было связано с ощущением тепла в родимом пятне. Сейчас тепло снова чувствовалось. Он остановился, осмотрел улицу, заглянул в проезжавший автомобиль. Ничего подозрительного. И все же.. Ощущение теперь стало гораздо сильнее, чем тогда, когда он был в клубе. Намного сильнее. Казалось, что наблюдатель стоит рядом.

Миновав освещенное место, Дэн ускорил шаг. Ему так и хотелось перейти на бег.

В переулке справа — движение!

Все тело его напряглось, когда он увидел, что оттуда вышел старый человек с большой палкой в руке.

— Прощу прощения, — раздался мягкий голос. — Я плохо себя чувствую. Ты не проводишь меня?

Дэн заметил, что одет старик очень странно.

— Конечно. А что случилось?

— Всего лишь груз лет. Большой груз.

Он пошел рядом с Дэном, который сдвинул гитару к левой руке.

— Может, вам нужен доктор?

— Нет.

Они подошли к перекрестку. Уголком глаза Дэн разглядывал морщинистое лицо.

— Для прогулок сейчас слишком поздно, — заметил он. — Я иду с работы.

— Знаю.

— Да? Вы меня знаете?

Золотая искра вспыхнула на конце палки старика, из нее вперед протянулась тонкая нить. Искра стала разгораться, нить засветилась.

— Да. Тебя зовут Дэниэл Чейн.

Окружающий мир вдруг раскололся на две зыбкие, колышущиеся половинки. Разделял их луч света, исходящий из посоха.

— Но это не твое имя... — сказал старик.

Луч стал ярче и протянулся как вперед, так и назад, затем расширился. Казалось, что они идут по сияющей дороге, а дома, улицы, автомобили — все находилось по сторонам этой дороги, в ночи. Город потерял свою объемность, стал как бы нарисованным на тонком листе бумаги, заколыхался под ветром. Город съеживался, исчезал.

— Что случилось? — спросил Дэн.

— ...и этот мир — не твой, — закончил старик.

— Не понимаю.

— Ну конечно. Но у меня нет времени все тебе объяснить. Это я принес тебя сюда много лет назад и обменял на другого ребенка, на настоящего Дэниэла Чейна. Тебе пришлось жить в мире, который мы сейчас покидаем, а ему — в том, куда мы сейчас идем. В том мире его называли Марком Мараксоном, и сейчас он там очень опасен.

— Ты хочешь сказать, что это и есть мое настоящее имя?

— Нет. Ты Поль Детсон.

Они стояли на золотистой дороге, маленькие искры пробегали по ее поверхности. Звездный ковер покрывал небо, по обеим сторонам дороги теснились призраки реальных миров, а посреди шла тонкая зеленая нить.

— Я не пойду с тобой.

— Слушай меня и не перебивай. От этого зависит твоя жизнь. И жизнь многих других. Ты должен вернуться домой. Твоей родине грозит опасность, и она нуждается в той силе, которой ты обладаешь.

Дэн не мог не слушать его. Этот человек, по-видимому, сам обладал большим могуществом, прямо-таки излучал его. Его слова поглощали все внимание Дэна.

— Иди по зеленой линии, — сказал старик. — Эта дорога много раз будет разветвляться, прежде чем ты достигнешь своего мира. Возникнут у тебя и соблазны свернуть — ты увидишь прекрасные миры, можешь повстречать любопытных путников. Смотреть — смотри, но не отклоняйся от этого пути. Иди по линии. Она приведет тебя домой. А я... Подожди...

Тяжело дыша, старик оперся о посох.

— Слишком много сил я потратил. Прости. Мне надо принять лекарство.

Из складок одежды он достал пузырек и выпил его содержимое.

— Наклонись ко мне.

Дэн наклонился к нему. Посох приблизился к его голове, и вокруг возник голубой нимб, который затем постепенно втек в череп Дэна. Мысли бешено заплясали в голове юноши, словно он мгновенно перенесся в неведомый странный мир. Он услышал множество голосов, которые одновременно что-то говорили.

— Это язык твоей родины, — объяснил старик. — Тебе не нужно будет учить его. Ты его уже знаешь. Сперва ты будешь говорить на нем медленно, хотя понимать будешь сразу все. Ты быстро научишься хорошо говорить.

— Но кто ты? Кто ты?

Дэн был так поражен, что спросил это несколько раз.

— Меня зовут Мор. Теперь мне надо оставить тебя. Дальше по этой линии ты пойдешь один. Чтобы переход между мирами был допустим, необходим обмен эквивалентными живыми массами. Иди! Сам ищи ответы на свои вопросы!

Мор с неожиданной живостью повернулся и исчез с правой стороны от дороги, как будто скрылся за дрожжащим занавесом. Дэн машинально сделал шаг следом и остановился. Зыбкость реальности, которая находилась перед ним, была пугающей, она могла свести с ума, если смотреть на нее достаточно долго.

Дэн перевел взгляд на дорогу. Зеленая линия светилась ровным светом среди миниатюрных бурь.

Он оглянулся назад и увидел, что там вдаль тянется та же дорога, что лежит перед ним. Он сделал по ней шаг, затем другой. Зеленая линия манила, притягивала, и у него не было другого выбора, кроме как идти по ней.

Дэн шел и думал над тем, что сказал ему Мор. Какая сила? Какая опасность? Что за обмен между мирами? И что ждет его в конце зеленой линии? Скоро он узнает все.

— Голова гудела от множества голосов. Что же вообразит Бетти, когда он не придет к ней? А что подумает о его исчезновении отец?

Дэн изумленно остановился. Только сейчас до молодого человека дошло, что если все это правда, то Майкл ему вовсе не отец.

Кисть его отчаянно запульсировала, и вокруг возникли десятки маленьких смерчей, которые стали следовать за ним, как собаки.

Перекинув гитару на другое плечо, он пошел дальше. Вдруг с левой стороны от дороги в причудливой мозаике возникла отчетливая картина. Когда Дэн сосредоточил на ней свое внимание, она стала ярче, больше, объемнее, затмила собой все остальные видения.

Прямо к ней вела боковая дорога, и молодой человек понял, что дойти до нее — дело нескольких минут.

Прелестные голубые создания играли в искристом озере. Голубые горы окружали озеро, из воды подни-

мались огромные оранжевые каменные столбы, на которых отдыхали и нежились на солнце зеленые существа, прежде чем снова нырнуть в воду. Все это было ярко освещено солнцем. Над озером летали гигантские красные бабочки; они парили, как летающие цветы, как шестиконечные звездочки.

Ноги сами понесли Дэна туда. Прекрасная картина манила...

Но тут что-то желтоглазое, длинноухое, покрытое серебристым мехом, поводя носом, проскочило справа от него.

— Ну вот, опять опоздал, — послышался голос. — Мерзко! Она оторвет мне голову!

Существо взглянуло на Дэна, проследило за его взглядом, направленным на озеро.

— Не ходи туда, — посоветовал голос. — Теплокровных они едят живьем.

Дэн вздрогнул и остановился. Отвернувшись от прекрасного озера и его обитателей, он нашел зеленую линию и вновь зашагал по ней. Тот, кто дал ему совет, в это время уже скрылся из виду.

Теперь, идя по линии, Дэн старался не отрывать от нее взгляда и не смотреть по сторонам. Ему показалось, что дорога шла под гору. Время от времени слышался хор голосов, что-то поющих. Слов было не разобрать.

Он шел, а видения справа становились все более отчетливыми. Дэн понял, что линия сворачивает в этом направлении.

Дорога, по которой он теперь двигался, становилась все шире и, похоже, вела в лес. Ощущение спуска не прекращалось. В лицо ему теперь дул свежий ветерок, наполненный запахами деревьев, земли, цветов. Дэн ускорил шаг, и картина стала приближаться быстрее. Миниатюрные бури под ногами успокаивались, зеленая линия расширялась и становилась бледнее. Внезапно раздалось пение птиц.

Дэн протянул руку и прикоснулся к стволу дерева. Зеленая линия растворилась в зеленой траве. Картина расширилась и превратилась в лес. Звезды над головой

исчезли, и теперь над ним сияло голубое небо с редкими облачками.

Он осмотрелся. Дороги уже не было видно — от нее осталась лишь золотистая паутинка, которую тут же унес ветер.

Дэн перешел через поляну. Остановился. Эдак можно долго блуждать по лесу... Он снял куртку, так как день был теплым, положил на ствол упавшего дерева и сел. Пока нет никакого плана, лучше никуда не идти. Вероятно, не зря именно сюда привела его зеленая линия. Наверное, именно здесь ему следует находиться.

Молодой человек открыл футляр и проверил гитару — она была целой и невредимой.

Надо бы отыскать дерево, на которое можно влезть. Вокруг стояли сплошные гиганты, и Дэн не надеялся увидеть за ними город или дорогу. Не прекращая играть на гитаре, он осмотрелся. Вон то дерево вроде бы подходящее — в сотне метров справа от него... Снова глянув вперед, Дэн чуть было не сфальшивил.

Перед ним находилось удивительное создание, какое он раньше видел только на картинках, — настоящий кентавр. Его маленькие руки двигались в такт мелодии; он танцевал.

Дэн углубился в свою игру, перешел на более сложную мелодию. Начал петь. Родимое пятно запульсировало.

Из леса появились еще два кентавра и присоединились к танцору. Дэн почувствовал, что он невольно подчинил себе этих кентавров, завлек их в сети своей игры. Он с удовольствием смотрел на смеющиеся детские лица, на гарцующие тела маленьких пони. Он заставил птиц кружиться вокруг них, затем к танцу присоединилась лань. День становился темнее, или, может, солнце закрыли облака.

Дэн играл мелодию за мелодией, и все новые существа присоединялись к танцующим. Почему-то он чувствовал, что так и должно быть, что здесь все правильно и нет ничего странного или необычного. Ему

казалось, что он мог бы играть вечно, создавать музыкальные композиции, петь, танцевать...

Он долго не замечал, что рядом появилась девушка. Стройная, светлая, одетая в голубое, она вышла из-за деревьев и остановилась на краю поляны, не двигаясь. Девушка слушала и смотрела.

Наконец он заметил ее, кивнул, улыбнулся, наблюдая за ней. Дэн не хотел испугнуть ее и не делал резких движений. Когда она слегка улыбнулась ему и кивнула в ответ, он перестал играть и убрал гитару в футляр.

Упала тишина. Животные на мгновение застыли, затем бесшумно разбрелись по лесу. День стал светлее

— Здравствуй. Ты здесь живешь?

Она кивнула.

— Я возвращалась в деревню, когда услышала тебя. Прекрасные звуки. Как называется этот инструмент? Он магический?

— Гитара, — ответил молодой человек. — Иногда мне кажется, что он действительно магический. Меня зовут Дэн. А тебя?

— Нора, — ответила девушка. — Ты нездешний? Откуда ты? И куда идешь?

Он закрыл футляр и встал.

— Я пришел издалека, — сказал он медленно, тщательно подбирая слова. Трудно было говорить на новом языке. — Мне бы хотелось попасть в твою деревню.

— Ты менестрель? Зарабатываешь на жизнь игрой?

Дэн поднял куртку, отряхнул ее, набросил себе на плечи.

— Да. Смогу я заработать в вашей деревне?

— Может быть... Но позже.

— Почему?

— В деревне много мертвых. Настроение не праздничное.

— Печально слышать. Может быть, я найду здесь какое-нибудь другое занятие?

Ее лицо просветлело.

— Да. Уверена, что найдешь.

Он взял гитару и сделал несколько шагов.

— Покажи мне дорогу.

— Хорошо. — Девушка повернулась, и Дэн последовал за ней. — Расскажи мне о своей стране и о тех местах, где ты бывал.

«Пожалуй, лучше будет говорить поменьше, — решил он, — по крайней мере пока не прояснится обстановка. Пусть лучше говорит она. Хотя неприятно начинать знакомство со лжи...»

— О, все страны похожи друг на друга. Ведь это страна фермеров?

— Да

— Моя тоже. А что вы выращиваете?

Нора вела его через лес по тропинке. Когда над головой пролетала какая-нибудь птица, девушка вздрагивала и смотрела вверх. Скоро Дэн заметил, что и сам с тревогой поглядывает наверх. По дороге к деревне он умело управлял беседой, и, когда они пришли на место он уже знал всю историю Марка Мараксона

Глава 11

По спящему городу шел старик в голубой мантии. Шел мимо темных витрин, мимо припаркованных автомобилей, мимо надписей, которые не мог прочитать. Шаги его были медленными, дыхание тяжелым. Время от времени он останавливался и отдыхал, опершись на посох или прислонившись к стене дома.

Над темным горизонтом постепенно стало появляться просветление. Желтые волны стирали с неба звезды. Вдали возник оазис — группа деревьев, едва покачивающихся под утренним ветерком. Посох гулко стучал по бетону. Неверными шагами старик перешел улицу. Дрожащей рукой схватился за столб. Мимо проехало несколько автомобилей. Старик стоял, шатаясь. Когда улица опустела, он пошел дальше.

Ближе. Ближе стало то место, куда он стремился. Место, где качаются ветки с зелеными листьями, где поют под первыми лучами солнца птицы, где пахнет травой. Он продвигался вперед, и слабые голубые искры плясали на кончике его посоха. Ветерок донес аромат, похожий на запах цветов. Мор пересек последний перекресток.

Он снова остановился, тяжело дыша, почти задыхаясь. Когда старый маг пошел дальше по улице, оходка его была неверной, ноги заплетались. Один раз он упал, но поднялся и доковылял до парка.

Небо над парком было розовым. Посох, в котором угасли последние искры, глубоко уходил в землю. Старик пересек клумбу высоких цветов, которые тут же сомкнулись за ним. Мор не заметил шипения аэро-

зольных установок, когда проходил через травянистую лужайку, чтобы лечь под деревьями стандартного городского парка. Ему хотелось вдохнуть аромат трав и цветов

Старик слегка улыбнулся, когда ветерок освежил ему лицо. Его глаза следили за пляской бабочек в лучах восходящего солнца. Посох выскользнул из пальцев, дыхание стало совсем слабым. Бесчисленные рассветы прошедшей жизни соединились с этим ранним утром, все их цвета и запахи вернулись к нему, чтобы наконец показать, ради чего стоило жить.

Одна из искусственных бабочек пролетела слишком близко; немощная рука последним усилием схватила ее — и ладонь раскрылась, обратив к миру родимое пятно в форме дракона.

Вокруг безжизненно лежащего старика с лязгом и грохотом пробуждался город.

Глава 12

Новые странные ощущения приходили и исчезали. При каждом новом возвращении они становились все сильнее и сильнее. И каждый раз, когда они исчезали, что-то оставалось после них. Эти ощущения были незнакомыми для Дэна, который сейчас приколачивал рейки к забору. Возможно, они связаны с этим миром, который казался ему таким знакомым, таким близким.

К нему подошла корова, как бы желая посмотреть на его работу.

— Нет, иди отсюда, — мысленно приказал он. И тут же ощутил тепло в пятне на руке, как будто из него изливалась невидимая энергия.

Корова послушалась его мысленного приказа.

Дэну это понравилось. Ему вообще все больше и больше нравился этот мир.

От неудачного удара гвоздь отломил от доски щепку, и та полетела ему в лицо.

— «Брысь», — подумал он про нее, и щепка пролетела мимо, повернув почти под прямым углом.

Окончив работу, Дэн улыбнулся и стал собирать инструменты. Затем пошел вдоль забора, который сам сколотил. Тени становились длиннее.

Вот уже третий день он жил в доме дяди Норы, спал в сарае и выполнял всю работу, которую старик уже не мог делать. За это время он полностью овладел языком, как и предсказывал Мор. Как будто вспомнил что-то знакомое, но забытое.

Мор... Давно уже Дэн не вспоминал о нем. Все воспоминания о невероятном путешествии были как буд-

то заперты в какой-то ящик памяти. Сейчас, по прошествии времени, он мог оглянуться назад, подумать о том, как воспримут его отсутствие в том мире. Он удивился, поняв, что прошлое превратилось для него в какую-то сказку, нереальность... А этот мир... Дэн глубоко вздохнул. Этот мир был, несомненно, реален. Он стал его домом.

Когда Дэн вычистил инструменты и положил их на место, он понял, что ему нравится эта настоящая деревенская жизнь. Могло быть гораздо хуже. Сегодня праздник, и вечером он будет играть для жителей деревни. Весь день у него чесались руки — так не терпелось взяться за гитару. Он обнаружил в этом мире интересные парамузыкальные эффекты, и ему хотелось поэкспериментировать, показать свое искусство людям Норе.

Нора. Он улыбнулся, стягивая с себя принадлежащую дяде тяжелую рабочую куртку. Затем пошел умыться прежде чем надеть свою одежду. Девушка была очень хороша. Но до смешного испугана этим местным изобретателем игрушек.. А что, если Марк Мараксон — действительно сын Майкла? Тогда вполне понятна его страсть к технике — она у него в крови. Жаль, что он не может вернуться в свой мир и заняться там делом — с Майклом они бы быстро спелись.

Когда Дэн умывался, пришла другая мысль — а сам-то он зачем здесь? Мор сказал, что его присутствие необходимо. Но для чего? Что-то, связанное с Марком? Дэн фыркнул. Ничего конкретного Мор не сообщил. Какую угрозу этому миру могли нести механические игрушки? И зачем вызвали его? Как он должен противостоять злу? Тревожные мысли старика не дошли до Дэна. Он не понимал их. Но и не чувствовал себя жертвой какого-либо заговора. Когда он обживется, он получше узнает этот мир, хотя уже и теперь ему казалось, что жизнь здесь ему больше нравится, чем там, откуда он пришел. Он может стать здесь выдающимся менестрелем.

Дэн вытерся после умывания грубой тряпкой, надел просторную белую куртку с белыми рукавами и

брюки, но остался в сапогах, которые дала ему Нора и которые были ему в самый раз. В таких сапогах здесь ходить удобнее, чем в элегантных туфлях, в которых он проделал путь между мирами.

Дэн причесался, почистил ногти и улыбнулся своему отражению в воде. Пора брать гитару и идти к Норе и ее дяде Лару. Посвистывая, Дэн направился к дому.

В поле, где проводился праздничный пир, горели огни факелов, создавая причудливую игру теней. Все остатки пиршества были уже убраны.

Дэн решил, что последние выпитые им два стакана вина были явно лишними. А впрочем... Почему бы и нет? Это же праздник! Он познакомился с фермерами, сильно встревоженными недавними трагическими событиями, и ему довольно ловко удалось отвертеться от расспросов о своей родине. Теперь он был готов сыграть им что-нибудь.

Дэн немного подождал, пока улегся шум и люди расселись вокруг холма, на вершине которого он сидел. Факелы поднесли поближе и расставили вокруг него.

Дэн встал, ощущая знакомую тяжесть гитары в руке. Послышались рукоплескания. Дэн улыбнулся. Приятно сознавать, что тебя ждут, ждут твоей музыки. Он вынул гитару из футляра и перекинул ремень через плечо. Еще раз взглянул на зрителей, начал играть.

С первым же аккордом Дэн ощутил небывалую легкость. Его настроение поднялось, и он начал петь на своем родном языке. Затем на ходу попытался перевести песню, и это тоже было хорошо принято. Дэн запел следующую песню.

В сумерках он различал лица только ближайших к нему зрителей, освещенных факелами. Об отношении остальных зрителей к его музыке можно было судить только по тишине, с которой его слушали, да по аплодисментам. Он заметил улыбающуюся Нору, сидящую рядом с дядей. Затем стал играть виртуозные пьесы

собственного сочинения. Темп нарастал. Ветерок ерошил его волосы, теребил одежду.

Это было, возможно, уже не первое восклицание, но раньше Дэн ничего не слышал, захваченный своей игрой. До него донеслись тихие возгласы, которые становились все громче. И вот сзади послышались крики. Дэн обернулся.

— Дьявол! — крикнул кто-то, и какой-то темный предмет пролетел мимо головы Дэна.

— Метка! Метка! — услышал он, и в плечо ему ударил камень. — Метка дракона!

Дэн понял, что во время игры рукав его рубашки задрался и стало видно родимое пятно в форме дракона. Но почему оно вызвало такой переполох?

— Детсон!

Ужас пронзил его, когда он услышал это имя. Он сразу вспомнил, что его зовут Поль Детсон. Но...

Следующий камень попал ему в голову. Дэн быстро сунул гитару в футляр и закрыл его, опасаясь за инструмент. Еще один камень. Все поднялись на ноги.

Дэн почувствовал, как в нем вскипает гнев. Пятно пульсировало, как никогда раньше. По лицу текла кровь. Следующий камень попал ему в грудь. Он пошатнулся. Что-то ударило его в шею, футляр гитары загудел от удара камнем. Толпа двинулась к нему, вверх по склону холма, медленно и угрожающе.

— Прочь!

Дэн не понял, крикнул он это или подумал. Но при этом он сделал широкий взмах рукой. Люди попадали и покатались вниз, сбивая факелы. Стало темно, и во мраке металась тень. Трава у подножия холма вспыхнула, со всех сторон неслись крики, в которых теперь звучал страх, а не гнев.

— Прочь!

Он снова махнул рукой. Ощущение жара пронизывало теперь до предплечья, энергия рвалась с кончиков его пальцев. Люди валились с ног, вокруг бушевало пламя.

Крепко держа гитару, Дэн сбежал с холма, перепрыгивая через людей и огонь. Когда он пересек поле,

его дыхание превратилось во всхлипывания. Затем он побежал дальше на север, к лесу.

Чем дальше он бежал, тем заметнее угасал в нем гнев. Его вытеснял страх. Перед тем как скрыться в лесу, Дэн оглянулся, и ему показалось, что они за ним гонятся. Но они могли и сесть на лошадей, обойти его и устроить засаду, а он понятия не имел, куда бежит.

— Но почему? — спрашивал он себя, петляя между деревьями, продираясь через кусты, стирая с лица паутину и кровь. — Почему они напали на меня, когда увидели родимое пятно? Что означает оно для них?

Несколько раз споткнувшись, молодой человек, задыхаясь, остановился и прислонился к толстому стволу. Он не был уверен, что оторвался от погони. Шум собственного дыхания и стук сердца мешал ему слышать другие звуки. Безумная гонка вымотала его. Дэн совершенно изнемог и к тому же потерял тропу. Надо идти тихо и осторожно, силы тратить более экономно. Да, надо все делать по-другому...

Мор призвал его сюда, как обладателя некоего могущества. Сам Дэн тоже не был слепым, он помнил, что он только что сделал, когда на него напали фермеры. Дома, в ночном клубе, он научился подавлять эти всплески энергии, непонятного могущества, а в этом мире, где его считают колдуном, демоном, это могущество может помочь ему, он должен научиться владеть им, использовать его в борьбе с врагами.

Затем его мысли вернулись к родимому пятну на руке, и сразу же он почувствовал потепление пятна и учащение пульса.

Он попробовал дальше поразмышлять о пятне. Что оно еще может сделать? А что сейчас нужно? Нужно найти безопасное место.

Дэн попытался мысленно приказать это и почувствовал, как в нем забурлила энергия, затем увидел свое пятно в форме дракона, увидел, несмотря на полумрак. Казалось, дракон светится и чуть колышется, затем он соскользнул с его руки и завис перед ним в воздухе. После этого медленно поплыл влево.

Дэн сдвинулся с места и пошел за ним. Слабый свет дракона освещал ему путь. Дэн долго шел за драконом по лесу и полностью потерял всякое представление о времени. Ему дважды приходилось останавливаться для отдыха — лишь тогда он понимал, как он устал. Один раз Дэн остановился у ручья и жадно напился холодной воды.

Мало что осталось у него в памяти от этого ночного путешествия. Под конец дракон повел в гору. Тут Дэн почувствовал страшную слабость и стал присматривать место, где можно было бы поспать. Дракон тут же свернул вправо и повел его вниз — в усеянную камнями долину, хорошо укрытую со всех сторон; там завис в воздухе. Дэн принял приглашение и растянулся на травке. Где-то поблизости журчал ручей, от него веяло прохладой.

Почти мгновенно Дэн заснул.

Когда он проснулся, стоял день. Его призрачный проводник исчез. Все тело ныло, и очень хотелось есть.

В первую очередь Дэн вынул из футляра гитару и проверил, все ли в порядке. К счастью, повреждений не было. Затем он отыскал небольшой ручеек, текущий между камнями, разделся, умылся и промыл раны. Вода была слишком холодной, поэтому купаться он не стал. Солнце потихоньку уже спускалось к горизонту, и Дэн решил, что можно продолжать путь.

Продолжать? А в какой момент его паническое бегство превратилось в целенаправленное путешествие? Может, во время сна? Теперь он понял, что загадочный проводник сделал большее, чем просто спас его от погони. Он почувствовал, правда, чисто интуитивно, что проводник вел его в какое-то вполне определенное место. Дэн решил снова довериться ему. Правда, неплохо было бы сначала найти что-нибудь поесть...

Он повторил процесс вызова проводника, и тот явился снова, правда, совсем бледный на свету, но все же вполне различимый. Дэн пошел за ним, отметив про себя, что вряд ли его мог бы заметить сторонний наблюдатель.

Вскоре после захода солнца он попал в большой фруктовый сад. Молодой человек наелся и набил карманы и футляр гитары фруктами.

Потом Дэн увидел огромное здание. Оно не было освещено, и казалось, что часть его разрушена. Судя по поведению проводника, это и была конечная цель путешествия. Дракон засветился ярче, как бы поторапливая его.

Дэн постарался ускорить шаг. Возбуждение охватило юношу, и он почувствовал, что впереди его ждет безопасность, кров, тепло, пища — и что-то еще, более важное, чем все остальное. Дэн перекинул гитару на другое плечо и расправил плечи, не обращая внимания на боль в ногах и во всем теле. Он и думать забыл о плаще, который оставил в деревне, хотя безжалостно дул холодный пронизывающий ветер высот.

Ему хотелось полазить по полуразрушенным стенам, осмотреть любопытные развалины, однако свет проводника настойчиво тянул его вперед вдоль темного коридора, в кладовую. Пища, хранившаяся там, казалась такой свежей, как будто была принесена только что. Дэн тут же потянулся к хлебу, но немедленно замер. Рука его натолкнулась на невидимую преграду.

Нет, не совсем невидимую. Он присмотрелся и разглядел сеть тонких пульсирующих голубоватых нитей. Эта сеть и преграждала доступ к продуктам.

«Заклинания предохранения, — зазвучало у него в мозгу, будто кто-то включил запись. — Можешь снять их, но не со всех продуктов».

Дэн попробовал попросить мысленно помощи от своего проводника. Дракон колыхнулся в воздухе, приблизился к нему и слился с родимым пятном. Его свет как бы вошел в руку. Дэн тут же почувствовал, что пришло новое знание; руки сами проделали множество жестов, и в сети появилось отверстие. Дэн взял то до чего мог дотянуться: хлеб, мясо и кусок сыра. Когда он вытащил из отверстия руку, он почувствовал, что его снова повело вперед. Пройдя немного, юноша бросил взгляд назад и увидел, что отверстие в защитной сети закрылось.

В следующем шкафу он увидел вино и проделал то же самое, чтобы достать бутылку.

Дорога привела его к лестнице, а затем снова в комнату, где царил хаос и которая когда-то, видимо, была библиотекой. Дэн расчистил место на столе и сложил свою добычу. Затем напрог волю, и призрачный проводник зажег свечи в пыльных канделябрах по углам комнаты. Дэну с каждым разом становилось легче управлять своей волей, заставляя вещи подчиняться себе.

Осмотрев комнату, он понял, что это действительно библиотека, хотя множество книг беспорядочно валялось по полу. Дэн ел и размышлял о том, распространяется ли метод Мора по обучению языку на письменные тексты.

Наевшись наконец до отвала, он поднялся из-за стола и вытащил из кучи книгу, а поднеся ее к свету, радостно рассмеялся.

Это была книга о путешествиях, хотя в его старом мире ее приняли бы за собрание мифов. В ней описывались земли, в которых обитали кентавры и гарпии, саламандры и крылатые змеи, рассказывалось о пирамидах и лабиринтах, о подводных пещерах. Пометки на полях предупреждали об обитателях пещер, действительных и мнимых. Кое-где было подписано «сущая правда» или «выдумки».

Дэн начал читать. А почему, собственно, Дэн? Может, теперь правильнее будет называться Полем?

Так он и решил. Новое имя для новой жизни...

Дэн, отныне уже Поль, начал было читать книгу, но почувствовал, что шкаф у левой стены притягивает его внимание. Он отложил книгу и пристально посмотрел на шкаф. В нем наверняка было что-то еще кроме книг...

Поль поднялся и подошел к шкафу, чтобы осмотреть его. Где-то в глубине шкафа он различил три еле заметные мерцающие красные нити, столь же нематериальные, как и голубые нити в кладовой. Неужели в этом странном замке у него выработалось второе зрение?

Поль вынул из шкафа книги и сложил их у ног, затем медленно протянул руку, ожидая внутренних инструкций. Левая рука дрожала. Кажется, здесь понадобятся обе руки... или только левая... Отлично. Он протянул левую руку. Пальцы зажали нижнюю нить и приподняли ее. Указательный палец захватил верхнюю и оттянул вниз, соединив с нижней. После этого правая рука протянулась вперед, пальцы захватили третью нить и перекрутили ее вокруг той пары против часовой стрелки.

— Откройся, откройся, — произнес он, и задняя панель шкафа упала вперед, открывая тайное отделение. Поль протянул руку, но тут же отдернул ее. Еще одно заклинание, свернутое, как дымчатая змея! Хвост ее был завязан узлом и предназначался для наказания неосторожных. Поль улыбнулся. Задача становилась интригующей.

Однако он смог проникнуть в мысли и чувства того, кто накладывал это заклинание. Постепенно понимание пришло к нему, и вскоре он уже сидел за столом и читал историю замка Рондовала и о его необычных, выдающихся и довольно эксцентричных обитателях.

Перед ним лежали несколько томов личных наблюдений его отца по тайным искусствам, а также записи результатов экспериментов и исследований. Поль читал всю ночь, и, только когда мир увидел свет дня, он понял, что родимое пятно в форме дракона на его руке означает принадлежность к роду Рондовалов.

Долгое изучение истощило энергию молодого человека, он начал зевать и уже не мог остановиться. Одежда показалась ему тяжким грузом. Поль расчистил диван в дальнем углу комнаты, свернулся на нем и вскоре заснул. Ему снилось, что этот величественный замок и его стены не разрушены и не находятся в таком запустении. Ему виделся прекрасный замок, полный гордого величия и славы.

Проснулся он к полудню следующего дня, поел и решил осмотреть первый этаж. Там обнаружился водопровод, защищенный заклинанием, которое он смог разгадать. Это дало ему воду для ванной, поступав-

шую, наверно, из ближайшей реки. Правда, он не понял, какую роль играет сочетание красных и зеленых нитей заклинания. Они, вероятно, регулировали температуру воды. Поль долго наслаждался, лежа в ванне и размышляя над тем, почему замок дошел до такой степени запустения и что случилось с остальными членами семьи.

Затем он расставил стоявшую в беспорядке мебель, навел порядок, выбросил в окна мусор. Во время уборки ему пришлось разгадать с десятков мелких заклинаний. Он решил после вернуться в библиотеку и заняться изучением одного из томов, в котором, похоже, был план помещений замка.

Все вещи убраны, пыль вытерта. Поль налил себе в стакан вина и сел за стол. Да, в этой книге было много рисунков замка в различные периоды его истории, планы всех этажей, а жирная линия под первым этажом ограничивала довольно большое пространство. Должно быть, там находилось подземелье. На этом месте кто-то поперек листа написал размашистым почерком: «ЗВЕРИ» Поль долго не мог решить, посмеяться ему над этим или содрогнуться от страха.

Встав из-за стола, он положил книгу в карман черной куртки, которую отыскал в гардеробе и очистил от пыли, обнаружив, что она ему в самый раз. Неся с собой стакан вина, молодой человек спустился по лестнице в подвал.

— Звери! — крикнул он и засмеялся. Затем вспомнил озверевших фермеров, набросившихся на него с камнями — Звери! — повторил он, заходя в кладовую, в которой хранились фонари.

Поль шел по темным коридорам, изредка сверяясь с планом. Фонарь в его левой руке изредка отбрасывал яркие блики на стены из грубого камня. Впереди почти физически ощущалась огромная концентрация силы. Когда Поль глядел вверх, он видел над головой многоцветную паутину нитей. Он не знал, что это означает, но чувствовал, что что-то очень важное.

Смогут ли его недавно проснувшиеся способности воздействовать на эту могучую паутину заклинаний?

Поль провел пальцем по нитям, и тут же в его голове появился вихрь слов, в смысле которых он не смог разобраться. Они еще долго звучали у него в голове, как бы вращаясь в сворачивающемся пространстве. Если попробовать собрать все свои силы...

Путь преградила огромная каменная плита. Нити обвивали ее со всех сторон. Конечно, здесь тоже заклинания, но даже если снять их, понадобится дюжина людей, чтобы своротить эту глыбу. Поль подошел поближе, желая рассмотреть рисунок нитей — ведь снятие заклинания зависит от их взаимного расположения. Затем дал глазам переключиться на обычные каналы восприятия.

Теперь нити исчезли; перед глазами была поверхность грубой каменной плиты. То, что Поль увидел, безмерно поразило его. Он поднес фонарь поближе и прочитал надпись на плите: «Осторожно! Здесь спит ужас Рондовала».

Поль ухмыльнулся. «Ну и пусть ужас. Нужна же мне какая-то сила в этом мире. Теперь этот ужас будет мой!»

Молодой человек опустил фонарь на землю и сосредоточился на сплетении нитей, осторожно действуя обеими руками, как бы разворачивая драгоценный подарок. Нащупал узлы концентрации мощности и стал освобождать их.

Пока Поль работал, сумятица голосов продолжала звучать в его голове. Голоса становились все громче все настойчивее, все глубже проникали в сознание. Сорвав последние узлы с плиты, он громко выкрикнул вертевшиеся в сознании слова, делая три шага вперед — Квертхал! Мекарт! Дейстард!..

Плита дрогнула и раскололась.

Поль понял, что наложить такое заклинание было намного сложнее, чем снять его. Всю эту энергию надо было собрать, разлить по нитям и связать узлами. Его собственная работа была ничто по сравнению с работой наложившего заклинание.

С жутким треском перед ним открылся вход в пещеры. Поль взял в руку фонарь и прикрывал лицо ру-

кавом, пока с потолка сыпалась щебенка. Когда все затихло, он осторожно двинулся вперед, в образовавшееся отверстие.

Молодой человек собирался поднять фонарь, чтобы осмотреть грандиозных размеров помещение, когда заметил огромное количество нитей, свернутых в шар, размеры которого были больше самого Поля. Шар находился справа от входа. От него отходило множество цветных нитей в самых разных направлениях.

Поль решил, что понадобится целый век, чтобы распутать паутину заклинаний и добраться до центра шара. Однако... удастся ли справиться с тем, что он освободит? Ведь не даром кто-то затратил огромное количество энергии, чтобы создать этот клубок заклинаний. Надо подумать, может, в голову придет что-нибудь получше.

Он поднял вверх фонарь.

Драконы, драконы, драконы... Сотни драконов и других фантастических зверей лежали перед ним насколько хватал глаз. И к каждому шла нить от клубка.

Поль опустил фонарь. Что, черт возьми, он будет делать с этими драконами? Как будет повелевать ими? Он вздрогнул при мысли, что освободит хотя бы одно из чудовищ. А если они проснутся голодными?..

Молодой человек медленно попятился. Уйти. Забыть об этом наследстве Рондовалов!

Когда он снова проходил мимо клубка, внимание его привлекла одна зеленая нить, немного темнее других и вдвое толще. Что связывает она?

Внезапно все сказочные страны, о которых Поль прочитал, о которых пел, которые лепил из дыма, ожили в его мозгу. Он понял, что не уйдет отсюда, пока не увидит чудовище, связанное этой нитью. И пошел вдоль нити, осторожно ступая между спящими животными. Он коснулся нити пальцами, и звук, подобный звону колокола, раздался в его мозгу: «Лунная Птица». И он понял, что это — имя чудовища, к которому он шел.

— Лунная Птица, — произнес Поль, держась за нить.

— Я слышу, господин, — прозвучало в его мозгу. — Слышу тебя из глубин сна. Будем ли мы снова парить в небе, как в былые дни?

— Я не тот господин, которого ты знал. Для Рондовала наступили черные дни, — мысленно ответил молодой человек, держась за нить.

— Что случилось? Рондовалы всегда были здесь. Ты из их рода?

— Да.

— Тогда освободи меня из призрачного царства. И я все для тебя сделаю.

— Мне нечем кормить тебя.

— Я найду чем кормиться. Не бойся.

— К тому же здесь сложное заклинание...

— Не для таких, как ты.

Поль остановился. Путь преградила громадная глыба. Сперва он решил, что это глыба из мелких чешуек, покрытая зеленым налетом патины, но затем заметил, что глыба немного шевелится. Поль глубоко вздохнул, стиснул зубы и поднял фонарь.

Это была огромная голова. Он робко протянул руку и коснулся ее. Холодная, как камень. И такая же твердая.

— Как далеки отсюда жилища людей, Лунная Птица? — спросил Поль.

Перед глазами возникли маленькие пятнышки лесных массивов, разбросанные кубики домов, голубая паутина рек...

— Будем ли мы снова парить в небесах?

Страх исчез. Осталось только неодолимое желание видеть это громадное животное свободным.

Поль опять взялся за нить и пошел к ее началу.

— Потерпи, король драконов. Сейчас посмотрим...

— И уничтожить врагов...

— Сначала надо освободиться.

Он подошел к выходу, где находился шар, сплетенный из разноцветных нитей заклинаний; отметил мысленно место, где зеленая нить скрывается в клубке, а также те места, где она выныривает на поверхность.

Возможно ли освободить только одну эту нить? Возможно ли разбудить Лунную Птицу, не разбудив остальных?

Поль долго изучал клубок, затем сделал наконец первое осторожное движение. Вскоре его руки были по локоть погружены в клубок, распутывая зеленую нить... И вот он уже стоит, намотав на палец конец освобожденной нити.

Молодой человек сделал шаг назад, посмотрел на спящего гиганта.

— Просыпайся, — приказал он мысленно.

Нить, извиваясь, поползла прочь. Дракон зашевелился.

«Он даже больше, чем я предполагал, — подумал юноша, глядя в открывшиеся глаза чудовища. — Гораздо больше...»

Раскрылась и закрылась пасть. Мелькнул ряд острых зубов.

Поль подошел поближе, протянул руку и коснулся огромной шеи.

— Я Поль Детсон, лорд Рондовал, — передал он.

Голова чудовища поднялась, повернулась, снова раскрылась пасть... Внезапно появился язык и лизнул его своей шершавой поверхностью с такой силой, что Поль упал.

— Хозяин!..

Поль осторожно поднялся на ноги и похлопал чудовище по шее.

— Осторожнее, Лунная Птица. Я же не из камня!

— Я иногда забываю об этом.

Дракон расправил крылья, сложил их, поднял голову.

— Садись на меня, полетим!

— Куда?

— Из этого старого подземелья. На воздух, в небо!

Поль колебался. Мужество его таяло.

«Но если я не сделаю этого сейчас, я уже никогда не решусь, — подумал он. — А если сейчас полечу с ним, то смогу это делать всегда...»

Дракон вытянул шею и опустил голову.

— Полезай.

Полю залез и разместился так, как рисовалось в сказочных книгах, в которых люди летали на драконах: на широком месте у основания шеи. Он вцепился в дракона руками и ногами.

— Я чувствую, что ты играешь на музыкальном инструменте, — сообщил Лунная Птица. — Принеси его в следующий раз, когда мы будем летать. Я люблю музыку.

Они поднялись вверх, и дракон нашел канал, по которому в пещеры проникал воздух. Свет от фонаря, оставленного внизу, быстро тускнел и превратился в точку.

Они летели в полной темноте, и вдруг, совершенно неожиданно, над ними вспыхнули звезды и холодный ветер ударил в лицо Поля. К своему удивлению, юноша запел.

Глава 13

Марк скатился с постели, накинул на плечи пурпурный халат и сел, стиснув голову, дожидаясь, когда комната перестанет вращаться.

Как долго это уже продолжается? Пять дней? Шесть? Сколько времени занимался с ним робот-хирург?

Он поднял голову. В комнате царил полумрак. То, что было вставлено в его левую глазницу, зажужжало, затем успокоилось, и он стал все видеть левым глазом.

Юноша поднялся, пересек роскошно обставленную комнату — металл, пластик, стекло — и посмотрел в зеркало над раковиной для умывания. Пробежал пальцами по окружности линзы, там, где она крепилась к костям черепа.

«Пока чувствительно. Медленно заживает из-за того, что мне приходится пить наркотики. Но они сейчас необходимы, иначе я не смогу думать...»

Марк взял тюбик с таблетками, проглотил две штуки, запив водой. Затем умылся и побрился, не зажигая света.

«В этом есть и преимущества, теперь видно в темноте...»

Он надел коричневые брюки со множеством карманов, зеленый свитер, сапоги и вышел на террасу. Его личный флайер стоял в полной готовности — компактный, легкий, с дельтавидными крыльями. Вдали взлетали и садились механические птицы. Марк глубоко вдохнул, повернулся к лифту, от которого пахло работающим заводом, и спустился на три этажа. По крыто-

му коридору, проходящему над улицей, он прошел в соседнее здание, где располагался центр наблюдения.

Один из его слуг, маленький скрюченный человек, сидел перед экранами. Трудно было определить, на что он смотрит, так как его спина загораживала обзор. Именно поэтому Марк и не любил использовать на службе людей, разве только там, где их не могли заметить машины.

Он подошел ближе, и оптический протез снова зажал, приспособляясь к освещенности.

Человек в кресле выпрямился.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он, не отрываясь от экрана.

«Однако острые же чувства у этих мутантов, черт бы их побрал!»

— Есть что-нибудь важное?

— Да, сэр. Не вернулись две патрульные птицы.

— Пропали? Где?

— В деревне...

— Что с ними случилось?

— Не знаю, сэр. Просто не вернулись.

— Как давно?

— Часа три назад.

— Ты послал другую птицу, чтобы посмотреть, что произошло?

— Это случилось внезапно, сэр.

— Другими словами, ты ничего не сделал. Почему мне не сообщили?

— Был приказ не беспокоить вас, сэр.

— Да... конечно. И что ты собираешься сейчас предпринять?

— У меня нет идей, сэр.

— Наверное, авария. Отправь туда птиц для тщательного осмотра. Сейчас же отправь. Нет, подожди!

Он подошел ближе и стал осматривать экраны.

— Никакой активности в деревне?

— Нет, сэр.

— Девушка из дому не выходила?

— Нет, сэр. В доме темно.

— Думаю, завтра заберу ее. В зависимости от самочувствия. По плану Б: три птицы и две сопровождающих. Проследи, чтобы они были готовы.

— Хорошо, сэр.

Скрюченный человечек бросил украдкой на него взгляд.

— Должен сказать, сэр, что новый глаз выглядит очень привлекательно.

— О, благодарю! — проворчал Марк, развернулся и ушел.

Когда же он сможет думать по-настоящему? Помогут ли таблетки? К завтрашнему дню он не будет в форме. Подождать до послезавтра? Или вернуться и отменить команду?

Нет, пусть уж останется так.

Марк пошел осматривать завод. Линза гудела, приспособляясь к другой освещенности.

Фонарь болтался из стороны в сторону, по стенам плясали тени. По лабиринту туннелей быстро шел маленький человек, изредка останавливаясь, чтобы прислушаться или выглянуть из-за поворота.

«Без фонаря было бы совсем плохо, — думал он. — И эта плита. Этой расколотой плиты явно не было, когда я шел сюда».

Он снова вспомнил, чему оказался свидетелем после пробуждения. Юноша как бы разговаривал с чудовищем, затем вскарабкался ему на шею и улетел, оставив, к счастью, фонарь. Кто бы это мог быть? И как он сюда попал?

Человек, припоминая путь, свернул в боковой туннель. Вроде бы никаких звуков, кроме его собственных шагов, слышно не было. Очень любопытно. После такой-то битвы...

Дойдя до огромной лестницы, он оставил фонарь и дальше пошел в полной темноте, бесшумно пробираясь к светлому пятну наверху.

И вот наконец он на верхней ступени. Глаза его обшарили холл.

— Сколько же я спал? — спросил маленький человек, обращаясь, наверное, к истлевшему занавесу.

Ответа он ждать не стал.

Когда Лунная Птица плавно опустился на плоскую крышу уцелевшей башни, солнце уже позолотило восточный край небес. Поль сошел с дракона и похлопал его по шее.

— Спасибо, приятель. Я еще вызову тебя.

— Я услышу. Я прилечу.

Огромная тень взмыла в воздух и направилась к одному из входов в пещеры. Казалось, зеленая нить связывает его с поднятой в прощальном жесте рукой Поля. Но скоро она растает и огромное животное будет полностью свободным.

Какое-то время Поль смотрел на звезды, гаснущие на западе, и размышлял о странных металлических птицах, пару которых уничтожил дракон.

Дождавшись восхода солнца, Поль повернулся, вошел в башню и стал спускаться по винтовой лестнице в библиотеку. Он уже чувствовал себя здесь как дома: шел, напевая что-то про себя и прищелкивая пальцами. Теперь он стал тем, кем ему суждено было стать, — магом, повелителем драконов, владельцем замка.

Ему захотелось взять гитару и спеть об этом, чтобы пыль выметалась сама по себе, чтобы мебель расставлялась по местам, чтобы мусор вылетал в окно, когда нити заклинаний будут колебаться в такт со струнами гитары и приводить в действие неведомые тайные силы. Теперь Поль действительно чувствовал, что замок Рондовалов принадлежит ему.

Он вошел в библиотеку и собрался налить себе вина, чтобы отпраздновать свой успех, но с удивлением обнаружил, что бутылка пуста, хотя отлично помнил, что, когда он уходил, в ней оставалось больше половины. Оставшаяся пища тоже исчезла.

Пожав плечами, Поль шагнул к лестнице. Придет-ся взять что-нибудь из кладовой. После ночного путешествия он сильно проголодался.

Глава 14

Опутав к концу дня весь замок нитями, он решил отдохнуть и посмотреть, кто же попадетя в его ловушку.

Пройдя в небольшую комнату, где находился центр его паутины, Поль сел ожидать сигнала. Сидел и размышлял.

Серебряно-серые нити тянулись во все стороны, и видны они были только ему. Поль обтянул ими весь Рондовал и устроил целую систему ловушек. Простой смертный видеть их не мог. Создать такую паутину способен только человек, обладающий могуществом — таким, как то, что привело Поля в замок, ставший его домом. Прежние обитатели этого замка тоже обладали могуществом и, видимо, умели делать и многое другое, чему он должен будет научиться по книгам.

Поль подумал о своих родственниках. Еще ребенком Мор забрал его отсюда и обменял на Дэнизла Чейна. Если он родился здесь и унесли его отсюда сразу после битвы, то значит, замок стоит в запустении уже двадцать лет. Если, конечно, время здесь идет с той же скоростью, как и в том мире.

«Что бы ни было причиной войны, приведшей к разрушению замка, — подумал он, — мои родители проиграли ее и теперь наверняка мертвы».

По стенам замка висело множество портретов различных людей. Не исключено, что на одном из них изображен лорд Дет, его отец. Подписей под портретами не было, а Поль не имел понятия, как выглядели родители.

Кисть слегка запульсировала, но к сигналу, что ловушка сработала, это не имело никакого отношения.

Молодой человек смотрел на темнеющее небо, думал о мире, в который он попал, и удивлялся, что чувствует в нем себя так, как будто здесь и вырос. Он уже ощущал себя хозяином дома, хоть и не знал его истории. И подозревал о присутствии в доме кого-то чужого.

Чужой. В его присутствии Поль был уверен так, словно видел его своими глазами. Уверен не только потому, что исчезли еда и вино, но и по дюжине других мелких следов — стертая с дверной ручки пыль, мелкая перестановка предметов, след ноги в коридоре, где никто не ходил... И еще какое-то шестое чувство, интуиция. Иррациональным образом Поль ощущал, что по замку Рондовалов ходит чужой.

Поль тщательно сплел паутину заклинаний. Все сделано вроде бы правильно. И как только чужой попадет в сеть, ему сразу же станет известно.

Снова пульсации. Но на этот раз они не прекратились, и пальцы почти сами потянулись к нити. Да. Нить вела к разрушенной башне. Отлично!

Поль взялся за нить рукой и стал осторожно ей манипулировать. Пульсации усилились. Ага, движущийся человек. Мужчина. Это он попал в сеть. Нить теперь дрожала и разбухала, наливаясь энергией. Она крепко захватила чужака.

Поль улыбнулся. Его энергия потекла по нити, заставив чужака остановиться.

— Теперь, друг мой, — тихо сказал он, — я хотел бы с тобой встретиться. Иди ко мне.

Человек начал спускаться по винтовой лестнице. Его движения были медленными, почти механическими. Он тщетно пытался сопротивляться заклинанию, но его неумолимо тянуло вперед. Лоб незнакомца сморщился от напряжения, сжатые зубы скрипели. Поль наблюдал, как человек спускается по лестнице, идет по коридору, пытается зацепиться за колонны, за дверные рамы, мимо которых проходил. Но руки его срывались.

Тогда, сунув руку под плащ, незнакомец вытащил длинную крепкую веревку. Быстро завязал узел на кисти руки, закрепил на другом конце крюк и бросил его за окно. Подергал за веревку, чтобы убедиться, что крюк зацепился надежно, и, схватившись обеими руками, стал молиться Давстиру, покровителю воров.

Поль нахмурился, заметив, что незнакомец ухитряется держаться на месте. Он удвоил усилия — тщетно. Выругавшись, молодой человек поднялся и пошел вдоль нити к темному холлу. Свечи вдоль его пути загорались сами, когда он проходил мимо. Вдруг Полю пришло в голову, что этот человек тоже обладает силой, раз он смог противостоять могучему заклинанию и остановиться на месте. Может, вызвать Лунную Птицу, чтобы уничтожить чужака?

Нет. Он должен справиться сам, если это, конечно, возможно. Ему хотелось в борьбе с противником проверить свое могущество, ведь теперь, когда Рондовал стал его домом, на нем лежала защита замка.

Поль, возможно, прошел бы мимо маленького, одетого в черное человека, не обратив внимания, если бы его не привлекли дрыгающиеся ноги. Он увидел, что человек противостоит его заклинанию только силой рук.

— Занятно, — сказал Поль, снова взявшись за нить. — Не старайся напрасно, спускайся вниз. Быстро!

Его энергия потекла по нити, заставив незнакомца застыть неподвижно.

— А теперь, друг мой, — пробормотал он, — спускайся вниз.

Чужак потихоньку начал спускаться по веревке. Затем не выдержал и отпустил веревку и сразу же упал к ногам Поля. Молодой человек отскочил назад, ударился плечом о стену и упал. Упавший рядом с ним незнакомец моментально вскочил и побежал.

Оправившись от падения, Поль схватил нить и стал манипулировать ей, стараясь захватить колени беглеца. Наконец тот рухнул навзничь и растянулся на полу.

Поль подбежал к нему, удерживая нить в напряжении. Человек откатился в сторону, в его руке появился нож. Но Поль был наготове. Он отпрыгнул, а петля на нити захватила кисть соперника и затянулась.

Нож упал, скользнул по полу и исчез в тени возле стены. Теперь руки и ноги беглеца были связаны. Его светлые глаза встретились с глазами Поля. В них не было никакого выражения.

— Должен заметить, — сказал Поль, — что ты не спешил выполнять мой приказ.

Незнакомец улыбнулся.

— Такова моя профессия, — сказал он мягким сладким голосом. Затем вздохнул. — Ну, что теперь?

Поль покачал головой.

— Не знаю. Я поймал тебя, не имея ни малейшего понятия, кто ты и что тебе здесь надо. Я поймал тебя, только чтобы обеспечить свою безопасность и удовлетворить любопытство.

— Меня зовут Маусглов, и я не собирался причинить тебе вреда.

— Тогда чего же ты шпионишь и крадешь пищу?

— Человеку надо есть, а забота о своей безопасности заставляет меня прятаться. Я знаю, что ты колдун и повелитель драконов. Мне не очень-то хотелось идти знакомиться с тобой.

— Разумно, — кивнул Поль. — А если бы еще и я знал — как ты здесь оказался, — я мог бы отнестись с пониманием или даже с симпатией к твоему воровству.

— Хорошо, — вздохнул Маусглов. — Я вор. Я пришел сюда, чтобы украсть принадлежавшую лорду Дету коллекцию фигурок из драгоценных камней. Это очень дорогая коллекция. Я собирался продать ее в западных странах и на полученные деньги жить в свое удовольствие. К сожалению, Дет поймал меня — примерно так же, как и ты — и заточил в подземную тюрьму. Мне удалось бежать, но в тот момент война была в самом разгаре. Замок был осажден, нападающие готовились взять его штурмом. Я видел, как Дет погиб во время дуэли со старым колдуном, и решил, что самое безопасное — вернуться обратно в тюрьму. Однако я за-

блудился в лабиринте, а затем уснул. Когда я проснулся, я увидел, как ты оседлал страшного дракона и улетел на нем. Я был очень голоден, а из кладовой взять пищу не смог.

— Не понимаю, почему же ты остался в замке?

Маусглов облизнул губы.

— Мне хотелось проверить, — сказал он после некоторой заминки, — на месте ли коллекция.

— Ну и как?

— Я ее не нашел. Но судя по тому, как выросли деревья вокруг, прошло заметно больше времени, чем я думал.

— Полагаю, прошло лет двадцать, — сказал Поль, освобождая ноги Маусглова. — Ты голоден?

— Да.

— И я тоже. Пошли, поедем. Если я освобожу тебе руки, ты сможешь мне нести пищу? Не будешь хвататься за нож?

— Предпочитаю убивать на полный желудок.

— Отлично. — Поль снял петлю с его рук.

— Много бы дал, чтобы понять этот фокус, — произнес Маусглов, глядя на Поля.

— Пошли в кладовую, — сказал Поль. — По пути я хочу услышать, как погиб мой отец.

— Твой отец? — Маусглов выпрямился.

— Лорд Дет.

— Но ведь остался только ребенок...

— Двадцать лет прошло.

Маусглов вытер лоб.

— Двадцать... Трудно поверить. Не понимаю, как это могло случиться?

— Ты попал под действие заклинания, насылающего сон, и уснул вместе с драконами. Наверное, я освободил тебя при освобождении Лунной Птицы. Ты, должно быть, спал рядом.

Они двинулись к кладовой. Маусглов повернулся и взглянул на Поля.

— Я видел, как тебя, совсем ребенка, несла мать. Она обожгла мне руки, когда я пытался дотронуться до тебя.

— Ты знал ее?

— Да. Леди Лидия... Очень красивая женщина. Но думаю, лучше начать сначала.

— Пожалуй, ты прав.

Они взяли в кладовой пищу и вино и прошли в библиотеку, чтобы поесть и поговорить. Поль взял гитару и, слушая рассказ вора, рассеянно пощипывал струны, изредка отхлебывая вино. Один раз он взял такой аккорд, что у Маусглова волосы встали дыбом и лязгнули зубы.

Поль мягко спросил:

— И они убили моих родителей? Жители деревни?

— В армии были и другие, не только жители деревни. Я видел среди них даже кентавров. Но с Детом сражался другой колдун, Мор. Думаю, его вызвали...

— Мор?

— Да.

— Продолжай.

— Твоя мать была в юго-западной башне, когда та рухнула. Я встретился с ней, когда она направлялась туда. Тебя нашли возле входа в башню и принесли в главный холл. Солдаты хотели тебя убить, но Мор сохранил тебе жизнь, обменяв на ребенка из другого мира — или, точнее, сказал, что обменяет. Он так и сделал?

— Да. И это они убили моих родителей...

— Двадцать лет прошло. Все они теперь старики, может, даже уже умерли. Тебе не удастся их найти.

— Но меня закидали камнями. И то, что они узнали знак дракона, тоже о чем-то говорит.

— Поль... Лорд Поль... мне не ведома твоя история — где ты был, какую вел там жизнь, как вернулся сюда... Но я старше тебя. Я многого не знаю и во многом не уверен, однако в одном я убежден твердо. Ненависть съест тебя, вывернет наизнанку, если ты не найдешь, кому надо мстить.

Поль хотел сказать что-то, но Маусглов поднял руку.

— Подожди. Дай мне закончить. Ты молод, и у меня сложилось впечатление, что ты только учишься обладать могуществом. Думаю, что переход сюда —

головокружительный поворот в твоей жизни. Оглядываясь в прошлое, я вижу, что у меня тоже было много возможностей резко изменить свою жизнь. Такие возможности бывают у каждого. Только мне кажется, что ты еще не выбрал себе дорогу в жизни, по которой будешь идти. Старый Мор был белым колдуном. Дет, напротив, черным. Но в мире не все так просто и понятно. Не существует ни чисто белого, ни чисто черного, и лишь по прошествии времени можно оценить, на что было направлено могущество того или иного колдуна, что им руководило. Не знаю, понимаешь ли ты, к чему я веду. Если ты сейчас, через двадцать лет после тех событий, когда ты так молод, будешь думать о мести, использовать свое могущество во зло, то ты переменишься к худшему и все, к чему ты прикоснешься, будет носить черную метку. Я говорю тебе это не потому, что боюсь появления нового Дета, а ради тебя самого.

Поль молчал, затем тронул струну.

— Посох моего отца, — промолвил он. — Ты сказал, что Мор разделил его на три части. Повтори еще раз, что он с ним сделал.

Маусглов вздохнул.

— Старик говорил о каком-то магическом треугольнике Инта. Он хотел поместить части посоха в его вершины.

— И это все?

— Все.

— Ты знаешь, что это означает?

— Нет. А ты?

Поль покачал головой.

— Никогда не слышал об этом.

— А что ты скажешь о моей оценке сложившейся ситуации?

Поль сделал глоток вина и поставил стакан.

— Я их ненавижу. Может, мой отец и был злым человеком, черным магом — не знаю. Но я не могу оставаться беспристрастным, узнав с его насильственной смерти. Нет. Я их ненавижу. Они как тупые дикие звери. Они поступили со мной жестоко, хотя я не же-

лал им никакого зла. А недавно мне рассказали о человеке, который хотел сделать им добро, хотя, возможно, не так подошел к этому. И тоже пострадал от них. Его закидали камнями. Это трудно простить.

— Поль... Лорд Поль, они боятся. Ведь ты для них представляешь то, чего они долго отчаянно страшлись. А другой человек... Кто знает? Может, там такая же ситуация?

— Да, — Поль кивнул. — Как я понял, он пытался внести в их жизнь что-то новое — то, что они прокляли много лет назад. Наверное, ты прав. У тебя есть еще что мне рассказать?

— Нет, уже нет. Но я хотел бы услышать твою историю. Ведь мне кажется, что всего несколько дней назад я видел тебя ребенком.

Поль впервые широко улыбнулся и снова наполнил стакан.

— Хорошо. Я с удовольствием расскажу..

Когда Поль открыл глаза, был уже день. Он спал на диване, а Маусглов свернулся на полу.

Поль поднялся и бесшумно спустился вниз, где умылся и сменил одежду. Затем сходил в кладовую и взял еды.

После завтрака Маусглов спросил:

— Какие у тебя планы?

— Немножко мести.

— Этого я и боялся, — сказал Маусглов.

Поль пожал плечами.

— Тебе легко говорить «прости их». Тебя они убить не пытались.

— Я долго был в руках слуг и тюремщиков твоего отца.

— Но ты же сам признался, что пришел сюда воровать. А я не хотел людям ничего плохого. Это разные вещи

— Хорошо. Ты уже решил. Мне сказать больше нечего, кроме того, что я хотел бы уйти отсюда, если, конечно, ты не против.

— Пожалуйста. Ты больше не пленник. Я дам тебе в дорогу еды.

— О, но только не много. Люблю путешествовать налегке.

— Можешь взять все, что тебе нужно. Ты куда направляешься?

— В Дибну.

— Я не знаю, где это.

— Город на юге. Сейчас покажу. — Маусглов взял из шкафа карту. — Вот.

— Очень далеко, — протянул Поль, рассматривая карту. — И по пути сплошные пустыни. Если хочешь, я отвезу тебя.

— Как отвезешь?

— На драконе.

Маусглов побледнел и прикусил губу. Затем улыбнулся.

— Ты шутишь?

— Ничуть. Я в долгу перед тобой за то, что ты мне рассказал. Я отвезу тебя в Дибну, если ты согласен лететь со мной на драконе.

Маусглов стал задумчиво расхаживать по комнате.

— Ну хорошо, — наконец решил он. — Вопрос только, согласится ли дракон меня взять.

— Согласится.

Они летели на юг, сидя на огромной спине медно-красного дракона. Солнце было еще низко. Холодный ветер уходящей ночи мешал разговаривать.

Поль услышал в голове голос дракона:

— Я просил, чтобы ты принес музыкальный инструмент.

— Сегодня здесь тесновато.

— Этот человек мне почему-то знаком. Он мне снился.

— Он спал рядом с тобой. И ему снились драконы.

— Странно... Мне кажется, я могу говорить с ним.

— Попробуй.

— Эй, человек!

Маусглов встрепелулся, посмотрел вниз, улыбунулся.

— Ты Лунная Птица? — спросил он.

— Да.

— Я Маусглов. Мое занятие — воровство.

— Мы спали рядом?

— Да.

— Рад встретиться с тобой.

— Я тоже...

Маусглов заметно успокоился после беседы, развалился и сказал Полю:

— Все совсем не так, как я себе представлял. Мне кажется, что я его хорошо знаю. Эти сны...

Они смотрели, как над ними проносятся звезды. Внизу виднелись зеленые леса, коричневые горы, голубые реки и озера. Они пролетали над отдельными строениями, фермами, к которым вели тропинки, соединяющие с дорогой... Вокруг были фруктовые сады.

Слева, где начиналась долина, Поль увидел скопление камней и узнал место, где он спал. Губы его сжались.

— Лети над дорогой.

— Хорошо.

Хорошо бы взглянуть на деревню в дневном свете. решил Поль. Может, удастся напугать кого-то из жителей.

С земли за ними наблюдал кентавр. Как там сказал Маусглов? «Я видел среди них даже кентавров»?

— Спустись, напугай его.

Лунная Птица быстро понесся вниз. Кентавр развернулся и поскакал прочь. Поль ухмыльнулся.

— Это всего лишь начало! — воскликнул он, когда дракон снова взмыл вверх.

— Господин, впереди летающие железные птицы. Позволь мне их уничтожить.

Поль всмотрелся. Над землей кружили черные металлические аппараты.

— А на земле они есть?

— Есть, но те, что в воздухе, уничтожить легче.

Поль почувствовал, что тело дракона нагревается.

— Но там, внизу, человек Кажется, девушка.
Даже с высоты он мог видеть цвет ее волос.

— Спускайся на землю Только осторожно. Не
причины вреда девушке

Дракон удрученно вздохнул. Из его ноздрей вырвались клубы зеленого газа и тут же растворились в воздухе.

— Всегда люди все усложняют.

Внезапно они ринулись вниз. Земля быстро приближалась. Поль рассмотрел Нору, которую окружали три летающие машины. Они были гораздо сложнее, чем те, с которыми Лунная Птица встретился в воздухе прошлой ночью. Эти машины могли двигаться по земле и преследовали девушку. Она, в свою очередь, старалась от них убежать и стремилась к лесу, чтобы укрыться там за деревьями. Поль понял, что если она доберется до леса, то будет в безопасности, а если нет, то машины схватят ее

Он почувствовал запах гнилых яиц — признак какой-то химической реакции в теле дракона. Этот запах заполнил весь воздух Крылья дракона внезапно раскрылись и туловище выпрямилось. Поль и Маусглов вцепились в его чешую, чтобы не свалиться.

Приземление оказалось очень резким, их чуть не сбросило на землю. Через несколько секунд Поль понял, что они сели прямо на одну из машин. Затем дракон рыгнул — жуткий, отвратительный звук, сопровождающийся усилением тошнотворного запаха. И сразу же из его пасти изверглась струя зеленой жидкости и попала на вторую машину. Та задымилась, а потом вспыхнула. Поль поискал глазами Нору.

Девушка старалась убежать как от оставшейся машины, так и от них. Внезапно она узнала его.

— Дэн!

— Все в порядке! — крикнул молодой человек, а дракон двинулся вперед и начал крушить аппарат, пытавшийся скрыться с места сражения.

Первый удар повредил правое крыло машины, второй — превратил ее в кучу металлолома. Но тут еще

две машины спустились на землю, а на небольшой высоте над ними кружила третья.

Лунная Птица снова рыгнул, и одна из машин запылала. Оставшаяся бросилась в атаку. Поль прижался к телу дракона, рядом с ним съежился Маусглов, но оба хорошо видели, что происходит.

Дракон открыл пасть и поднял свои передние лапы. Он сорвал с птицы крылья, затем последовал скрежещущий звук.

— Они несъедобны.

Чудовище плюнуло. Перед ним лежали дымящиеся обломки машины. Поль посмотрел вверх. Последняя птица поднималась все выше и выше.

— Догнать ее?

— Нет. Подожди, я поговорю с Норой.

Молодой человек спрыгнул на землю и, пробираясь между обломками, подошел к Норе.

— Здравствуй. — Он взял ее за руку. — Что случилось? Что это за аппараты?

— Это машины Марка. Такие же, как те, что спасли его. Он послал их за мной.

— Зачем?

— Он сказал, что возьмет меня к себе.

— А ты к нему идти не хочешь?

— Сейчас — нет.

— Тогда необходимо повидаться с ним и поговорить. Где он?

Девушка посмотрела на дракона, затем снова на Поля.

— Думаю, на юге, — сказала она наконец. — В одном из запретных мест, возможно, в горах Анвил.

— Ты сможешь его найти?

— Наверное.

— А ты летала когда-нибудь на драконах?

— Нет, никогда.

— Лети с нами. — Поль погладил ее руку. — Это очень интересно. Дракона зовут Лунная Птица.

— Я боюсь. — Девушка не двинулась с места. — Последний дракон, который был в этих краях, принадлежал дьяволу Дету...

Он кивнул.

— Это хороший дракон. Но скажи мне, кого ты боишься больше: механических птиц Марка или кроткого ручного зверя?

Нора повертела головой.

— Где ты его нашел? Почему он подчиняется тебе? Может, ты действительно из рода Рондовалов? Ты говорил, что путешественник...

— Я действительно много путешествовал. Но об этом долго рассказывать.

— Если ты действительно из рода Рондовалов, как говорят, то это один из драконов Дета.

— Теперь он мой. Я не хочу лгать тебе. Я никогда не лгал. Да, я из рода Рондовалов. Но я рад был помочь тебе. Ты покажешь, где живет этот парень? Я хочу с ним поговорить.

Девушка долго смотрела ему в лицо. Поль встретил ее взгляд спокойно. Наконец она кивнула.

— Ты прав. Он способен причинить много вреда. Возможно, нам удастся его образумить. Как мне влезть на дракона?

— Позволь сперва представить тебя ему...

Когда земля растаяла под ногами, Поль наклонился к Маусглову.

— Нам придется сделать по пути небольшой крюк. Я хочу навестить человека, который командует этими штуками.

Маусглов кивнул и спросил:

— Разве ты еще не отказался от мести?

Поль покраснел, а Нора спросила:

— Месть? О чем он говорит?

— Потом! — отрезал Поль. — Расскажи мне о запретных местах.

— Это места, где сохранилось много вещей от прежних времен.

— Говорят, там бродят призраки, — добавила Нора.

— Я тоже слышал об этом, — кивнул Маусглов. — В тот день, день гибели замка, Мор говорил что-то о ба-

лансе. Мол, наш мир развивается в одном направлении, а тот, куда тебя перенесли, — совсем в другом. И эти пути абсолютно несовместимы. Попытка скомбинировать их может привести к страшным последствиям. Мне кажется, что в этом направлении Дет и работал.

— Значит, Марк представляет большую опасность?

— Выходит, что так.

Поль прикрыл глаза от солнца и посмотрел вперед, выискивая в небе механическую птицу, которая уже превратилась в точку.

— Мы летим в том же направлении, что и птица.

— А какая там местность? — спросила Нора.

— Не знаю, — Поль улыбнулся маленькому вору и тот улыбнулся в ответ. — Намерение — не действие. И даже не попытка. — Взгляд его внезапно расфокусировался, юноша как бы рассматривал что-то невидимое другим. — А поучения у тебя хорошо получаются, — с легкой усмешкой протянул он, и Маусглов судорожно схватился за грудь. — Ведь мои фигурки сейчас у тебя в кармане.

Маленький вор побледнел и зашелся в кашле.

— Я потом с тобой разберусь, — сказал Поль. — Не думаю, что ты сможешь убежать. Я теперь понимаю, о какой опасности говорил Мор, когда привел меня сюда.

— Я все объясню... — начал Маусглов.

— Так тебя привел сюда старый Мор? — переспросила Нора.

— Да.

— Это очень интересно. Когда я рассказала ему о Марке, старик выглядел совсем больным.

— Выглядел он плохо, — согласился Поль.

Характер местности стал меняться. Деревья становились мельче. Широкая река, вдоль которой они летели, сузилась и наконец повернула на юго-запад и исчезла из виду. Земля становилась все суше и все пустынной.

Черная точка, за которой следил Поль, давно скрылась из виду, но около полудня они встретили отряд

птиц. Те летели на большой высоте, затем начали спускаться, держа курс прямо на них. Птиц было с полдюжины.

Поль почувствовал, что шея Лунной Птицы напряглась. Казалось, дракон начал нагреваться.

— Надо напасть...

— Подожди, — приказал Поль. — Они, похоже, не собираются на нас нападать. Думаю, они будут нас сопровождать.

— Нужно их уничтожить.

— Пока они далеко — не надо.

Они продолжали полет, и вскоре на горизонте появились ярко освещенные горы Анвил. Очертания вершин четко вырисовывались в небе. Эскорт из птиц сопровождал дракона, не делая попыток нападения и не меняя дистанции.

Подлетев к горам, путники увидели огромное количество таких птиц, кружащих в небе над холмами с плоскими вершинами.

Горы становились все больше по мере приближения к ним. Поль заметил, что птицы меняют курс.

— Лети туда, куда они ведут. Наверняка они хотят доставить нас к Марку.

Лунная Птица не ответил, но изменил курс, приравливаясь к полету механических птиц. Они приближались к городу в горах и делали широкий разворот, чтобы сесть на крышу расположенного в центре города здания.

Поль неотрывно смотрел вниз и вскоре увидел на площадке высокого рыжеволосого человека. Вокруг него сновали похожие на людей машины, выполняя какую-то работу.

— Магия! — пробормотал Маусглов.

— Нет, — сказал Поль. — Это не магия.

Он почувствовал, как рука Норы сжала его руку

— Знаешь ли ты этого парня?

— Знаю ли я его? Я его любила много лет. А теперь боюсь. Он так изменился...

— Хорошо. Сядем на ту площадку и поговорим с ним. Если ты хочешь, чтобы он тебя больше не беспо-

коил, скажи ему прямо. А если ты его все еще любишь, есть шанс уладить отношения. Опускайся, Лунная Птица.

Посадка вышла гораздо более мягкой, чем предыдущая. У Поля все еще звенело в ушах от полета. Молодой человек прыгнул на землю и помог слезть Норе. Она сразу же воскликнула:

— Его глаза! Он ранен!

Поль обернулся. Человек в костюме цвета хаки со множеством карманов приближался к ним. Его левый глаз был покрыт странным уродливым образованием. От лба и через всю щеку проходил свежий шрам.

Поль шагнул ему навстречу.

— Я Поль Детсон. Нора хочет поговорить с тобой, и я тоже.

На расстоянии двух метров Марк остановился и стал рассматривать прибывших. Затем кивнул.

— Я Марк Мараксон. — Он повернулся к Лунной Птице. — Никогда не видел драконов. Боже, какой большой! — Он снова повернулся к Полю, даже не посмотрев на Нору. — Детсон... Маг?

— Думаю, да.

— Никогда не понимал магии.

— Я сам только начинаю учиться ей.

Марк широким жестом руки указал на раскинувшийся вокруг город.

— Это вот я понимаю, — с гордостью произнес он.

— Я тоже. Там, откуда я пришел, машин очень много.

Марк потер шрам на щеке.

— О чем ты говоришь? Где это?

— Мы с тобой сводные братья, — ответил Поль. — Твои родители вырастили меня в мире, похожем на тот, который ты создал здесь. Прости, что я так пристально смотрю на тебя. Ты очень похож на отца.

Марк отвернулся, сделал несколько шагов, повернулся обратно.

— Ты шутишь, — сказал он наконец.

— Ничуть. Всю жизнь я носил имя, которое дали тебе.

— Какое имя?

— Дэн Чейн.

— Дэн Чейн, — повторил Марк. — Мне оно нравится... Как это могло случиться? Совсем недавно я узнал, что был усыновлен, но такое... Слишком много совпадений! Невозможно поверить!

— Все это правда и не просто совпадения. Подожди...

Поль полез в карман, достал и открыл бумажник. Затем шагнул вперед и протянул его Марку.

— Вот фотографии отца и матери.

Марк взял бумажник и посмотрел.

— Они не нарисованы, — с удивлением сказал он. — Это результат использования какая-то сложной технологии.

— Просто фотографии.

— А как их звали?

— Глория и Майкл Чейн.

— Я.. я вижу себя в этих лицах. Ты позволишь... У тебя есть еще фотографии?

— Да. Там есть еще несколько штук. Ты их можешь взять. Вытащи. Да, вот так.

Марк вернул бумажник.

— Чем занимается... мой отец?

Теперь Поль сделал широкий жест рукой.

— Делает машины. Конструирует их. Примерно то же, что ты делаешь здесь.

— Я был бы рад встретиться с ним.

— Он, полагаю, тоже. Я буду думать над способом переправить тебя в тот мир. Придется провести большую работу, понадобится много экспериментов, но я верю, что мне удастся сделать то, что мог сделать Мор. Мне кажется, что такой человек, как ты, не может быть счастливым в этом мире. Особенно после того, о чем мне рассказали. Уверен, тебе захочется попасть в тот мир, из которого я пришел. Там тебе будет лучше.

Марк еще раз взглянул на фотографии и спрятал их в нагрудный карман.

— Тебе рассказали, что они сделали с отцом... моим приемным отцом?

Поль кивнул.

— Тогда ты должен понимать мои чувства. — Марк снова посмотрел на дракона. — Хочешь мстить?

— Сначала хотел. Но теперь — нет. Я их почти понял, а значит, почти простил. Пусть они идут своим путем, а я пойду своим.

Марк ударил кулаком по ладони и отвернулся

— Не так все это просто, — сказал он, расхаживая взад и вперед. — Для тебя, чужака, — допускаю. Но я здесь жил, вырос, был со всеми знаком. Я хотел сделать им подарок. Но они отвергли его со страшной жестокостью. И теперь... теперь я буду им мстить.

— Ты причинишь этим много боли не только им, но и себе.

— Ну и пусть. Они сами выбрали свою судьбу.

— Я думаю, что смог бы переправить тебя в твой родной мир. Там тебе наверняка понравится.

Какое-то время Марк смотрел на Поля, уже готовый согласиться, но затем сказал:

— Нет. Как-нибудь позже. Я устрою им сюрприз. Все будет готово через неделю. И тогда...

— Подумай хорошенько.

— После моей последней встречи с ними у меня было много времени для размышлений. — Рука молодого человека пробежала по изувеченному лицу.

— Если мне удастся переправить тебя в другой мир, у тебя будут замечательные возможности. Тогда ты и забудешь думать о том, что здесь произошло.

Марк подошел, опустив голову. Линза на его левом глазе светилась зловещим золотистым блеском.

— Мне кажется, ты слишком много обо мне заботаешься, — медленно произнес он. Затем резко повернулся к Норе. — Не она ли причина тому?

— Нет, — сказал Поль. — Тебя она знает годы, а меня — несколько дней. Между нами ничего нет.

— Ну, это ты быстро поправишь, когда избавишься от меня.

— Так думаешь ты, но не я. Хочу предостеречь тебя от ошибки, которую ты почти что сделал: она сама может поговорить тобой.

Марк повернулся к девушке.

— Ты тоже хочешь избавиться от меня?

— Оставайся. Но не трогай деревню.

— После того что они со мной сделали?

— Этим они показали тебе свое отношение к машинам. Они были жестоки потому, что ты напугал их.

— Ты на их стороне.

— Именно я предупредила тебя.

— А также и на его стороне. — Марк показал на Поля, его линза зловеще сверкнула. — Драконы! Магия! Он представитель всего архаичного, реакционного! Он стоит поперек пути прогресса! И ты предпочитаешь мне его!

— Я никогда не говорила этого!

Нора сделала шаг вперед, протянула ему руку. Он отвернулся, сжал кулак и поднес к лицу Поля.

— Я могу убить тебя одним ударом. Я кузнец.

— Лучше не пытайся, — ответил Поль. — Я боксер.

Марк посмотрел вверх. Сверху на него смотрел дракон.

— Ты думаешь, это ископаемое защитит тебя? У меня тоже есть слуги.

Он поднял левую руку и задрал рукав. На солнце засверкал большой браслет со множеством кнопок. Пальцы забегали по кнопкам. Все роботы в округе повернулись к ним и начали приближаться.

Поль поднял правую руку и обнажил родимое пятно в форме дракона. Оно пульсировало, и казалось, что дракон извивается под кожей.

— Еще не поздно прекратить то, что ты начал.

— Уже поздно, — ответил Марк.

И тут же машины одна за другой стали дергаться, начинали жалобно скрипеть и застывали на месте. Машины, находившиеся дальше, просто беззвучно замерли. Марк нажимал все подряд кнопки. Безрезультатно!

— Отец часто жаловался, что я свожу машины с ума, — сказал Поль, — а теперь...

Марк бросился на него. Поль отскочил в сторону, а кулак его попал в солнечное сплетение нападавшего. Тот охнул и согнулся. Поль нанес удар в челюсть. Он

мог ударить и еще раз, но побоялся сломать глазной протез. Пока он колебался, Марк левой рукой с размаху ударил браслетом прямо по голове Поля.

Поль упал на колени, прикрыв голову руками. Он увидел занесенный сапог и откатился в сторону, чтобы избежать удара.

— Уничтожить? Сжечь?

Это дракон вошел в контакт с ним.

— Нет, Лунная Птица! Нет!

Дракон издал низкое рычание, и Марк отскочил назад, прикрывая голову сверху руками. Затуманенными глазами Поль заметил нити между ним и Марком. Вот эта, красная...

Марк уловил движение руки упавшего юноши. Он хотел подскочить и ударить еще раз, но ноги его не сдвинулись с места. Он упал. И лежал, полностью парализованный ниже поясицы. Затем попытался подняться и заметил, что Поль встал на колени и потирает голову руками.

Вдруг чья-то рука обняла плечи Марка.

— Пожалуйста, Марк. Скажи, что ты не причинишь вреда ни деревне, ни кому-то другому.

Он попытался оттолкнуть девушку.

— Ты никогда не любила меня.

— Неправда.

— Как только появился какой-то смазливый тип, ты тут же решила от меня избавиться.

— Не говори так.

Марк с трудом сел.

— Беги, пока у тебя есть возможность. Если хочешь, можешь предупредить жителей деревни. Но это не поможет. Я все равно приду и сделаю то, что решил. Это относится и к тебе. У меня будет такое оружие, с которым мне не страшны никакие драконы. Ступай! Передай им, что я их ненавижу! Скажи...

— Идем, Нора. — Поль встал на ноги. — Говорить с этим человеком бесполезно.

Он протянул руку. Нора приняла ее.

— Самым лучшим сейчас было бы убить тебя, — сказал Поль Марку. — Но она никогда не простит мне

этого. И к тому же ты сын родителей, которые меня вырастили. Поэтому я даю тебе еще время. Используй его разумно, пересмотри свои планы. Если ты нападешь на деревню, то дело будешь иметь со мной. Я не собираюсь быть их покровителем, но ты можешь нарушить баланс, а это грозит бедой для всех живущих здесь.

Молодой человек помог Норе забраться на Лунную Птицу и тут заметил, что Маусглов исчез. Поль быстро осмотрел всю площадку, однако вора на ней не было.

Он сел рядом с Норой и посмотрел на Марка.

— Не ходи в деревню, — попросил он.

— Я понял твою магию, — мягко ответил Марк. — И найду способ ее нейтрализовать. Это какое-то волновое излучение, испускаемое нервной системой...

— Не трать напрасно времени. Лунная Птица, домой!

Могучие мышцы напряглись, они взмыли в воздух и стали набирать высоту.

— Марк ведь не навсегда парализован?

— Нет, примерно на час. Я только стянул нити, не делая узлов.

— Нити? О чем ты говоришь?

— Он пленник своего тела. Но скоро оно опривится

— Он уничтожит нас.

— Да, силы у него довольно внушительные, — сказал Поль, глядя вниз. — Возможно, ты права, хотя я и надеюсь на лучшее.

Солнце на западе начало спускаться за линию горизонта. Снова вокруг запели ветры.

Механические слуги ожили раньше, чем пришел в себя Марк. С самого начала он не обратил внимания на третьего человека, прилетевшего на драконе, а теперь все воспоминания о нем были вытеснены страшной ненавистью к Полю

Спустились сумерки. Линза на глазу потемнела. Браслет снова стал функционировать.

Глава 15

Птица-наблюдатель с глазами широкого обзора и параболическими ушами следовала за драконом на сервер. С определенными интервалами за ней шли большие птицы, служащие ретрансляторами для передаваемой информации. Передавать, однако, было нечего. Ничего подслушать птица-наблюдатель не смогла. Если бы она подлетела поближе, то услышала бы рассказ Поля о том, как он вступил во владение замком Рондовалов. Но птица не подлетела ближе и потому не слышала ничего, даже удивленных восклицаний Норы.

— Ты так быстро овладел магией!.. Все же у Марка достаточно времени, чтобы стать могущественнее тебя. Что ты сможешь противопоставить ему, если он пошлет целые тучи летающих птиц и полчища наземных машин? Мне показалось, что у него есть и люди. Или призраки... Он может создать огромную армию. У тебя есть какой-нибудь план?

Поль долго молчал, затем ответил:

— Существует посох моего отца, обладающий большим могуществом. Если он у меня будет, я смогу управлять всем, что есть в Рондовале. Если я добуду посох раньше, чем выступит Марк, то получу против него могучее оружие. Но я пока не знаю ни географии этого мира, ни его политического устройства. Все книги, какие у меня есть, — старые. Есть у меня и карты, но я не уверен, что они все еще верны.

— Я все тебе расскажу и покажу, — сказала Нора.

— Но я доставлю тебя в твою деревню.

— Нет! Не надо. Я боюсь. Он может снова послать за мной. Кто тогда остановит его?

— Вдруг тебе не понравится в Рондовале?

— Но там все же лучше, чем в горах Анвил... Не известна ли тебе магия, которая сделала бы его тем человеком, каким он был несколько лет назад?

— Не думаю, что магия способна изменить судьбу человека. Да и сам человек вряд ли может ее изменить.

— Я так и знала, что ты скажешь это. Все умные люди говорят одно и то же.

И девушка заплакала — впервые за весь этот ужасный день. Хотя рыдала она громко, птица-наблюдатель ничего не слышала. Слышал только Поль, но он не знал, что следует делать, и молча смотрел вперед.

Когда они пролетали над деревней Норы, было уже совсем темно. Поль накинул свою куртку на плечи девушки. Темное небо усеивали яркие звезды. Только теперь Поль обратил внимание, что не может узнать ни одного созвездия.

Лунная Птица разглядел во мраке замок Рондовалов, где ждал его ужин, и пошел на посадку.

Проснулся Маусглов в грязной комнате, находившейся где-то в подвале. По-видимому, прежние обитатели города использовали ее как кладовую, а нынешние обитатели до нее еще не добрались. Сырой и затхлый воздух, пыль, паутина... Именно потому он и выбрал эту комнату. Визг машин сюда едва доносился, а низенькие, длиннорукие, с покатыми плечами люди вообще избегали появляться поблизости.

Он поел из той еды, которую принес с собой, и спрятал сумку с фигурками под кучей мусора.

«Надо бы как-нибудь выбраться отсюда. Если упадусь — все пропало. Этот тип со шрамом получает информацию обо всем, что происходит, от птиц, которые постоянно кружат над городом. Хорошо, что он был возбужден прибытием Норы... А далеко ли отсюда до Дибны? Вероятно, несколько дней пути, может, неделя. Значит, следует запастись пищей, прежде чем

пускаться в путь... Любопытно, сколько сейчас времени? Судя по тому, как я отдохнул, наверное, полночь. Если повезет, утром достану пищу и следующей ночью смогу тронуться в путь...»

Он осторожно приоткрыл дверь и выглянул в полутемный коридор. Пусто. Выскочить, пробежать коридор и взлететь по лестнице было делом нескольких секунд.

Воздух оказался холоднее, чем ожидал Маусглов, но все же достаточно теплый. Стараясь держаться в тени, он поднялся по лестнице на три или четыре этажа, пока не оказался на уровне земли. Вдали слышался шум заводов, поблизости топали слуги-роботы, выполнявшие таинственные поручения своего хозяина.

Перед ним было еще не исследованное им невысокое строение. Внутри строения горел свет. Слева возвышалось здание, из которого он сбежал вчера днем. Да. Вон и открытый коридор над улицей, по которому он бежал...

Маусглов видел, как Поль и Нора улетали на север. Это хорошо, что они остались свободны. Он не желал им зла, а тем более — попасть в руки этого высокого рыжеволосого со странным взглядом. Он боялся, что на пленника здесь обрушится нечто похуже, чем магия, и потому торопился убраться подальше во что бы то ни стало.

Но где же они хранят пищу?..

Снова его внимание привлекло невысокое, тускло освещенное здание. Конечно, это не кладовая; но ему очень захотелось узнать, что это такое. Здание было расположено так, как если бы оно главенствовало над всем, к нему сходились все нити.

Маусглов подошел поближе, стараясь держаться в тени стены. Двигался он очень осторожно и совершенно бесшумно, опасаясь ловушек и часовых. Наконец приблизился к зданию, дотронулся до сырой стены и застыл, прислушиваясь. Затем добрался до угла, выглянул из-за него и, никого не заметив, стал подкрадываться к окну возле двери. Заглянул. Ничего не видно. Мешала какая-то аппаратура.

Он стал пробираться к следующему окну. Может, там больше повезет.

Маусглов увидел в окно двух человек, сидевших перед чем-то похожим на светящиеся окна, которые явно не могли никуда выходить. Но угол, под которым он смотрел, был слишком острым, и ему не удалось заглянуть в эти окна.

Он пробрался дальше, к следующему окну, которое оказалось открытым. Добравшись до него, Маусглов опустил на колено и осторожно заглянул в комнату.

Он смотрел прямо в светящийся экран и внезапно узнал знакомую обстановку. Люди в комнате не разговаривали, но он услышал голос, исходивший как бы из стены перед ним. Маусглов изумленно ахнул и проворчал слова молитвы Давстиру.

На боковых экранах был вид земли сверху — почти такой же, как тот, что он видел со спины дракона. А на центральном экране, перед которым застыли два человека, в самых мельчайших подробностях была видна библиотека замка Рондовалов. Маусглов узнал ее сразу, ведь он провел в ней несколько часов. Сейчас он смотрел на нее как бы через боковое окно.

За столом сидел Поль. Свечи освещали раскрытые на столе книги. На диване полулежала Нора.

Маусглов понял, что один из этих двоих, наблюдавших за Полем, был сам Марк, и едва удержался, чтобы тут же не пуститься бежать. Оба человека были настолько захвачены наблюдением за экраном, что не замечали ничего вокруг. По поведению этих двоих, по их исключительному вниманию Маусглов понял: происходит что-то исключительно важное.

Долгое время ничего не происходило. Поль обронил несколько фраз о каком-то треугольнике. Нора что-то ответила ему сонным голосом. Прошел час, а может, и больше, прежде чем Поль снова заговорил. Он улыбнулся, подняв голову от книг.

— Пирамида, Большой Лабиринт и пещера Ициан — вот что такое треугольник Инта. Нора?

— М-м?

— Ты можешь показать мне их на атласе?

— Принеси его сюда, ко мне. — Девушка приподнялась и потерла глаза. — Я там никогда не бывала, но очень люблю географию. Как ты их назвал?

Поль подошел к ней с книгой в руках, и тут Марк заслонил его. Он привстал, чтобы записать что-то на листочке бумаги, который достал из кармана. Затем сложил листок и спрятал его. Голоса Поля и Норы стали совсем неразборчивыми. Марк склонился к самому экрану.

— Теперь ты в моих руках, — мягко сказал он. — Не знаю, какое оружие ты ищешь, но ты его не получишь. У меня есть три возможности помешать тебе... — Голос его оборвался. — Черт побери!

Марк резко отпрыгнул от экрана, и Маусглов ментально отскочил от окна. Последнее, что он увидел, — это экран, на котором обнимались Нора и Поль.

Солнце поднялось уже высоко, когда Поль закончил упаковывать вещи. Нора и на этот раз уговорила взять ее с собой, и главным аргументом было то, что с ним она будет в большей безопасности.

Поль прихватил с собой два легких меча, пищу, одежду, одеяла... Никаких доспехов — ему не хотелось сильно нагружать Лунную Птицу, лишний груз замедлит полет и вымотает дракона.

— Откуда он узнал? — удивился Поль, выйдя с грузом из замка и увидев, что дракон уже здесь. Подойдя к нему, он ласково положил руку на шею громадного животного. — Как ты узнал, что ты мне нужен?

— Я... я всегда знаю об этом. Посмотри вверх.

Массивная голова повернулась кверху. Поль посмотрел туда же. Высоко над головой он увидел птицу с огромными глазами и ушами. Она как будто следила за ним. Солнечный зайчик от ее поверхности попал Полю прямо в глаза.

— Что это?

— Не знаю. Она следит за нами.

— Одна из его птиц... Интересно, известны ему мои планы?

— Может, сжечь ее?

— Не надо. Веди себя так, как будто ее нет. Не обращай внимания.

Поль вернулся обратно в замок. Ему захотелось перечитать описание одного эффекта в книге отца, использовать который пришло время. Молодой человек поднялся по лестнице и остановился у дверей библиотеки, в которой Нора перерисовывала карты. Он заглянул туда и посмотрел на девушку, одетую в светлую тунику, короткие серые брюки, меховые сапоги и пояс с металлической бляхой. Все это она нашла в гардеробной. Ее волосы были стянуты черной лентой.

Она взглянула на Поля.

— Я еще не закончила. Одна страница осталась.

— Ну, заканчивай.

Нора дорисовала, взяла еще один лист и перевернула страницу. Взглянула на Поля, и он улыбнулся ей. Она кивнула в ответ.

— Еще немного.

Через несколько минут Нора вздохнула, закрыла книгу и собрала листы.

— Выйди со мной, пожалуйста, на минутку.

— Твой голос звучит как-то странно.

— Я слишком много говорил.

Она подошла к двери, где ее ждал Поль. На его лице не было никакого выражения. Она остановилась.

— Что-нибудь случилось?

— Нет. Выйди на секунду.

Девушка была совсем рядом с ним и с удивлением заметила, что, когда он говорит, губы его почти не шевелятся. Она вышла в коридор и остановилась. Еще один Поль ждал ее там, приложив палец к губам.

— Как...

— Сюда, — прошептал он, взяв ее за руку.

Нора последовала за ним.

— Это была моя копия из магических нитей. Не знаю, как долго она просуществует, может, весь день, а может, скоро растает.

Он начал жестикулировать, сначала медленно, затем все быстрее. Перед ним начало что-то формироваться, излучая слабый свет.

— Это будет твоё подобие. Оно вернется в библиотеку и будет находиться там с моей копией, чтобы обмануть птицу-шпиона, скрывая наше отбытие. Марк следит за нами. Нужно отвлечь его внимание.

Немного позднее Нора вошла в библиотеку, взяла Поля за руку; они вместе прошли к креслам и сели рядом друг с другом.

— Хорошая сегодня погода.

— Да.

Изредка кто-нибудь из них вставал, разминался, находил себе какое-нибудь занятие. Примерно через час заранее запрограммированная последовательность действий повторялась.

Птица-шпион следила за каждым их шагом, прислушивалась к каждому их слову. Она не обратила внимания на шум внизу и не заметила, как дракон поднялся в воздух, сделал широкий разворот на восток и скрылся из виду.

Ночь подходила к концу, и Маусглов постепенно начал понимать, что оказался пленником. Хотя его до сих пор не обнаружили и не схватили, и он успел изучить большую часть территории города и знал все особенности охраны, он все же не мог выбраться отсюда. Город тщательно охранялся не только низкорослыми людьми и металлическими гусеницами, но и постоянно кружащими птицами, чьи зоркие глаза не пропустили бы даже мелкое насекомое.

Вскрыв очередной замок, он наконец обнаружил кладовую и перенес в свое убежище достаточное количество пищи. Он запоминал каждую нишу, каждый коридор, мимо которого проходил. Своим наметанным воровским взглядом издали фиксировал следящие устройства, изучал их функциональные возможности и находил слабые места, которыми и пользовался, пробираясь различными закоулками.

Совершенно случайно Маусглов обнаружил школу, где обучались пилоты флайеров, к производству которых приступили заводы. Он лежал на плоской крыше, толстая труба воздуховода защищала его от обнаружения с воздуха. Оторвав небольшую панель, он видел и слышал все, что говорила и показывала обучающая машина.

Прослушав лекцию целиком, Маусглов задумался. Можно прослушать весь курс, украсть ночью флайер и попытаться улететь отсюда. Если не найдется какого-нибудь туннеля, проходящего через гору, то это — единственный путь.

Чувствуя невольное уважение к этому рыжеволосому, вернувшему город к жизни, он вернулся в свое убежище, собираясь дожидаться там вечера и пробраться к центру наблюдения, а затем снова на крышу классной комнаты — продолжить изучение флайера.

Плотно поев, он забылся в тревожном сне, прижимая к груди кинжал.

Старая самка, похожая на отлитую из меди статую, и два молодых жеребца стояли на опушке леса, глядя на замок Рондовала.

— Не вижу ничего необычного, — сказала самка.

— Вчера вечером я видел огни, Стэл. А Виталь на юге видел дракона.

— Здесь водятся призраки, — сказала она. — Никто не ходит сюда.

— А как насчет дракона? — спросил жеребец. — Бряд ли он залетел случайно.

— Так что? Мы не будем ничего предпринимать?

— Нужно последить за замком. Давайте ходить вокруг него кругами. У меня нет желания входить туда.

— У меня тоже.

Через несколько часов они увидели, как из замка вылетел дракон и взял курс на восток.

— Смотри.

— Да.

— Что нам делать?

— Надо всех предупредить. Они могут вернуться. Хотя, может, они улетели навсегда.

— На нем было два человека.

— Я видела.

— Ты была здесь во время битвы, Стэл. Это дракон Рондовала?

— Все драконы одинаковы. Но его седоки... Один из них очень похож на дьявола Дета, только заметно моложе.

— Горе всем нам!

— Идите и расскажите об этом повсюду. Сообщите об этом старому Морю.

— Мор ушел. Мудрая Грейн сказала, что он ушел по сияющей дороге и не вернулся.

— Тогда все гораздо сложнее. Ступайте! Я останусь здесь и постараюсь узнать побольше.

— Ты идешь в замок?

— Ступайте! Делайте что приказано! Быстрее!

Жеребцы повиновались. Они хорошо знали этот бешеный взгляд и боялись ее копыт.

Маусглов продолжал исследовать территорию города, когда его внимание привлекли крики, раздававшиеся из-за небольшого зарешеченного окна. Осторожно приблизившись, он бросил туда быстрый взгляд и тут же снова спрятался в тень стены, чтобы осмыслить увиденное и подслушать, что же будет происходить дальше.

А увиденное поразило его. Казалось, черные змеи обвили низенького человечка в наклонном кресле. Однако, припомнил он, хвосты этих змей скрывались в небольшом ящичке. Скорее всего, это были не змеи, а шевеление их вызывалось движениями самого человека.

Рядом с тем человеком стоял Марк, держа в руках какой-то ящичек и крутя ручки на его передней панели.

Маусглов продолжал слышать крики человека и размышлял о том, какое же преступление вызвало такое наказание. Он никак не мог решить, следует ли

быстрее убраться отсюда или еще раз взглянуть в комнату.

Внезапно стало тихо.

Вор подождал, но крики не возобновились. Вместо них из комнаты доносились какие-то едва уловимые звуки.

Наконец Маусглов не выдержал ожидания, поднялся и еще раз бросил взгляд в комнату.

Марк снимал с несчастного черные веревки, сматывал их и складывал в ящик. Открытые глаза человека в кресле слепо смотрели в потолок. Когда была снята последняя веревка, он едва пошевелился. Марк протянул ему стакан розовой жидкости, которую тот с жадностью выпил.

Марк спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Немножко потрясен, — человек разминал руки и ноги. — Но теперь уже все нормально.

— Тебе было плохо?

— Да нет.

— Но ты кричал.

— Знаю. Одни из них были голубые, другие — красные.

— Крики?

— Да. Я чувствовал их цвет и вкус.

— Замечательно. Ты храбрец, раз добровольно согласился на такой эксперимент. Благодарю.

— Счастлив служить тебе.

— Расскажи подробнее, что ты ощущал.

— Я чувствовал вкус цвета и звука.

— Да, видимо, аппарат смещения работал великолепно. Жаль, что он действует только на таком малом расстоянии. С ним можно решить столько проблем... А у меня мало времени...

— Как он называется?

— Я еще не подобрал подходящего названия. Пока я называю его просто «смеситель». — Марк похлопал человека по плечу. — Он перемешивает все твои нервные окончания.

Человек показал на большой ящик у стены.

— Это тоже часть смесителя или он весь в маленьком ящичке, что был у тебя в руках?

— Нет, этот прибор записывал происходящее. Если тебе не было больно, то объясни, почему же ты кричал?

— Я... я не мог понять, что происходит. Все было на месте, но как-то странно изменилось... Это испугало меня.

— Было больно?

— Нет. Было ощущение приближения катастрофы. А временами...

— Что?

— Время от времени было очень приятно.

— Ты хорошо все описываешь. А считать ты мог?

— Мог. Многие цифры были желтыми. Некоторые — сладкими...

— Достаточно ли хорошо ты себя чувствуешь, чтобы встать и прогуляться?

— Пожалуй, немного позже. Сейчас не могу.

— Ты храбрый человек, — повторил Марк. — Благодарю тебя еще раз. Не забуду твою службу. Сейчас я проверю твои рефлексy.

Маусглов услышал, как звякнули инструменты. Он двинулся прочь отсюда и бесшумно исчез в ночи.

Стэл было очень трудно ступать копытами по камням так, чтобы не издавать звука. Ей приходилось идти очень медленно. Но все же она шла, борясь с нетерпением, ведь она была охотница и предводительница кентавров.

Когда Стэл пересекала большой холл, память вернула ее в прошлое: закончилась великая битва, и она стояла здесь, слизывая с себя пот и кровь. Ах, здорово они в ту ночь потрудились!.. Стэл вспомнила дуэль колдунов, и глаза ее нашли то место, где обрушившийся потолок погреб под собой дьявола Дета, не дав ему возможности призвать на помощь силу магии. Тело колдуна вытащили из-под обломков, и старый Мор унес его куда-то на запад...

Время от времени она останавливалась и прислушивалась. Вдруг донеслись голоса — откуда-то сверху, из левого крыла замка. Пройдя галерею комнат, Стэл дошла до лестницы и остановилась. Да, оттуда...

Держась возле стены, она стала медленно подниматься. Замок, казалось, был в более хорошем состоянии, чем ей помнилось. Может, его кто-то подремонтировал?

Она шла по коридору, и голоса становились все громче. Справа, третья дверь...

Увидев, что дверь распахнута, Стэл подошла и остановилась возле нее, но ничего не услышала, даже звуков движения. Пройдя еще чуть вперед, она заглянула за дверь и изумленно отпрянула.

В креслах, друг напротив друга, сидела та же самая пара — молодой человек и девушка, — что совсем недавно улетела на драконе. Странно... Она не видела, чтобы они возвращались.

Стэл снова заглянула в комнату.

Еще более странно. Лицо девушки будто начало таять, расплываться в воздухе. Мужчина, тот самый, удивительно похожий на Дета, казалось, не придавал никакого значения тому, что часть его левой руки и правого бедра тоже начали таять и выглядели так, будто были сделаны из переплетения прозрачных нитей.

Изумленная Стэл не побежала прочь. Она стояла и наблюдала, как люди встали с кресел, прошли по комнате. Девушка подошла к окну.

— Прекрасная сегодня погода.

— Да.

Лицо мужчины начало таять. Одежда девушки стекала с нее, как вода, по воздуху поплыли тонкие паутинки. Разговор продолжался:

— Хотя, возможно, будет дождь.

— Может быть.

Мужчина подошел к девушке.

— У тебя красивые глаза.

Стэл смотрела, как они обнимаются, теряя одну часть тела за другой, исчезая из виду. Слова становились неразборчивее и тише, волосы превратились в го-

лубой дым. Еще несколько мгновений — и в комнате никого не осталось.

Стэл удивленно вскрикнула и отскочила назад. Она впервые видела такое. Суеверный страх охватил ее.

Птица-шпион все свое внимание сосредоточила на ней и теперь смотрела, как Стэл кружит по комнате, не замечая атласа, лежащего на столе. Затем Стэл выскочила в коридор. Ее копыта застучали по полу, по лестнице и затихли где-то внизу.

Маусглов услышал, как открылась большая дверь ангара и в небо стали взлетать металлические птицы. Они покружились в звездной тьме, выстраиваясь в линию, и полетели куда-то на юго-восток. Это обеспокоило вора, и он поспешил к центру наблюдения.

Приближаясь к нему, он услышал голос Марка, который ругался и сыпал приказами. Вор заглянул в окно, но на экранах не было ничего заслуживающего внимания. Он совсем не понял, что имел в виду Марк, когда сказал: «Они исчезли! Опять проклятая магия!.. И кентавр имеет к этому какое-то отношение. Доставьте сюда кентавра!»

Меньше, чем когда-либо Маусглову хотелось попасться в руки этого рыжеволосого великана, которого низенькие люди почитали, как бога. Когда он уже начал отдаляться, до него донеслись слова: «...в углах треугольника», но они не разбудили у него никаких воспоминаний. Все мысли вора были заняты другим: «Пора уходить. Чем дольше я здесь останусь, тем меньше у меня шансов».

Замок в двери классной комнаты ненадолго задержал его. Медленно и аккуратно опытные пальцы ощупывали панель управления. Зажечь свет он боялся.

«Будет забавно, если я смогу летать на этой штуке исключительно с закрытыми глазами... Что там говорилось об этом рычажке? Ах да...»

Черные металлические птицы с полностью заряженными батареями летели в ночи над землей, над водой...

Глава 16

Они летели до тех пор, пока усталость не одолела их. Ночь уже ложилась на землю, когда в поле зрения показался остров, намеченный для отдыха. Тогда путники опустились и устроились на ночлег. Наутро они были уже в воздухе, пролетая над полями, реками, лесами, горами. В полях они и провели следующую ночь.

Поль пересмотрел все имеющиеся у них карты, чтобы наметить дальнейший путь к цели. География этого мира не совпадала с географией мира, из которого он пришел. И здесь были пирамиды, однако окружали их не загадочные сфинксы, а колонны. Многие из колонн уже рухнули, развалившись на куски, но все же можно было определить место, где они стояли.

По окружавшему пейзажу чувствовалось, что их первое путешествие подходит к концу.

На вершинах гор, как статуи доисторических животных, сидели металлические птицы. Их крылья были расправлены. Даже внимательный наблюдатель не заметил бы, что птицы потихоньку поворачиваются вслед за солнцем, заряжая батареи для ночного полета.

Когда день уже клонился к вечеру, они зашевелились. Все одновременно, как будто их тронул порыв ветра, они начали складывать свои крылья. Вскоре они одна за другой взмыли в воздух и выстроились в линию, чтобы продолжить путешествие...

Кисть начало жечь еще до того, как стала видна цель путешествия. Поль сразу понял, что это не ожог от солнца, и стал внимательно вглядываться вперед. Через несколько минут он облизнул губы и улыбнулся, заметив на горизонте точку.

— У тебя великолепное чувство направления.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— То, к чему мы стремимся, уже близко. Нора! — Голос его внезапно охрип. — Нора! Я вижу ее!

По мере приближения точка разрасталась, и уже не оставалось никаких сомнений в том, что это такое. Вокруг сооружения из темного камня не было заметно никаких признаков движения. Вся долина была усеяна колоннами и статуями.

Лунная Птица высадил их рядом с долиной. Онемевшие суставы Поля заныли, когда он соскочил на землю.

— Может, останешься здесь? — спросил он, помогая спуститься Норе.

Девушка покачала головой.

— Я вернусь сюда, если с тобой что-нибудь случится. Ждать еще хуже.

Он повернулся к дракону.

— Хотел бы я взять тебя с собой, но вход в пирамиду слишком узок.

— Я буду охранять снаружи. А ты мне потом сыграешь на своем инструменте.

Поль повернулся и посмотрел на занесенную песком дорогу. Вдоль нее по обеим сторонам до самого входа в строение стояли колонны и звери, вырезанные из камня.

— Ладно, пошли, Нора.

По пути зрение его затуманилось, а затем снова прояснилось. Сначала он решил, что это из-за яркого солнечного света или из-за усиления активности после долгого бездействия на спине дракона. Но затем заметил, что из входа в пирамиду вырывается пламя.

— Ты там увидел что-то? — Нора схватила его за руку

— Я... о, теперь вижу. Ничего особенного.

Поль разглядел, что это не пламя, а магические нити, хотя и чрезвычайно толстые. Он ни разу не видел таких толстых нитей, разве только в пещерах Рондова-ла, где спали драконы. Нити свободно плавали в воздухе, извиваясь.

— Ты что-нибудь видишь? — вновь спросила Нора, когда они вошли в пирамиду и продвинулись немного вперед.

— Вижу, что здесь средоточие магических сил.

— Что это значит?

— Не знаю.

Правая рука ровно пульсировала, как будто та часть его существа, которая имела дело с магией, полностью подготовилась ко встрече с ней. Выбрав самую толстую нить, Поль коснулся ее пальцами и ощутил поток энергии. Он поднял руку, и нить потянулась за ней, как приклеенная. Поль сделал это, чтобы иметь возможность выделить именно эту нить из множества остальных. Он пытался найти некую закономерность, ключ к этой паутине. Бледно-зеленые нити плавали перед ним в воздухе, как бы стараясь обвить его, но та нить, которую он выделил, не переплеталась с остальными.

— Теперь, — сказал Поль Норе, продвигаясь дальше, — я знаю путь, хотя и не ведаю, что может нас ждать впереди.

Полумрак вокруг них сгустился, а чуть дальше превратился в сплошную непроницаемую тьму.

— Подожди! — Поль остановился и стал мысленно вызывать фантом дракона из кисти. Как и в прошлый раз — в ночь бегства из деревни, — тот появился и повис в воздухе. «Неужели я могу вызывать его только в случае опасности?» — подумал Поль.

У него за спиной Нора выхватила из ножен меч. Он улыбнулся.

— Это моих рук дело. Всего лишь свет, ничего больше.

— Верю, но мне кажется, что сейчас — самое время приготовить оружие.

— Спорить не буду. — Поль снова двинулся вперед, следуя за нитью по пути, освещаемому драконом.

Они спустились по ступеням метров на десять. Воздух стал сырым и холодным. От подножия лестницы прямо, направо и налево расходились коридоры. Не раздумывая, Поль зашагал туда, куда вела нить. Этот коридор вскоре пошел вниз, и наклон его становился все круче. Воздух здесь был затхлый, с запахом старого ладана, погребенного здесь в сырости.

Стены коридора раздвинулись, дракон отбрасывал блики света во все стороны. Поль подумал, что это очередное разветвление, но когда усилием воли он сделал свет ярче, то увидел, что находится в комнате.

Он послал дракона проплыть вдоль стены, чтобы оценить размеры комнаты и выяснить, что же их здесь ждет. Стены были украшены уже наполовину осыпавшейся лепниной, потолок покрыт паутиной, на полу — слой пыли. У противоположной стены комнаты стоял каменный алтарь, за ним виднелся какой-то темный куб. Нить проходила прямо через этот каменный куб и исчезала из виду.

Поль прислушался, но не услышал ничего, кроме собственного дыхания. Он двинулся дальше, рядом с ним шла Нора. Их шаги звучали глухо. Воздух вокруг казался живым. Для Поля он был насыщен шевелящимися нитями. Они прошли мимо хитросплетения множества разноцветных нитей, но свою молочную-белую нить Поль не потерял. Теперь он мог безошибочно найти ее хоть с закрытыми глазами.

Они разделились, чтобы обойти алтарь с разных сторон, и Поль ускорил шаг, намереваясь первым приблизиться к темному квадратному отверстию в стене, куда уходила нить. Подойдя к проему в стене, Поль осторожно сунул туда голову, предчувствуя, что за порогом его должно ждать то, за чем он сюда пришел.

Освещение было слишком слабым, и по команде Поля дракон поднялся вверх и увеличил яркость.

Эта комната казалась заметно меньше, чем предыдущая, но и здесь у противоположной стены стоял каменный алтарь, а по обе стороны от него — два каменных идола. И алтарь, и каменные статуи были опутаны огромным количеством магических нитей, образывы-

вавших невероятные сплетения и множество узлов. Дверного проема за алтарем видно не было, во тьме лишь вырисовывалась фигура, напоминавшая человеческую, но с головой шакала. На каменном столе перед ней лежала темно-зеленая подушка, на которой покоилось что-то небольшое, испускавшее слабый свет.

Поль протянул руку назад и задержал Нору.

— Что ты видишь? — спросил он ее.

— Вижу две статуи и стол. И еще что-то на столе.

— Согласно описаниям и рисунку в книге, именно здесь находится то, что мы ищем. Я хочу, чтобы ты оставалась на месте, пока я буду пытаться взять это. Наверняка меня ждут препятствия, и мне придется импровизировать. Это сплетение нитей выглядит очень угрожающе.

— Сплетение нитей? Что ты имеешь в виду?

— Здесь все защищено какими-то заклинаниями. Охраняй меня, пока я буду стараться распутать их.

— Хорошо. Я наготове.

Поль шагнул вперед. Светлый огонек запрыгал по паутине, перескакивая от одного узла к другому, от одной петли к другой, от одной статуи к другой статуе. Он сделал второй шаг.

— Стой! — Эта команда прозвучала в его мозгу. Нора ее слышать не могла. Приказ пришел одновременно с внезапным колебанием нитей, тянувшихся от темной фигуры за алтарем.

— Почему? — быстро спросил Поль, не оставляя себе времени на изумление. Он остановился, дожидаясь ответа.

Фигура недолго колебалась, а затем ответила:

— Ты приближаешься к тому, что я охраняю. Этого я не могу допустить.

— Ты охраняешь часть посоха, лежащую на камне перед тобой?

— Да.

— Должен признаться, что именно за ней я и пришел. С тобой можно как-нибудь договориться?

— Нет.

— Жаль. Это упростило бы нашу жизнь.

— Я вижу, что ты молодой колдун, недавно овладевший могуществом. Если ты останешься в живых, то, вероятно, станешь великим колдуном. Если ты сейчас же уйдешь отсюда, то у тебя будет такая возможность. Я позволю тебе уйти.

— Это твой окончательный ответ? — Поль снова шагнул вперед.

— Боюсь, что да.

Фигура с головой шакала подняла правую руку и вытянула указательный палец. Свет дракона померк, Поль почувствовал укол в кисть, но по-прежнему мог все видеть — комната освещалась множеством нитей.

— Поль! Что случилось? — крикнула Нора.

— Все в порядке. Стой на месте, — ответил он.

Он хотел снова создать светящееся изображение дракона, но затем передумал. Вместо этого напряг свою волю и послал энергию, пульсировавшую в кисти, по нити прямо к части посоха, лежащей на каменном столе. Мысленно он представил себе, что включает трехламповую люстру.

Комната осветилась ярким светом.

— Так лучше? — спросил он Нору.

— Да. А что произошло?

— Кажется, началось столкновение с силами, охраняющими посох. Стой на месте.

— Юноша! Ты думаешь, ты первый пришел сюда за посохом?

Фигура подняла руки и развела их в стороны. Свет, созданный Полем, затрепетал. Ярко осветилось то, что он раньше принимал за осколки камней, валявшихся на полу в углах и возле каменных статуй. Он насчитал четыре черепа.

— Это все, что от них осталось.

Поль ощутил сильное желание взяться за желтую нить, плавающую рядом, но с трудом подавил его. Она подплыла ближе. Поль понимал, что магическое чутье показывает ему оружие, но впервые отверг его. Разум говорил ему, что в этой ситуации нужно быть очень осторожным. Нужно выиграть время. Нить раздваивалась и перекручивалась, покачиваясь возле его плеча.

— А... а может, — сказал Поль, подходя ближе, — может, я могу взять его, а потом принести обратно? У меня есть великолепная гитара, и я могу оставить ее в залог...

— Здесь не лавочка! Я здесь страж! А ты — вор!

— Это вовсе не так! Посох принадлежал моему отцу!

Снова проскочил импульс света, и зверь справа зашевелился, медленно сделал шаг в сторону Поля. Другой зверь моргнул, уши его зашевелились.

— А теперь он принадлежит этому месту, — пришел ответ.

Поль протянул руку и взялся за узловатую желтую нить. Могучая энергия бурлила в ней. Поль потянул нить к себе, а затем хлестнул ею по морде приближающегося зверя. Тот зарычал, подался назад. Поль хлестнул еще раз, затем еще, и тогда зверь заскулил и лег на брюхо. Но в этот миг Поль заметил, что второй шакал уже готовится к прыжку. Он резко повернулся, отводя руку для удара, но понял, что ударить не успеет

Пирамида заслоняла дракону вид на запад, и потому он не видел в ясном небе черных металлических птиц до тех пор, пока те не подлетели совсем близко. Когда он заметил их, некоторые из птиц начали пикировать вниз, а затем резко взмыли вверх. Дракон обратил внимание, что к земле несутся какие-то предметы, и сопоставил происходящее сейчас с тем, что видел в своих снах. Он мгновенно расправил крылья и взлетел в воздух.

Когда внизу начали рваться бомбы, он был уже в пятнадцати метрах от поверхности и продолжал набирать высоту. Тело его начало нагреваться. Восемь флайеров кружили над ним. Отлично! Ему давно хотелось встретиться с ними, не имея на себе пассажиров.

На земле вспыхнуло и погасло пламя, за клубился дым. Птицы уже начали выстраиваться для поворота. Вытянув шею, разрезая крыльями воздух, дракон устремился к ним.

...потому что увидел меч Норы. Сильный удар обрушился на правое плечо зверя. Зверь вскрикнул, повернулся, и Поль почувствовал, что теперь может хлестнуть его магическим кнутом. Удар был совершенно беззвучным. Зверь, корчась, свалился на пол, а кнут из желтой нити вновь ударил его по морде.

Нора вернулась на место.

Поль начал приближаться к алтарю, раскручивая кнут, чтобы нанести сильный удар... И чуть не полетел вверх тормашками, когда фигура за алтарем протянула руку и схватила нить. Полю показалось, что земля под ним затряслась.

Нить была вырвана у него из рук с такой силой, что ему пришлось схватиться за край каменного стола, чтобы не упасть. Он понял, что наверняка погибнет если не будет действовать быстро и решительно. Поль протянул правую руку и схватил часть посоха, лежащую перед ним на подушке.

Посох отозвался на прикосновение мощным всплеском энергии. Поль почувствовал, что могущество его удвоилось и он может использовать его. Верхний конец посоха он повернул вперед и немного вверх, направив на фигуру со звериной головой. Сгусток энергии вырвался из посоха и ударил в грудь чудовища.

— Нет!

Мощный удар свалил Поля на пол, но он успел увидеть, как фигура опрокинулась назад. Сияние посоха освещало всю комнату.

Перекатившись по полу, Поль упал рядом с шакалами. Затем рука Норы помогла ему подняться

— Что с тобой? —

— Все в порядке. А ты?

— Тоже.

Он оглянулся. Нити по-прежнему раскачивались возле алтаря, но теперь они были беспорядочно запутаны, все тщательно сплетенные узоры распались. Разбитая на части темная фигура за алтарем медленно зашевелилась, пытаясь собрать себя воедино.

Со своим новоприобретенным оружием Поль двинулся к выходу. Нора пошла за ним. Обходя алтарь в

следующей комнате, они заметили, что воздух стал заметно более пыльным, чем раньше, когда они шли сюда. Они поднялись по ступенькам и пошли по коридору, и только тут до их ушей донесся грохот. Звук шел откуда-то снаружи.

Они побежали к выходу и, выскочив наружу, увидели возле колонны обломки флайера. Справа от входа в пирамиду появились две огромные воронки. Одна из статуй свалилась с пьедестала, рухнувшая колонна лежала поперек дороги. Чуть подалее виднелись еще две разбитые механические птицы.

Услышав звуки вверху, Поль поднял голову, но в небе ничего не было. Он повернулся назад и увидел, как два флайера появились из-за пирамиды. Так как Лунной Птицы не было там, где он его оставил, Поль не удивился, заметив, что вслед за птицами из-за пирамиды вынырнуло его огромное бронзовое с зеленым отливом тело. Две металлические птицы начали пикировать на дракона.

Поль понял, что у них не было автоматического оружия — пулеметов или пушек, — так как их тактика заключалась в том, чтобы на большой скорости ударить дракона крылом или острым клювом. Поль наблюдал, как они приближаются к дракону.

Вовсе не уверенный, что он способен помочь на таком расстоянии, Поль все же огляделся в поисках нитей. Они, казалось, были везде, со всех сторон — только бери и используй. Например, оранжевый след, ведущий в небо. Поль протянул руку, и нить поплыла к нему, но у него возникло ощущение, что он не сможет по ней передать энергию дракону — сила угаснет на таком расстоянии.

Тут часть посоха дернулась в его руке, и Поль посмотрел на нее, внимательно изучая в дневном свете. Посох был сделан из какого-то легкого сплава, технология его изготовления была слишком сложна для этого мира, разве что только машины Марка могли создать подобное. Очень старый, насколько мог судить Поль, посох имел форму трубки длиной восемь дюймов, открытой с одного конца — туда, видимо, вставлялась

другая часть. Противоположный конец заканчивался полусферой, сделанной из другого металла. На поверхности посоха было выгравировано несколько изображений пламени, между которыми плясали разнообразные демоны.

Полю направил посох вверх — очевидно, это был аккумулятор или трансформатор магического могущества — и быстрым движением намотал на него оранжевую нить. Нора недоуменно посмотрела на товарища, но по сосредоточенному выражению лица Поля поняла, что он занят важным делом, и промолчала. Ее глаза неотрывно смотрели на посох.

Внезапно расстояние для Поля сократилось, и он стал работать с дальним концом нити, делая узлы и петли, плетя сеть перед пикирующим флайером. Требовалась невероятная сила, чтобы манипулировать с огромным количеством энергии на таком расстоянии. Полю ощущал, как эта сила вытекает из его тела, рвется вверх по нити. Посох содрогался в руке.

Флайер летел прямо на его сеть, которая, казалось, не могла удержать машину. Он летел на полной скорости, стремясь поразить бок дракона, и Полю совсем ослаб, стараясь передать по нити всю свою энергию.

Флайер нелепо дернулся, вдруг застыл на месте, прервав стремительный полет, перевернулся и начал кувыркаясь падать. Он продолжал крутиться до самой земли. Но не успел над ним вырасти столб дыма, как рядом упал другой, охваченный пламенем, — результат страшного гнева Лунной Птицы.

На медлительного дракона заходил в атаку последний оставшийся флайер. Полю понял, что не успеет сплести сеть заклинаний, и сомневался, что сможет выпустить на такое расстояние мощный заряд энергии, как тот, что сразил стража пирамиды. Но все же поднял посох и сделал попытку. Послышался тихий хлопок, посох укутал белый дымок.

Флайер продолжал нестись на дракона. Когда машина приблизилась к нему, тот извернулся неуловимо быстрым змеиным движением и схватил ее. Нора и Полю наблюдали, как он снижался по широкой спира-

ли, разворачиваясь так, чтобы при посадке опуститься прямо на захваченный флайер. Он сел, и послышался скрежет металла.

Дракон сошел на землю и презрительно столкнул обломки в воронку.

— Замечательно, — сказал Поль. — Ты ранен?

— Слегка. Но драконы быстро залечивают свои раны. Ты добыл то, за чем шел?

— Да, вот оно, — Поль поиграл посохом.

— Я видел его раньше, но тогда он был длиннее. Давай собирайся и летим дальше, куда ты хотел.

— Тебе надо отдохнуть после боя.

— Драконы отдыхают на крыльях. Летим отсюда, если ваши дела здесь закончены.

Поль обернулся к Норе.

— Он готов лететь. А как ты?

— Мне тоже хочется поскорее уйти отсюда.

Впервые Поль долго рассматривал девушку: волосы растрепаны, одежда в беспорядке, на лице пот. В правой руке Нора все еще сжимала меч. Он не заметил на ней ни царапины.

Ощувив его взгляд, она расслабилась и вложила меч в ножны. Затем улыбнулась.

— Ты в порядке?

— Да. А ты?

Она кивнула.

— Тогда собираемся и летим. Как ты думаешь, откуда он узнал, что мы здесь?

— Не знаю. Ты говоришь, что в его машинах нет магии, но мне они все равно кажутся магическими. Только у него другая магия.

— Надеюсь, моя магия тебе нравится больше?

— Гораздо больше, — ответила Нора.

Когда дракон поднялся над пустыней и взял курс на север, воздух уже очистился от пыли, а солнце начало свой путь на запад.

— Приземляйся там, где для тебя есть пища, — сказал Поль. — Когда полетим над Северным морем,

придется идти от острова к острову, а по этим картам трудно оценивать расстояние.

— Я летал в здешних краях, — отозвался дракон. — Я поем, когда захочу. А теперь не поиграешь ли ты мне, чтобы усладить мой слух?

Поль достал гитару, настроил ее и взял аккорд. Ветер своим свистом аккомпанировал ему, а земля внизу расстилалась сухим пергаментом.

Глава 17

Ночь они провели на маленьком островке, слушая ленивый плеск прибоя и вдыхая запахи моря. Нора рассматривала часть посоха, добытую ими в пирамиде.

— Он выглядит каким-то магическим, — сказала девушка, поворачивая часть посоха в лунном свете.

— Он и есть магический, — улыбнулся Поль, поглаживая ее плечо — И если мы добудем остальные части посоха увеличится во много раз.

Нора отложила посох в сторону и погладила родимое пятно Поля

— Жители деревни не ошиблись. Ты из племени тех, чьи ноги в аду, а голова — в небесах.

— Это не причина, чтобы бросаться камнями. Я не собирался делать ничего плохого.

— Они сильно боялись твоего отца. Он однажды был уличен в кровавых жертвоприношениях, которые совершал, чтобы достичь еще большего могущества. За свою власть он платил человеческими жизнями.

— И в расплату за это они взяли его жизнь и жизнь моей матери — Поль пожал плечами — И разрушили замок. Разве это гуманно?

— В то время — да. Мне так кажется. А ты разбудил в них страх и старую ненависть. Вдруг ты пришел, чтобы мстить за своего отца? Ты ведь думал о мести? Не зря говорил об этом Маусглов.

— Тогда — нет. Я ведь даже не знал, кто я, когда жители деревни набросились на меня. Мне стало легче ненавидеть их, когда я узнал обо всем.

— Значит, они были правы?

Поль взял посох и внимательно посмотрел на него.

— Я не могу этого забыть, — промолвил он наконец. — Ведь я никому не причинил вреда.

— А все же?

— Что ты имеешь в виду под этим «а все же»? Если бы я начал мстить, это стало бы для меня делом всей жизни.

— Но ты же ненавидишь их?

— Войди в мое положение. Во всем, что касается меня, их никак нельзя назвать хорошими людьми. И если они так же поступили и с Марком, неудивительно, что им владеет жажда мести.

— Это была реакция на незнакомое явление. Они привыкли жить спокойной жизнью — медленно, размеренно, без перемен. В обоих вас они видели угрозу своему образу жизни и начали защищать его.

— Ладно, это я могу понять. Хотя вовсе не могу полюбить их. Я отказываюсь от мести — этого вполне достаточно.

— Да, потому что перед тобой стоит гораздо более сложная задача. Ты знаешь, что, если ты не уничтожишь Марка, он уничтожит тебя.

— Не спорю, я действую, исходя из этого положения. Время для переговоров уже прошло.

Нора погрузилась в молчание.

— Но почему ты не с остальными? И к тому же ты была его девушкой, а теперь помогаешь мне, колдуну.

Она продолжала молчать. Через некоторое время Поль понял, что Нора тихо плачет.

— Что с тобой?

— Это все из-за меня, — сказала она еле слышно. — Из-за меня ты оказался замешанным во все это, пытаюсь мне помочь.

— Согласен, но рано или поздно мы с Марком все равно встретились бы, и с тем же результатом.

— Я так не думаю. Он был готов выслушать тебя, и только я помешала всему. Он очень ревнив. Вы могли бы стать друзьями — у вас много общего. И если бы так и произошло... Представь, какой получился бы союз: колдун и мастер древних наук — оба хотят мстить моей

деревне... А теперь это исключено: гигантские колеса судьбы поворачиваются, готовя вас к смертельной битве между собой. Даже если бы я вас обоих ненавидела, все было бы точно так же...

— А ты ненавидишь?

— Будь я проклята, если скажу тебе!

— Ты вовсе не обязана спать со мной. Уж если колеса судьбы пришли в движение, их ничто не остановит.

— Но каким бы ни было мое решение, оно сильно скажется на ваших отношениях. В одном случае победитель склонен простить противника, в другом — горит ненавистью. — Девушка коснулась его плеча. — Я лишь пешка в вашей игре, и ты знаешь почему.

— Ты слишком красива, чтобы быть пешкой. И к тому же ты — единственная женщина на игровой доске. Если хочешь, можешь спать, положив между нами меч.

— Меня влечет не холодная сталь, — прошептала она, придвигаясь к нему.

Поль заметил проплывавшую меж ними голубую нить, но проигнорировал ее. Нельзя же все заменять эрзацем, правда?

В момент перехода от сна к бодрствованию он снова услышал голоса:

— Маусглов, Маусглов, Маусглов...

Да, уже не в первый раз доносился этот зов — слабый, но настойчивый. Однако сейчас хор голосов набрал силу и звучал словно бы прямо из головы.

— Маусглов!..

Он лежал в своем тайном укрытии в городе в горах Анвил и вспоминал события последних дней.

Маусглов оказался незванным гостем Марка Мараксона, а вернее, Дэна Чейна, жителя деревни, нарушившего запрет и восстановившего древние машины и древнюю технологию. Чтобы выбраться отсюда, ему требовалось обмануть легионы электронных стражей и низеньких, похожих на гномов людей. Он пытался на-

учиться летать на флайере, не таком, на котором нужна команда в шесть человек и установлены пушки, а совсем маленьком, где мог бы поместиться только он сам да украденные им крошечные фигурки, призванные обеспечить ему безбедное существование...

— Маусглов!

Где-то в своем подсознании он ответил.

— Что?

— Мы принесли предупреждение.

— Кто вы?

И тут ему вдруг снова показалось, что он спит и все это ему снится. Он стоял посреди комнаты с низким потолком, освещенной семью огромными свечами. Возле каждой свечи стоял кто-то, по очертаниям напоминающий человека. Их лица видны не были, и Маусглову рассмотреть их никак не удавалось.

— Ты спишь с фигурками под головой, — сказал женским голосом человек справа, и Маусглов сразу все понял.

Здесь было четверо мужчин, две женщины и еще кто-то неопределенного пола, все сделанные из красного дерева и украшенные разноцветными драгоценными камнями.

Они снова обратились к нему.

— Когда владелец Рондовала нарушил баланс треугольника, к нам вернулась сила, — сказала вторая фигура — фигура мужчины.

— Мы — духи колдунов, которые Дет заточил в эти фигурки, — подхватил третий — высокий мужчина.

— И теперь мы существуем только для того, чтобы служить ему или его наследнику, — добавила четвертая — женщина с высоким сопрано.

— Мы видим будущее, — сказал пятый, мужчина с грустным голосом.

— Мы специально перешли в твое владение, позволили, чтобы ты захватил нас, — пояснил шестой, тот, чей пол невозможно было определить.

— ...так как можем в некоторой степени влиять на события, — закончил последний мужчина.

— Что за предупреждение? — спросил Маусглов. — Чего вы хотите?

— Мы видим огромную волну, готовую обрушиться на этот мир, — сказала первая.

— ...на это место, — добавил второй.

— ...и очень скоро, — произнес третий.

— И чтобы сохранить будущее мира, — сказала четвертая.

— ...нужно защитить Поля, — подхватил пятый.

— Вот в этом месте треугольника, — закончил шестой.

На полу перед ним появилась карта в виде узора, выложенного разноцветными плитками. Указанное место было отмечено на карте огоньком.

— Укради карты, укради оружие, захвати флайер и лети немедленно туда, — велел седьмой.

— Флайер Марка?

— Он самый быстрый и может преодолеть большое расстояние, — сказала первая.

— Поль неплохой парень, — ответил Маусглов, — и я не желаю ему зла, но хотел бы убраться от него и от Марка как можно дальше и как можно быстрее.

— Твое добровольное сотрудничество с нами облегчает нашу задачу, — сказал второй.

— ...хотя не является необходимым, — добавил третий.

— ...так как наше могущество растет, — заключила четвертая.

— Так со мной еще никто и никогда не говорил, — признался Маусглов. — Если не считать священника, когда я был маленьким. Вы просите слишком много. Я вел опасную жизнь, но, похитив вас, не собирался больше подвергаться риску. Вы — гарантия моей дальнейшей спокойной жизни. И слышать не хочу ничего о вашем предупреждении.

— Ты дурак, — сказал пятый.

— ...если думаешь, что у тебя есть выбор, — подхватил шестой.

— Ты пошел по этому пути с того момента, как проник в Рондовал, — сказал седьмой.

— И это мы сделали так, чтобы ты пришел сюда, — сообщила первая.

— Это мы сделали так, чтобы ты украл нас, — разъяснил второй.

— Но если у меня нет выбора, — усмехнулся Маусглов, — то почему же вы просите, чтобы я сотрудничал с вами? Допускаю, что сюда я попал действительно по вашему желанию. Однако теперь, похоже, вам нужна моя помощь, и вашего могущества недостаточно, чтобы заставить меня. Я буду действовать только так, как угодно мне. Мой ответ — нет.

Воцарилась тишина. Маусглов почувствовал, что стал объектом внимательного изучения.

— Ты хитер, — сказал третий, — но в данном случае ты ошибаешься. Мы просим твоего сотрудничества только потому, что оно упростит задачу. Мы можем направить свою энергию в другое русло.

— Обещаем, что ты будешь хорошо вознагражден, — добавила четвертая.

— Зачем награда мертвецу? Я не торгуюсь.

— Но ведь тебе не нравится то, что Марк делает в этом мире, — заметил пятый.

— Не нравится. Ну и что? Мне лишь бы убраться отсюда...

— Тогда для своей же защиты возьми оружие, — посоветовал шестой.

— ...и карты, — добавил седьмой.

— Это я и без вас собирался сделать. Но я вовсе не намерен лететь туда, куда указали вы, и не буду участвовать в войне.

Свечи замигали, комната стала расплываться и исчезла из его сознания.

Три воздушных корабля приближались к замку Рондовалов. Пушки их были заряжены и направлены на замок. Корабли постепенно снижались, описывая круги, и наконец с одного из них выстрелили. Сразу же все три корабля быстро перегруппировались, ожидая ответа. Однако его не последовало.

Они снова начали кружить вокруг замка, но больше не стреляли. Затем снизились и стали летать возле башен, внимательно осматривая окна и пробоины в стенах. Один корабль медленно опустился и сел во внутренний двор, а два других кружили над ним, готовые открыть стрельбу. Прошло четверть часа — ничто не шелохнулось. Только трепетали листья на деревьях, да шелестели шустрые ящерицы.

Наконец открылась задняя дверь корабля, оттуда выскочили пять низких фигур с оружием на изготовку и тут же бросились в укрытия, залегли под стенами. Но никто не изъявил желаний нападать на них. Через несколько минут они поднялись и двинулись в замок.

Прошло больше часа, прежде чем они вышли из замка. Вид у них был спокойный, оружие безмятежно висело на плечах. Их предводитель махнул рукой остальным кораблям, и те сразу же приземлились. Из каждого вышли по пять человек.

Все пятнадцать собрались вместе и начали совещаться. Затем они вернулись на корабли, чтобы вынести тяжелое оружие и установить в замке. Немного позже, когда Рондовал был укреплен, один из кораблей взлетел, оставив в замке девять человек — одного для охраны оставшихся кораблей, а остальных — для патрулирования. Поднявшийся в воздух корабль стал летать кругами, обшаривая телескопом горы и леса. Через час была обнаружена группа кентавров, режущихся на дальнем плато.

Корабль опустился до уровня вершин деревьев, чтобы кентавры не могли его заметить, подлетел ближе и опустился возле поляны. Моторы заглохли, открылась дверь. Пять человек выскочили из машины и скрылись между деревьями. Во флайере остался только пилот

Через лес низкорослые люди продвигались медленно и осторожно. Чувствовалось, что для них это привычное дело, ведь они вели дикую жизнь в лесах до того, как пришла цивилизация. Сейчас они вспомнили свой многолетний опыт и действовали как хоро-

шо организованная охотничья группа, окружающая жертву.

Приближаясь к поляне, низкорослые изъяснялись между собой на языке жестов. Сигналы передавались по цепи между людьми, взявшими поляну в кольцо. Заняв позиции, они внимательно изучили расположение восьми кентавров и начали оживленные переговоры жестами, чтобы каждый знал свою мишень. Затем подняли оружие.

По сигналу раздалось сразу пять выстрелов. Пять кентавров получили ранения, двое из них тут же упали. Охотники не стали перезаряжать ружья, а бросились вперед, размахивая ими, как дубинками. Двое достали из-за пояса кинжалы. Раздались резкие крики кентавров, запах крови и пота повис в воздухе над поляной.

Один из лежащих на земле кентавров внезапно вскочил и нанес мощный удар передними копытами по голове одного из нападающих. В тот же момент этот кентавр был убит. Самый легкий из трех оставшихся в живых кентавров был схвачен, ему перевязали руки и обе пары ног. Трое охотников оставили оружие и потащили пленника через лес. Четвертый перезарядил ружья и пошел за ними, прикрывая отход.

Они благополучно миновали лес со своей ношей, вошли в корабль и закрыли дверь. Взревели моторы, корабль поднялся в воздух и устремился на юго-восток, набирая высоту.

Лунная Птица летел над плоским каменным сооружением, расположенным в поле на противоположном от города и порта конце острова. Лучи утреннего солнца разрезали каменное поле на тысячи кусочков, и если долго не отрывать взгляда от пробегающей картины, то создавалось впечатление, что смотришь на быструю реку.

Поль прикрыл рукой глаза, чтобы дать им отдохнуть и вернуть себе остроту зрения.

— Там, внизу, находится что-то обладающее могуществом, — заметил дракон. — Это то место?

— Да.

Поль долго смотрел на облака, затем снова посмотрел вниз. На северном краю сооружения была огромная трещина, и возле нее в воздухе плавало множество темных нитей — будто следы от чернил, капнувших в воду.

— Опустит нас на дальнем конце, там, где деревья.

Дракон снизил скорость и начал снижение. Поль наклонился вперед, внимательно смотря на землю. Вскоре он понял, что под ним находится монолитная конструкция. Темные пятна на ней были, видимо, многочисленными отверстиями, служащими для освещения коридоров. Над землей конструкция возвышалась на два человеческих роста.

Когда они приземлились, Поль с трудом углядел среди коричневых и песочного цвета нитей единственную белую.

Послышался какой-то слабый неразборчивый звук, но откуда он шел, Поль определить не смог.

— Может, сыграешь мне песню? — попросил дракон.

— Боишься, что я не вернусь?

— Это юмор висельника. У драконов юмор совсем другой.

— Хорошо. — Поль достал гитару.

— Что ты делаешь? — спросила Нора.

— Собираюсь дать концерт по заявкам, — ответил Поль и начал петь длинную печальную балладу.

— Благодарю, — сказал дракон, когда Поль закончил ее. — Это очень трогательная история, она напомнила мне ту, которую рассказал грифон...

— Боюсь, что у меня сейчас нет времени выслушать ее. Могут появиться стальные птицы с бомбами.

— Ты заметил что-нибудь, когда пел?

— Какое-то странное мычание, затем прекратившееся

Поль соскочил на землю и помог спуститься Норе, затем похлопал дракона по шее.

— Как ты собираешься проникнуть туда? — спросила девушка — Так же как...

Она не заметила движения пальцев правой руки Поля. Он растопырил их, слегка согнул и приблизил к лицу Норы. На ее глаза легла невидимая плотная по вязка...

Поль подхватил девушку, отнес под деревья и усадил. Здесь ее не было видно сверху из-за раскидистой кроны.

— Охраняй, пока я буду внутри, — сказал он дракону. — Если появятся черные птицы, лучше спрятаться под деревьями.

— Я могу напасть на них.

— Нора тогда останется без защиты. Нет В бой вступай только в том случае, если тебя заметят

Лунная Птица с негодованием фыркнул. Капля слюны упала на землю, и камень под ней расплавился

— Хорошо. Но потом я послушаю твою музыку

Поль повернулся и направился к широкому входу

Где-то в глубинах лабиринта родился глухой звук, но далеко или близко — он определить не смог Звук раскатывался по многочисленным коридорам, от зывался многократным эхом, постепенно затихая

Коридор, в который он вошел, через несколько шагов оборвался, но в правой стене оказалось небольшое отверстие, куда и вела белая нить. Поль остановился и взял в руки гитару. После короткого размышления он начал наигрывать медленную убаюкивающую мелодию, вкладывая в нее ритм пульсации своего родимого пятна, чтобы мелодия могла успокоить, зачаровать любого слушателя.

Он захватил несколько проплывающих мимо нитей и намотал их на гриф гитары. Нити стали колебаться в такт с мелодией. Он повернулся и медленно, не прекращая играть, вошел в отверстие.

Поль оказался в узком темном коридоре, освещавшемся через трещины в потолке в тех местах, где проход разветвлялся. Через трещины виднелось голубое небо.

Продолжая наигрывать на гитаре, молодой человек остановился, чтобы дать глазам привыкнуть к слабому

освещению. Рычание и фыркание стихли, однако по-прежнему слышалось чье-то тяжелое дыхание.

Поль двинулся дальше вперед, следуя за своей нитью. Он шел, поворачивая направо и налево, пока не оказался в кольцевой комнате. Из комнаты вело десять проходов, расположенных на равном расстоянии друг от друга.

Нить вела в ближайший справа. Далее следовала серия крутых поворотов, от которых у Поля чуть не закружилась голова. Он остановился, чтобы успокоиться и не сбиться с мелодии. Звук тяжелого дыхания по-прежнему слышался где-то неподалеку, заполняя собой все коридоры, удушливо пахнущие скотным двором. Мимо проплыло легкое голубое облачко.

Поль перешел в другую тональность, сохранив ленивую и усыпляющую мелодию, и зашагал дальше. Вскоре он снова оказался в кольцевой комнате с десятью проходами и понял, что это — та же самая комната, так как узнал рисунок трещин на стенах. Рассматривая паутину нитей, Поль понял, что отыскать путь к цели будет легче, чем потом выбраться из этого лабиринта. Он кряхтел и ругался, протискиваясь в узкие и низкие проходы. Иногда ему приходилось пролезать боком.

Но вскоре он заметил, что звук дыхания стал громче. Оставалось уже совсем немного до длинного узкого холла, в котором расхаживал минотавр.

Маусглов присматривался, наклоняясь вперед. Свет в доме погас уже давно, но вор знал, что глазной протез Марка позволяет ему видеть в темноте. И кроме того, он знал, что Марк спит мало, любит производить внезапные ночные проверки лабораторий, заводов, барачков. И хотя у него был тяжелый день, он переполнен нервной энергией и может пробудиться в любой момент... Однако что-то все-таки надо делать.

Нужные карты были рассованы по карманам плаща. Там же лежал и конверт с фигурками. Гранаты — Маусглов чувствовал себя очень неудобно, так как ви-

дел их действие — висели на поясе рядом с кинжалом. В руках он держал мешочек с пищей и пистолет, украденный совсем недавно.

Он снова спрятался за трубу, глубоко дыша холодным и дымным воздухом. Чем дальше здесь оставаться, тем выше риск обнаружения машинами или этими гномами. Маусглов знал расположение всех стационарных следящих устройств, но ведь были еще и передвижные. Кроме того, он не может забраться во флайер, не произведя шума. Поэтому, если Марк только что уснул, надо дать ему возможность уснуть покрепче.

Маусглов посмотрел вверх, на звезды. Луны в небе не было — не очень-то удачно для первого полета. Он потрогал гранаты и проверил все свое снаряжение. Попадать в плен не хотелось. Особенно после того, что, как он видел, они сделали с кентавром, которого доставили на флайере. Несчастное животное даже не понимало, чего от него хотят добиться.

Терпение было основным качеством, требовавшимся в работе Маусглова. Он стал массировать мышцы, замирая время от времени, чтобы прислушаться и осмотреться.

Прошло больше часа.

Пора, решил он. Ночь уже взяла все свои права.

Осталось двести шагов. Медленных и осторожных. «Покровитель воров... будь со мной... со мной...»

А теперь не думать ни о чем, превратиться в глаза и уши, дышать так, чтобы грудная клетка не шелухнулась...

Дверца должна быть со стороны дома Марка. Осталось двенадцать шагов... десять... Что же они там жгут, на своих заводах? Даже в носу щиплет...

Он дважды обошел флайер, ожидая, не будет ли тревоги. Наконец протянул руку и коснулся гладкого холодного тела машины.

— Ну, малыш, назад пути нет, — прошептал Маусглов.

Он взялся за ручку двери и осторожно потянул ее на себя. Дверь бесшумно открылась. В одно мгновение он был уже внутри кабины, отыскивая на ощупь внут-

ренную ручку двери. Он нашел ее и потянул вниз и на себя...

Стоп!

Открылась дверь дома Марка, и сам он появился на пороге. Пальцы Маусглова нащупали пистолет. Бежать теперь было уже невозможно.

Марк никуда не уходил. Он стоял, уперев ладони в бока, осматривая небо и крыши. Только ли бессонница вытащила его наружу?

Маусглов поймал себя на том, что практически перестал дышать. Он позволил себе немного расслабиться, деликатно втянул в легкие воздух и положил пистолет себе на колени. Его левая рука, державшая дверь, преодолевая сопротивление пружины, начала дрожать.

— ...и не дай мне попасться, — закончил он молитву.

Маусглов поднял пистолет и нащупал курок. Но тут Марк застегнул свою куртку и закрыл за собой дверь. Затем пошел вдоль террасы.

— Я бы застрелил его. Прямо сейчас. Если бы был уверен, что попаду. Я никогда не стрелял из таких штук. Я выстрелил бы, если бы у меня был арбалет... если бы...

Марк прошел в пяти метрах от него, даже не смотря на флайер. Маусглов, скорчившись и спрятав голову в капюшон, наблюдал за ним. И только через десять минут после того, как Марк скрылся, он рискнул закрыть дверь и заняться панелью управления.

Увидев обитателя лабиринта, Поль все же не сбился с ритма и не сфальшивил. Взгляд человека-зверя пробежал по нему с головы до ног, затем зверь медленно пошел вдоль стены. Он был высотой около двух метров и с длинными закрученными рогами.

В помещении стояла жуткая вонь. «Какие же зубы должны быть у этого существа с головой быка», — подумал Поль. Из прочитанных книг он знал, что минотавр пользуется ужасной репутацией, и решил оста-

вить вопрос о зубах для академических споров. Надо полностью сосредоточиться на игре.

Двигались только руки. Мысленно Поль представлял, что из его гитары вытягиваются нити и наматываются на рога чудовища. Сила, бурлившая в нем, по кончикам пальцев стекала в гитару, а затем заполняла пространство, что разделяло его и минотавра.

— Отдохни. Такая нервная жизнь, как у тебя, требует периодов мира и покоя, — пел он про себя. — Не просто сон нужен тебе, а полная расслабленность всех мускулов, полный отдых... Это так сладостно...

Минотавр замедлил шаги, затем замер возле стены. Его дыхание замедлилось и стало тише.

— Забудь, забудь обо всем. Приятные сны танцуют перед твоими глазами, готовыми сомкнуться. Иди в туманную страну снов, где обитают видения. Они...

Минотавр опустил правую руку и оперся о стену. Его голова опустилась. Он фыркнул.

— Иди, иди туда... Там небесные облачка, ласкаемые ветерком, сделают твой сон сладким, а поля сочной зеленой травы усладят твой вкус. Теплый дождик будет омыwać твоё тело, красочные цветы будут радовать твой взор. Моя песня принесет тебе покой и тихую радость...

Зверь опустился на колени, лег на пол, затем его глаза закрылись.

Поль еще долго продолжал играть. На спящем лице не было никакого выражения, только покой и безмятежность. Дыхание минотавра становилось все медленнее и спокойнее.

Поль рискнул впервые оглядеться. Затем проследил взглядом нить, по которой шел. Нить вела в нишу в дальнем конце комнаты. Темные нити обвивали нишу, но их было много меньше, чем в пирамиде. Эта паутина была предназначена, видимо, для того, чтобы слабо мерцающий цилиндр не попал в руки самого минотавра.

Поль спокойно прошел по каменному полу к нише и продолжал машинально наигрывать мелодию, пока изучал узлы паутины. Их было всего три, и любой из

них мог остановить минотавра или обычного человека. Но для компетентного колдуна они всего лишь...

Поль оглянулся на спящего минотавра — придется прекратить играть, чтобы распутать паутину. Он взял последние аккорды:

— Спи... спи... спи...

Затем опустил гитару.

Распутав первое заклинание, он вновь обернулся, чтобы убедиться, что минотавр не проснулся. Затем принялся за второе.

Звук сзади встревожил его. Но сейчас Поль не мог обернуться. Наконец узел распался, и Поль посмотрел назад — минотавр всего лишь заворочался во сне.

И вот наконец последнее заклинание. С ним пришлось повозиться долго.

Закончив, Поль повернул голову назад. Глаза минотавра были открыты. Он смотрел на Поля.

— Кто ты такой?

— Я менестрель.

— Что тебе здесь надо?

— Так, пустяк.

— То, что лежит в нише? Будь осторожен.

— Обязательно буду. Ты не возражаешь, если я заберу его?

— Нет, конечно. Эта вещь мне совершенно не нужна. А где я был?

— Во сне.

— Никогда не бывал там раньше. Там так много всякого приятного...

— Может, цветы?

— Возможно. Это было прекрасно. Я хочу туда снова.

— Можно устроить.

— Я хочу всегда жить там.

— Закрой глаза и слушай музыку.

Поль начал снова играть, вызывая те же видения, что и раньше.

Он играл, а глаза его ощупывали то, что находилось в нише: вторую часть посоха, более тонкую и длинную, чем первая, украшенную сценами из жизни

людей, животных, растений; все они ели, пили, танцевали, радовались жизни, любили друг друга...

Сыграв заключительные ноты, он протянул руку, взял стержень и вставил его в первую часть посоха, висевшую у него на поясе. Он ощутил, как могущество в нем увеличилось, забурлило, требуя выхода. Оно пронзало все его тело, руки, гитару, смешивалось с музыкой.

— ...иди туда, в поля, где нет голода, жажды, боли, где никогда не называют чудовищем, где воздух свеж, где нежно поют птицы, туда, где вечером и ночью светят добрые звезды, чтобы жить там всегда, никогда не просыпаясь, никогда не уходя оттуда. Спи, человек-бык, спи в покое, которого ты никогда не знал. Усни навеки.

Поль отвернулся от спящего и притронулся к посоху. В голове стала прокручиваться запись его пути сюда. Он вспомнил каждый поворот, каждый проход, каждую дверь, а следовательно...

В воздухе повисло изображение дракона. Он был готов вести Поля к выходу.

— Веди, — мысленно приказал Поль. — Я пойду за тобой.

И дракон поплыл по воздуху к двери. Поль колебался какое-то время, затем пошел за ним. Выходя из комнаты, он бросил прощальный взгляд на спящего минотавра и осмотрел напоследок узел своего заклинания, висевший над распростертым телом, как огромная бабочка.

Маусглов облегченно вздохнул, когда флайер поднялся над высочайшей башней и понесся прочь от гор — туда, где зловещие черные птицы не плетут нескончаемую паутину патрульных полетов. Погони пока что видно не было.

Набрав максимальную скорость, Маусглов мчался до тех пор, пока горы не скрылись за линией горизонта. Лишь тогда он наконец расслабился, снял плащ и бросил его на заднее сиденье; вздохнул, протер глаза и

провел рукой по волосам. Он освободился от огромного напряжения и получил возможность наслаждаться полетом.

При такой скорости к утру он уже будет в Дибне. Еще успеет спрятать корабль, прежде чем войти в город. Днем найдет торговца, чтобы пристроить фигурки. И затем, когда кошелек будет полон денег, можно будет спокойно отдохнуть. Прежде всего найти место, где осесть. Вилла на холме с видом на море. Кухарка, слуги, садовник — неплохо бы иметь свой сад — и несколько тщательно отобранных девушек-рабынь...

Маусглов медленно повернул штурвал вправо. Еще немного... Юго-восток... юг. Он крутил штурвал и удивлялся: зачем же он делает это?

Теперь он летел уже не в Дибну. Маусглов отчаянно противился чужой воле, но его руки сами крутили ручки управления. Как будто кто-то управлял им самим. Сейчас он летел туда, куда лететь ему вовсе не хотелось. Он как будто со стороны смотрел на себя, на свои действия. На пульте перед ним плясали маленькие огоньки, постепенно превращаясь в семь мерцающих фигурок. Он вспомнил все произошедшее с ним в подземелье города в горах и снова услышал их смех.

У него зрело предчувствие, почти уверенность, что с виллой с видом на море придется попрощаться.

Дойдя до выхода из лабиринта, Поль хотел уже выйти, но замер на месте. Что-то было не так. Он уловил словно тень опасности — только тень, он даже примерно не мог определить, что же ему угрожает. Он только был уверен, что эта угроза существует.

Кажется, там что-то движется?

Поль посмотрел на дракона, склонившегося над спящей Норой, взял в руки посох и постарался припомнить сложные заклинания из книг отца. С виду здесь все было в порядке, но все же...

Медленно движущаяся тень проплыла над ним. Полю, пришедшему из мира техники, было нетрудно догадаться, что это летающая машина, причем гораздо

большого размера, чем черные птицы. Этот флайер был уже совсем близко.

Поль знал одно простое заклинание, бывшее частью более сложного; оно требовало много энергии, но теперь в его руках было нечто, во много раз увеличивающее его могущество.

Он поднял посох и стал водить им над собой, захватывая нити всех цветов и сплетая из них ковер. Над головой вскоре образовался диск из нитей. Он все увеличивался в размерах и вскоре стал настоящим щитом.

Теперь достаточно. Поль сделал шаг вперед, и щит последовал за ним.

Тень в небе сместились левее. Поль сделал еще шаг и повернул посох так, чтобы прикрыть себя щитом, прикрепленным к посоху. В этом и заключалось отличие от полного заклинания, которое прикрывало со всех сторон.

Поль шел, внимательно следя за перемещениями флайера и прикрываясь от него своим волшебным экраном. Он двигался к деревьям. Когда он доберется до них, щит будет не так нужен и рука сможет отдохнуть. А затем...

Скоро он дошел до деревьев. Подойдя к девушке и дракону, Поль сделал экран больше, не упуская из виду кружащего над ними флайера. Протянув руку, он коснулся дракона.

— Я разбужу ее, — сказал Поль. — Затем мы углубимся в лес.

— И не будем драться?

— Мы можем избежать этого.

— Но я в силах уничтожить его!

— Ты сделаешь это, если он нападет на нас. Доверься мне.

Поль повернулся к девушке и стал снимать с нее заклинание, думая, насколько сложнее было бы с минотавром, если бы ему пришлось работать с такого же расстояния. Нора шевельнулась, посмотрела на него.

— Я спала! И это сделал ты...

— Тихо! — предупредил Поль. — Они уже здесь, — он показал наверх. — Поговорим в более спокойном

месте. Вторая часть посоха у меня. Теперь нам надо лучше укрыться под деревьями. Пока нас не видно только с одной стороны.

Она поднялась на ноги.

— Это была нехорошая шутка. Не надо со мной так поступать.

— Обязательно учту, — пообещал Поль. — А теперь пошли.

Нора посмотрела на флайер, кивнула и повернулась. Дракон медленно двинулся следом.

Когда они углубились в лес, под надежное укрытие ветвей, Поль снял заклинание. Теперь их вряд ли заметят сверху.

Поль сел под деревом, сложив на груди руки.

— Что теперь будем делать? — спросила Нора.

— Я думаю, смогу ли я сбить этот флайер, как сбил металлическую птицу у пирамиды. Теперь, когда у меня две секции посоха, по-моему, это возможно.

— Тогда попытайся.

— Я подожду, пока он подлетит поближе. Основной фактор — расстояние.

Около четверти часа он наблюдал за маневрами корабля, наматывая нити на посох. Когда корабль наконец оказался над ним, Поль почувствовал себя готовым.

Он поднял посох, глядя вверх через пространство между листвой. Он увидел нити, идущие вверх, и представил, что они звенят под действием неощутимого мощного эфирного ветра. Посох нагрелся в его руке, начала изливаться энергия.

Какое-то время все оставалось спокойным. Затем раздался вой захлебывающегося мотора флайера. Флайер начал снижаться, но только потому, что пилот, управлявший им, решил идти на посадку, так как отказали моторы.

Поль крепче сжал посох, посылая все больше и больше энергии. Над спускающимся кораблем показались тонкие струйки дыма. Моторы заглохли, и теперь корабль висел метрах в двадцати над западной границей Лабиринта.

Вскоре он рухнул, и задняя дверца его открылась. Оттуда выскочили три человека, а затем выполз еще один, кашляющий и задыхающийся. Поль увидел пламя и людей, пытающихся погасить его. Он опустил посох и повернулся к Норе.

— Теперь надо уходить отсюда. Я сжег моторы, и нас не смогут преследовать.

Они влезли на спину дракона.

— Торопись! Улетай скорее отсюда!

— Мы можем сначала покончить с врагом.

— Они не смогут помешать нам. Лети!

Дракон начал разбегаться, петляя между деревьями. Выбежав на поляну, он расправил крылья и взмыл вверх.

Внезапно откуда-то справа раздался крик. Поль увидел трех человек, убежавших от горящего флайера. Они одновременно опустились на колени и подняли ружья. Из дул вылетели белые дымки, и тут же Поль почувствовал жгучую боль в шее и упал на плечо дракона. Он услышал крик Нору и почувствовал, как ее руки ощупывают его тело. Голова отчаянно кружилась, перед глазами плавали темные круги, но сознание он потерял не сразу. В ушах раздавался легкий звон. Шея стала влажной.

— Нужно было прикончить их, — процедил дракон.

Нора что-то говорила, хлопоча возле него, но Поль не слышал ее слов. Его глаза закрылись, и мир превратился в ничто.

Когда к Полю вернулось сознание, он ощутил запах моря — и еще то, что Нора приложила ему к шее холодный компресс. Под чешуей дракона, к которой прижималась его щека, размеренно двигались мускулы. От Лунной Птицы пахло старой кожей, порошком и почему-то лимонным соком.

Поль вдруг вспомнил все и улыбнулся.

— Ты пришел в себя? — спросила Нора.

— Да. Рана серьезная?

— Похожа на ожог. Как если бы к шее приложили горячий утюг и подержали немножко.

— Именно это я и чувствую. Что ты приложила?

— Мокрое полотенце.

— Спасибо. Помогает.

— Ты знаешь заклинания для лечения?

— Знаю, но плохо. Ладно, что-нибудь придумаю. Расскажи пока, что произошло.

— Думаю, тебя что-то ударило из дымящейся трубки, которые эти люди наставляли на нас.

— Да, так оно и есть. А что за грохот был? Их корабль взорвался?

— Нет. За нами погнались какие-то большие летающие машины. Потом все стихло.

Поль приподнялся и посмотрел назад. Поворачивать голову было больно. Остров уже превратился в точку, еле заметную на горизонте.

— Лунная Птица, с тобой все в порядке?

— Да. А с тобой?

— Я скоро поправлюсь. Но мы летим, кажется, на северо-запад, а не на юго-запад. Или я ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься.

— Дай, я перевяжу тебе шею, — сказала Нора.

— Давай, — кивнул Поль и снова повернулся к дракону. — Но почему?

— Место, куда ты хочешь попасть, находится очень далеко, в нескольких днях полета.

— Знаю. Именно поэтому я и выбрал этот путь. Нам будут встречаться острова, на которых можно отдыхать.

— Это не лучший путь. Карты говорят неправду. Я знаю более короткую дорогу.

— Кратчайший путь между двумя точками — прямая.

— Я пронесу вас путем драконов.

— Путем драконов? Как это?

— Я уже летал в те края. Существуют другие пути. Их называют проколами в пространстве. Мы летим к нужному проколу. Я знаю этот путь, хотя он немножко неприятный.

— То, что «немножко неприятно» для дракона, может оказаться смертельным для человека.

— Через этот прокол я пролетал с твоим отцом

— А это намного быстрее?

— Да.

— Хорошо, летим.

— А далеко? — спросила Нора.

— Мы будем там к вечеру.

— По пути есть остановки для отдыха?

— Есть

Перед ними низко над горизонтом горело красным пламенем солнце. Справа у горизонта темнела изломанная линия побережья. В воздухе слева и спереди теснились оранжевые облака.

Дракон начал подниматься выше, с каждым взмахом его крыльев воздух становился все холоднее. Поль всматривался вперед. Внезапно его зрение затуманилось, и он потерял глаза. Но рябь в глазах осталась. Он повернул голову набок — нет, все по-прежнему.

— Лунная Птица...

— Да, мы приближаемся. Уже скоро.

— Нам нужно специально подготовиться?

— Держитесь крепче. Я не смогу вам помочь, если мы разделимся.

Рябь на небе становилась все сильнее. Ощущение было такое же, как тогда, когда Поль смотрел через щит невидимости

Дракон поднялся выше этого экрана и полетел над ним. Внизу показалось нечто похожее на озеро ртути — сверкающее и холодное, слегка окрашенное в розовый цвет лучами заходящего солнца. Чем выше они поднимались над ним, тем менее материальным оно казалось.

— Почему мы пролетели мимо? — спросила Нора.

— Мы должны подлететь с яркой стороны.

— Нам предстоит нырнуть в это?

— Да.

Поль коснулся шеи и ощутил слабую боль. Использованное заклинание почти залечило его рану. Нора тронула его за плечо.

— Я готова.

Он похлопал Нору по руке. Дракон уже начал спуск.

— Держись крепче.

Крылья дракона захлопали, ускоряя падение.

«Это же не твердая поверхность», — убеждал себя Поль, когда они со страшной скоростью приблизились к сверкающему озеру. Они нырнули в нее — и в тот же момент не стало больше ни верха, ни низа, а было только — вперед. Право и лево остались — они крутились в бешеной спирали. Пронзительный свист раздирал уши Поля и Нору. Поль прикусил губу, крепко вцепившись в шею дракона. Он попробовал закрыть глаза, но так стало еще хуже, почти непереносимо. Где-то впереди, далеко-далеко засияло яркое пятно. Желудок Поля не выдержал и избавился от своего содержимого; к счастью, оно было тут же унесено ветром. Дракон начал испускать огненные молнии, пролетавшие над головой Поля, как сверкающие копья. Звон в ушах перешел в ультразвук, светлое пятно впереди казалось по-прежнему недостижимым.

— Проколы в пространстве все такие? — простонал Поль.

— Нет. Этот еще ничего. Другие гораздо хуже.

Глава 18

От долгого полета ломило в плечах, болели глаза. Но путешествие уже подходило к концу. Маусглов кружил над каменным строением, высматривая следы других посетителей. Их не было, и он решил садиться. Руки его дрожали, когда он вертел штурвал, выискивая в джунглях подходящую поляну.

Корабль мягко коснулся земли, и Маусглов облегченно вздохнул. Однако выругаться от злости, что ему не удастся попасть в Дибну, не удалось — язык отказывался повиноваться ему.

— Дайте мне, наконец, отдохнуть! — взмолился маленький вор. — Не знаю, чего вы от меня хотите, но к делу надо приступать отдохнувшим!

— Весьма сожалеем, — пришел ответ, и зрение у Маусглова снова раздвоилось: он был посреди комнаты, освещенной мерцающими свечами. — Выбирать не приходится. Ты обогнал всех, так как твой корабль быстрее других и мы направили тебя коротким путем, но времени для отдыха у тебя нет. Из ножен возле двери возьми короткий меч, выходи из машины, руби ветви и сучья и укрывай корабль.

После этого он почувствовал себя свободным. Свободным полностью. И поэтому не повиновался.

— Я...

И тут же невидимые узы снова схватили его.

Маусглов взял меч из ножен. На его дальнейшие мольбы ответа не было.

Огромные ветви с большими листьями легко поддавались его ударам, и спрятать маленький корабль не

составило большого труда. Затем он открыл двигательный отсек, тщательно вычистил его, вложил новые брикеты топлива. Одних солнечных батарей на обратный путь не хватило бы, тем более что сейчас они были закрыты листьями и заряжаться не могли.

Маусглов закончил работу и некоторое время спокойно стоял, вдыхая свежий воздух, слушая пение птиц и размышляя, дадут ли ему теперь отдохнуть. Но как только он подумал об этом, ноги сами понесли его в направлении, где находилась каменная пирамида, окруженная скульптурами фантастических зверей.

Дорогу в чаще ему приходилось прорубать мечом. Через несколько минут он выдохся совершенно. Тучи надоедливых мошек крутились вокруг, а у него не было сил даже отмахнуться. Наконец он выбрался на поляну, где стояло ступенчатое каменное сооружение — пирамида. Стены ее были увиты виноградными лозами. Стилизованные каменные звери смотрели на посетителя со зловещими ухмылками.

— Мне необходимо отдохнуть. В тени. Ну пожалуйста!

— Времени совершенно нет, — пришел ответ. — Обойди здание и войди в него с той стороны.

Маусглов почувствовал, что его ноги зашагали. Ему хотелось выругаться, однако язык снова не повиновался. Он шел все быстрее и быстрее, не задумываясь, куда ставить ногу, но все же не падал.

Вскоре он оказался перед укрытой в гуще виноградника дверцей. Опять пришлось пускаться в ход меч и прорубать проход.

Но вот он уже шел по коридору. Глаза его еще не привыкли к полумраку и ничего не видели, но те, кто вел его, хорошо знали свое дело.

Лишь когда Маусглов достиг широкой лестницы, глаза его обрели способность различать окружающее. Коридор был тускло освещен светом из отверстия в потолке, образовавшегося от выпадения нескольких камней. Скорее всего, вследствие землетрясений...

В дальнем конце комнаты был узкий проход в каменной стене. Перед этим проходом стояла точная ми-

ниатюрная копия этой же самой пирамиды со всеми скульптурами, входами, колоннами. На вершине пирамиды в оранжевой корзинке странной формы лежал узкий цилиндр, испуская слабое зеленоватое свечение.

Маусглов вдохнул влажный холодный воздух.

— Вот его ты и должен украсть.

Перед ним снова замигали свечи в полутемной комнате.

— Цилиндр?

— Да.

— А зачем вы мне говорите это? Ведь я всего лишь марионетка в ваших руках.

— Теперь уже нет. Сейчас мы освободим тебя. Сам ты гораздо лучше нас справишься с этой задачей.

И внезапно Маусглов стал свободен. Он вытер лоб, стряхнул пыль с одежды и без сил упал на колени, тяжело дыша. Что-то внутри него подсказывало ему, что лучше промолчать, хотя ругательства так и рвались наружу. Многолетние рефлексы заставили вора приступить к работе. Но на всякий случай он спросил:

— Неужели другим так трудно спуститься, пересячь эту комнату и взять эту вещь?

— Там кое-кто есть.

— Есть кто-то? А что он может сделать?

— Если он обнаружит тебя, то не даст совершить воровство. Это гигантская змея с перьями на голове.

Маусглов вздрогнул. Рука, державшая меч, опустилась, и меч глухо звякнул об пол. Он закрыл руками лицо, потер глаза и лоб.

— Очень плохо. Я могу работать, только когда нахожусь в хорошей форме. А сейчас я умираю от усталости.

— У тебя нет выбора.

— Черт бы вас всех побрал!

— Мы теряем время. Ты собираешься работать?

— Неужели действительно нет выбора? Если существует справедливость...

— Немедленно приступай...

Маусглов опустил руки и выпрямился. Затем сел на ступеньку, вытер руки о штаны, поднял меч. Встал.

Начал бесшумно спускаться вниз. Спустившись, прислушался — какой-то звук из дыры?

Да, но теперь все стихло. Может, просто броситься вперед, схватить цилиндр и убежать? Или же постараться обтяпать дело тихо? Как велика эта змея и как быстро она может двигаться?

Но ответов не было. Маусглов сделал шаг вперед и снова остановился. Тишина. Еще шаг. Да, цилиндр действительно светится. Именно его и хотел добыть Поль, но, видимо, еще не добрался сюда. Почему? Мешают корабли Марка? Возможно... А что будет потом, когда Маусглов добудет эту игрушку? Есть ли у семерых страшных фигурок еще какие-нибудь виды на него? Или же он станет совсем свободным?

Еще шаг... Ничего... Еще два быстрых шага.

Какое-то шуршание... Как чешуя о камень. Маусглов сдержал дрожь и пошел дальше. Перешагнул через кучку щебня. Шуршание продолжалось. Как будто раскручивалось что-то огромное, свитое кольцами.

— Граната! Брось в отверстие гранату! А сам ложись и прикрой голову!

Он сделал, как было приказано. Граната появилась в его руке, затем взметнулась в воздух. Маусглов бросился вперед, укрываясь за копией пирамиды. Он увидел огромную, украшенную яркими перьями голову, поднимающуюся над низким проходом в стене. На него смотрели огромные немигающие глаза, глубокие, как пещеры. Во лбу твари горел большой изумруд.

А затем взрыв потряс пирамиду.

Огромный каменный блок рухнул с потолка, посыпались мелкие камни, песок. В лучах солнца запылала пыль. Оранжевая корзина слетела с вершины пирамиды, цилиндр выкатился из нее и замер у коленей Маусглова.

— Хватай его! Хватай и беги!

Он огляделся, схватил цилиндр и вскочил на ноги.

— Поздно, — сказал он сам себе, держа в правой руке цилиндр, а в левой — меч. — Она не убита.

Зловещее шипение заглушило грохот камнепада. Ярко-оранжевая голова моталась из стороны в сторону.

как бы потеряв ориентацию. Но все же она приближалась к Маусглову. И очень быстро.

— Ударь ее между глаз! Прямо в изумруд!

Маусглов поднял меч, хорошо понимая, что сумеет ударить только один раз. Второй возможности не будет. И когда змея бросилась на него, он ударил.

Они ворвались наконец прямо в утро, задыхаясь и с трудом сдерживая рвотные позывы. В ушак звенело, сердце отчаянно колотилось. Поль досмотрел вниз и увидел полоску пляжа, окаймленную густыми тропическими зарослями.

— Вниз, Лунная Птица, вниз! Мы держимся из последних сил.

— На пляж? — Дракон замедлил полет, снижаясь.

— Да. Надо вымыться, поесть, отдохнуть.

— Поль, я больше не могу! — простонала Нора.

— Знаю, потерпи минутку...

Дракон мягко приземлился. Они скатились с него и растянулись на песке. Спустя некоторое время Поль протянул руку и коснулся девушки.

— Ты хорошо держалась.

— Ты тоже, — она похлопала дракона по шее. — Молодец. Поль, а где мы?

— Нам еще далеко? — спросил он у дракона.

— Мы будем на месте, когда солнце поднимется высоко.

Они разделись, искупались, вычистили одежду. В это время дракон охотился за дичью, которой было полно в зарослях. Поль и Нора тоже поели, молча смотря на плещущиеся о берег волны и позолоченные солнцем облака.

— Сейчас я, наверно, проспала бы целую вечность! — воскликнула Нора.

— Времени у нас очень мало.

— А когда все кончится, что мы будем делать?

— Если я останусь жив, то прочту все книги в отцовской библиотеке.

— А потом?

— Понятия не имею. Впрочем... Я восстановлю Рондовал, хотя и не знаю, останусь в нем жить или уйду.

— Уйдешь? Куда?

Поль пожал плечами.

— Однажды я шел по сияющей дороге и видел множество прекрасных миров. Возможно, я когда-нибудь соберусь и пойду смотреть эти миры.

— А назад ты вернешься?

— Думаю, да. Этот мир стал мне родным домом. Он мне нравится.

— Наверное, хорошо иметь выбор.

— Если, конечно, я останусь жив.

Когда дракон вернулся, Нора и Поль встали, отряхнулись от песка и, держась за руки, влезли на спину дракона. Солнце поднялось выше, джунгли стали казаться менее зелеными.

Они взлетели и взяли курс на юг. К полудню они были уже возле пирамиды и кружили над ней.

— Кажется, мы опоздали, — сказал дракон.

— Что ты имеешь в виду?

— В лесу спрятаны аппараты, похожие на тот, что ты сбил на острове.

— Я не вижу...

— Я чувствую их тепло.

— Сколько их?

— Кажется, шесть.

— Интересно, давно ли они тут? Это, наверное, западня.

— Не исключено. Что будем делать?

— Я должен получить посох.

И в тот же момент взрыв потряс пирамиду.

— Что... — начала Нора.

— Спустись ниже. Я хочу все рассмотреть.

Дракон сделал круг и начал спускаться.

Поль внимательно всматривался в джунгли, но не видел нигде кораблей, которые чувствовал дракон. Затем он посмотрел на саму пирамиду. Комья грязи осыпались с ее стен, а в крыше образовалась большая трещина. Облако пыли, как дым, поднималось над пирамидой.

Они погрузились в это облако и полетели, тщательно осматривая пирамиду и деревья вокруг нее. Все было спокойным. Дракон начал снова набирать высоту

— Боже! — воскликнула Нора. — Что это?

Из пирамиды выскочил маленький человек в темной одежде, и тут же вслед за ним показалась гигантская, покрытая перьями змеиная голова. Она зловеще раскачивалась, ее длинный язык сверкал, как огонь. Змея выползала из пирамиды с такой скоростью, что гибель человека казалась неизбежной.

— Дракон! Назад! У этого человека посох!

Дракон уже начал нагреваться и изрыгать пламя.

— Это змея пирамиды. Мне давно хотелось встретиться с ней.. Как только я нападу на нее, прыгайте и бегите. И не забудьте свои вещи.

— Нападешь? Нет! Не надо!

— Я должен напасть. Я ждал этого многие века. И кроме того, это единственный способ спасти человека с посохом.

Поль со злости стукнул дракона кулаком, но тот даже не почувствовал.

— Приготовься прыгать и бежать! — сказал Поль Норе, беря гитару и флягу.

Змея услышала шум и подняла голову — и в то же мгновение дракон обрушился на нее.

Поль соскочил на землю и бросился бежать. Сзади раздавались рычание, шипение, накатывались волны жара. Он увидел, что перед ним извивается тело гигантской змеи, обежал его и стал искать глазами Нору, но ее нигде видно не было. Зато неподалеку спасался бегством, спотыкаясь и падая, и снова поднимаясь, маленький человек с посохом. Их взгляды встретились, и Поль узнал Маусглова.

— Нора! — крикнул он. — Ты видел ее?

Маусглов показал на лес по другую сторону от бегущихся гигантов.

Дракон, схватив змею, начал поливать ее огненной жидкостью. Поль почуял запах горящих перьев. И тут же увидел Нору, окруженную низкорослыми людьми; им подобных он видел в горах Анвил. Несколько таких

людей неподвижно лежали на траве, а левое плечо Норы было в крови. Видимо, здесь была схватка. Но теперь ее связанную веревками, тащили к деревьям.

И в этот момент на Поля с Маусгловом покати́лся клубок сцепившихся гигантских рептилий, и им пришлось удирать со всех ног. Опомнились они уже глубоко в лесу тяжело дыша и тревожно оглядываясь вокруг.

— Мне нужен посох, — сказал Поль, протягивая руку — Быстрее!

Маусглов протянул ему длинный тонкий цилиндр с изображением облаков, луны, звезд, а также ангельских духов обитающих в высших небесных сферах. Поль два раза уронил его, прежде чем смог вставить на место. Ощущение огромного могущества сразу же пронзило его. Он выпрямился.

— Надо идти за ней, — сказал он, оглядываясь назад, откуда доносились звуки битвы — рычание и шипение — Мы попадем туда быстрее, если будем идти не по джунглям, а по открытому пространству.

Маусглов согласно кивнул, затем махнул рукой.

— Не думаю, что у нас что-нибудь получится, но уверен что ей ничто не грозит.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хорошо изучил этих типов. Если бы они не получили приказа доставить ее живой, она была бы уже мертва. Теперь твоя девушка наверняка на одном из флайеров.

— А я думал, что они прилетели сюда за мной или за этой частью посоха.

— Да. Но теперь, когда ты обнаружил их, они не захотят вступать с тобой в бой. Возможно, девушку взяли в качестве заложника.

— Почему «возможно»?

— Ты же знаешь: Марк любит ее.

— Да знаю. Расскажешь обо всем позже. Идем.

Поль поднял посох, и ослепительный луч света из него прожег в джунглях широкую дорогу. Без колебаний они направились по ней и, выйдя на поляну, снова увидели сцепившихся дракона и змею. Змея

впиалась клыками в левое плечо дракона и кольцами обвивала его, а зубы дракона вонзились ей в горло. Часть пирамиды была разворочена во время этой жестокой схватки.

Пока Поль и Маусглов обходили гигантских зверей, битва разгорелась с новой силой. Кольца змеи разжались, и освободившийся дракон поднялся в воздух, не отпуская своего врага. Но и змея не выпускала из пасти его плеча.

Поль повернулся к ним и поднял посох.

— Нет! — вдруг прозвучало у него в голове. — Это моя битва! Не вмешивайся!

Поль не стал возражать и пошел дальше, туда, где он в последний раз видел Нору. Маусглов не отставал. Сзади раздавалось рычание, и ветер доносил запахи горелого мяса. Поль не оборачивался.

Наконец они пришли туда, где лежали тела людей. В груди одного из них торчал меч Норы. Теперь, вдали от битвы гигантов, другие звуки достигли их слуха: откуда-то из-за деревьев доносилось гудение моторов.

Наверху мелькнула тень, тотчас же за ней последовали еще две.

— Нет! — воскликнул Поль и поднял посох.

Маусглов схватил его за руку.

— Если ты собьешь флайер, то можешь убить девушку. Ты же не знаешь, на каком из них ее уносят!

Еще два флайера пролетели над ними. Плечи Поля поникли.

— Конечно, — сказал он упавшим голосом. — Конечно... Спасибо. Я полечу за ней. Я должен знать, чего хочет Марк. Он понятия не имеет, какие силы я могу выставить против него, но столкнется с ними раньше, чем сможет отомстить своей деревне. Я возвращусь в горы Анвил и разворочу их. Если, конечно, Лунная Птица сможет лететь...

— У меня есть корабль — украл у Марка. Я умею им управлять и научу тебя. — Маусглов взял Поля за руку.

Когда они снова проходили мимо пирамиды, борьба все еще продолжалась и никто из сражающихся не

собирался уступать. Вся земля была перепахана и залита кровью. Тела дракона и змеи покрывали раны, их кровь смешалась. Противники так переплелись, что было тяжело разобрать, где кто.

Поль мысленно обратился к Лунной Птице:

— Мне нужно вернуться в Рондовал и приготовиться к битве. Марк захватил Нору. Маусглов может унести меня отсюда на флайере. У меня нет времени ждать конца вашей битвы.

— Уходи. Когда я покончу с ней, я вернусь.

И борьба вспыхнула еще с большей яростью. Змея, потерявшая большую часть своих перьев, злобно шипела. Огненные языки вырывались из пасти дракона. Хотя змея и обвила кольцами шею Лунной Птицы, его зубы глубоко впились в тело пресмыкающегося.

Поль и Маусглов поспешили прочь.

— Скажи ему, чтобы он старался поразить змею в изумруд между глаз. Мне так удалось оглушить ее.

— Бей ее в изумруд между глаз, — сразу же мысленно передал дракону Поль, но ответа не получил.

Они зашагали по зарослям по пути, прорубленному Маусгловом.

— Сюда, — сказал вор. — Я спрятал его там. Но я очень устал и вряд ли смогу вести флайер. Так можно уснуть и разбить корабль.

— Ты только подними его в воздух, а я буду смотреть и задавать вопросы. Затем сменю тебя.

— Ты тоже очень устал.

— Да, но полет будет не таким долгим, как ты думаешь.

В это время они вышли на поляну. Маусглов остановился и показал на кучу зеленых веток.

— Как это «не таким долгим»? Я, наверное, лучше знаю — недавно прилетел.

Поль помог ему расшвырять ветки.

— Тебе может показаться это странным, но мне известен более короткий путь — через прокол в пространстве.

Глава 19

Он шел быстро. Слева сверкали полированные поверхности машин, справа за светящимися экранами сидели мужчины и женщины. Они чертили на экранах световыми перьями, создавая новые конструкции. Мягкий ковер под ногами делал пол почти невещественным, неосязаемым. Сверху струился мягкий свет. Мягкая музыка лилась из скрытых громкоговорителей, на стене изменялось абстрактное изображение, сопровождающая мелодию.

Он остановился возле большого окна и посмотрел вниз, на город. По улицам ехали автомобили, в воздухе кружили флайеры, могучие корабли бороздили воды реки. Стройные здания вонзались в небо. Все было чисто, красиво, блестело стеклом и полированным металлом. Он смотрел на творение своих рук и мозга, и теплое чувство поднималось в его груди. Могущество и великолепие чувствовалось во всем.

Марк отодвинул защелку и открыл окно, перегнувшись через подоконник, вдыхая воздух города.

Чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо. Он обернулся. Перед ним стоял высокий могучий человек, улыбаясь и сжимая в руке стакан. На красном, как кирпич, лице проступал давний шрам, голову венчала грива рыжих волос с сединой.

— Что, Марк, восхищаешься? — сказал мужчина, махнув рукой со стаканом в сторону окна. — Когда-нибудь так оно и будет.

Эманация могущества, исходящая от этого человека, была неприятна Марку. Он снова повернулся к

окну, задев за раму чем-то на левой стороне своего лица. Он ощупал лицо и обнаружил большую шишку над левым глазом. И сразу же вспомнил, что она у него уже давно. Ощущая что-то вроде стыда, он снова ощупал ее...

Его зрение внезапно раздвоилось. За окном он видел теперь две различные картины. На одной город по-прежнему казался ему прекрасным и сверкающим чистотой. На другой город был серым, в воздухе плавал пепел и облака желтого тумана. Слева слышались хриплые визгливые звуки и грохот тяжелых машин, и от этой части города поднимался тяжелый едкий запах. Влажная слизь разных цветов облепила стены домов. Река превратилась в зловонную жижу; корабельные трубы выбрасывали в небо копоть.

Марк отшатнулся от окна и снова повернулся к гиганту, но обнаружил, что тот тоже раздвоился. Человек справа был все тем же, а тот, что слева, стал еще красней, на его лице залегли глубокие тени, глаза излучали злобное пламя.

— В чем дело?

Марк не смог ответить. Он махнул рукой в сторону окна и сам повернулся к нему. Однако вид за окном уже не был раздвоенным, обе картины наложились друг на друга. Его собеседник тоже перестал быть двойным — остался только более мрачный вариант.

Размахивая как безумный руками, Марк попытался рассказать ему об увиденном, но тут из-за горизонта появился дракон, на котором сидел Поль. Они летели сюда.

— О, это он, — сказал огромный краснолицый человек. — Это он вносит смуту. Много лет назад я выслал его отсюда. Он пришел, чтобы уничтожить тебя. Готовься к борьбе

Марк наблюдал, как дракон с Полем приближался, становясь все больше и больше, и наконец проломился сквозь стену, чтобы достать его. Вокруг послышались какие-то странные звуки, становясь все громче и громче. Все окружающее стало расплываться, а затем исчезло..

Он сидел на кровати, вконец измученный и выдохшийся. Звуки не прекратились. Видел только левый глаз. Набросив на плечи куртку, Марк подошел к двери и открыл ее. Тут же к нему подскочил маленький человечек с листом бумаги.

— Вы просили доложить вам немедленно, сэр.

Марк посмотрел на листок.

— Итак, мы захватили Нору, а Поль исчез вместе с волшебным прибором...

— Да, сэр, они уже в воздухе и несут ее сюда.

— Хорошо. Предупреди силы в Рондовале, чтобы были настороже. — Он посмотрел куда-то вдаль. — А я проверю нашу готовность. Возвращайся к исполнению своих обязанностей.

— Слушаюсь, сэр.

Закончив одеваться, Марк достал из стола фотографии и долго их рассматривал.

— Ну что ж, посмотрим, кто выиграет, — произнес он.

Когда показался Рондовал, за пультом управления был Маусглов.

— Не понимаю, как ты так быстро восстановил свои силы. Я чувствую себя совершенно разбитым, особенно после твоего проклятого прокола в пространстве. — Он осмотрел испачканную кабину и сморщил нос.

— Наверное, я получаю энергию из посоха, — ответил Поль. — Мне кажется, будто у меня появились вторые сердце и легкие...

Над стенами замка вдруг возник дымок

— Что это? — спросил Маусглов.

— Кажется, в нас стреляют. Поворачивай. Я не хочу, чтобы... — Корабль содрогнулся от тяжелого удара. — ...нас подстрелили, — закончил Поль, держась обеими руками за посох.

Через секунду они начали падать. В кабине стал скапливаться дым.

— Управление не работает? — крикнул Поль.

— Не совсем. Я постараюсь перелететь эти деревья. Хотя... Ты можешь что-нибудь сделать?

— Не знаю.

Полю поднял посох, и сквозь стены к нему потянулись нити. Ему показалось, что он в центре трехмерной паутины, все нити которой сходятся к нему. Они начали пульсировать в такт пульсации его родимого пятна. Падение корабля замедлилось.

На лбу Поля выступил пот, морщины стали резче и глубже.

— Мы разобьемся!

Потоки энергии текли из посоха по нитям. Но верхушки деревьев уже были под ними, начали ломаться ветки. Секунду спустя они натолкнулись на толстый ствол дерева, который устоял, не сломавшись. Корабль развалился на части, но этого они уже не видели...

Придя в себя, Полю почувствовал, что руки его связаны, а голова раскалывается от боли. Откуда-то доносились голоса, чувствовался запах лошадей. Затем раздался топот копыт. Если те, кто стрелял из замка, захватили их, не прикончив на месте, то остается шанс на спасение.

Он проверил свои узы и понял, что они достаточно надежны. Интересно, долго ли он был без сознания и остался ли жив Маусглов? И посох... где посох?

Полю приоткрыл глаза и стал внимательно осматриваться, медленно поворачивая голову. При этом он пошевелился. Почти незаметно. Но и этого оказалось достаточно. С удивлением он увидел подошедшего кентавра.

— Ага! Ты очнулся? — воскликнул человек-лошадь, рассматривая Поля.

Прямо из лошадиного тела рос человеческий торс с великолепно развитой мускулатурой. Мужское лицо с резкими линиями окаймлялось длинными черными волосами, перевязанными сзади лентой. Полю едва удержался от смеха, вспомнив, что в другом его мире такие же хвосты из волос делали девушки.

— Да, я очнулся, — он с трудом сел.

Рядом лежал Маусглов, тоже со связанными руками. Он был без сознания. На земле валялись обломки флайера, а остатки его корпуса висели в ветвях большого дерева.

— Зачем вы нас связали? — спросил Поль. — Мы же вам ничего не сделали.

— Ха! — фыркнул кентавр, топчась на месте. — По-твоему, убийство — это ничего?

— В нашем случае, да, — ответил Поль. — Потому что я понятия не имею, о чем идет речь.

Кентавр подошел ближе, словно намереваясь ударить его. Поль увидел, что Маусглов зашевелился. Других кентавров видно не было, но землю вокруг испещряли отпечатки копыт.

— А может, ты ошибаешься? — спросил Поль. — Я не знаю ни о каком убийстве, разве что на кого-то попал обломок флайера.

— Лжец! — Кентавр посмотрел ему прямо в глаза. — Вы прилетали сюда на своих машинах и убили нескольких из нас. Вы даже похитили одного. Неужели ты будешь отрицать это?

Копыта заплясали по земле совсем рядом с ним. Поль покачал головой.

— Отрицаю. Мне хотелось бы понять, в чем меня обвиняют.

Кентавр резко повернулся и пошел прочь; комья грязи из-под его копыт летели в лицо Поля.

Поль покачал отчаянно болевшей головой, затем стал собирать нити, чтобы излечить ее, как это ему удалось с раной на шее. Нити приплывали, окутывали его голову и унимали боль. Он вспомнил о родимом пятне, но оно было зажато веревками. Интересно удастся ли, управляя нитями, обезвредить кентавра?

— Все остальные поскакали за предводительницей, чтобы она приняла решение, — сказал кентавр. — Возможно, она захочет поговорить с тобой. Не знаю. Скоро все прояснится. Я слышу, что они уже скачут.

Поль снова прислушался, но ничего не услышал. Мимо проплыла пурпурная нить, конец ее зацепился

за плечо кентавра. Поль пожелал, чтобы эта нить коснулась его пальцев. Пришло ощущение власти.

— Взгляни на меня, — сказал он.

Кентавр повернулся.

— Что тебе нужно?

Поль посмотрел ему в глаза. Он чувствовал, как из тела струится магическая сила.

— Ты так устал, что спишь на ногах. Но можешь не закрывать глаза. Ты слышишь только мой голос.

Взгляд кентавра устремился куда-то вдаль, дыхание замедлилось. Он слегка покачивался.

— ...Но ты можешь двигаться, как если бы ты бодрствовал, если я прикажу тебе. Мои руки связаны по ошибке. Подойди и освободи меня...

Поль встал на ноги и повернулся к кентавру спиной. Тот начал распутывать его узы. Поль вспомнил про нож, висевший на боку кентавра.

— Разрежь, — сказал он. — Быстрее.

И вот он уже потирает затекшие кисти.

— Дай мне нож.

Он подошел с ножом к Маусглову и посмотрел на него.

— Ты не ранен?

— У меня болит все тело. Впрочем, перед катастрофой я чувствовал себя так же. Думаю, все цело.

Когда Поль разрезал веревки, Маусглов встал и повернулся к нему. Затем сказал:

— Видимо, в твоём замке люди Марка. Такого оружия больше ни у кого нет... Тс-с...

Послышался стук конских копыт.

— Будем убегать? — тихо спросил Маусглов.

— Нет. Уже поздно. Нас догонят. Будем ждать их здесь.

Поль сунул нож за пояс и мысленно приказал кентавру отойти в сторону.

Вскоре появились четыре кентавра-самца и одна самка, явно много старше остальных. Она остановилась в десяти метрах от Поля и посмотрела на него.

— Мне сказали, что ты связан.

— Был.

Она сделала шаг вперед, и Поль увидел, что самка держит в руках посох. Подняв посох, она направила его на Поля. Нити возле него начали собираться в клубок. Поль отдал мысленный приказ, и находящийся под его контролем кентавр стал между ними.

Ее глаза расширились.

— Что ты сделал с ним?

— Отдай посох, и мы поговорим об этом

Уголкем глаз Поль видел, что Маусглов потихоньку удаляется

— Где ты взял его?

— Я собрал его по частям, хранившимся в вершинах треугольника Инта.

— Только колдун мог сделать это

— Ты совершенно права.

— Я тоже немного знакома с древним искусством, но мне отвечает только средняя часть посоха. А это совсем другая магия, — она показала на обломки флайера. — Почему ты прилетел на машине?

— Мой дракон был занят. А этот корабль был украден у моего врага, Марка Мараксона, у которого в горах Анвил много таких. Ты, наверное, видела черных птиц, летающих высоко в небе.

— Я знаю, кто он, и видела этих птиц. Некоторые из моих кентавров были убиты людьми, прилетевшими на них.

Поль держал в руке целый пук нитей, но все же ему не хотелось конфликтовать с тем, кому отвечает хотя бы средняя часть посоха.

— Наверняка это были низкорослые люди из расы, которая служит Мараксону. Я никогда не причинял кентаврам вреда и не имею желания враждовать с вами. Это произойдет впервые, если ты заставишь меня сейчас драться.

— Сунфа, подойди, — велела самка, и вперед выступил молоденький жеребец со свежей раной на плече. — Эти люди были среди тех, кто нападал на вас?

— Нет, Стэл. Ни тот ни другой.

— Теперь ты знаешь, кто я, — сказала самка. — И знаешь, что я была среди штурмовавших замок Рондо-

валов в тот день, когда этот посох был вырван из рук Дета Морсона.

Поль поднял руку так, чтобы рукав соскользнул и стало видно родимое пятно в форме дракона.

— Я Поль Детсон. Мне рассказали о моем отце. Ребенком я был перенесен в другой мир и только совсем недавно появился здесь. Посох мне нужен, чтобы сражаться с силами, скопившимися в горах Анвил и угрожающими миру. Ты собираешься мне его вернуть?

— С одной стороны, хорошо, что наш враг — это и твой враг. Но ведь на битву поднимутся орды демонов, спящих сейчас в Рондовале... под Рондовалом. И они станут мстить тем из нас, кто сражался против дьявола Дета. Так что скажи мне, что ты будешь делать потом, после битвы?

Поль усмехнулся.

— Однако ты уверена, что я выйду победителем... Хорошо. Я снова отправлю на долгий отдых всех своих слуг и буду один в тиши и спокойствии совершенствовать свое искусство. Сочту за счастье вернуть благодать и спокойствие этому миру. Затем, возможно, я отправлюсь путешествовать. Темные аспекты искусства меня не привлекают. Я не хочу ничего завоевывать, и даже возможность править кем-то внушает мне отвращение.

— Понятно. Хотелось бы верить тебе. Скорее всего, ты говоришь правду. Однако люди меняются со временем, и мне хотелось бы иметь какие-то гарантии, что ты не изменишь своего решения.

— Мое слово — все, что я в состоянии тебе предложить. Можешь принять или отвергнуть.

— Ты в силах предложить мне больше, и это, в свою очередь, поможет тебе самому.

— Что ты имеешь в виду?

— Покаянись в своей дружбе с нами на своем посохе.

— Но дружба — это нечто большее, чем договор о ненападении. Она накладывает обязательства на обе стороны.

— Я тоже поклянусь в своей дружбе с тобой.

— Это будет только твоя клятва или она относится ко всем кентаврам?

— Эта клятва будет касаться нас всех.

— А можешь ли ты говорить за всех?

— Могу.

— Хорошо. Я поклянусь.

Он оглянулся на Маусглова, уже готового шмыгнуть за деревья.

— Останься! Нам ничто не угрожает.

— Пока не угрожает, — пробормотал Маусглов, но все же вернулся.

Поль приблизился к находящемуся под его управлением кентавру и легким движением руки снял с него заклинание. Тот сразу же сорвался с места и поскакал как сумасшедший, кося глазами, но Стэл остановила его спокойным окриком.

— Скажи мне слова клятвы, — Поль подошел к ней.

— Положи руку на среднюю часть посоха и повтори за мной.

Поль кивнул и сделал, как ему было сказано.

Когда они начали произносить слова клятвы, между ними стала образовываться сеть из темных нитей. Поль чувствовал, что в этих нитях накапливаются угрожающие силы.

Клятву наконец произнесли, темные нити разделились на два темных облачка и разошлись. Одно облачко остановилось за спиной у Стэл, присутствие второго Поль чувствовал у себя за спиной.

— Теперь все, — она протянула ему посох. — Каждого из нас в случае предательства ждет смерть. — Стэл показала на темные облачка.

Они пожали друг другу руки.

— Хорошо иметь друзей, — сказал, улыбаясь, Поль. — Я с удовольствием остался бы и погостил у вас, но мне пора собирать свою армию. Надеюсь, я скоро вернусь.

Он вернулся к месту падения и взял гитару — та целехонька лежала под деревом.

— Оружие? — спросила Стэл.

— Нет, музыкальный инструмент. Когда-нибудь, может, я поиграю для вас.

— Ты намерен идти сейчас в замок?

— Я должен попасть туда.

— Подожди. Я соберу наши силы и помогу тебе очистить замок от твоих врагов. Они ведь и наши враги, раз мы с тобой союзники.

— Не нужно. Враги в самом замке. А мне нужно в подземелье. Мой дракон — Лунная Птица — показал мне отдельный путь туда. Я попаду на место, не имея дела с ублюдками Мараксона. Их я пока оставляю в покое.

— Где этот вход?

— На северном склоне. Придется вскарабкаться в гору, но особых трудностей не предвидится.

— Если, конечно, враги не заметят тебя и не погонятся на своих летающих лодках...

Он пожал плечами.

— Опасности не избежать.

— Поэтому я соберу небольшой отряд и устрою шум на юге, чтобы отвлечь их внимание. Двое моих подданных отнесут тебя и твоего друга на северный склон.

— У врагов есть ружья, убивающие на расстоянии.

— Стрелы тоже убивают издалека. Мы не будем рисковать без причины. Я пошлю сейчас за моими подданными, а пока нам предстоит ожидание; хотелось бы послушать твою музыку.

— Хорошо. Я с удовольствием сыграю вам. Устраивайтесь поудобнее...

Глава 20

— Ты была с ним, — обратился Марк к Норе, когда они стояли возле железной ограды в саду на крыше здания. — Каково его могущество теперь, когда он получил свой жезл? В чем оно проявляется?

— Не знаю. — Девушка смотрела на цветы. — Я действительно не знаю. И подозреваю даже, что Поль сам этого не понимает. Или же он очень скрытен.

— Возможно, он уже мертв. Но с другой стороны, я не понимаю, как он мог так быстро пересечь океан. Кто-то из моих людей работает на него. Он был на моем флайере, когда его сбили возле замка. Но все же... предположим... только предположим, что он еще жив. С чего начнется нападение на меня? Какие силы в его распоряжении?

Нора покачала головой и посмотрела ему в лицо. Его линза стала голубоватой. Он улыбался.

— Я не могу сказать тебе этого, Марк. А если бы даже и могла...

— Не скажешь? Так я и думал. Как мало тебе потребовалось, чтобы забыть меня и полюбить какого-то болтуна.

— Ты действительно так думаешь?

— А что я еще могу думать? Мы знали друг друга всю жизнь, и я полагал, что мы понимаем друг друга. А затем, практически за один вечер, ты полюбила другого.

— Я не влюбилась в Поля, — она выпрямилась. — Но это еще может произойти, и очень легко. Он красив, умен и силен. Но все же я плохо знаю его, хотя мы

провели вместе много времени. С другой стороны, я была уверена, что знаю тебя хорошо, а теперь вижу, что сильно ошибалась. Если хочешь правду, то в данный момент я никого из вас не люблю.

— Но ведь раньше ты любила меня?

— Думала, что люблю.

Марк ударил кулаком по ограде. Она положила руку на его плечо.

— Это из-за линзы? Этого отвратительного бычьего глаза? Из-за него ты разлюбила меня?

— Не будь глупым. Не во внешности дело. Я говорю о твоих делах и поступках. Раньше ты был другим, хотя тебя всегда тянуло к машинам. Это и само по себе плохо, но то, что ты делаешь и собираешься сделать... неизмеримо хуже.

— Давай не будем говорить об этом.

Нора отдернула руку.

— Ты сам задал вопрос. И если Поль жив, то он победит тебя. Мне иногда кажется, что этот конфликт между вами возник раньше, чем вы родились. А иногда, когда я размышляю об этом, мне кажется, что конфликт вовсе не обязателен. Вы вполне могли бы стать друзьями. Ведь он же тебе ближе всех. Вы почти родственники!.. Я скажу тебе то же, что говорила ему. Я чувствую себя пешкой. Ты ревнуешь меня к нему, а он рвется освободить меня из твоих рук. Будто кто-то специально выбрал меня для этой роли, кому-то очень нужно, чтобы эта битва состоялась. О, как бы мне хотелось никогда не встречаться с вами, ни с тем ни с другим!

Она отвернулась. Марку показалось, что девушка плачет, но он не был уверен в этом. Он протянул к ней руку.

— Сэр!.. Сэр!

К ним подбежал капитан охраны. Марк, нахмурившись, обернулся.

— Что случилось?

— Совершенно нападение на замок Рондовалов! Только что сообщили! Может, послать туда подкрепление?

— Кто нападает? Подробности есть?

— Нет. Сообщение было очень коротким. Мы ждем дальнейших указаний.

— Пошлите туда всех ближайших птиц. Я скоро спущусь. Нам тоже надо быть наготове.

Марк поднял руку, и два охранника, стоявшие в противоположном конце сада, быстро подошли к нему.

— На карте жизнь твоего возлюбленного, — сказал он Норе. — Но ты мне подала хорошую идею, когда говорила о пешке. Охрана! Уведите ее! И стерегите хорошенько. Она нам может понадобиться.

Повернувшись на каблуках, Марк заспешил к лестнице. И даже не обернулся.

Последние несколько метров до входа в туннель Маусглов проделал с ловкостью акробата, затем повернулся, наклонился и помог подняться Полю.

— Ну вот, — сказал он, — теперь я выполню свое слово. Я обещал вернуть их назад, в замок, если они освободят меня. — Маленький вор полез под плащ и достал сверток. — Фигурки сделали то, что обещали, и я тоже выполню свое обещание. — Он протянул Полю пакет.

— Я не понимаю тебя. Что это?

— Фигурки семи колдунов, которые я украл у твоего отца. Когда ты добывал части посоха, их могущество росло, и они получили возможность управлять мной. Во время полета сюда я тебе рассказал обо всем, что я сделал, но не объяснил почему. Не думаешь же ты, что я ради развлечения решил поиграть со змеей? Они обладают большой силой и могут общаться с тобой, если пожелают, хотя я так и не понял, как это у них получается. Теперь они твои. Но ты не бойся их. По-моему, цель их жизни — заботиться о тебе. На твоём месте я постарался бы узнать о них побольше.

— Обязательно, если будет время. По крайней мере, сейчас его у меня нет, — Поль заткнул за пояс сверток. Перед ним возник и нетерпеливо заплясал источник света в форме дракона. — Идем.

Маусглов зашагал рядом.

— Интересно, что сейчас делают кентавры?

Поль пожал плечами.

— Надеюсь, они уже получили сообщение, что мы добрались в целости и сохранности. Если те двое, что принесли нас сюда, не стали мешкать, то кентавры, может, уже отступили в лес.

— Если ты действительно собираешься выполнять свою клятву кентаврам, обязательно отправь кого-нибудь очистить замок.

— Почему?

— В отличие от тебя, я видел, как дерутся кентавры. Их очень трудно раскачать, зато потом они сражаются как безумные. Уверен, что они не отступят. Поэтому отправь наверх парочку драконов, чтобы они очистили замок и защитили твоих новых друзей.

— Придется так и сделать.

Поль и маленький вор долго спускались вслед за бледным пятном света, несколько раз им пришлось перебираться через завалы.

— Скоро я с тобой расстанусь, — сказал Маусглов. — Я сделал все, что обещал. И поклялся себе, что ни за какие коврижки меня не заманят снова в горы Анвил.

— Я и не рассчитывал, что ты будешь меня сопровождать. Это не твоя война. А чем ты намерен заняться?

— Пойду в замок Рондовалов, когда твои слуги очистят его. Только ты предупреди их, что я твой друг. Я возьму у тебя в долг одежду и пищу, вымоюсь, отдохну и уйду.

Они прошли мимо чего-то спящего, огромного и крылатого.

— Я даю тебе свое разрешение, благодарность и благословение, — сказал Поль. — Мои слуги не помешают тебе.

Маусглов хмыкнул.

— Я успел полюбить тебя. Жаль, что мы больше не встретимся.

— Кто знает? Когда будет время, я спрошу об этом у Семерых.

— Ох, не надо напоминать им обо мне.

Следующая пещера оказалась гораздо больше, чем предыдущая, хотя потолок здесь был ниже. Поль глядел на распростертые тела чудовищ, мимо которых они проходили. Казалось, их невозможно пересчитать. Во мраке плавало огромное количество толстых нитей.

Наконец они достигли самой большой пещеры и осмотрелись. Поль увидел узел заклинаний, слабо светившийся в дальнем конце пещеры.

— Скажи, — обратился он к Маусглову, — ты видишь вон там свет?

— Нет. Только тот, что освещает нам путь.

Поль протянул руку и взялся за одну из нитей. Она засветилась бледным светом.

— Ты видишь это?

— Вижу луч света, идущий вперед.

— Хорошо. — Силуэт дракона в воздухе исчез. — Следуй за ним. А что это у тебя в руке?

— Пистолет, который я стащил у Марка.

— Так я и думал. Здесь он тебе не нужен.

— Мне с ним спокойнее.

Вскоре они уже стояли перед огромным клубком нитей. Поль рассматривал его, держа в руке посох.

— По-моему, я смогу с ним справиться.

— Я чувствую что-то вокруг меня, — пробормотал Маусглов, — но не вижу ничего особенного...

— Отойди и укройся в нише. — Посох в руке Поля засветился, как звезда. — Я скажу тебе, когда можно будет выходить. Иди! — Он взмахнул посохом, и искры засверкали у входа в нишу, осветив ее.

Маусглов ободряюще коснулся плеча Поля, повернулся и пошел к нише. В нишу он зашел задом, не в силах оторвать взгляд от Поля, выполнявшего серию ритуальных движений и жестов. Его силуэт был искажен висевшей на плече гитарой и широкими полами плаща, бледное лицо, окаймленное черными волосами, казалось маской в свете, излучаемом посохом. Маусглов стиснул ручку пистолета, почувствовав нахлынувшую волну холода, затем волну тепла, снова волну

холода... Огромный горячий клубок нитей начал разматываться.

Полю аккуратно водил рукой, не запутывая и не обрывая нити, слова древних заклинаний, заключенные в клубке, приходили к нему, и он произносил их. Он чувствовал, что волны тепла стали приходить все чаще... И наконец увидел центр клубка, конец всех нитей.

Он протянул посох в самую гущу и произнес последние слова. Волна могущества хлынула на него, и молодой волшебник покачнулся, с трудом удержавшись от падения. Все нити теперь были намотаны на посох, полностью скрыв его от глаз Поля. Ему казалось, что он держит в руке клубок пламени.

Пещера наполнилась рокочущим гулом, повсюду раздавались жуткие, леденящие кровь звуки: хриплое рычание, зловещее шипение и шуршание. Слышался стук падающих камней.

— Просыпайтесь! Поднимайтесь! За мной следуйте на битву! — пропел Поля, и движение в пещере усилилось.

Но постепенно рычание и хрипение стихло, вскоре вокруг слышалось только тяжелое дыхание.

Поля дернул за одну из нитей, и мимо него прошло на двух ногах, наклонившись вперед, огромное серое чудище. Руки твари волочились по земле. На треугольной морде горели желтые глаза. Чудище остановилось возле Маусглова и долго смотрело на него. Маленький вор, затаив дыхание, поднял пистолет. Но чудище повернулось и исчезло в темноте.

— Подожди час, и замок будет свободен, — сказал Поля. — Теперь он тебя знает и не причинит тебе вреда.

Маусглов перевел дыхание и кивнул. И хотя потом сообразил, что в темноте его движения не видны, сказать ничего не мог — голос не подчинялся.

Вдали по всем туннелям вспыхивали языки пламени: это драконы проверяли сохранность и боеготовность своего оружия.

Поля повернулся и сосредоточил все силы на том, чтобы подчинить себе этих чудовищ и заставить их выполнять свои команды.

— Поднимайтесь, приказываю вам! Мы полетим на юг, чтобы уничтожить город в горах Анвил! Те, кто не может летать, садитесь на тех, кто может! Я сам поведу вас!

Пальцы его нащупали толстую темно-зеленую нить и дернули за нее.

— Дракон! Назови себя!

— Меня зовут Дым Пожарища В Вечернем Ясном Небе, Застилающий Последние Бледные Облачка Уходящего Осеннего Дня! — пришел гордый ответ.

— Это слишком длинно. Я буду звать тебя Дым.

— Хорошо.

— Иди ко мне. Мы поведем остальных.

Какое-то время все оставалось по-прежнему, и Поль понял, что этот дракон спал в одной из самых дальних пещер. Вокруг него стоял негромкий рокот: это чудовища поднимались и потягивались, готовясь к походу. Наконец он услышал шум крыльев, сильно пахнуло ветром, в воздухе возникло нечто более черное, чем тьма, и остановилось возле Поля.

— Привет, Поль Детсон! Я прибыла!

Поль отпустил нить и похлопал дракона по шее. По-видимому, это была самка.

— Привет, Дым. Ты готова в путь?

— Садись. Я готова.

Поль вспрыгнул ей на спину, затем поднял посох и озарил пещеру светом.

— За мной! — крикнул он и обратился к Дым: — Пора! Летим!

Дым была много меньше, чем Лунная Птица, однако заметно быстрее. Через мгновение они уже взмыли вверх и неслись вперед. Поль оглянулся, но разглядеть Маусглова не смог, он видел только темные силуэты, поднимавшиеся в воздух, как пепел над костром.

— Ты споешь нам боевую песню? — спросила Дым.

Удивительно, но слова песни сами пришли к нему. Поль запел.

Глава 21

Птицы, посланные для отражения атаки на Рондовал, были первыми, кто увидел вылет драконов из подземелий замка. Драконы взмыли вверх, описав широкую дугу, и, выстроившись, взяли курс на юг. Впереди на огромном сером драконе сидел человек, сжимающий в правой руке сияющий посох. Солнце уже садилось, и металлические птицы поднялись высоко вверх, расступившись вправо и влево, чтобы наблюдать за полетом драконов.

Марк собирал по всей территории войска, безостановочно работали эскалаторы, поднимая танки и артиллерию на улицы города. Заводы были остановлены, рабочие получили оружие и присоединились к армейским отрядам, защищающим город. Все флайеры были переоборудованы в боевые машины.

По многочисленным экранам в центре наблюдения Марк следил за приближением противника.

— Хотелось бы знать, на что способны эти чудовища, — сказал он капитану, стоявшему рядом. — Но они, однако, способны подлететь ближе, чем хотелось бы. Кто бы мог подумать, что он сумеет так быстро собрать свое войско... Проклятый колдун! Пошли на него дюжину военных флайеров, пусть шесть нападут слева, а другие шесть — сверху. Скорее всего, мы потеряем их, но я хочу посмотреть, как это будет происходить.

— Есть, сэр!

Марк хотел послать за Норой, но затем передумал. Вместо этого он пошел в лабораторию посмотреть, как

идут дела с внушением на расстоянии. Сам он уже сомневался в успехе этого дела, хотя кое-что полезное из этого проекта взять было можно.

— Черт побери! — выругался Марк. — Еще хотя бы один год! И тогда соперников у меня бы не нашлось!

Его линза стала бледно-голубой. По ночному небу пронесся метеорит. Наблюдая за его падением, Марк поймал себя на мысли, что нет привычной вибрации пола, потому что мощные заводы уже остановлены.

Поль Детсон летел всю ночь. Могущество посоха было ему и пищей, и отдыхом. Во время утренней атаки он перестроил отряд, послав две группы по десять драконов сражаться с флайерами, в то время как все остальные драконы продолжили путь. Через некоторое время шестнадцать драконов догнали их, а два отстали — раны, полученные в бою, не позволяли им лететь с той же скоростью, что и все. Поль приказал отряду подняться на большую высоту и выстроиться в линии. Сквозь утренний туман земля казалась покрытой рябью.

Со стороны гор Анвил навстречу двигался целый флот флайеров.

— Уничтожьте ровно столько, чтобы можно было лететь дальше, — приказал Поль своим войскам. — Не задерживайтесь, не возитесь с ними. Не думаю, что они станут использовать свое вооружение и бомбы над городом, когда мы будем сражаться с его защитниками. В городе уничтожайте все, что будет оказывать сопротивление. Затем постройки сровняем с землей. Только эту девушку... — он послал мысленно изображение Норы, — ...не трогайте, а возьмите под защиту А этот... — он послал изображение Марка, — ...этот мой. Кто его увидит, пусть вызовет меня.

Они продолжали лететь навстречу флайерам; те начали стрельбу. Бурей драконы обрушились на летающие корабли. Обломки флайеров падали вниз. Кораблей было много, но их экипажи не могли быстро пере-

заряжать пушки, и меткость их была далека от совершенства. Через несколько минут стало ясно, что войско Поля не задержится надолго. Когда отряд возобновил полет, число драконов уменьшилось, а воздушный флот Марка перестал существовать.

При подлете к горам Анвил их встретил артиллерийский огонь, но Польш, зная о существовании в городе тяжелых орудий, заранее перестроил отряд.

Орудия все же наносили урон отряду, и вдруг два орудия перевернулись, еще одно взорвалось, а остальные стали палить беспорядочно во всех направлениях.

Подлетев ближе, Польш заметил, что горы трясутся.

— Могучая магия, — уважительно заметила Дым.

— Я тут ни при чем, — ответил Польш.

— Драконы чувствуют магию. А ту магию, которая вызвала это землетрясение, я ощущаю у себя на спине.

— Не понимаю.

— Оно висит у тебя на поясе.

— Фигурки, что ли?

— Не знаю, что это у тебя там висит, но именно оно вызывает землетрясение.

— Прекрасно! Я готов принять любую помощь!

— Даже если ты — игрушка в руках этой магии?

— Даже так. У меня нет выбора — я кочу победить.

Прорвавшись через артиллерийский заслон, драконы приземлились и высадили бескрылых чудовищ, которые тут же понеслись к городу. По улицам города громыхали танки, стреляя по нападавшим.

Всюду в городе слышались звуки стрельбы. Местами в руках защитников сверкали мечи. Убивая и падая убитыми, в город рвались завывающие чудовища из пещер замка Рондовалов. Земля содрогнулась, главную улицу перерезала широкая трещина, над которой вился ядовитый зеленый дым.

Польш осмотрелся, обшаривая взглядом крыши и открытые бункеры. Ему хотелось увидеть высокого рыжеволосого человека с глазом, способным окрашиваться в разные цвета. Но Марка нигде не было видно.

Поль приказал своему дракону подняться снова и сделать широкий круг над городом. Чем выше они поднимались, тем слабее становился шум битвы. Поль был поражен видом города, спланированного очень разумно, логически завершенного и довольно чистого. Он восхитился этим деревенским парнем, сумевшим воплотить свою мечту, несмотря ни на что. Поль подумал, что хорошо было бы переправить Марка в тот мир, в котором сам Поль ощущал себя инородным.

Они сели на крышу самого высокого здания, и Поль, не слезая с дракона, обеими руками поднял посох и устремил всю свою энергию вниз. Нужно было организовать войска, направить их усилия на наиболее важные объекты. Кисть его запульсировала, затем запульсировал посох, и пульсация передалась дальше по нитям. Пришел подъем настроения, характерный для работы с магическими силами. Но на этот раз он не ощущал особой радости. Ему не хотелось разрушать мечту другого человека.

Поль видел, как его слуги уничтожают танки, но видел он также, и как низкорослые человечки окружают и убивают его драконов. Всю свою жизнь эти люди провели в диких лесах и до сих пор сохранили охотничьи инстинкты. Поль даже восхищался их отвагой, хотя она никак не помогала его делу.

По мере того как солнце заходило, а бой разгорался, все больше и больше им завладевало разочарование. Поль бросал свои силы на самые мощные укрепления — то, что казалось ему нервными центрами города. Он заставлял разрушать стены и предавать все огню. Он был уверен, что Марк занимает аналогичную позицию — управляет действиями своих войск по радио. Битва была равной. Ни одна из сторон не имела перевеса.

Зная, что силы Марка определяются в основном машинами и центрами управления, Поль старался разрушить все это, чтобы у врага осталось только самое простейшее оружие. Если ему удастся это, то равенство в силах нарушится, перевес будет на стороне Поля и битва закончится.

Горы снова содрогнулись, земля треснула во многих местах. Из трещин вырвались языки пламени, горячий пар и камни. Ближайшие к трещинам дома рухнули, и грохот обвалов заглушил шум боя.

Руки Поля крепче стиснули посох, он воскликнул:

— Только дурак может считать это совпадением!

А у меня есть невидимый союзник, и я прошу его: назови себя!

В воздухе перед ним тут же метнулось семь языков пламени, хотя вблизи ничего не горело. Самый левый из них замигал, и в голове у Поля прозвучало:

— Это не совпадение.

— А что же тогда?

Замигал второй язык пламени:

— Это — очистительная битва. Много лет назад мир раскололся, породив еще один: мир, в котором ты вырос и где этот мир является легендой. Извечен конфликт между ними, и пришла пора снова разразиться битве. Ты хочешь сохранить старый мир, а Марк жаждет перестроить его.

— А есть у него такие же союзники, как у меня?

Ответил третий:

— Глубоко внизу под святилищем расположена древняя обучающая машина. У Марка есть устройство, через которое он непрерывно с ней связан.

Поль немедленно перегруппировал силы, направил их на святилище с приказом уничтожить все под ним.

— А вам известен исход битвы? — спросил он.

— Это еще не решено, — ответил четвертый.

— Но мы отвлекаем тебя... — подхватил пятый.

— ...а тебе нужно все внимание, — добавил шестой.

— И потому мы исчезаем, — сказал седьмой, и все языки пламени бесследно исчезли.

Заметив, что пушки стали пристреливаться к нему, Поль приказал своему дракону перелететь в другое место. Трещина в земле превратилась в пылающий кратер, дым из которого застилал землю и поднимался высоко в небо. В глубинах земли усиливался грохот.

Чуть позднее Поль понял, что по нему уже не стреляют. Некоторые флайеры нападали на него, но он легко уничтожал их вспышками энергии из посоха. Эти самоубийственные попытки тоже вскоре прекратились.

Битва внизу становилась все менее организованной, обе стороны понесли внушительные потери. Продолжалась только битва за святилище Марка. Сопротивление защитников постоянно нарастало, их силы как будто возрастали, и Полю приходилось вводить в бой все новые и новые войска.

«Нора считает себя пешкой, — подумал он. — А кто же я? Я руковожу этой битвой, но все же в своих действиях я не более свободен, чем любой мой слуга. А если так..»

— Вверх, Дым! Кружи над городом!

Они поднялись над городом.

На третьем круге он их увидел — Марка и Нору. Они стояли на крыше высокого здания, и луч солнца, отразившись от окрашенной в красный цвет линзы Марка, попал в глаз Поля.

— Туда, Дым. Может, еще не поздно договориться с ним.

Дым развернулась и полетела к крыше. Поль помахал своим уже серым платком, хотя, впрочем, он не был уверен, что этот миролюбивый жест здесь что-то означает. Но ему хотелось попытаться договориться с Марком.

— Марк! — крикнул он — Я должен поговорить с тобой. Позволь мне опуститься.

Марк отложил в сторону небольшой прибор, в который что-то говорил, и показал ему на крышу.

Едва Дым коснулась крыши, Поль спрыгнул с дракона и подошел к высокому рыжеволосому человеку с желтой линзой вместо глаза.

— Я только сейчас начал понимать, что же мы делаем, — сказал Поль. — Это битва между наукой и древним искусством. Много веков назад подобная битва уже происходила здесь, и в то время была разрушена цивилизация, а миры стали развиваться по двум раз-

личным направлениям. А теперь мы снова повторяем это! Мы оба — жертвы! Нами управляют! Эта битва совсем не нужна этому миру! Нам надо...

Сзади раздался взрыв, и воздушной волной Поля бросило вперед. Он так и не понял, что же выкрикнула напоследок Дым, прежде чем замолчать навсегда.

— Будь ты проклят, Марк! — крикнул Поль, поднимаясь на ноги и не оглядываясь назад, так как знал, что он может там увидеть. — Я пришел сюда спасти твою жизнь и прекратить все это...

— А, понятно, — сказал Марк. — Я принимаю твою сдачу в плен.

— Не будь ослом! — Поль шагнул к краю крыши. — Кому я могу сдатьсь? Посмотри! Наши армии почти уничтожены! Но мы еще можем прекратить все это. Прямо сейчас. Мы пока в силах что-нибудь спасти. Здесь столкнулись наука и магия — они не могут существовать в одном мире. Но ведь наука и магия — две стороны одного главного пути развития. Давай попробуем примирить их. Будем работать вместе. Посмотри вниз! Посмотри, что происходит! Разве этого ты хочешь?

Марк медленно приблизился к парапету, таща за собой Нору, крепко стиснув ее руку. Он посмотрел вниз и увидел, что огненная река вытекает из кратера и течет по улице под ними. В дыму и пепле линза Марка стала зеленой. Жар огненной реки чувствовался даже на такой высоте.

— Хоть я и убил твоего дракона, — медленно произнес Марк, — но ты только что разрушил мое святилище. — Резким движением он подтащил Нору к краю крыши. — Я отвергаю твое безумное предложение. Если я позволю тебе уйти, то ты опять соберешь свои темные силы и нападешь на меня.

— Но ты сможешь выстроить все это снова — лучше и прочнее, — ответил Поль. — Я хочу, чтобы у нас остался шанс на примирение.

— А я — нет! — Марк выкрутил Норе руку. — По-моему, этот посох — ключ к твоему могуществу. Брось его в кратер, не то я брошу ее. А если ты используешь его против меня, то я захвачу ее с собой.

Поль посмотрел на посох, затем кинул его вниз. Марк внимательно следил за ним, пока кратер не поглотил его. Поль смотрел на Нору.

— Отпусти ее.

Марк отшвырнул девушку так, что она упала.

— Вот теперь я могу сразиться с тобой, — сказал он.

Поль сжал кулаки и шагнул вперед.

— Я не дурак, — сказал Марк, вынимая из кармана продолговатый предмет, — и помню, что ты хорошо тренирован. А как насчет этого?

Все звуки внезапно перекрыл грохот извергающегося вулкана, и Поль вдруг увидел его — желтый, с черными прожилками, вулкан струился вокруг. Крыша музыкально изгибалась под ногами. Небо превратилось в шипящую воронку, через которую обрушились горькие облака с острыми зазубренными краями. Ноги были где-то далеко внизу, возможно в аду — так им было ужасно горячо, и, когда Поль попробовал шевельнуть ими, он не смог устоять и упал на одно колено.

Небесный свод фиолетово дребезжал, его глаза стали мокрыми, и из них покатались изумруды, царапая щеки Поля своими острыми краями. Мягкие голубые крики вылетели из его рта, как испуганные птицы. Марк смеялся, испуская звуки в виде пурпурных колец, а его оранжевый глаз сверкал, словно прожектор. Предмет, который Марк держал в руке, прокалывал в воздухе сверкающее отверстие и...

И из этого отверстия вылетели семь языков пламени.

— Гитара, — сказал первый.

— Сними с плеча футляр, — сказал второй.

— Вынь из него гитару, — сказал третий.

— Играй, — сказал четвертый.

— Твои руки сами знают, что делать, — сказал пятый.

— Сними с плеча футляр, — сказал шестой.

— Открой его, — сказал седьмой.

Черная гора крушилась перед Полем, а его руки — какие-то совершенно чужие — сами делали то, что знали.

В трех местах в темноте ударили голубые искры. Какие-то жуткие и опасные видения вырастали из мрака. А руки его уже держали гитару на колене и сами делали то, что знали. Кисть слабо запульсировала.

— Нападай, — сказал первый.

— Отрази то, что угрожает тебе, — сказал второй.

— Пусть он услышит то, что слышишь сейчас ты, — сказал третий.

— Пусть он увидит то, что видишь сейчас ты, — сказал четвертый.

— Своей игрой ты можешь усыпить минотавра, — сказал пятый.

— ...а этого сможешь увести за границу разума, — сказал шестой.

— Уничтожь его, — сказал седьмой.

И внезапно Поль услышал музыку. Искаженные видения еще окружали его, но он отгонял их все дальше и дальше. Он изменил ритм и поднялся на ноги.

Волны, излучаемые предметом в руках Марка, по-прежнему бились между ними и, достигая Поля, сразу же искажали реальность, но теперь Поль каждый раз отбрасывал их, и ясность видения возвращалась к нему все чаще и чаще.

Теперь он уже видел Марка, направлявшего на него ящичек с трубкой. Пот стеклянной маской покрывал лицо молодого человека, линза непрерывно меняла свой цвет.

Музыка заглушала даже грохот вулкана, но дым поднимался вверх и окутывал сражающихся. Нора стояла на коленях, опустив голову и закрыв лицо руками.

Поль начал играть еще быстрее, воздействуя музыкальным ритмом на мозг противника. Шатаясь, Марк сделал шаг назад. Поль шагнул вперед. Марк отступил еще на шаг. Его линза меняла цвет все быстрее и быстрее. Когда здание качнулось и крыша наклонилась, Марк отступил еще дальше и выронил ящичек.

Несколько мгновений его линза оставалась абсолютно черной. Он вытянул вперед руку, чтобы удержаться, но снова сделал еще шаг назад. Облако дыма окутало его. Перенес вес тела на ногу, поставленную на парапет, и тот рухнул вместе с ним...

Поль тут же прекратил играть и упал на колени. Совершенно автоматически положил в футляр гитару. Затем, чувствуя, что здание наклоняется еще сильнее, стал подбираться к Норе. Добравшись до девушки, опустил руку ей на плечо.

— Я пытался спасти его.

— Знаю. — Она отняла от лица руки и мягко отстранила его, глядя на парапет крыши. — Я знаю.

— Не мешкай, Поль! Дом может рухнуть!

Не веря себе, он посмотрел вверх. Сквозь дым к нему летело что-то темное и огромное.

— Лунная Птица!

— Не мешкай. Садись сразу, как я подлечу. Остались мгновения.

В тот же момент дракон опустился возле них. Все его тело было покрыто огромными ранами. Поль закинул ему на спину Нору, футляр с гитарой, затем прыгнул сам. Через мгновение они были уже в воздухе.

— Откуда ты узнал... — начал Поль.

— Тот, кого зовут Маусглов, сообщил мне. Я могу общаться с ним, — сказал дракон. — Он лежит раненый в замке, и кентавры ухаживают за ним. Твои слуги очистили помещения, но остались двое, спрятавшиеся во флайере. К счастью, у Маусглова было оружие, убивающее на расстоянии. Он сказал, что будет гостем в твоём доме, пока не поправится. Именно он велел мне лететь сюда.

Когда они поднялись выше, Поль собрал оставшиеся нити и потянул за них.

— Все кончено, — передал он. — Мы летим домой.

Со всех сторон стали подниматься в воздух уцелевшие остатки его войск. Поль посмотрел вниз, в самую горловину огнедышащего кратера.

«Если я брошу туда семь фигурок, — подумал он, — стану ли я свободен?»

— Ты идиот, — пришел немедленно ответ вместе с видением семи языков пламени, — если полагаешь, что мы, самые несвободные из всех, имеем хотя бы такую же свободу выбора, как ты.

Пламя погасло, и Поль обернулся, чтобы посмотреть на укутанные дымом горы, становившиеся все меньше и меньше по мере того, как дракон набирал скорость.

— Я еще не закончил свое обучение, — сказал он. — И все же на сегодня уроков с меня достаточно.

Нора лежала перед ним на шее дракона, ее дыхание было спокойным. Поль смотрел на заходящее солнце и чувствовал себя жутко старым и смертельно уставшим. Но он понимал, что не может позволить себе сейчас уснуть. Он протянул руку и коснулся раны на шее Лунной Птицы.

— Я рад, что хоть кто-то сегодня одержал победу.

Немного позже на небе появились звезды, и Поль смотрел на них в течение всего дальнейшего пути домой, всю ночь, до самого утра.

ОДЕРЖИМЫЙ МАГИЕЙ

Глава 1

Не знаю.

Иногда кажется, что я всегда был здесь, с самого начала. А порой возникает такое ощущение, будто я совсем недавно приехал. Откуда я прибыл, откуда я мог взяться, понятия не имею. Это породило беспокойство, смутная тревога прокралась в мое сердце, но лишь недавно...

Долгое время я бродил среди этих стен, вдоль зубчатых сводов башен, расширяясь или сжимаясь, чтобы заполнить комнату или дюжину комнат, или просочиться в извилистые лабиринты мышиных нор, проследить хитросплетение блестящей паутины... Ничто не двигалось здесь без моего ведома.

Однако я не мог полностью осознать и понять самого себя. Не мог — до недавней поры. Все, что я делал, срослось с мечтами. Мечты стали частью моей сущности. В то же время...

В то же время я не спал, не мечтал. Просто, казалось, знал о многих вещах, хотя и не испытал их.

Возможно, я был слишком медлительным и неповоротливым учеником, а может быть, что-то вдруг всколыхнуло мое сознание. Разрозненные знания и отголоски мыслей образовали нечто новое — чувство целостного «я», которое мне было недоступно раньше. Я осознал частности, свою обособленность от всего, что не является моей сущностью.

Хотелось бы верить, что это связано с причиной моего существования, смыслом жизни. Лишь недавно я почувствовал, что существует тайный смысл моего

бытия. И то, что он существует, — крайне важно. Хотя я понятия не имею, в чем он заключается.

Люди всегда говорили, что это место заколдовано. Но призрак, как я понимаю, — некая нематериальная сущность, дух кого-то или чего-то, что прежде имело вполне материальное, физическое воплощение. Я никогда не сталкивался с подобными духами, знакомясь с окрестностями или блуждая по замку, хотя мне не раз казалось: вот-вот появятся. Однако я не верю в то, что сам — привидение, у меня нет воспоминаний о прошлой жизни. С другой стороны, трудно быть до конца уверенным в подобного рода вещах, знания бессильны в таких ситуациях, они не подчиняются законам.

И это — другая область существования, о которой я знал, но лишь недавно начал понимать: законы — ограничения, принуждения, области свободы... Они везде: в беспорядочном перемещении мельчайших частиц и в движении целых миров. Возможно, причина в том, что я слишком мало уделял внимания изучению этой темы. Именно поэтому вездесущность всегда незаметна. Очень легко и просто плыть на волне обыденности, не задумываясь и не размышляя. Даже хорошо, что столкновение с загадочностью, выходящей за рамки обычного, пробудило во мне неведомый доселе дар и способствовало реализации скрытых сил.

В то же время в соответствии с законами мышления я рассматриваю обнаруженный феномен как некую постоянную модель. Два человека, сидящие и говорящие в комнате, где я парю в виде легкого эфира, прозрачного облачка недалеко от верхней книжной полки около окна, — эти два человека скроены по одинаковым линиям симметрии, хотя между ними довольно много отличий. Кроме того, волновые колебания, производимые каждым в ходе диалога, тоже имеют индивидуальные особенности, свойственные лишь конкретной личности и подчиняющиеся собственным законам. А если я буду особенно внимательным, эти волновые колебания откроют мне их тайные мысли и даже то, о чем они думали раньше. Похоже,

здесь тоже укоренились свои шаблоны и модели, но иного, высшего уровня сложности.

Возможно, это логичное продолжение мысли о том, что, будь я призраком, я бы сохранил в памяти образы своего предыдущего существования. Но мне не свойственна какая-либо особая конкретная форма, я способен к моментальному расширению и сжатию, проникновению сквозь любую преграду. Чуждо мне и специфическое состояние покоя, в которое я возвращаюсь с некоторой неловкостью.

Наряду с нарождающимся чувством индивидуальности, я чувствую кое-что еще: уверенность в своей незавершенности. Мне чего-то недостает, и если я обнаружу этот недостаток, возможно, удастся подойти к смыслу существования, чего я так искренне жажду. Временами мне кажется, что я долгое время спал и лишь недавно был разбужен смутными эманациями этого места. А пробудившись, понял, что ограблен, чего-то жизненно важного недостает во мне. (Я только недавно изучил термин «ограбление», так как человек, за которым я наблюдаю, вор.)

Если я обрету законченность и целостность, то, не исключено, смогу заняться собой. Полагаю, поиски себя могут стать достойной целью жизни. Да. Самообразование и самопознание, поиски индивидуальности. Кажется, это хороший отправной пункт... Интересно, беспокоят ли кого-нибудь подобные проблемы? Нужно внимательно слушать, что говорят люди.

Я не люблю раздвоенности и неопределенности

Поль Детсон расположил перед собой на столе по кругу семь фигурок, протянул к ним руки и попытался сосредоточить энергию. Он медленно водил руками, стараясь охватить всю группу целиком. Затем стал совершать движения вокруг каждой отдельной фигурки, окружая ее энергетическим потоком. Наконец вздохнул и встал из-за стола.

Пройдя по комнате, он подошел к маленькому человечку в черных одеждах. Человечек восседал на вы-

соком стуле, поджав под себя ноги. В руках у него искрились два бокала вина. Юноша с седой прядью взял один из бокалов и слегка пригубил.

— Ну как? — спросил человечек, когда юноша опустил бокал. Человечка звали Маусглов, когда-то он был вором.

Поль покачал головой и, развернув стул так, чтобы одновременно видеть Маусглова и статуэтку, со вздохом опустился на него.

— Странно, — наконец произнес он, — все нити в моих руках, но что-то сдерживает, что-то необходимо преодолеть, какое-то стечение обстоятельств, случайность.

— Возможно, причина не в этом.

Поль наклонился вперед и поставил стакан на стол. Он сжал кулаки и сосредоточился, затем разжал руки и соединил пальцы ладоней в свободном касании. Закрыв глаза, начал потирать палец о палец. Спустя минуту, вновь протянул руки к столу.

Теперь он сосредоточился на ближайшей фигурке — тонкой, почти невесомой женской статуэтке из красного камня, смиренно скрестившей руки на груди, — и стал производить обволакивающие движения вокруг нее. Пальцы юноши двигались, как бы перебирая невидимые струны. Затем он откинулся на стуле назад, его руки последовали за ним, сопровождая неведомую нить, пальцы напряженно перебирали несуществующие узелки.

Долгое время Поль сидел, застыв, боясь пошевелиться. Внезапно фигурка резко дернулась, и он опустил руки.

— Плохо, — сказал он, шаря глазами в поисках стакана с остатками вина. — Наверное, я утратил власть над ними. Они — это что-то иное. Я не знаю, как обращаться с ними, они ни на что не похожи.

— Да, верно, они — нечто особое, — заметил Маусглов, — а если принять во внимание ту авантюру, в которую они меня втянули, и то, что они сделали в горах Анвил... У меня такое чувство, что они могут обратиться к тебе в любой момент — если, конечно, захотят.

— Да. В свое время их помощь была неоценима. Но почему они молчат сейчас?

— Возможно, им нечего сказать.

Меня откровенно озадачил предмет разговора. Особенно то, что эти люди говорили о семи статуэтках, как будто те были живыми.

Я приблизился, чтобы получше рассмотреть их. И сразу же заметил нити заклинаний, связывающие пальцы Поля с фигурками, особенно после всех увиденных манипуляций и разговоров о «таинственных нитях». Я также обнаружил пульсацию энергии в родимом пятне на его правой кисти; оно имело странную форму в виде дракона — я смутно чувствовал, что знаю об этом пятне намного больше, чем кажется, но у меня не было доказательств. Я не видел невидимых нитей связи, не заметил и какой-либо ответной реакции фигурок, за исключением легкого толчка одной из них под влиянием потока энергии.

Я опустил рядом с фигурками, обтекая их и ощущая различие материалов и техники их выполнения. Холодные, безжизненные. Лишь слова мужчин окутывали их какой-то тайной. Продолжая обследование поверхностей, я уменьшился, сосредоточив все внимание на той, которую качнул Поль. Мой поступок был неожиданным и быстрым, как и само решение: я начал сливаться с ней, стараясь проникнуть внутрь, просачиваясь сквозь мельчайшие трещинки...

Ожог! Пламя! Непередаваемое, нестерпимо жуткое чувство пронзило меня. Увеличиваясь в объеме за пределы комнаты и растворяясь в ночи, я уже знал, что чувство, так поразившее меня, — это боль. Я никогда еще не испытывал боли, и у меня не было желания повторить подобное ощущение.

Я старался как можно дольше поддерживать свою разряженность, чувствуя, как наступает облегчение.

Поль не зря вел себя очень осторожно, общаясь фигуркой. Так или иначе, она все-таки живая. Она не пожелала вторжения в себя.

За стенами замка Рондовалов боль стала ослабевать. Смутная тревога охватила меня, я почувствовал внутри какое-то движение... что-то, всегда таившееся здесь, медленно пробиралось к моему сознанию.

— Что это было? — спросил Поль. — Как будто крик, но..

— Я ничего не слышал, — ответил Маусглов, насторожившись. — Какой-то толчок, словно электрический разряд, довольно сильный... Не знаю... Аж мурашки по телу. Может, ты вызвал какое-нибудь возбуждение или завихрение, играя с фигуркой?

— Возможно, — сказал Поль. — На какой-то миг мне почудилось, что здесь есть кто-то еще. Что-то иное находится с нами в одной комнате.

— О, здесь много всего сверхъестественного. Твои родители были настоящими колдунами. А если еще вспомнить о бабушке и прабабушке...

Поль кивнул и допил вино.

— Временами я особенно остро ощущаю, что не совсем силен в магии.

Юноша вытянул правую руку на уровень плеча и начертил указательным пальцем несколько маленьких кругов. В тот же момент в его руке появилась книга в кожаном переплете неизвестного происхождения. Из нее торчали серые и белые перышки закладок.

— Дневник моего отца, — объявил с некоторой торжественностью Поль, опуская книгу и открывая по месту закладки. — Вот здесь, — сказал он, водя пальцем по правой странице в поисках нужного места. — Он говорит, как одержал победу и уничтожил противника-колдуна, захватив его дух и заточив в одной из фигурок. В другом месте он рассказывает о некоторых других фигурках. Но в завершении он говорит так: «Все это очень пригодится для выполнения [поставленной задачи. Если не хватит шестерых, я буду иметь семь, восемь...» Очевидно, отец подразумевает что-то очень важное, какое-то особенное свойство. Жаль, что он не изложил свои размышления на бумаге.

— Возможно, в более поздних записях?

— Я только что закончил повторное прочтение, потратил на него все свободное время последних месяцев. Документ не столь уж приятен. Должен сказать, что мой отец не самый славный человек в мире.

— Согласен. Хотя хорошо уже то, что тебе все известно с его собственных слов.

— О выполнении какой задачи он упоминает?

— Понятия не имею.

— Я уверен, что настоящий колдун смог бы отыскать разгадку, имея в руках подобный дневник.

— Это не по мне. А что касается твоих способностей, то ты преуспел и без особых тренировок. Я бы много отдал, если бы смог проделать подобный трюк с книгой, скажем, с чьими-нибудь драгоценностями... Так или иначе, откуда ты ее взял?

Поль рассмеялся.

— Мне не хотелось, чтобы она была всё время на глазах, где любой мог бы ее позаимствовать, поэтому я обернул ее золотой нитью и приказал удалиться в одно из тех переходных пространств между мирами, которые я проходил по пути сюда. Там она растворяется и исчезает, но как только мне захочется продолжить чтение, я просто тяну за нить и вызываю книгу из небытия.

— Боже! Ведь ты то же самое можешь проделать с боевыми доспехами, оружием, запасом продуктов на год, с целой библиотекой, да все равно с чем!

Поль покачал головой.

— Боюсь, что нет. Книга да загадочный ящичек со статуэтками — вот все, что я храню там. Я не хочу, чтобы они попали в посторонние руки. Правда, когда я путешествую, я добавляю туда свою гитару. И этим ограничиваюсь, иначе груз станет очень тяжел. Ведь эта масса как бы присоединяется к моему весу. Такое ощущение, что я все несу на себе.

— Так вот где ящичек! Я помню, как ты обнаружил его в день, когда мы вернулись в горы Анвил...

— Да, а хотелось все потерять.

— Ты ведь не надеялся отыскать его тело и посох в кратере.

— Нет, я не о том. До сих пор у меня перед глазами бесполезная битва, развороченная земля... Вот что беспокоит меня. Я... — Поль шлепнул рукой по колену. — Проклятые фигурки! Иногда кажется, что это все из-за них. Они стоят за всем. Выбросить бы их к чертям! В Ад!

Он допил вино и поднялся, чтобы вновь наполнить бокал.

Боль угасала. Мне совсем не нравятся подобные эксперименты. Комната и ее обитатели стали крошечными, превратились в маленькие песчинки, растворились в моем облаке. Все, хватит неожиданностей! Я не знаю, что причинило мне боль, и, тем более, каким образом она ужалила меня. Но я нутром чувствую, что лучше изучить подобные вещи, чтобы избежать таких неприятностей в будущем. С чего бы начать? Совсем не знаю, как себя вести.

Хорошо бы научиться причинять боль другим и таким образом обезопасить себя — ну, чтоб не лезли. Как действовать? Если бы существовал какой-то контакт — перебросил его, и процесс пошел в обратном направлении, как тогда, когда миром заправляла техника...

Снова воспоминания. Безумие. Я полностью сбит с толку.

Кто-то приближается к замку. Какой-то отшельник мужского рода. Я способен отличать пол, потому что был знаком с девушкой Норой, гостившей здесь некоторое время, прежде чем вернуться к своим родным.

На мужчине коричневый плащ и темная одежда. Он появился с северо-запада, верхом на чем-то подобном маленькому дракону, которые обитают внизу. Его русые волосы прорезают седые пряди. Он вооружен коротким мечом.

Вот он огляделся по сторонам. Вряд ли можно не заметить огонек в одной из комнат замка. Путник начал снижаться, двигаясь безмолвно, как опавший лист или прах, развеянный по ветру. Думаю, что он приземлится в дальней части двора, которую не видно из окон библиотеки.

Да.

Внутри комнаты мужчины беседовали о сражении в горах Анвил, где Поль победил своего сводного брата Марка Мараксона. Как я понял, Поль — колдун, а Марк — что-то другое, такое же сильное, но противоположное по духу и поведению. Колдун — это тот, кто управляет энергией (как Поль проделывал со статуэткой или с книгой).

Я смутно помню другого колдуна Его звали Дет

— Ты слишком долго возишься со статуэтками, — заметил Маусглов. — Если бы отгадка была проста, ты давно бы справился с ней

— Я знаю, — ответил Поль, — поэтому во всем ищу сложности.

— Я не силен в магии, — пожал плечами Маусглов, — но мне кажется, что суть проблемы не в этом

— Что ты имеешь в виду?

— Факты, друг, факты. Тебе не достает самых простых, старомодных фактов. За несколько месяцев ты перерыл всю библиотеку, перепробовал все магические игры с этими упрямыми куклами. Если бы ключ к разгадке был в магии, ты бы давно отыскал его. Значит, дело в нехватке информации. Нужно искать отгадку в другом месте.

— Где? — оживился Поль.

— Если бы я знал, давно бы сказал тебе. Я был оторван от жизни более чем на двадцать лет. Наверняка мир изменился, и вряд ли я смогу указать тебе путь. Ты же знаешь, я намеревался пробыть в замке ровно столько, сколько потребуется для выздоровления. Но теперь мне страшно покидать тебя, и прежде всего из-за тебя самого. Мне тяжело видеть, как ты день за днем все глубже погружаешься в бездну таинств и магического безумия. Мир и так полон полусумасшедших чародеев. Я думаю, тебе нужна помощь, может быть, руководитель — не в смысле постановки каких-то сверхцелей, которые ты, совершенствуясь, будешь достигать. Тебе следует отвлечься, на какое-то время уйти от тех задач,

которые ты перед собой поставил. Ты как-то говорил, что хочешь посмотреть иные миры. Сделай это прямо сейчас. Пойдем со мной — завтра. Кто знает? Может, ты найдешь именно то, что так долго искал, путешествуя по свету.

— Не знаю... — начал Поль. — Мне бы хотелось, но... Завтра?

— Завтра.

— И куда мы направимся?

— Давай вдоль побережья, затем на север. В портовых городах можно получить много разной информации и сплетен...

Поль поднял руку и взъерошил волосы. Маусглов кивнул и поднялся на ноги.

— Твоя система охраны в порядке? — прошептал Маусглов.

Поль кивнул и повернулся к двери.

— Тогда это не может быть что-то...

Звук повторился вновь, а вместе с ним в дверном проеме возник силуэт светловолосого человека.

— Добрый вечер, Поль Детсон, — начал незнакомец с улыбкой, подняв левую руку и быстро вычерчивая ей в воздухе какие-то замысловатые движения, — и до свидания.

Поль рухнул на колени, его лицо мгновенно вспыхнуло и стало пунцовым. Маусглов обошел стол. Схватив одну из фигурок и замахнувшись ею как дубинкой, он двинулся на незнакомца в коричневом плаще.

Незнакомец сделал невидимый жест правой рукой, и вор застыл, затем повис в воздухе и, словно пылинка, был отброшен к стене. Фигурка выскользнула из рук растянувшегося на спине вора.

Как только это произошло, Поль вскинул руки, как бы защищая лицо, и сделал несколько направленных наружу жестов. Лицо его стало бледнеть, принимая нормальный цвет. Юноша медленно поднялся на ноги.

— Могу я спросить «почему?» — сказал он. Теперь обе его руки совершали круговые движения в противоположные стороны.

Незнакомец вновь улыбнулся и сделал небрежный жест, будто отгоняя невидимую муху.

— И я могу ответить тебе, — сказал противник, — но ответ связан с принуждением.

— Очень хорошо, — произнес Поль, — хотелось бы услышать и испытать.

Он почувствовал дрожь в родимом пятне, вытянул руку и схватил пучок нитей, зажав их в кулак, а потом щелкнул ими, словно кнутом, прямо перед лицом противника. Как только хлыст из нитей приблизился, незнакомец перехватил его и направил ответный удар в сторону Поля. Плотность нитей заклинаний между ними стала такой непролазно густой, какой Полю еще не доводилось видеть. Густота нитей почти полностью скрыла противника.

Поль вращал левой рукой, стараясь свернуть нити в клубок. Внезапно он поверг их в пламя и швырнул горящий клубок в противника.

Вывернув правую ладонь тыльной стороной, мужчина отклонил горящий пучок. Затем поднял руки и затряс кистями.

Свет в комнате запульсировал. Нити заклинаний, словно разбуженные змеи, извивались в воздухе и искрились разными цветами. Они становились все толще, и вот зловещая педена полностью заволочла комнату.

Пульсация родимого пятна в форме дракона охватила всю правую руку и вызвала онемение. Поль собрал всю доступную ему энергию, сосредоточив волю на поиске ясного отчетливого образа противника. Тотчас же силуэт врага вспыхнул разноцветными огнями и засверкал будто радуга во время дождя. Комната исчезла. Поль заметил, что его тело тоже люминесцирует.

Два человека оказались лицом к лицу, разделенные маленьким мирком, заполненным движением и переживаниями света.

Поль увидел, как противник поднял руки вверх, как бы удерживая невидимые чаши. Из его ладоней закрутился дымок, который в тот же миг превратился в огромного зеленого змея. Тварь подняла омерзительную голову и скользнула по воздуху в направлении Поля.

Поль почувствовал ледяной холод чудовища у себя над головой. Он вытянул руки, начал встряхивать кистями. Громадная серая птица взмыла ввысь, порожденная его руками. Сосредоточив энергию, он освободил ее, переместив в птицу.

Птица мелькнула в воздухе и камнем бросилась на змея, хватая его острыми когтями и долбя клювом. Змей извивался, пытаясь придушить птицу мощным телом. Следя за ходом поединка, Поль заметил, что противник, словно фокусник, производит наполненные переливающимся светом шары. Вот птица стала подниматься вверх, унося в когтях извивающегося змея. Взмахи крыльев и корчащееся тело рептилии постепенно слились в общем хаосе светового сияния. Поль увидел летящий прямо на него огненный шар.

Смеясь, Поль придал руке форму теннисной ракетки — и краем глаза увидел, какое замешательство вызвал в противнике неизвестный инструмент.

Он отбил первый мяч в тот момент, когда противник швырнул в него вторым. Противник выронил оставшиеся шары и бросился в сторону, уклоняясь от отбитого шара. Поль ловко отбил и второй мяч, направляя удар на поднявшегося на ноги противника, который щелкнул пальцами правой руки, и в ней появилось что-то длинное и черное.

Поль вновь изготовил ракетку, но промахнулся. Удар кнута пришелся ему прямо в шею и заставил судорожно вздрогнуть. Поль почувствовал, что падает. Бросая ракетку, он судорожно схватился за душащую его ленту, пытаясь разорвать и сдернуть ее.

Она вновь обвила и сжала его горло. Постепенно мир начал меркнуть. Горло сжималось все туже и туже. Откуда-то совсем рядом донесся смеющийся голос:

— Не слишком-то ты сопротивлялся...

Затем раздался взрыв, и все исчезло во мраке.

Противоборство сил Поля и его гостя было впечатляющим и очень поучительным. Наверное, стремясь поразить противника, они причиняли друг другу боль.

Меня больше интересовали их манипуляции, чем изнуряющее противоборство. Я чувствовал, что сам могу оказаться в подобной передрыге, поэтому хотел хоть чему-нибудь научиться на будущее.

Внезапная развязка очень удивила меня. Я никогда не видел, чтобы одно существо насильственно прерывало жизнь другого. По правде говоря, мне и в голову не приходило, что жизнь можно прервать. Я чувствовал, что мне следовало самому принять участие в этом бою, но на чьей стороне и за что? Мной опять овладела раздвоенность и неуверенность.

Там, где раньше было трое, теперь осталось только двое.

Я не мог понять, ради чего все это было сделано, или каким образом силовая волна вырвалась из статукетки и уничтожила незнакомца раньше, чем его настигла пуля Маусглова.

Поль тряхнул головой. Шея опухла и болела. Он лежал на полу недалеко от стола. Медленно, словно боясь рассыпаться, юноша сел.

Незнакомец лежал на спине недалеко от двери. Его правая рука была откинута в сторону, а левая покоилась на груди. Часть лба прищельца была полностью размозжена. Вместо правого глаза зияла кроваво-черная дыра.

Слева, прислонясь к книжному шкафу, стоял Маусглов. Его глаза безумно бегали по комнате, правая рука безвольно свисала. В ней маленький вор судорожно сжимал пистолет, захваченный в горах Анвил. Увидев, что Поль пошевелился, он безвольно махнул левой рукой и выдавил улыбку.

— С тобой все нормально?

— Надеюсь. Только шея... А как ты?

— Я не знаю, чем он ударил меня. На какое-то время я даже ослеп. Когда пришел в себя, вы оба были где-то за гранью реальности. Я не мог выстрелить в него, пока он не стал самим собой.

Маусглов сунул оружие в кобуру, висевшую на поясе за спиной, и протянул руку, направляясь к Полю.

— Кажется, теперь все нормально.

Опираясь на его руку, Поль встал. Они вместе подошли к мертвому человеку. Маусглов опустился на колени и начал обыскивать его. Спустя несколько минут он поднялся, отрицательно покачал головой, снял с незнакомца коричневый плащ и накрыл им тело.

— Ничего нет, ничего такого, что сказало бы, кто он и зачем пожаловал! Может, у тебя есть какие-то соображения?

— Нет.

Они вернулись на свои места возле стола, где стояла фляга с вином. Маусглов поднял и поставил на место упавшую статуэтку.

— Или у него были причины ненавидеть тебя, и он пришел свести счеты, — начал Маусглов, — или кто-то, обуреваемый подобной ненавистью, его подослал. В первом случае могут появиться его друзья, чтобы отомстить тебе. Во втором, как только враг узнает, что первому убийце не удалось уничтожить тебя, немедленно отправит другого. Так или иначе, предстоящая встреча может оказаться более роковой.

Поль кивнул. Юноша встал и достал книгу с дальней полки книжного стеллажа у левой стены. Вернувшись на место, он начал сосредоточенно листать ее.

— Этот незнакомец прошел, несмотря на всю твою систему защиты, — продолжил Маусглов.

— Он могущественнее меня, — ответил Поль, не отрываясь от книги.

— Что будем делать?

— Здесь, — указал Поль на страницу. Какое-то время он сосредоточенно читал. — Я все время удивлялся... Каждые четыре года колдуны собираются на горе Белкен, к северо-западу. Слышал об этом?

— Конечно — как то, от чего следует держаться подальше.

— Сборище начнется через две недели. Я хочу посмотреть, что это такое.

— Ну, если они все, как этот парень, — Маусглов кивнул в сторону тела, — тогда я не думаю, что тебе пришла удачная мысль.

Поль покачал головой.

— Описания выглядят вполне миролюбиво. Более удачливые и преуспевающие делятся теорией и достижениями с остальными, новичков посвящают в таинства магии, ритуалы проводятся несколькими чародеями, демонстрируются новые приемы...

— Но там может оказаться тот, кто связан с сегодняшним покушением на тебя.

— Точно. Хотелось бы разрешить этот вопрос как можно скорее. Возможно, закралось какое-то непонимание. Кроме того, я пробыл здесь не столь уж долго, чтобы обзавестись настоящими врагами. А если того, кого я ищу, не окажется там, может, удастся хоть что-то разузнать о нем — если, конечно, существует такой человек. В любом случае, стоит рискнуть.

— Это единственная причина, по которой ты стремишься туда?

— Ну хорошо, нет. Мне необходимы определенные навыки и тренировка в Великом Искусстве. Возможно, удастся извлечь кое-какие уроки и научиться чему-нибудь подобному сегодняшнему.

— Не знаю, Поль... Дело выглядит очень рискованным.

— Трусость сулит еще большие опасности в будущем.

Какое-то шарканье и отрывистый хлопок донеслись со двора. Оба одновременно вскочили на ноги и подошли к окну. Но выглянув, ничего не увидели. Поль протянул в окно руки; казалось, он что-то поглаживает в воздухе.

— Лошадь того человека, — произнес он. — Она освободилась от заклятий, которые он наложил, и приготовилась в обратный путь. — Поль быстро вытянул руки. — Попробую уловить нить, узнать, откуда он прибыл.

Маленький родственник дракона полетел к северо-востоку и, описав широкую восходящую дугу, исчез в направлении левой руки.

— Плохо, — произнес Поль, опуская руки, — я потерял его.

Маусглов вздрогнул.

— Полагаю, ты не хочешь составить мне компанию, — сказал он. — Если ты намерен отправиться на сборище колдунов, то нам не по пути.

Поль кивнул.

— Я выезжаю тоже завтра. Лучше двигаться, чем оставаться в неизвестности. Мы можем какое-то время ехать вместе.

— Ты не полетишь на Лунной Птице?

— Нет, я хочу хоть что-то узнать об этом крае.

— Путешествие в одиночку таит свои опасности.

— Думаю, это семечки для чародея.

— Возможно, — ответил Маусглов.

Темный силуэт дракона становился все меньше и меньше, пока тьма северного неба совсем не поглотила его

Глава 2

Той ночью я проник в тело покойника, пытаюсь отыскать в клетках мертвого мозга какие-нибудь следы или метки. Я узнал, что его звали Кет и что он служил более могущественному, чем он сам. Больше ничего.

Скользя по высшим небесным сферам, уничтожая крыс в канализационных колодцах теми способами, которым я недавно обучился, играя и нежась в лунном сиянии, лавируя между плотами сплавляемого леса в поисках водяных пауков, я все время думал и анализировал события вечера. Передо мной вставал вопрос за вопросом. И каждый был по-своему насущным. Странно, что это не волновало меня раньше.

Энергия созданий, которых я подбирал, оказывала живительный эффект на мое существование, рождала стремление к совершенству. Я удивлялся широте и новым поворотам своих мыслей. Другие существа были многочисленны и жили скученно, тем не менее я не встречал никого, подобного себе. Означает ли это, что я уникам, единственный в своем роде? Если нет, то где же мои сородичи? Если да, то почему? Откуда я взялся? Существует ли какая-нибудь причина моему существованию? Если да, то в чем она заключается?

Я вихрем проскочил вдоль крепостного вала. Я опустился в пещеры и парил около спящих драконов и других чудовищ. Я не замечал сходства и не чувствовал родства ни с кем из них.

Лишь спустя много времени мне пришло в голову, что я как-то особенно предан самому Рондовалу. В прошлые времена я бы удивился такому открытию. Я понял,

что предпочитаю замок и предместья любим другим уголкам этого мира. Что-то позвало меня обратно. Что? Внутренний голос?

Я вернулся к спящему Полю и тщательно осмотрел его. Я проделывал эту процедуру много раз с момента появления юноши в замке. Как всегда, я будто помимо собственной воли в нерешительности замер, разглядывая родимое пятно на правой руке молодого человека. Оно необъяснимо влекло меня. Почему, я не мог понять. Именно с приездом Поля мое эго всколыхнулось, я начал путь к своему самопознанию. Его ли это проделки? Или каким-то образом это связано с замком? Здесь долгое время никто не жил...

Желание докопаться до смысла моего существования вновь окрепло во мне. Я начал осознавать, что мой видимый недостаток в этой области носит характер случайности, что, возможно, я одержим сверхидеей, что я должен сделать нечто, что-то обрести, но это «что-то» каким-то образом потерялось и его невозможно обнаружить. Насколько важно для меня это открытие?.. Снова неопределенность. Я начал понимать, что породило мое стремление докопаться до сути.

Поль завтра уезжает. Мои воспоминания о том прошлом, которое было до него, потускнели с появлением молодого человека. Вернусь ли я к своему неразумному бытию после его отъезда? Я не верил в это, однако мне хотелось, чтобы он был частью того стимула, породившего мое стремление к индивидуальности, осмыслению жизни.

Я понял, что именно сейчас принимаю самое важное решение. Остаться ли мне в замке Рондовалов, или я должен сопровождать Поля? В том или в другом случае — почему?

Я попытался сбить летучую мышь во время полета, но ей удалось благополучно убраться восвояси.

Следующим утром они пешком отправились на север. Весна окрасила листву и траву в светлый зеленый цвет. Их путь лежал по равнине до пересечения дорог,

именно это место Поль отметил на карте, которую всегда носил с собой.

Они прислонили дорожные мешки к стволу могучего дуба, все еще влажного от утренней росы, и сделали привал. Утренняя дымка, молочной белизной окутавшая все пространство, доживала последние мгновения. Поднимающееся из-за склона горы солнце вступало в законные права и уже объявило о себе ярким румянцем зари. Откуда-то сверху слышались первые пробные аккорды птичьих трелей.

— К вечеру ты сможешь уже выйти на равнину, — сказал Поль, глядя на встающее солнце. — Ты на несколько дней раньше преодолеешь горы. А мне предстоит лишь короткий переход по равнине, затем снова бесконечное карабканье по горам. Ты уже будешь греться на берегу и наслаждаться легким морским бризом, а мне, дураку, брести и брести. Ладно, удачи тебе и еще раз спасибо...

— Побереги слова, — ответил Маусглов, — я иду с тобой.

— На Белкен?

— Все равно.

— Но почему?

— Я очень любопытный. Мне не терпится узнать, чем все это кончится.

— Вот именно — кончится.

— Ты сам не веришь в это, иначе бы не пошел. Не пытайся отговорить меня. Возможно, тебе повезет.

Маусглов закинул мешок за спину и двинулся в дорогу. Вскоре Поль нагнал его.

Солнце наконец показалось из-за могучих горных хребтов, и день распахнул свои объятия. Впереди путников весело заскакали тени.

На ночь они расположились на подстилке из сосновых веток.

Полю приснился странный сон, такие сны никогда раньше не посещали его. Все смешалось в единый клубок. Ясность и понимание переплелись с прошлыми со-

бытиями и, словно кривое внутреннее зрение, исказили реальность. Во сне чувствовалось зловещее предзнаменование. Но это предчувствие угрозы было облечено в форму злой шутки.

Семь бледных огоньков в медленном танце кружили над головой Поля. Призывно маня, они зывали к его душе, приглашали присоединиться к ним. Он медленно покинул свое тело и бледной бестелесной тенью встал рядом с ними. Огоньки сверкнули и покинули землю. Он последовал за ними к верхушкам деревьев и дальше, выше. Они вели его к северу, все выше и выше скользя к облакам, манящим своей белизной. Внизу, словно детские песчаные замки, виднелись горы. Но вот и они скрылись из виду. Вокруг завывали ветры, мимо проносились черные тени. Поль мчался все быстрее, все, что окружало его, словно темная рябь, летело в обратном направлении. Шум ветра превратился в оглушающий рев, хотя он не чувствовал ни силы его порывов, ни холода.

Наконец впереди замаячил огромный черный силуэт. Он напоминал большую гору, то здесь, то там украшенную блестящими огоньками: высокие стены, узорчатые башни. Во всем чувствовалась мощь и неприступность. Это был замок, не меньше замка Рондовалов, только процветающий, не запущенный.

Станный полусон-полуявь на мгновение прервался. Поль замерз, прохлада ночи напомнила ему о реальности своим холодным дыханием. Он стоял перед массивной двустворчатой дверью, обитой железом и запертой на тяжелые засовы и замки. На железе была вычеканена огромная змея, ее тело было пробито гвоздями. Над дверями висело чучело большой серой птицы. Поль не знал, где находится, но все ему казалось до боли знакомым — будто он уже бывал здесь в своих снах, но забыл.

Он едва заметно качнулся вперед и тут же почувствовал легкое дуновение, словно Врата окружала невидимая аура, реагирующая на малейшие движения.

Как по мановению волшебной палочки в обеих руках Поля зажглись огни-факелы. Им овладело непрео-

долимое желание войти внутрь, но он не знал, как открыть загадочные Врата. Двери выглядели массивными и неприступными...

Он проснулся, одолеваемый холодом и волнением. Подбросив на подстилку еще веток и, поплотнее укутавшись плащом, снова лег. Утром Поль хорошо помнил сон, но не стал рассказывать о нем. Следующей ночью он снова вернулся к нему...

Он опять стоял перед неприступными Вратами; забытые ощущения путешествия вновь завладели им, пополнившись некоторыми новыми впечатлениями. Теперь он стоял, высоко подняв руки и чертя древнее заклинание, открывающее проходы. Врата нехотя повиновались: створки дернулись и со скрипом чуть-чуть разошлись. Холод дохнул ему в лицо. Он двинулся в открывающееся пространство...

Каждую ночь на протяжении первой недели пути Поль возвращался в свой сон, проходя дальше и дальше. Огоньки больше не сопровождали его, оставшись за Вратами. В полном одиночестве он бродил по чужой местности — серой и бронзовой, черной и коричневой, погруженной во мрак; черное небо тяжелым пологом нависало над головой. Лишь редкие красные всполохи указывали на то, где должен быть восток.

Это было царство камня и теней, песка и тьмы, холодных, пронизывающих ветров, внезапных огней и скуки. Все, что окружало его, вяло вползало в память, откликаясь равнодушными воспоминаниями. Это было царство зловещего, все чувствующего света, темных пещер и разрушенных статуй, чудовищ и масок. Где-то в глубине маленькая частичка его души горько жалела его, остальная часть духа наслаждалась...

На следующую ночь Поль увидел местных обитателей — грубые чудовища, покрытые чешуей; нескладные, неуклюжие пародии людей с длинными руками. Они ползли и скакали, преследуя одинокого человека, убегающего от них; на лице человека застыло презрение и отвращение.

Человек пробежал между двумя каменными колоннами и, обнаружив, что попал в тупик без выхода,

дико закричал. Твари окружили его, свалив на землю, принялись плакать и стенать над ним. Затем что-то пробормотали и начали сдирать кожу с человека; земля потемнела под ними.

Внезапно одно из чудовищ пронзительно взвизгнуло и ринулось вон от ужасного сборища. Его длинная чешуйчатая рука превратилась во что-то короткое и бледное. Ругаясь и дразня, твари схватили убегающего собрата. Удерживая его, они вновь обратились к тому, что лежал на земле. Сомкнувшись и подавшись вперед, они образовали плотное кольцо. То, что лежало на земле, перестало быть чем-то человеческим.

Окруженное их зловонным дыханием, оно потихоньку менялось, становилось все крупнее, что-то мерзкое стало проглядывать в его облике. Другое чудовище, которое стремилось вырваться, наоборот, стало усыхать, сжиматься. Его покров стал светлее и мягче. Он приобретал все более странные черты, становился человеком по облику и в целом.

Твари, которые теперь вместо себе подобного держали человека, толкнули его, и он упал. Тем временем дьявольский оборотень тоже остался один. Твари уползали, покидая их. Оборотень судорожно дергал конечностями, силясь встать.

Новоявленный человек с трудом поднялся на ноги, споткнулся, потом с воем бросился вперед к колоннам. В тот же момент темные твари ответили ему пронзительным воплем, затем, расталкивая и царапая друг друга, погнались за убегающим превращенцем, который совсем недавно был одним из них.

Поль проснулся, услышав громкий смех. А пробудившись, понял, что смех — его собственный. Сон оборвался слишком внезапно, и он долго лежал без сна, наблюдая сквозь ветви деревьев за плывущими в лунном блеске облаками.

Один день они ехали в кибитке фермера и его сына, как-то раз им было по пути с мелким коробейником. Но на протяжении следующей недели им не встретился

ни один путник. Лишь однажды они столкнулись с купцом и врачом, едущими в противоположном направлении.

Но как-то теплым солнечным вечером впереди замаячили пыльные темные фигуры. Лишь ближе к ночи им удалось нагнать группу путешественников. Процессия состояла из старого колдуна Ибала Шенсона, двух его учеников, Нарфа и Шахая, и десяти слуг — четверо из них несли кресло, на котором восседал Ибал.

Поль обратился к Нарфу — невысокому худому усатому пареньку, который шел в самом конце, замыкая шествие.

— Приветствую вас, — сказал он.

Правая рука паренька описала едва уловимую полукруглость, когда он оглянулся на голос.

Так случалось довольно часто — едва столкнувшись с проявлениями магии, внутреннее зрение Поля рефлексивно включалось в игру. Он увидел слабо мерцающую серую нить, которая, образовав петлю на конце, медленно двигалась к его голове. Он поднял руку с пульсирующим родимым пятном и отбросил нить.

— Довольно! Или здесь так принято отвечать на приветствия путника?

В глазах, смотрящих на него, промелькнул испуг, смешанный с уважением.

— Прими мои извинения, — произнес паренек, — никто вас не знает, путники. Я только пытался защитить и обезопасить учителя. Я не знал, что встретился с братом по Великому Искусству.

— Теперь все в порядке?

— Да. Вы направляетесь на Белкен?

— Да.

— Доложу учителю. Думаю, он пригласит вас составить ему компанию. От кого передать приветствия?

— Я — Поль Детсон, а это — Маусглов.

— Отлично.

Паренек повернулся и бросился догонять своих. Поль и Маусглов последовали за ним. Выглядывая из-за плеча ученика, Поль пытался рассмотреть волшебника, пока тот не обратился к нему сам.

Ибал был одет в голубые одежды, серая шаль укрывала его плечи, коричневый плед укутывал колени. Его облик производил впечатление хрупкости и крошечности. Нос на лице превратился в острый крючок, словно птичий клюв, бледные, почти прозрачные глаза наполовину скрывались под тяжелыми веками. Щеки и лоб старика были испещрены глубокими бороздами морщин, кожа свисала безобразными пористыми складками. Густые длинные волосы отливали чернотой и напоминали парик, особенно в соседстве с абсолютно седыми кустистыми бровями. Руки старика скрывались под пледом.

— Подойди ближе, — прохрипел волшебник, поворачивая голову и глядя из-под опущенных век.

Подойдя к старику, Поль невольно задержал дыхание, стараясь спрятать свое волнение.

— Детсон? — повторил старик. — Откуда ты?

— Замок Рондовалов, — подсказал Поль.

— Я думал, он пустует все эти годы. Кто теперь там правит?

— Я.

Коричневый плед зашевелился. Сухая, темная рука с длинными узловатыми пальцами медленно выползла из под пледа. Так же плавно она двинулась к правому запястью Поля и застыла около рукава.

— Будь любезен, оголи свое предплечье.

Поль исполнил просьбу.

Два тощих пальца протянулись к руке Поля и прикоснулись к родимому пятну. Старик усмехнулся и поднял голову, внимательно разглядывая юношу, будто стараясь увидеть сквозь него.

— Все так, как ты сказал. Я ничего не знал о тебе, хотя теперь ясно вижу, что ты тоже обеспокоен томлениями Рондовала. Ты несешь печать его прошлого.

— Возможно, — ответил Поль. — А как тебе это стало известно?

— Они окружили тебя, словно рой блестящих насекомых, — произнес Ибал.

Поль внимательно обследовал себя внутренним зрением, но, кроме нитей заклинаний, не обнаружил

ничего, хоть отдаленно напоминающее нимб из насекомых

— Я не вижу..

— Так и должно быть, — ответил колдун, — ты воспринимаешь все иначе, чем я. Если, конечно, ты вообще можешь обнаружить это. Ты ведь знаешь, как отличаются друг от друга восприятия и понимания колдунов, какое значение они придают разным вещам

Поль нахмурился.

— Или нет? — спросил Ибал.

Не дождавшись ответа, старый колдун сощурил глаза и еще пристальнее стал вглядываться в Поля.

— Сейчас я не так уверен, — промолвил он. — Сначала я подумал, что дисгармония и беспорядок твоих светил — лишь хитрая маскировка, но теперь...

— Моих светил? — переспросил Поль.

— Кто проводил твое обучение и где ты проходил посвящение? — потребовали ученики колдуна.

— Я рос очень далеко отсюда, — ответил юноша, — там, где все вещи сделаны не так, как здесь.

— О, ты из Страны Безумия! Храни нас от Страны Безумия! Но... Ты не совсем дисгармоничен — любой с такой отметиной, — Ибал кивнул на родимое пятно Поля, — должен обладать внутренним чутьем и подсознательным талантом к Великому Искусству... Очень интересно. Так... А зачем ты идешь на Белкен?

— Чтобы научиться... кое-чему.

Старый колдун снова усмехнулся.

— А я иду для самоуспокоения. Зови меня Ибал. Если хочешь, составь мне компанию. Всегда хорошо иметь нового собеседника. Твой человек — не собрат по Великому Искусству?

— Нет. Кроме того, Маусглов — не мой человек, он — мой товарищ.

— Маусглов, ты сказал? Кажется, я уже слышал это имя. Возможно, в связи с драгоценностями?

— Я не ювелир, — поспешил с ответом Маусглов.

— Ладно, все равно. Завтра я скажу тебе кое-что интересное, Детсон. Но мы до сих пор в полулье от

места, где я хотел заночевать. Нужно поторапливаться. Поднимайтесь! Вперед!

Слуги подняли носилки и двинулись в путь. Поль и Маусглов пристроились в конце процессии.

Они разбили лагерь среди руин, которые некогда были маленьким амфитеатром. Поль долго лежал с открытыми глазами. Тревога не покидала его, он опасался возвращения зловещих сновидений. До сих пор он никому ничего не рассказывал, днем события ночи казались далекой сказкой. Но лишь только спускалась ночь и на лица людей ложились длинные ночные тени, изредка разгоняемые вспышками костра, ему начинало мерещиться, что какой-то неведомый призрак влечет его в царство танцующих огней, завывающих ветров и жестокости. Он снова удивился значению и смыслу ночного кошмара, как будто рожденного больным воображением и поддающимся описанию только в терминах патопсихологии, и в то же время ясности и отчетливой связи ночных видений с реальностью. Его мысли медленно перетекали в другое русло, к недавним событиям в Рондовале. В тот же момент он погрузился в сон, и засыпающий разум вновь поразился возможной связью между событиями.

Мог ли тот странный человек, умирая, заложить в нем зерно тревоги, которое не дает покоя по ночам?.. Мысли вновь изменили свой ход, унося его дальше от тревог, усыпляя стрекотанием лесных насекомых, доносящимся из рощи. Интересно, как поступил бы Марк. Нашел бы какой-нибудь легкий наркотик, чтобы избавиться от видений... Возможно. Мысли снова поплыли.

Что это? Еще ближе. Вокруг все знакомо. Страх куда-то исчез. Осталось только ожидание знакомых событий. Вот Врата, и...

Все остановилось. Застыло. Поль замерз до того, как открылись Врата. Видения стали блекнуть и совсем растаяли. Он почувствовал, что чья-то рука сжимает его плечо. В какой-то момент он хотел было крикнуть.

— Все в порядке, — слышался шепот, и рука отпустила его плечо.

Полю попытался сесть, просто повернуть голову. И обнаружил, что не может пошевелиться. Крупный мужчина, лицо которого наполовину скрывала тень от плаща, поднялся с колен и исчез из поля его зрения. Полю показалось, что мелькнули светлые усы и, что совсем невероятно, ряд сверкающих ровных зубов.

— Почему я не могу двигаться? — прошептал он сквозь сжатые зубы.

— Мне легче наложить защитную оболочку на весь лагерь целиком, чем на кого-то выборочно. Затем мне нужно было разбудить тебя, но так, чтобы остальные оставались в спящем, бессознательном состоянии. К сожалению, паралич здесь необходим.

Полю предполагал, что все это ложь, но сил бороться не оставалось.

— Я увидел, что твой сон вызывает много тревог, поэтому решил даровать тебе облегчение.

— Каким образом ты увидел, что чьи-то сны доставляют тревогу?

— Я в некотором роде специалист в тех проблемах, с которыми ты столкнулся.

— Что?..

— Разве твой сон не связан с массивной дверью?

Полю некоторое время молчал, затем ответил:

— Да. Да, связан. Но как ты можешь знать об этом? Не причастен ли ты к моему сну?

— Я не вызывал твой сон. Кроме того, я здесь не ради освобождения тебя от него.

— А ради чего?

— Причина моего появления — твое путешествие на Белкен.

— По-моему, ты знаешь слишком много.

— Не будь таким нетерпеливым. Просто наши интересы совпадают, я пытаюсь помочь тебе. Я больше понимаю в тех силах, что воздействуют на тебя. Ты совершил ряд ошибок, странствуя по миру и везде называя себя и рассказывая о своей карьере. Теперь понадобится много энергии, придется причинить даже

боль, чтобы стереть твое имя и наружность из памяти Ибала и его окружения. Утром он будет помнить лишь то, что ты — Одержимый Магией, идущий на Белкен. Даже твоя внешность будет видна ему словно в тумане. Если он вновь спросит твое имя, то имей наготове иное. То же имя используй и на Белкене. У Рондовалов до сих пор есть враги.

— Догадываюсь — судя по недавнему покушению на мою жизнь.

— Когда это произошло? Где?

— Чуть больше недели назад. Прямо в моем доме.

— Я не подумал об этом. Значит, началось... Ты будешь в безопасности некоторое время, если сохранишь инкогнито. Я хочу выкрасить твои волосы, чтобы замаскировать эту белую прядь. Она очень приметна. А затем мы должны спрятать родимое пятно.

— Как?

— Очень просто. Каким образом ты видишь проявления Магии, когда делаешь заклинания?

Поль почувствовал щекотание усов у себя на лбу.

— Обычно, как цветные нити — нитки, струны, веревки.

— Очень интересно. Ну хорошо. Теперь вообрази, что я заворачиваю и укрываю твое пятно телесного цвета нитями, так плотно, словно из нитей сделан целый покров. Это ни в коей мере не помешает твоим манипуляциям. Когда ты захочешь открыть его, тебе просто необходимо проделать ритуал распутывания клубка нитей заклинаний.

Поль почувствовал, что его руку подняли.

— Кто ты? — спросил Поль. — Откуда ты знаешь все это?

— Я волшебник, которого нет на самом деле. Я прочно связан с твоим Домом.

— Мы — родственники?

— Нет. Даже не друзья.

— Тогда почему ты помогаешь мне?

— Я чувствую, что если ты и дальше будешь жить, это сослужит мне службу. Все. Твое родимое пятно довольно надежно замаскировано.

— Если ты действительно хочешь защитить меня, то было бы лучше, если бы ты хоть что-нибудь рассказал мне.

— Не думаю, что это самый удачный способ. В-первых, с тобой может ничего не произойти, зачем же тебя отягощать излишней информацией. Во-вторых, твое неведение выгодно мне.

— Послушайте, кто-то уже вычислил меня. И мне совсем не по душе перспектива дуэли с другим колдуном.

— Ладно, пока ты все еще цел.

— Чисто случайно.

— Все отлично, мой мальчик. Будь бдительным. А теперь мы слегка огрубим черты твоего лица и чуть-чуть удлиним глаза. Может, посадить на нос бородавку? Нет? Тогда сделать шрам на щеке? Да, пожалуй, не помешает...

— Ты не назовешь мне своего имени?

— Оно вряд ли тебе что-нибудь скажет; с другой стороны, знание моего имени может в дальнейшем принести мне много хлопот.

Поль попытался оживить драконово пятно, надеясь, что маскировка уберезет и скроет его пульсацию от постороннего внутреннего зрения. Казалось, незнакомец не среагировал на пульсацию пятна. Поль заставил энергию пробежать вниз и вверх по правой руке, освобождая ее от паралича. Затем высвободил шею. Он мог немного повернуть голову... Все, достаточно. Катаlepsию очень нелегко имитировать.

— Теперь они все решат, что ты из Гейдельберга...

— Что, — спросил Поль. — Как ты сказал?

— Так, в голову пришло, — поспешно произнес незнакомец. — Знаешь, хорошему колдуну известно и о других местах, вне этого мира...

Поль заставил энергию циркулировать по всему телу, преодолевая паралич. Он создал петлю круговым движением руки и, выбрав момент, выбросил лассо из серой нити. Она обвилась и обхватила запястье незнакомца. Сжимая его нитью, Поль начал натягивать ее, одновременно вставая на ноги.

— Я снова повторяю свой вопрос, — заявил он.

— Глупейший из Одержимых Магией! — воскликнул незнакомец.

Нить, словно живая, скорчилась в руке Поля, затем будто электрический ток ожег его руку. Драконово пятно горело словно в огне. Он открыл рот, чтобы закричать. Но звуки застряли в гортани.

— Тебе везет, — услышал напоследок Польш. Затем шквал мыслей обрушился на его мозг, и он провалился в небытие.

Утренняя заря лишь слегка раскрасила облака на востоке, когда он открыл глаза. Его разбудили голоса слуг Ибала, собиравших вещи в дорогу. Польш поднял руку и по дрожанию пальцев пытался определить, много ли он вчера выпил...

— Ты кто? Где Польш?

Он повернулся и увидел Маусглова, стоящего руки в боки и непонимающе тарасившего глаза.

— У меня на щеке есть шрам? — спросил он, дотрагиваясь пальцами до него.

— Да.

— Слушай мой голос. Не узнаешь? Седая прядь тоже исчезла?

— Ой... да. Теперь вижу. Зачем этот маскарад?

Польш встал и принялся собирать вещи.

— Расскажу, когда мы будем одни.

Он обыскал все вокруг в поисках следов ночного посетителя, но почва было каменистой и ничего не сохранила. Уже следуя за слугами Ибала к тропе, Маусглов указал на скопление кустов поблизости.

— Что скажешь?

Три мумифицированных кроличьих трупики показывались в гуще ветвей.

Покачав головой, Польш молча зашагал вперед.

Глава 3

Вначале было даже немного болезненно: зрелища, звуки — все то новое и незнакомое, с чем мы столкнулись вне замка. Первые дни я все время парил возле Поля, облетая его со всех сторон, пропуская сквозь себя все, что входило в поле его зрения, знакомясь с новыми явлениями и их законами.

Перемещаясь вслед за Полем, я обнаружил, что путешествие действительно способствует расширению кругозора и вообще расширению — я разрастался в размерах, охватывая все больше территории. Шутка. Я понял, что мое растяжение в пространстве — отчасти ответная реакция на все увеличивающееся число новых вещей, сущность и естество которых я поглощал, продвигаясь дальше и дальше. Растения впитывались мной так же хорошо, как и животные, хотя последние мне были более симпатичны. Частично это соответствовало законам Бойля и Чарльза, о которых я узнал, подключившись к мозгу Поля, в один из вечеров, когда он предавался воспоминаниям об университетских днях.

Со всей прямоотой и честностью я все же не вправе причислять себя к газу. Хотя я связан с материальным, вещественным планом существования, моя сущность не целиком представлена здесь; я могу удалиться частично — с легкостью, полностью — с трудом. Я двигаюсь и перемещаю себя на заданную территорию исключительно силой воли. Я не знаю, как действует весь этот механизм. Однако уверен, что мой общий объем увеличивается, а мои способности производить физические явления и предметы постоянно совершенству-

ются. Я решил относиться к путешествию как к учебе и накоплению опыта. Любое новшество, о котором я узнавал, могло иметь прямое отношение к моему стремлению к индивидуальности и познанию смысла существования.

И я учился новым явлениям, порой весьма своеобразным. Например, когда в ночном лагере появился тот человек, закутанный в плащ, я задрожал от тревоги. Словно легкий ветерок пробежал внутри меня; раздался низкий звенящий звук, и я увидел сияние сотен мерцающих огней. Затем всё, включая караульного, уснуло. Переливы огней стали ярче, низкий звук снова прокатился по окрестностям. Знакомый с понятием «субъективность», я со всей уверенностью могу заявить, что это была не галлюцинация, а именно то, что я видел и слышал. Затем я с большим интересом наблюдал, как незнакомец изымал из памяти спящих все воспоминания, связанные с Полем. Прислушиваясь к своим ощущениям и анализируя все то, что я усвоил из дуэли Поля с другим колдуном в замке, я понял, что я очень чувствителен к любым проявлениям магии и легко обучаюсь. Похоже, я и сам способен произвести подобные изменения. Но у меня не было причин вмешиваться, поэтому я просто наблюдал за происходящим.

Несмотря на свои скудные знания о подобных вещах, мне показалось, что этот малый обладает весьма необычной манерой перемещения энергии в разных плоскостях. Да. Внезапно я вспомнил о боли, и это только усилило мои подозрения. Незнакомец был необычен и непонятен, но я внимательно следил за всем, что он делал.

Затем он долгое время стоял около Поля. Не знаю, что происходило за внешним бездействием. Теперь он оперировал совсем другими силами, не такими, как мгновение назад, поэтому я не мог понять, что творится. Что-то спазматически дернулось во мне, когда он прикоснулся к плечу Поля. По какой-то необъяснимой причине я придвинулся ближе, слышал каждое слово их разговора и видел, как незнакомец изменял внешность Поля

Когда он укрывал родимое пятно, я хотел закричать: «Нет! Не смей!» Но, конечно, у меня нет голоса. Процесс маскировки пятна раздражал и злил меня, хотя я отдавал себе отчет в том, что оно оставалось в целости под покровом заклинаний и Поль в любой момент способен избавиться от защитного покрова. Что значила эта моя реакция, почему я вел себя так?..

А потом, когда Поль поднялся на ноги и между мужчинами возникло короткое противоборство сил, я бросился к Полю, проник в его тело и тщательно обследовал, не угрожает ли ему опасность. Я выяснил, что ничто не причиняет ему страдания, и, поскольку они воздали друг другу должное, я не стал вмешиваться в ход событий.

Покинув оболочку Поля, я решил проследить за незнакомцем. Трудно сказать, что толкнуло меня на такой поступок и что я стал бы делать, обнаружив его. Но он слишком быстро исчез, исчез бесследно, так что вопрос попросту остался открытым.

Это случилось, когда я проходил сквозь кроликов, одновременно захватывая куст. Внезапно я почувствовал прилив сил. Я ломал голову над собственным поведением и теми вопросами, которые лежали за моими поступками, — все было удивительным и слишком необъяснимым. Да и создан ли я, право, для такой бесплодной, бесполезной деятельности как самоанализ?

Казалось, никто из путешественников, включая самого Ибала, не замечал перемен во внешности Поля. Никто не обращался к нему по имени. Будто все забыли о нем и стеснялись признаться в этом. Лишь изредка те, кто заговаривал с ним, пользовались обращением «Одержимый Магией», поэтому Полю даже не понадобилось выдумывать новое имя.

Помня о том, что подобная маскировка может оказаться полезной в сохранении безопасности, Поль, тем не менее, был очень озабочен, что Ибал забыл о своем намерении рассказать кое-что о замке Рондовалов. Не зная, насколько сильно было воздействие незнакомца

на память путешественников, Поля очень тревожила мысль, что его принадлежность к замку внезапно откроется сама по себе.

Это случилось спустя два вечера, во время ужина, когда Ибал начал очень интересный разговор.

— Эй, Одержимый, поделись своими планами, — произнес Ибал, хлебая что-то мягкое и кашеобразное, налипающее на зубы. — Что ты намерен делать на нашем собрании?

— Набираться ума и опыта, — ответил Поль. — Мне бы хотелось познакомиться с учениками и учителями, кое-чему научиться, стать более профессиональным в Великом Искусстве.

Ибал довольно чавкнул.

— Почему ты сразу не сказал, что ищешь наставника, который поручился бы за тебя на посвящении?

— А я гожусь, могу я надеяться? — осторожно осведомился Поль.

— Ну, если наставник представит тебя...

— И что это даст?

Ибал покачал головой.

— С трудом верится, что ты такой наивный. Где ты воспитывался?

— Там, где вообще не задают вопросов. Они попросту не возникают.

— Знаешь, я даже могу поверить, поскольку ты действительно Одержимый Магией. Ладно. Время от времени я нахожу, что в незнании тоже есть свои преимущества, оно вносит свежую струю... Ритуал обряда посвящения способствует укреплению и упорядочиванию твоего дара. Это позволит тебе управлять огромным количеством энергий, исходящих от разных вещей. Ты станешь сильнее и искуснее, подобное могущество вряд ли можно получить иначе.

— Посвящение будет происходить на Белкене?

— Да, я рассчитываю, что Нарф будет посвящен, а вот Шахай, похоже, не совсем готов.

Он указал на второго ученика, высокого крупного юношу с темными глазами и светлыми волосами. Шахай отвернулся и отвел глаза в сторону.

— Когда ученик проходит обряд посвящения, он становится самостоятельным?

— Да, хотя иногда новоявленные колдуны остаются при учителе еще некоторое время, чтобы изучить детали и тонкости магии, которые, возможно, были упущены в ходе освоения основ Искусства.

— Если мне удастся заручиться поддержкой мастера, полагаю, что и сам могу довести дело до конца.

— Тебе известно об опасностях посвящения..

— Нет.

— Смерть и потеря рассудка — вот главные опасности. Все знают об этом. И спокойно и твердо идут навстречу опасности — кроме тех, кто не совсем готов

— Вы не могли бы проинструктировать меня, чтобы я не был неподготовленным?

— Что ж, договорились.

— Мне очень хочется проверить себя.

— В таком случае я помогу тебе в твоих начинаниях, ради будущих добрых отношений. Всегда приятно приобретать новых друзей и соратников по ремеслу

Сны о Вратах и загадочной стране, открывающейся за ними, больше не посещали Поля до самого прибытия на фестиваль. Дни проходили обыденно, похожие друг на друга как две капли воды. Кроме события с изменением внешности Поля ничего сверхъестественного больше не происходило.

Местность менялась по мере того, как путники шли все выше и выше. Хотя горные склоны здесь не были такими крутыми, как в окрестностях замка Рондовалов. Сам Белкен представлял собой огромный черный клыкообразный пик, окруженный унылыми голыми деревьями. В тот вечер, когда путники впервые увидели Белкен, гора, казалось, была очерчена мерцающим контуром.

Маусглов отвел Поля в сторону, чтобы обсудить дальнейшие действия.

— Ты уверен, что знаешь, куда идешь?

— Ибал рассказал мне в общих чертах о ритуале посвящения, — ответил Поль. — Он намекнул, чего можно ожидать в различных ситуациях.

— Я не это имел в виду, — произнес Маусглов.

— Тогда что?

— Один колдун пытался убить тебя прямо в замке, другой специально является на прошлой неделе, чтобы помочь тебе. У меня такое впечатление, что сейчас ты как раз между чем-то угрожающим и магическим — а там, куда ты идешь, самое логово колдунов, там опасность может настичь тебя иным, необычным путем.

— Согласен. Но, возможно, это лучшее место, чтобы узнать, что все-таки происходит. И мне пригодятся, не сомневаюсь, дополнительная проницательность и те навыки, которым учит обряд посвящения.

— Ты действительно доверяешь Ибалу?

Поль пожал плечами.

— Мне кажется, что я достиг своего потолка, я не могу продвинуться дальше без постороннего вмешательства.

— Разве только ты решишь отказаться от всего прямо сейчас.

— Это вернет меня к тому с чего я начал. Нет уж, спасибо.

— У тебя будет время обдумать все заново. Не исключено, что ты найдешь новое направление исследований.

— Да, конечно, — ответил Поль, — мне бы очень хотелось этого. Но время, я чувствую, — это как раз то, чем я не могу распоряжаться в полной мере свободно.

Маусглов вздохнул и отвернулся.

— Эта гора выглядит какой-то зловещей, — произнес он.

— Пожалуй, здесь я согласен с тобой.

Следующим утром, пройдя предгорье и выйдя на гребень пологой гряды, группа путешественников остановилась. По западному склону горы раскинулось что-то напоминающее волшебную страну или город грез: сверкающее нагромождение кремевых башен, золотые купола и пики зданий, дома, словно высеченные из огромных драгоценных камней; блестящие прозрач-

ные арки; то тут, то там высились колонны из черного янтаря, фонтаны, бьющие серебряными струями

— Боже! Какая красота! — воскликнул Поль. — Я даже не знаю, с чем ее сравнить!

Он услышал довольный смешок Ибала.

— Что тут смешного? — с обидой спросил Поль

— Увы, юность дается лишь однажды. Удивляйся и восхищайся, — ответил старый волшебник.

Дальнейшее вызвало у Поля недоумение. С разгаром дня город-сон начал терять свое очарование. Первыми исчезли радуги, затем стали блекнуть краски. Легкая дымка медленно обволакивала здания, вместе с туманом по улицам и стенам домов словно разливалась серая краска. Пики утратили свою остроконечность, купола будто усохли, черно-янтарные колонны таяли прямо на глазах. Зеркальные стены покрылись толстым слоем пыли; казалось, пыль живая и медленно наползает на город. Затем исчезли прозрачные арки, высохли серебряные фонтаны. Было такое ощущение, что смотришь сквозь грязное темное стекло.

За завтраком Поль обратился к Ибалу в полном недоумении:

— Ладно, я удивлен, восхищен и к тому же стал старше на несколько часов. Что случилось с городом?

Ибал ухмыльнулся.

— Нет, нет, — сказал он, — дождись ужина, и ты увидишь настоящее представление.

Как только солнце стало склоняться к западу и тень вершины накрыла туманные очертания зданий, вновь возникло неуловимое движение, стены зданий стали глянцевыми и обрели свой прежний блеск. Поль и Маусглов, зачарованные зрелищем, застыли как и при первом знакомстве с городом. Вечер входил в свои права, тени становились все длиннее — рос и город, башни и стены становились выше и утонченнее. Туман стал совсем прозрачным, сквозь него уже проступали контуры высоких сооружений. Пробились струи фонтанов, очертания зданий обретали свои былые краски. Башни, колонны, арки, набрав полную массу, гордо взирали с высоты прежнего величия

К ужину путники почти подошли к городу. Он уже приобрел свое утреннее очарование. Туман совсем растаял. Они сели перекусить.

— Ну что, догадался? — спросил Ибал, прихлебывая темный жирный бульон.

— Он меняет свои черты в зависимости от времени, — сказал Поль, — значит, на самом деле он представляет собой совсем не то, что мы видим, и его очарование лишь иллюзия. Но я не знаю, из чего он состоит и почему меняется.

— В действительности там лишь нагромождение пещер, лагун и шатров, — пояснил Ибал. — Каждый раз перед фестивалем, по жребию, волшебники отрабатывают навыки по приведению местности в порядок и подготовке ее к проведению сбора. Обычно они посылают вперед учеников и слуг. Те чистят и восстанавливают сооружения, ставят шатры и возводят всевозможное оборудование. Затем ученики, как правило, начинают соперничать и создавать световые оболочки, чтобы придать месту как можно более красочный вид. Но способности, разумеется, у каждого свои, а так как требования к долговечности не высокие, здесь редко используют серьезные чары. В результате вся эта красота живет от вечера до рассвета. Днем очарование исчезает. В полдень действие магии ослабевает, и можно разглядеть то, что там на самом деле.

— А внутри эти оболочки так же хороши, как и снаружи?

— Конечно. Впрочем, скоро сам все увидишь.

Город-сон тем временем рождался заново, приобретал все новые краски, блеск и великолепие.

Под вечер они вышли к подножию Белкена и вступили в яркий красочный город, раскинувшийся у основания горы. Первая арка, которую миновали путники, могла быть сделана из двух массивных ветвей, стянутых ремнем. Однако ветви были одеты в оболочку из белого мрамора с золотистыми прожилками, щедро украшенного резьбой.

Над головами прохожих сияли бесчисленные разноцветные огни. Поль не успевал следить за происходящими чудесами. В противоположность всем известным ему городам этот город был очень чист и ухожен. Мостовые блестели чистотой. Строения казались хрупкими, их венчали полупрозрачные купола. Стены зданий украшала мозаика из разноцветных драгоценных камней, вместо окон были вставлены красочные витражи. По резным балконам и узорчатым галереям медленно разгуливали пышно разодетые мужчины и женщины. Открытые витрины магазинов пестрели различными принадлежностями магических ритуалов и чучелами экзотических животных. Магазины встречались всюду, куда ни бросишь взгляд. На углу одного из них пристроился одетый в высокий тюрбан маг, он что-то напевал и творил замысловатые чары. От его жаровни красными клубами валил дым. Взрыв над улицей дым оканчивался дьявольским красным ликом.

Со всех сторон слышались звуки флейт, перезвон струн, удары барабанов. Следуя внутреннему порыву Поль вызвал из небытия свою гитару. Освободив ее от пут заклинаний, он заиграл. Внезапно ожило его родимое пятно: слабо запульсировало, предупреждая, что они пересекли границу царства магии и колдовства. На гитарные переливы Поля дружным щебетом откликнулись диковинные птицы, сидящие в золотых и серебряных клетках. Прохожие заспешили ему навстречу. Вдали слабо мерцал горный пик. А еще выше, в вечернем небе появились первые вестники ночи — звезды. Легкий ветерок принес холодное дыхание, заполнив воздух благовониями и восточными курениями, дурманящими запахами изысканной парфюмерии.

Маусглов слушал музыку, его пальцы шевелились в такт мелодии, глаза лихорадочно бегали по сторонам, ноздри раздувались от пьянящих ароматов.

— Господи, до чего же трудно здесь хоть что-нибудь украсть! Все кажется не тем, что есть на самом деле.

— А ты относись к путешествию, как к каникулам. Зачем думать о работе во время отпуска?

— Трудно, — признался Маусглов, вглядываясь в дьявольскую маску, которая с презрительным оскалом с высоты взирала на них. — Возможно, как семестр принудительного обучения...

Ибал отдавал распоряжения слугам на каждом повороте и перекрестке, ориентируясь в городе, как у себя дома. Они шли к отведенным им апартаментам. Как Поль потом узнал, Ибал занимал одни и те же апартаменты на протяжении многих лет. Старый слуга поведал ему, что облик апартаментов и домов все время менялся, поэтому ориентация здесь основывалась скорее на знании месторасположения, чем на внешнем сходстве.

Комнаты Ибала, куда они были допущены как его гости, сверкали великолепием, хотя на всем лежала печать лишь внешней привлекательности. Поль без труда заметил, что твердые мощные стены легко продавливаются при нажатии, гладкие, словно зеркало, полы изъедены неровностями и трещинами, весьма ощутимыми под ногами, а стулья совсем не такие удобные, как выглядят.

Ибал распустил свою свиту, сказав, что намерен отдохнуть, а завтра утром официально представить их к посвящению. Поэтому, приняв ванну и сменив костюмы, Поль и Маусглов продолжили знакомство с городом.

Главные улицы были освещены крупными шарами с переливающимся белым светом, по мелким улочкам и переулкам тянулись гирлянды из разноцветных огоньков. Они прошли мимо группы молодежи, упражняющейся в острословии и философских дебатах, и мимо кучки старичков, решивших потрянуть стариной шутки ради: старые маги подвесили около арки легчайшее облако, которое с грохотом и молниями обрушило поток воды на каждого, кто проходил внизу. Кратковременные ливни сопровождались дружным старческим хохотом, сами сморщенные шутники притаились в тени.

Стряхнув мокрые плащи, Поль и Маусглов свернули на узкую лестницу, ведущую к извилистой улочке.

Она была плохо освещена; тусклые голубые и красные маленькие фонарики отбрасывали причудливые тени и создавали ощущение таинственности.

— Выглядит весьма заманчиво, — отметил Маусглов, оглядывая улочку. — Что ж, пойдём, проверим.

Казалось, это было местом отдыха от света и суеты. По обеим сторонам улочки расположились ресторанички и забегаловки. Друзья последовательно обошли их, затем повернули назад.

— Мне понравилось одно местечко, — сказал Маусглов, показывая направо. — Там есть свободные столики под навесом. Можно понаблюдать за людьми.

— Отлично, — ответил Поль.

Они подошли и сели. Почти в тот же момент в дверях возник маленький смуглый улыбающийся человек в зеленом кафтане.

— Что угодно господам? — вежливо поинтересовался он.

— Мне бокал красного вина, — сказал Поль.

— А мне белого и покислее.

Человек вышел и тут же вернулся. На подносе он нес два бокала вина, темный и светлый.

— Полезные хитрости, — сказал Маусглов, осматриваясь.

Человек рассыпался в извинениях, напомнив, что плату следует пустить по крошечному обручу, ведущему в корзину.

— Мы просим всех проделывать эту процедуру, — пояснил он, — слишком много встречается заколдованной гальки, имеющей вид монетки. Но настоящие деньги всегда останутся деньгами, пройдя по заколдованному обручу.

— Мы недавно приехали, — сказал ему Поль.

— Тогда будьте внимательны к камушкам.

Официант удалился.

Вино было очень неплохим, хотя Поль предполагал, что половина его букета — плоды царящей здесь магии. Однако какая разница? Подобно тому, что его окружало, — если оно служит своей цели, внешние проявления куда важнее содержания.

— Вряд ли все наши наблюдения можно считать подлинными, — сказал Маусглов. — Но они многое сулят. Всякий раз, когда я краду фальшивый камень, я думаю, что он настоящий.

Поль ухмыльнулся.

— Тогда они служат своей цели.

Маусглов рассмеялся.

— Хорошо, хорошо. Но когда угрожает смерть, лучше бы знать наверняка, где реальная угроза, а где надежная рука друга. После того, что произошло недавно в библиотеке, я был бы предельно осторожен в подобных местах.

— Разве я недостаточно замаскирован?

— Магический ливень, на который мы нарвались в арке, — начал Маусглов. — Я только сейчас заметил...

Он не успел договорить. Их разговор прервало появление светловолосого стройного юноши с тонкими чертами лица и напускной улыбкой. Его экстравагантный костюм соответствовал благородным манерам и изяществу походки.

— Одержимый Магией! И Маусглов!.. Вот здорово! Человек! Повторите то, что они заказывали, для моих друзей! И бокал самого лучшего для меня!

Он взял стул и подсел к их столу.

— На этот раз они действительно постарались, лучшего мне еще видеть не доводилось, — сказал юноша, указывая жестом вокруг. — А как вам ваше жилье?

— О! Отлично! — ответил Поль.

Официант принес напитки.

Проделав хитрый жест, юноша наполнил руку блестящими монетками. Они выпрыгнули из его ладони и, с шумом прокатившись по заколдованному желобу, звякнули в корзине.

— Производит впечатление, — сказал Поль. — Пожалуйста, не хотелось бы показаться невежливым, раз вы нас угощаете, но что-то я не припомню...

Юноша рассмеялся, его лицо оживило настоящее веселье.

— Конечно, нет! Я Ибал, ты видишь великолепную омоложенную оболочку вместо старой и дряхлой. —

Он небрежно стряхнул с рукава пылинку. — Не обращай внимания на некоторые косметические детали.

— Великолепно!

— Да. Я готов снова встретиться со своей возлюбленной Вонни. Ради двух недель любовных игр, хорошей еды и вина. Только за этим и стремлюсь сюда.

— Очень интересно.

— Мы впервые встретились с ней около трехсот лет тому назад; наши чувства не притупили даже столетия. Они все так же жгут и волнуют.

— Удивительно, — ответил Поль, — но неужели вы не видите в другое время?

— Боже, конечно, нет. Если бы мы жили друг с другом бок о бок, один из нас давно бы убил другого. Две недели раз в четыре года — как раз то, что надо.

Ибал отпил из бокала.

— Кроме того, у нас есть о чем поговорить, за четыре года накапливается много тем. — Он взглянул на Поля. — Одержимый Магией! Что ты сделал с собой?

— Что ты имеешь в виду? — обеспокоился Поль.

— Ну, эта седая прядь. Зачем она тебе?

Поль потрогал руками свою до сих пор мокрую шевелюру.

— Так, шутка.

— Не из лучших, — сказал Ибал, приглаживая свои волосы. — Многие могут связать тебя с отродьем Дета. Проклятый род! У-у-х!

Друзья проследили за его взглядом, скользнувшим по улице. Он не задержался на тучном мужчине и прогуливающейся парочке; взгляд остановился на женщине, приближающейся к ним в голубом сиянии. Она была среднего роста, густые темные волосы укрывали плечи, ее костюм переливался в свете гирлянд. Черты лица женщины были утонченными и изящными, в них чувствовалось неподдельное благородство. Лицо светилось радостью и любовью.

Следуя этикету, Ибал поднялся ей навстречу. Маусглов и Поль последовали его примеру.

— Господа, это — Вонни, — объявил он, когда она подошла к столу. Волшебник обнял ее и задержал ее

руки в своих. — Моя дорогая, ты еще прекраснее, чем всегда. Познакомься с моими друзьями: Одержимый Магией и Маусглов. Давай выпьем с ними, прежде чем уйти.

Женщина кивнула в знак приветствия, Ибал услужливо пододвинул ей стул.

— Я рада видеть тебя, — сказала она. — Ты приехал издалека?

Поль наслаждался журчанием ее голоса. Оно убаюкивало и влекло одновременно. Внезапно Поль почувствовал, как одинок в этом мире... Он забыл, о чем шел разговор, как только было произнесено последнее слово. Немой восторг и восхищение овладело им.

Едва они встали, Ибал повернулся и зашептал ему:

— Волосы — это очень серьезно. Скорее поправь их, а не то служители сочтут тебя дерзким. В другое время я бы не придавал этому значения. Но если кто-то жаждет посвящения... Не лучшее время для шуток, ты понял меня?

Поль кивнул, думая, как проще сделать это.

— Займись сегодня же вечером.

— Очень хорошо. Увидимся завтра утром, но не слишком рано.

— Наслаждайтесь.

Ибал улыбнулся.

— Непременно.

Поль проводил взглядом уходящую пару, затем вновь взял бокал.

— Ты не смотри сразу, — прошептал ему Маусглов, не размыкая губ, — но тут все время околачивается толстый мужчина...

— Я заметил, — сказал Поль, поднимая бокал и одновременно ища глазами того человека. — Ну и что?

— Я знаю его. Или знал — чисто профессионально. Его имя Райл Мерсон.

Поль покачал головой.

— Это ни о чем мне не говорит.

— Ходили слухи, что он колдун. Двадцать лет назад именно Мерсон подбил меня украсть те семь фигурок у твоего отца.

Поль почувствовал странное желание обернуться и повнимательнее разглядеть огромного мужчину в золотых и серых одеждах.

— А он не намекал тебе, зачем они ему?

— Нет.

— Надеюсь, они в надежном месте — там, где и моя гитара, — сказал Поль.

Когда он обернулся, Райл Мерсон беседовал с рослым человеком в черной блестящей тунике, красных шароварах и высоких черных ботах. На голове у него был красный головной платок. Высокий незнакомец стоял спиной к ним, но немного позже он обернулся, их глаза на секунду встретились.

В следующий момент оба мужчины медленно направились к выходу.

— А другой?

Маусглов покачал головой.

— Сначала мне показалось что-то знакомое, но я не знаю его имени и не помню, где встречался с ним раньше, если, конечно, вообще встречался.

— Интересно, это просто совпадение?

— Райл — колдун, а мы приехали на сборище колдунов.

— А зачем он так долго торчал здесь?

— Возможно, просто ждал приятеля, — сказал Маусглов. — Хотя мне тоже интересно, почему он не узнал меня.

— Прошло много времени, — заметил Поль.

— Да.

— Он мог запросто подойти и заговорить с тобой, если бы узнал.

— И то верно.

Маусглов осушил бокал.

— Закругляйся и пойдем отсюда, — произнес он.

— Хорошо.

Уже поздно, когда вечер перевалил за полночь, они вернулись в свои апартаменты. Исключительно по просьбе Маусглова Поль проделал серию заклинаний, расставив защитные оболочки и ловушки над ложем, и, наконец, заснул с ножом под подушкой.

Глава 4

Довольно философских измышлений! Хватит! Я так решил! Все это — бесплодные разглагольствования, я до сих пор ни в чем не уверен. «Философ — это мертвый поэт и умирающий богослов». Я нашел эту фразу в мозгу Поля. Не знаю, где он ее выкопал, но она довольно точно отражает мои чувства и настроения. Я устал от бесконечных раздумий. Настало время что-то предпринять.

Город у подножия Белкена показался мне лишенным собственного духа, но изрядно возбужденным искусственным путем. Наш замок тоже не обойден магией — от весьма практических, утилитарных вещей и ложных чар до забытых оболочек, ждущих своего часа, и множества новых заклинаний и оборотней, которыми напичкал замок уже Поль. Но этот город был настоящим царством магии — оболочка на оболочке, тьма заклятий и чар; часть их связывала оболочки в единое целое, часть, наоборот, вызывала конфликты между ними. Новые оболочки возникали сами по себе на месте старых, лишь только те начинали терять свою силу.

Все заклятия замка Рондовалов я хорошо знал и с юмором относился к их нраву. Здесь магия была ключом, силы плясали вокруг меня в бешеном хороводе — некоторые были совсем непонятными, некоторые даже угрожающими. Я не подозревал в себе такого, но в тот момент я был готов столкнуться с этой страшной подозрительной силищей. Это странное желание хотя и не способствовало развитию моего сознания, но, по крайней мере, усилило и укрепило мою бдительность.

Кроме того я почувствовал мощный прилив энергии, благодаря тому что постоянно находился среди магических воздействий высоких концентраций.

Первым признаком моего роста стала возможность задать вопрос, непосредственно касающийся моего статуса. Я обратился с ним к странному существу в столбе красного дыма, едва лишь вошел в город. Я наблюдал за ним, пока не прекратились его метаморфозы, а затем очень обрадовался, увидев, что он принял форму, подобную моей.

Я помчался за удаляющимся собратом и адресовал ему свой вопрос.

— Кто ты? — спросил я.

— Мальчик на побегушках, — ответил он. — Я был настолько глуп, что позволил кое-кому узнать свое имя.

— Не понял.

— Я такой же демон, как и ты. Только в заточении, отбываю срок. Валяй, смейся надо мной. Но смотри, может быть, когда-нибудь такая участь постигнет и тебя.

— Я опять ничего не понимаю.

— У меня нет времени тебе объяснять. Я должен натаскать с вершины горы массу льда, чтобы заполнить все эти ящики в кладовых. Мой проклятый хозяин — один из учредителей фестиваля.

— Я помогу тебе, — сказал я, — если ты скажешь, что надо делать, и ответишь на мои вопросы, пока мы таскаем лед.

— Тогда вперед, к пику.

Я последовал за ним. Достигнув средних слоев атмосферы, я вновь полюбопытствовал:

— Ты говоришь, я тоже демон?

— Полагаю. Ты вряд ли можешь быть кем-либо иным.

— Ну например.

— Ладно, например — дух, но они слишком глупы, чтобы задавать такие вопросы. Нет, ты наверняка демон.

Мы достигли вершины, и я научился добывать лед. Его метод основывался на простой вариации пределов поглощения, эту технику я обычно использую при ра-

боте с живыми организмами. Когда мы неслись обратно к кладовым — как две огромные сверкающие алмазные башни — я снова спросил:

— Откуда мы взялись? Моя память не сохранила давнишних событий.

— Мы — порождение всемирной энергии, циркулирующей в различных формах. Самый простой способ, это когда могущественный колдун при помощи сверхсил призывает одного из нас для выполнения какого-нибудь специфического поручения — он очеловечивает нас, так обычно говорят. В процессе придания формы обычно нам дают имена; как правило, мы расщепляемся, выполнив поставленную задачу. Конечно, если какой-нибудь разгильдяй-маг — как мой окаянный хозяин — узнает твое имя, он может вновь заставить тебя служить ему, и прощай свобода! Вот почему ты можешь легко обнаружить немало таких горемык, которые выполняют работу, им не свойственную. Хорошо хоть таких пустоголовых колдунов не так уж много — некоторые слишком ленивы, некоторые слишком заняты. Ох, вот если бы мой проклятый хозяин допустил хоть маленькую ошибку в магическом ритуале!

— Что тогда?

— Как что, в тот же момент я стану свободным, разорву этого сукина сына на части и уберусь восвосяи, надеясь, что он не оставил какого-нибудь магического документа с моим именем и не отдал его сопливному ученику. Для собственной безопасности, лучше почаще устраивать погромы в жилище проклятых хозяев, чтобы изъять подобную бумагу или вообще сжечь ее, затем пройтись по его ученикам, живущим неподалеку.

— Я запомню это, — сказал я, пока мы сбрасывали ледяные глыбы в ящики кладовых. Затем мы понеслись обратно.

— А что, у тебя не было подобных проблем? Ни разу?

— Нет, совсем не было.

— Невероятно. Возможно, ты порожден какой-нибудь всеобщей катастрофой или бедствием. Такое иногда случается.

— Не помню ничего подобного. Смутно припоминаю какие-то битвы, сражения... Но это, пожалуй, совсем не то.

— Гм-м, много крови?

— Очевидно. Этого достаточно?

— Само по себе, нет. Но может способствовать — при наличии иных факторов.

— Там еще была буря.

— Буря тоже помогает. Хотя и ее недостаточно.

— Что же мне делать?

— Радуйся, что никто не знает твоего имени!

— Но даже я не знаю своего имени — если, конечно, оно у меня вообще есть.

Мы достигли вершины, подхватили очередную глыбу и полетели в обратный путь.

— Конечно, есть. Имена есть у всех. Так мне сказал один из старейших.

— Старейших?

— Ты действительно такой наивный или притворяешься? Старейшие — это очень древние демоны, о которых люди забыли тысячелетия назад. К счастью для них, их имена тоже забыты, поэтому они свободны, их не беспокоят колдуны. Они обитают в глубоких гротах, на высоких вершинах, в сердцах вулканов, на дне океана. Послушать старейших, ни один проклятый хозяин не угнетает тебя так, как окаянные маги прошлого. Хотя лично я не вижу никакой разницы. Правда, я не знаю ни одного демона, которому довелось бы служить и древним, и современным колдунам. Старейшие очень мудры, они долго прожили и много знают. Вот кто мог бы тебе помочь.

— Ты знаком с кем-нибудь из них?

— О да! Во время одного периода свободы я жил среди них, в Главном Гроуте Рокочущей Земли, где переливается и шипит кипящая магма, — самое удивительное и прекрасное место! Оказаться бы там сейчас!

— Почему ты не вернешься?

— Ничто больше не радует меня. Кроме того, меня держат заклинания проклятого хозяина. А у него нет привычки устраивать мне каникулы.

— Какая жалость.

— Конечно.

Мы влетели в кладовые и высыпали сверкающие глыбы в ящики.

— Спасибо, я закончил работу раньше положенного срока, — сказал демон, — а мой хозяин обычно не дает мне другого задания, пока не убедится, что предыдущая работа выполнена. Поэтому у меня есть несколько минут полной свободы. Если хочешь, давай взлетим повыше, и я расскажу тебе, как добраться к Гротам Рокочущей Земли — хотя вход в них расположен на другом континенте.

— Покажи мне путь, — попросил я.

Мой товарищ взмыл ввысь, я последовал за ним.

Я мчался к северо-западу и проделал долгий путь, пока не достиг великих вод, достающих до самых звезд. Здесь по необъяснимым причинам я сник. Я знал, что должен пройти эти воды, но силы покинули меня. Я медленно побрел к северу вдоль береговой линии, ломая голову над собственной нерешительностью. Что же тянет меня назад?

Наконец, мне удалось обуздать свою противоречивую натуру. Я попытался оценить ситуацию с практической точки зрения. С этой позиции у меня не было причин для колебаний. Я перестал обращать внимание на странную вялость, охватившую меня. Подгоняя себя вперед, я не заметил узкой, покрытой галькой полосы берега и проскочил над бурлящей водой.

Я вновь ощутил приступ нерешительности, хотя продолжал бороться с собой, стремясь преодолеть невидимый барьер. Вдруг я услышал голос, смешанный с шумом волн.

— Колокол, иначе... — говорил он, — колокол, иначе...

Я слушал, и страх потихоньку охватывал меня.

— Колокол, иначе... — повторял голос. — Колокол, иначе... — твердил он вновь и вновь.

Я вдруг ощутил, что какая-то часть моего рассудка уловила тайный смысл, скрываемый за нелепостью слов. Я уже понял, что они означали мой окончатель-

ный отказ от поисков. И собрал последние остатки воли против неведомой мне преграды.

— Почему? — вопрошал я бушующие волны и небеса. — Почему? Что вы хотите от меня?

На секунду воцарилось полное молчание, потом голос забубнил с новой силой:

— Колокол, иначе... Колокол, иначе...

Поражение горечью разлилось во мне, когда я понял, что эти бессмысленные слова стали единственным ответом на мои вопросы.

Я развернулся и ринулся на юг. Зловещая неопределенность монотонного голоса стала отдаляться. Мои мысли пришли в движение, постепенно образ Поля Детсона вытеснил все остальное.

Достигнув сияющего Белкена и города-сказки, я помчался к жилищу Поля. Я летел без всяких усилий, не испытывая сомнений. Видимо, некая связующая нить образовалась между нами.

Услышав слабый стон, я вторгся в сон Поля и увидел, что юноша прошел в массивную дверь и оказался в месте, которое одновременно доставляло наслаждение и отталкивало его. Я никогда раньше не вмешивался в его дела. Но я вспомнил, что безымянный волшебник, оторвавший Поля от этого сна, казалось, принес ему облегчение, будто освободил от чего-то. Поэтому я тоже заставил его проснуться.

Он долгое время лежал, чем-то очень встревоженный, затем сон увел его в более миролюбивое место. Я же решил разыскать демона, с которым познакомился, и поучиться у него еще чему-нибудь.

Я облетел апартаменты его злополучного хозяина, но моего нового товарища не было ни там, ни поблизости. Тогда я стал внимательно приглядываться и обнаружил едва приметный блестящий след, подобно тому, какой тянулся за нами в ходе ледовых экспедиций. И бросился по нему торопливо, боясь, что он исчезнет.

Долгое время я летел по воздуху, стараясь двигаться как можно быстрее. Путь оказался неблизким, но

светящаяся ниточка показывала, что я лечу в правильном направлении. Через много-много лье на юго-запад след, описав дугу, стал снижаться к городу, раскинувшись на берегу реки. И обрывался у дома, из которого доносился странный шум. Я вошел внутрь и увидел, что все густо забрызгано кровью — стены, полы, даже потолок. Мой приятель держал в руках какого-то мужчину с вывернутыми конечностями. Голова мужчины была разможжена, от камина до окна протянулся след из крови, мозгов и раскрошенных костей.

— Приветствую! Ты так скоро вернулся! Или я что-нибудь тебе не так рассказал?

— Все так, но какая-то неведомая сила не дала мне покинуть этот континент

— Странно.

— Хочешь, скажу, что я об этом думаю?

— Что? — спросил я.

— Я думаю, ты находишься под оболочкой заклятий, о которой даже сам не знаешь, — она удерживает тебя совершенно особым способом для какой-то очень специфической цели.

— Понятия не имею, что бы это могло быть.

— Помоги мне, пожалуйста. Внутренности нужно хорошенько натянуть... Ну, тебе следует определить, в чем загвоздка, и уничтожить ее; возможно, хозяин, наложивший на тебя заклятье, умер или сошел с ума. Так или иначе, тебе крупно повезло. Когда ты исполнишь свою задачу, то будешь свободным.

— Но как мне узнать, что я должен сделать?

— Похоже, придется наставлять тебя и в дальнейшем... Ладно, поскольку я считаю, что ты мне друг, скажу тебе кое-что сверхсекретное — свое имя. Галлеран.

— Красивое имя, — произнес я.

— Это больше, чем просто слово. Оно слагает энергии в единое целое, оно сублимирует меня, когда понимаешь и знаешь его значение.

Наконец, мы связали все внутренности, и Галлеран принялся расчленять тело, затем протянул мне руку и ногу.

— Сделай с этим что-нибудь художественное.

Я подвесил одну над камином, а вторую пристроил в громадном чайнике.

— Поскольку я знаю собственное имя, я знаю о себе все, что требуется, — продолжал Галлеран. — Сейчас главное для тебя — выяснить свое имя. Тогда все сразу станет ясно.

— Правда?

— Взаимосвязанные вещи!

Галлеран установил голову на каминной доске.

— Как же я узнаю свое имя? — спросил я.

— Поройся в памяти — возможно, сотни, тысячи раз. Оно там. Обнаружишь хоть одну наметку, хоть самый кончик — все в порядке. А узнав собственное имя, ты познаешь себя. Тогда можешь действовать.

— Я попробую.

Галлеран продолжал разбрасывать по комнате тлеющие угольки.

— Помогите мне раздуть угли, хорошо? Всегда лучше поджигать и скрывать следы содеянного.

Когда пламя занялось, я спросил:

— Зачем твоему проклятому хозяину убивать этого человека?

— Один из них одолжил другому денег и, наверное, не хотел отдавать долг. Только я забыл, кто кому.

Мы подождали, пока не вспыхнул настоящий пожар, затем вместе с дымом взмыли в ночное небо и полетели обратно к Белкену.

— Спасибо за все, чему ты меня научил сегодня, — сказал я спустя некоторое время.

— Я рад помочь тебе. Должен признать, что ты возбуждаешь мое любопытство. Правда! Расскажешь мне свою историю, когда узнаешь все до конца?

— Да, — ответил я, — непременно.

Галлеран вернулся в апартаменты проклятого хозяина доложить о выполнении задания. Я же поднялся ввысь, направляясь к восточному склону Белкена. Еще раньше, таская лед, я заметил кратер, ведущий к центру горы; оттуда слышалось странное жужжание. Теперь я намеревался исследовать неведомый феномен. Никто не знает, где может обитать его имя.

Глава 5

...Поль скользнул во Врата и вновь оказался в загадочной стране. Двигаясь быстрее, чем раньше, он стал свидетелем новой охоты, превращения и погони. Теперь зрелище веселило его. Однако на этот раз победа завершилась людоедством, и твари помчались на поиски новой жертвы.

Поль ощутил какую-то непреодолимую тягу, которая тащила его прочь от подобных зрелищ, звала и гнала его в глубь пустынных просторов. Казалось, он шел дни, недели; его бестелесная прозрачная оболочка углублялась все дальше и дальше в безжизненное пространство исковерканной земли. Наконец он вышел к высокой гряде полуразрушенных гор, тянувшихся от горизонта к горизонту. Три раза он пытался одолеть их и трижды откатывался вниз; на четвертый раз сильный порыв ветра подхватил его и перебросил в узкое ущелье на другой стороне гряды. Поль очутился рядом с городом, раскинувшимся на террасах пологого склона.

Горный склон, приютивший город, терялся в глубинах древнего бездыханного моря. Оглядываясь кругом, Поль заметил контуры зданий недалеко от морского берега и движущиеся силуэты существ, обитающих в этой местности. Сквозь дымку ночного тумана он разглядел других существ, расположившихся на верхних террасах. Серые, с уродливыми длинными конечностями, эти великаны-людоеды были немного меньше своих собратьев по ту сторону хребта. Попадались и человекообразные существа, свободно разгуливающие среди чудовищ.

...Он медленно спускался, двигаясь по крутому краю хребта. Взор его был устремлен вниз, на копошащиеся у подножия фигуры. Чудовища потихоньку собирались около сооружения. Спустя какое-то время они разожгли костер. Затем приволокли к кострищу несколько связанных людей, разорвали их на части и сожгли.

Зловонный дым и запах паленого мяса заполнил пространство. Вдыхая его, Поль почувствовал волну наслаждения, разливающуюся по телу. Наконец он расправил крылья и скользнул вниз, где его ожидало все сборище. Они приняли гостя с должным почтением и заиграли в его честь на странных инструментах, издающих вопящие, брэнчащие и хлопающие звуки. Поль гордо вышагивал среди чудищ, выбирая случайную жертву, которую тут же раздирал на части с помощью мощного клюва и когтей. Что бы он ни делал, все взирали на него с умилением и восторгом.

Позднее к нему приблизился некто в медном ошейнике, усыпанном бледными самоцветами; незнакомец держал железный трезубец, увенчанный черным от сажи факелом.

Поль последовал за светом и тем, кто его нес, в черный проем одного из зданий — однобокого металлического сооружения с наклонными стенами и кривыми полами. Помещение было лишено окон. Везде царила сырость и уныние. В воздухе витал застоявшийся запах парфюмерии. В глубине холодного помещения на высоком мраморном ложе лежала женщина. В ногах и голове женщины горели свечи. Головной венки и гирлянда из ярких красных лепестков — ее единственный наряд — слегка побурели. Губы, соски груди, ногти были выкрашены в голубой цвет.

Издав высокий дребезжащий звук, Поль проскочил ступеньки, взлетел на ложе и оседлал тело женщины. Загребая ее когтями, он пару раз клюнул ее, затем запел брачную песню. Потом укрыл женское тело крыльями и начал медленные ритмичные движения... Тот, кто нес трезубец, принялся ударять им об пол в такт

движениям. Пламя заиграло на стенах, отзывающихся на удары гулким, словно плачущим, эхом.

Прошло довольно много времени. Наконец женщина открыла глаза, бессмысленно поводила ими по сторонам, не в силах сосредоточиться. Затем она улыбнулась.

В помещении стали собираться другие — вылезая из глубин, спускаясь с высот. Бренчащие, хлопающие звуки в чудовищной какофонии металась между стенами. Ровный звенящий звук вырвался из груди собирающихся вместе чудовищ и на мгновение заглушил бешеную музыку. Затем началась медленная процессия; ее возглавлял несущий огонь, который последовательно обходил многоуровневый город, уходящий в глубины моря. Ход остановился в красных палатах, море вторило ходу сменой цветов. Водная гладь шесть раз меняла оттенки на протяжении церемонии. Огромные красно-коричневые черви выплыли из глубин, желая присоединиться к процессии, — лишенные глаз, они кружились и вертелись, как волчки. Все пространство кишело, охваченное колыханием, горизонты зловеще содрогались. Призывный звон гонга заполнил просторы.

Небо помрачнело и налилось свинцовой чернотой в тот день, когда родилась его дочь. Наская металась, корчилась, кричала, затем замерла, такая же холодная и неподвижная, как само мраморное ложе. Горы содрогнулись от раската грома и заплакали красным дождем. Кровавые потоки хлынули по террасам в рокошущее море. Дитя было наречено именем Найалис. Забились в истерике мелкие барабаны и тамтамы, запиликали костяные флейты. Она гордо расправила крылья и, взмыв ввысь, пролетела над миром. Небо встретило ее звуками фанфар и переливом желтых огней. Она будет править три тысячи лет.

Он взлетел на высочайший пик черной гряды и обратился в камень, чтобы дожидаться там Толкне, Змея Мертвых Вод, который придет бороться с ним за земли Кода. Люди совершали сюда паломничества, Найалис приносила жертвы у его ног. Продромолу, Отец

Вечности, Открывающий Путь — так звали его, вознося ему молитвы и хвалу, омывая его в меде и специях, вине и крови.

...Он почувствовал прилив сил, запел и взмыл ввысь между горами. Земли мертвых ответили гулким эхом и вздыбились под ним. Словно на крыльях ветра, летел он сквозь ночной мрак к божественному сиянию.

Поль проснулся бодрым и полным сил. Он открыл глаза и посмотрел в окно, сквозь которое пробивался утренний свет и блеск встающего солнца. Глубоко вздохнув, молодой человек напряг мускулы, затем расслабился. «Эх, хорошо бы сейчас выпить чашечку горячего кофе!» — мечтательно подумал Поль, прекрасно сознавая, что кофе в этом мире нет. Пока нет. Надо будет непременно этим заняться, когда образуется время...

Он вспомнил о сне и понял, что именно сон — причина его нынешнего хорошего настроения. Вспомнил и о других подобных снах, которые — он только сейчас сообразил — являлись ему каждую ночь с тех пор, как неизвестный волшебник изменил его внешность. Но, в противоположность другим, эти ночные грезы были не тревожными и зловещими, а увлекательными и приятными, несмотря на некоторый гротеск.

Поль встал. Предстояло много дел: посетить место отдохновений, принять душ, одеться, замаскировать седую прядь при помощи красящей жидкости, купленной накануне по дороге домой. Занимаясь собой, он слышал возню Маусглова. Ожидая, пока товарищ соберется, Поль снял защитные заклинания. Затем друзья заглянули в апартаменты Ибала, но слуга передал, что хозяин не велел беспокоить.

— Тогда давай прогуляемся и позавтракаем, — предложил Маусглов.

Поль согласно кивнул, и они направились к той вчерашней улочке с кафе и ресторанчиками. В утреннем небе исчезали последние бледные звезды. За время трапезы солнце встало достаточно высоко, на бле-

стящих некогда стенах явно проступили грязные жирные пятна и следы увядания.

— Спал хорошо?

— Да. А ты?

Поль кивнул.

— Но...

Маусглов показал глазами за его спину. Поль откинулся на стуле и повернул голову в указанном направлении.

Человек, приближающийся к ним, был одет в те же красно-черные одежды, что и вчера вечером, и смотрел прямо на них. Поль подался вперед и взялся за кружку с чаем.

— Ты все еще не узнаешь его?..

Маусглов покачал головой.

— По-моему, он направляется прямо к нам, — произнес маленький вор, не разжимая губ.

Поль сделал глоток чая и прислушался к шагам. У незнакомца была слишком мягкая обувь, поэтому он был почти у него за спиной, когда Поль уловил шорох. Почти сразу же прозвучал голос:

— Доброе утро! Вас зовут Одержимый Магией и вы из сопровождения Ибала?

Поль поставил кружку и поднял глаза.

— Да.

— Очень хорошо, — мужчина улыбнулся. — Меня зовут Ларик. Я назначен для сопровождения кандидатов в посвящение к западному входу Белкена сегодня вечером. Кроме того, я буду вашим гидом в горах и пещерах.

— Разве посвящение сегодня вечером? Я думал, оно состоится под конец праздника.

— Обычно все так и происходит, — ответил Ларик. — Но сегодня ожидается особо благоприятное расположение планет. Надо воспользоваться удачными обстоятельствами.

— Хотите чаю?

Ларик стал отказываться, затем передумал.

— Да, с удовольствием выпью, спасибо.

Он пододвинул к столу еще один стул, а Поль заказал напиток для гостя.

— Мой друг, Маусглов, — представил Поль.

Мужчины встали и пожали друг другу руки.

— Очень рад.

— Взаимно.

Ларик достал пергамент и ручку.

— Между прочим, Одержимый Магией — это ведь не настоящее имя. Я составляю список для посвящения. Назови свое подлинное имя.

Ум Поля мгновенно скользнул в прошлое.

— Дэн, — сказал он. — Дэн Чейн... сон.

— Дэн Чейнсон, — повторил Ларик, записывая. — Будешь четвертым в моем списке. Кроме тебя еще шесть кандидатов.

— Наверное, перенос даты посвящения для всех большой сюрприз?

— Боюсь, что так. Именно поэтому приходится спешно отыскивать всех.

Принесли чай, и Поль налил гостю.

— Встретимся в Арке Голубой Птицы, — сказал Ларик, показывая направление. — Самая дальняя к западу. А отсюда и к югу.

Поль кивнул.

— Найду. Когда состоится встреча?

— Я планировал на полдень, но такими темпами это, конечно, нереалистично. Поэтому, скажем, днем, когда солнце пройдет полпути до горизонта.

— Отлично. Нужно что-нибудь взять с собой?

Ларик секунду помолчал.

— Как ты готовился к посвящению? — спросил он.

Поль с тревогой подумал, не виден ли румянец, обжегший его щеки под магической маской и шрамом.

— Все зависит от того, что понимать под подготовкой. Я получил кое-какие инструкции и объяснения по поводу метафизической природы вещей, но больше рассчитываю на то, что удалось узнать прямо здесь, — на практическую сторону дела.

— Судя по твоему прозвищу, ты не прошел обучение у опытного мастера, как положено.

— Нет, не прошел. Почти все мои знания основаны на собственных способностях. Теорию и практику я постигал самостоятельно.

Ларик улыбнулся.

— Понятно. Другими словами, твоя подготовка настолько мала, что еще немного меньше, и ее вообще нельзя было бы назвать подготовкой.

— Примерно так.

Ларик взялся за чашку и сделал глоток.

— Существует некоторый риск даже для хорошо подготовленных, — промолвил он.

— Я знаю.

— Ладно, твое дело. У меня будет время кое-что тебе пояснить, пока мы будем подниматься в горы и ждать захода солнца. Что же касается твоего первого вопроса — ничего не нужно брать, кроме маленькой буханки хлеба и фляги с водой. Возможно, ты проголодаешься, ожидая начала ритуала или во время подъема в горы. Я бы посоветовал тебе сохранить все это до конца путешествия, подъем в горы может закончиться далеко за полночь.

Ларик допил чай и встал.

— Ну ладно, нужно предупредить остальных претендентов. Спасибо за чай. Увидимся в Арке Голубой Птицы.

— Минуточку, — сказал Маусглов.

— Да?

— В каком месте горы вы появитесь утром?

— Мы выйдем из пещеры, расположенной у подножия с восточной стороны — вон там. Но отсюда ее не видно. А если хотите, пойдете со мной, я собираюсь подняться вверх. На верхней террасе я покажу вам то место.

— Да, спасибо.

Маусглов встал, Поль тоже.

Вокруг кружили блеклые бабочки. Поднимаясь по ступеням, Поль положил руку на перила и почувствовал скорее шершавость дерева, нежели холод камня. Огромные самоцветы, вставленные в стены, утратили свой блеск и помутнели в свете яркого дня, но все еще

хранили следы былой красоты. Поль невольно улыбнулся.

Они взобрались на возвышенность, и Ларик указал на точку у подножия горы.

— Вот та треугольная темная область. Вы сможете увидеть ее, если внимательно приглядитесь.

— Вижу, — сказал Маусглов.

— Да, — кивнул Поль.

— Очень хорошо. Тогда я могу идти. Встретимся позже.

Друзья молча следили, как он удалялся в сторону зданий, расположенных к югу.

— Я буду ждать тебя здесь все утро, — сказал Маусглов. — Пожалуйста, никому не верь там, внутри.

— Почему?

— У меня такое впечатление, что Одержимых Магией здесь недолюбливают, особенно те, кто прошел настоящую практику у мастеров. Я не знаю, насколько сильно это чувство, но их будет там с тобой девять. Не хотел бы я поворачиваться к ним спиной в темном коридоре.

— Пожалуй, ты прав. Я буду осторожен.

— Давай еще раз заглянем к Ибалу, возможно, теперь он нас примет.

— Хорошая мысль.

Но волшебник до сих пор не принимал. Поль оставил записку, что расписание изменилось и он уходит сегодня вечером.

Затем вернулся к себе в комнату, лег на кровать, чтобы расслабиться и начать медитацию. Он думал о своей жизни — теперь он знал всю историю от начала до конца. Это была история сына злого могущественного волшебника; ему сохранили жизнь в обмен на наследство, скрыв его до поры до времени в мире, совершенно лишенном волшебства. Поль вспомнил день своего возвращения, горькие впечатления от нового мира, разоблачившего и отвергнувшего его из-за родимого пятна в форме дракона. Он вспомнил свое бегство, свои открытия тайн семейного замка, могущество, неведомую ранее силу, власть над дикими чудовищами,

спящими в подземелье. Он заново пережил конфликт со своим сводным братом, талантливым Марком Мараксоном, возродившим в центре Анвила центр высоко-развитой техники и мощных технологий. Вновь пережил короткий, обреченный на неуспех роман с деревенской девушкой Норой, которая так и не сумела разлюбить Марка. А теперь...

Загадочная Семерка. Семь статуэток, странным образом влиявшие на его жизнь, манипулировавшие его судьбой — и словно бы погружившиеся в сон в тот день на вершине горы Анвил. Поль до сих пор ничего не знал об их настоящих свойствах, целях, смысле существования. Он чувствовал, что не сможет до конца познать свои способности, не найдя общего языка с фигурами.

Затем покушение на его жизнь и ночное появление безымянного волшебника, который, казалось, знал ответы на все вопросы, но так и не затруднил себя объяснениями...

Лишь только одного не коснулись мысли Поля. Это было сугубо личное — его сны. Скоро он уснул и вновь погружился в знакомые грезы...

Он взял буханку и флягу с водой и в сопровождении Маусглова зашагал к Арке Голубой Птицы. Ларик и шестеро других были уже на месте. Уходящее солнце тонуло в дымке западных облаков. Остальные кандидаты были довольно молоды и изрядно нервничали. Поль сразу же позабыл их имена — за исключением Нарфа, с которым он познакомился раньше.

Пока они поджидали опаздывающих, небо стало еще темнее. От безделья Поль лениво перешел на внутреннее зрение. Оглядывая город, вновь ставший блестящим и притягательным, он увидел бледно-голубой искрящийся конус или пирамиду прямо в центре, незаметную обычным зрением. Продолжая наблюдать за странным конусом, Поль попытался увеличить и приблизить его. Ничего не вышло. В тот же миг зрение вернулось в норму, и загадочное видение исчезло.

Обойдя кандидатов в посвящение, он подошел к Ларику, который застыл, уставившись в облака.

— Ларик?

— Что случилось?

— Так, просто интересно. Ты не знаешь, что это за огромный конус, весь из переливающегося голубого света там, в центре города?

Ларик повернулся и недоуменно посмотрел на него, затем словно спохватился:

— О! Это для вашего же блага. И кстати, уже довольно поздно, следует начинать. Где же их черти носят?

Он стал нетерпеливо оглядываться по сторонам, затем замер, будто увидев что-то.

— Вот и они! Наконец-то! — с заметным облегчением воскликнул Ларик, глядя на три приближающиеся фигуры.

Он вновь повернулся к Полю.

— Тот конус, который ты усмотрел, это единение сил целого круга волшебников. К тому моменту, как мы войдем в Белкен, единая энергия достигнет горы и наполнит ее, настроив все десять станций на энергию космоса. По мере того как вы будете продвигаться от станции к станции, от одного символического изображения вашего внутреннего света к другому, энергия наполнит и вас, а посредством этих энергий и сил вы обретете новое обличье, преломите все новшества применительно к себе, пропустите их сквозь свое «я», обретете новые качества в новом уровне и настройте сами себя.

— Понятно.

— Понятно? Не уверен, Дэн. Остальные девять претендентов прошли хорошую школу, они учились у мастеров, развивали свои способности тщательно, не нарушая естественных законов развития. Для них сегодняшнее испытание покажется обычным, лишь немного более напряженным. Что касается тебя и вообще Одержимых Магией — все может пойти непредсказуемо. Посвящение может оказаться очень болезненным, изматывающим, граничащим с помешательством, даже со смертью. Я говорю это не для того, чтобы отговорить тебя или запугать, я лишь хочу тебя подготовить. Старайся не допускать ничего такого, что способ-

но вызвать чрезмерный стресс. — Ларик поджал губы и замолчал на минуту. — Откуда, откуда ты приехал?

— Издалека. Думаю, ты даже не слышал об этой стране

— Что ты там делал?

— Много чего. Я полагаю, что преуспел как музыкант

— Нет, я о магии.

— О ней там ничего не знают

Ларик покачал головой.

— То есть как не знают?

— Ну, там живут без нее.

— А ты? Как ты попал сюда? Как вообще стал Одержимым Магией?

В это мгновение Поль почувствовал сильное желание рассказать Ларику про самые важные события в своей жизни. Но осторожность сделала свое дело.

— О, это длинная история, — сказал он, глядя через плечо Ларика, — а трое опаздывавших уже почти пришли.

— Полагаю, ты испытал довольно интересные ощущения, обнаружив в себе необычные способности?

— Да, причем немало, — ответил Поль. — Могла бы получиться целая книга.

— Есть такие, которые отложились в твоей памяти, как наиболее значительные?

— Нет

— Думаю, ты просто не склонен об этом говорить. Ладно. Ты не обязан отчитываться передо мной. Но если захочешь ответить, мне очень интересно лишь одно.

— Что?

— Белые маги при случае используют то, что известно как черная магия, и наоборот. Мы знаем, что это почти одно и то же, но есть оттенки, по которым их различают, — собственные наклонности, которые проявляет маг, находясь в одиночестве. Иначе это можно назвать стилем поведения. Какой стиль ближе лично тебе?

— Я использую все, что считаю нужным, — произнес Поль, — хотелось бы думать, что мои умыслы от-

носителем чисты, хотя многие стремятся обелить себя в собственных глазах. Тем не менее, я думаю, что в большинстве случаев поступаю правильно.

Ларик засмеялся, качая головой.

— Хотелось бы подольше побеседовать с тобой, я чувствую за твоими словами яркую индивидуальность. Тебе доводилось использовать силы магии против другого человека?

— Да.

— И что с ним стало?

— Он мертв.

— Он тоже был колдуном?

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»? Разве такое может быть? Человек либо колдун, либо нет.

— Это был особый случай.

Ларик задумчиво посмотрел на него, затем опять рассмеялся.

— Тогда ты черный маг.

— Я ничего подобного не утверждал.

Три последних кандидата наконец подошли к ожидающей их группе и были представлены.

Ларик внимательно оглядел их.

— Вы опоздали. Из-за вас опаздываем все мы. Сейчас немедленно отправляемся в путь. Надо выйти за пределы города, пройти еще немного по этой тропинке, затем начнется подъем в горы. Я до сих пор не знаю, сколько привалов мы сделаем в пути. Все будет зависеть от скорости вашего передвижения и времени, которым мы будем располагать.

Он указал на груды белой одежды.

— Каждый должен взять с собой одну из мантий. Вы наденете их непосредственно перед входом.

Ларик повернулся и первым двинулся в арку. Маусглов подошел к Полю.

— Я буду ждать тебя у выхода, утром, — сказал он. — Удачи!

— Спасибо.

Поль заспешил за остальными. Оглянувшись, он увидел, что Маусглов уже ушел.

Он догнал Ларика и пристроился на шаг сзади.

— Просто любопытно, зачем ты столько старался, чтобы доказать, что я склонен к черной магии.

— Мне все равно, — ответил другой, — здесь встречаются любые маги, все очень переплелось.

— Ты ошибаешься. По крайней мере, я не считаю себя черным магом.

— Это не имеет значения.

Поль пожал плечами.

— Думай, как хочешь.

Он замедлил шаг и смешался с группой претендентов. К нему подошел Нарф.

— Все так удивительно, правда? — промолвил ученик.

— Что ты имеешь в виду?

— Внезапность и скоропалительность начала процедуры. Ибал даже не знает, что я уже в пути. Он все еще... — Нарф замолчал и хмыкнул, — занят.

— По крайней мере, он успел внести мое имя в список кандидатов, прежде чем заняться более важными делами.

— Ну, положим, не совсем бескорыстно, — бросил Нарф. — Тебе можно позавидовать — если ты благополучно пройдешь обряд посвящения.

— То есть?

— Разве ты не знаешь?

Поль покачал головой.

— Одержимые Магией, особенно те, что прошли посвящение, — объяснил Нарф, — почти все без исключения становятся наиболее могущественными колдунами. Самыми сильными и влиятельными. Конечно, их не так много. Именно поэтому Ибал хотел бы, чтобы ты относился к нему с благодарностью и симпатией.

— Будь я проклят! — воскликнул Поль.

— Ты действительно ничего не знал?

— Абсолютно ничего. Послушай, а почему Ларик так стремился выяснить, черный я или белый маг?

Нарф рассмеялся.

— Полагаю, ему ненавистна мысль, что противоположная сторона получит достойное пополнение.

— Ты что имеешь в виду?

— О! Я не так много знаю о нем, но ходят сплетни, что Ларик такой лилейно-белый, что яро ненавидит противоположный лагерь. Полагают, что он большой мастер своего рода — в сугубо технических аспектах.

— Я уже устал от неверных суждений, — произнес Поль. — Кажется, они будут преследовать меня всю жизнь.

— Лучше примириться.

— Я и не собирался каким-то образом мешать посвящению.

— Я уверен, что он все хорошо подготовил. Белые, как правило, очень аккуратны и дотошны.

Поль улыбнулся в ответ. Он настроил свое внутреннее зрение и посмотрел на силовой конус. Пирамида заметно подросла.

Глава 6

Поль сидел на широкой плите возле входа в пещеру на западном склоне горы. Он прикончил хлеб и допил оставшуюся воду. Последние солнечные блики тонули в бездонной тьме ночи.

Претенденты преодолели три четверти пути и сделали лишь один короткий привал. Ноги Поля дрожали и ныли. Он представил, как болят стертые ноги у других кандидатов.

Небо на юго-западе окрасилось яркими всполохами. Пронизывающий ветер, сопровождавший их во время подъема, взвыл в сильном порыве и просвистел над головой. Поль напряг внутреннее зрение и поразился — весь Белкен был охвачен голубым сиянием. Он уже собирался поделиться своим наблюдением с Нарфом, но тут поднялся и откашлялся Ларик.

— Теперь все. Наденьте мантии поверх одежды и постройтесь у входа, — сказал он — До первой станции совсем не далеко. Я покажу. По дороге не разговаривать и вообще никаких разговоров, пока вас не попросят отвечать на вопросы.

Претенденты развязали узел с белыми одеждами и начали одевать мантии.

— ...Картины или превращения, которые вы увидите — вместе с изменениями в сознании, — все это лишь иллюзии, не принимайте их на веру и не поддавайтесь их влиянию. Любые превращения с вами закончатся к концу ночи.

Десять кандидатов выстроились в шеренгу за Лариком.

— У вас есть последняя возможность задать вопросы.

Вопросов не было.

— Очень хорошо.

Ларик осторожно двинулся в глубь пещеры. Польшел в середине цепочки. Его зрение приобрело обычный ракурс. Голубое свечение немного ослабело, но не исчезало. Узкая пещера с высокими сводами, в которую они вошли, пульсировала, как и наружные склоны горы; ее стены изливали вполне достаточное, а иногда и более того, количество света, облегчая путь. По мере продвижения вглубь, сияние и переливы света усилились. Стены и своды пещеры сверкали яркими огнями и тонули в них, исчезая из виду. Казалось, они идут по сказочной, залитой сиянием дороге, соединяющей рай и ад. Все выглядело загадочным и нереальным.

Подъем становился все круче. Временами попадались места с некоторым подобием ступенек. Лишь истертость пола свидетельствовала о том, что все это сделано руками человека.

Новый поворот; крутизна подъема все нарастала. Неожиданно перед кандидатами появились тяжелые путеводные веревки. Сначала претенденты боязливо и с отвращением старались не касаться их, ибо перемещение рук по веревке было равносильно периодическим ожогам пламени, однако вскоре у них не осталось иного выхода. Польшел не чувствовал жара, лишь ладони слегка вспотели, да слабо запульсировало родимое пятно. По мере подъема становилось теплее. Слышалось тяжелое дыхание едва поспевающих за Лариком кандидатов.

Внезапно они вышли в грот. Здесь веревки-перила обрывались. Посреди площадки, где они остановились, раскинулся огромный круглый бассейн, заполненный кипящим белым светом, будто подсветка шла откуда-то снизу. Над ним, словно сосульки на солнце, переливались и сверкали сталактиты. Стены грота подходили практически к самому его краю, лишь узкая полоска тверди окаймляла эту сверкающую емкость, наполненную неподвижной жидкостью.

Кандидаты осторожно разбрелись по кругу, повернувшись спинами к стенам. Поль почувствовал шершавость и холод камня. Спустя несколько минут Ларик знаками стал предлагать им остановиться или пройти дальше, пока все претенденты не распределились согласно плану, известному только ему. Затем он выдвинулся на кромку длинной отмели, откуда продолжал руководить ими, и посмотрел вниз, на излучающую сияние воду. Кандидаты последовали его примеру.

Сначала свет ослепил Поля, затем его глаза привыкли к блеску и зеркальным бликам. Неровности сводов крыши предстали перед ним сказочным, фантастическим ландшафтом. Внезапно он увидел в отражении свои собственные глаза и осторожно заглянул в них. С зеркальной глади на него смотрел незнакомец — Поль забыл о своей маскировке — со смуглым, почти коричневым лицом и уродливым шрамом на левой щеке.

Внезапно его отражение растаяло, вместо него появился настоящий образ его лица — худощавое, с тонкими губами, высоким лбом, белая прядь разделяла черные локоны надвое. Поль попытался поднять руку и дотронуться до лица и обнаружил, что тело сковала странная летаргия, рука лишь слабо дернулась. В голове плыли неясные тусклые образы. Поль утратил всякую волю и не делал больше попыток пошевелиться.

В его мозг ворвался голос, произносящий слова, которые он недавно заучивал. Это был голос Ларика. Когда он закончил речь, слова должен был повторить первый кандидат, стоявший на дальней стороне бассейна.

Звуки эхом отражались от стен и, словно молот, колотили в голове Поля. Его ноздри защекотал слабый, едва уловимый сладкий запах.

Следующий кандидат принял эстафету и начал повторять те же слова. Где-то в самой глубине мозга Поля шевельнулась мысль, что, когда дойдет его очередь, он тоже должен будет их произнести. Ему показалось, что кто-то, сидящий внутри, уже говорит их. Поль ощутил себя вне пространства и времени. Время застыло, исчезло, растворилось все, кроме яркого света и отражения. Слова клятвы колоколом звучали в мозгу Поля.

пробуждая глубинные струны его «я», прокатываясь по самым дальним закоулкам сознания. Он увидел, как улыбнулось, затем рассмеялось его отражение, хотя не почувствовал на лице никакого движения.

Поль снова взгляделся в воду. Теперь изображение зарябило и раздвоилось. Будто бы он вдруг обрел две головы — одна продолжала смеяться и дразнить его, другая, наоборот, имела хмурый, удручающе печальный вид. Оба лика медленно развернулись и посмотрели друг на друга.

Поля раздирали странные чувства. Он не мог сказать, как долго продолжалась в нем борьба эмоций, так как неотрывно следил за теми отраженными головами которые были двумя разновидностями одного. Слабо шевельнулась мысль о помешательстве, затем возникло неясное чувство полной бессмыслицы.

Наконец до него дошло, что он говорит. Дошла очередь, и Поль начал свою партию по кругу, даже не осознав этого. Слова клокотали и вибрировали в нем, а все окружающее казалось причудливо изменившимся, как бы отдалилось от него. Свет под ногами засиял еще ярче. Бесчисленные отражения, заполнявшие бассейн, вдруг искривились и сами собой начали сворачиваться. Два лика слились воедино, обрели серьезность его собственного лица. Поль ощутил оживление, оно разрасталось и крепло; народившаяся веселость постепенно стала вытеснять прежнее чувство неправильности и бессмыслицы. Когда он произносил заключительные слова, ему почудилось, что его голова заполнена светом.

Очередь перешла к фигуре слева от него, которая завела речитатив. Поль полностью потерял чувство собственного «я», так же как и чувство времени и места, и теперь просто качался на волнах звука и света, ощущая, что что-то меняется внутри него. Наконец речи кончились.

Без всякого призыва или жеста он понял, что все позади. Когда последний участник стал произносить заключительные слова, свет начал быстро сливаться и твердеть, приобретая форму яйца.

Еще долгое время кандидаты молча стояли в застывшей тишине, созерцая глубины бассейна. Поль вдруг вскинул голову и посмотрел на Ларика. Боковым зрением он заметил, что и остальные одновременно сделали то же самое.

Затем, медленно, участники стали продвигаться по кромке и сошлись вместе на площадке. Ларик поднял руку и указал налево. Развернувшись, повел их к очень узкому проходу позади нагромождения камней, которого никто не заметил прежде. Почти сразу же Ларик встал на четвереньки и пополз в тесную черную дыру. Один за другим кандидаты последовали его примеру. Бледный, подобный пламени свечи свет был и здесь. Он наплывал будто волнами и едва-едва освещал узкий лаз.

Продвижение шло очень медленно, так как теперь они двигались вниз, то и дело соскальзывали и обдирали кожу. В самых низких и узких местах приходилось ползти на животе. Особенно тяжело давались повороты, сквозь которые приходилось протискиваться с трудом и болью.

Процессия неожиданно остановилась. Поль услышал какое-то хрюканье, донесшееся сзади, будто один из претендентов резко выдохнул. Стены начали выцветать, бледнеть, в некоторых местах даже посерели, на них появились розовые прожилки.

Парень впереди Поля пополз вперед, Поль осторожно последовал за ним. Они продвинулись на длину человеческого тела, затем опять замерли. Поль, охваченный водоворотом ощущений, почувствовал, что окончательно утратил контроль над своими мыслями. Его сознание блуждало где-то между крайним истощением и тупой покорностью и смирением.

После короткого отдыха цепочка снова продвинулась на то же расстояние. Так продолжалось несколько раз, и впоследствии Поль понял почему. В полу оказалось круглое отверстие. Участники по одному пролезали в люк, повисали на руках, затем прыгали вниз.

Он подождал, пока исчезнет предыдущий претендент, затем втиснулся в люк, повис и отпустил руки.

Падение длилось недолго. Приземлившись, Поль поднялся с колен и сразу же отошел в сторону. Вскоре он присоединился к группе, расположившейся почти в центре нового помещения с высокими полукруглыми сводами. Собравшиеся вставали по кругу в те места, на которые указывал Ларик. В центре людского круга помещался весьма интересный объект — огромный розовый сталактит выходил на поверхность из неровной горной глыбы прямоугольной формы.

Когда все заняли свои места, Ларик жестом приказал им раздвинуться и отойти к стенам. На секунду глаза Поля встретились с глазами Ларика, и Поль прочел в них необъяснимую боль. Однако, не задержавшись, глаза Ларика скользнули к розовому сталактиту.

Поль расслабился и стал забавляться созерцательностью своего мозга. Он внимательно оглядел монолит и почувствовал присутствие чужеродной могущественной силы. Обратился к внутреннему зрению, но ничего не увидел, кроме более яркого сияния, не заметил ни намека на присутствие нитей заклинаний. Его взор все больше притягивал сам объект; он манил своей загадочностью, потихоньку овладевая сознанием.

С первыми словами Ларика зрение Поля вернулось к обычному, остались только странные физические ощущения, которые звучали и двигались в нем. Ощущение потери времени и отстраненности теперь наступило значительно быстрее, чем на предыдущей станции. Чем пристальней Поль вглядывался, тем быстрее становились переливы света на возвышающейся поверхности. Казалось, сам объект начал медленно перемещаться в пространстве.

Ларик замолчал, речитатив подхватил один из участников.

Как только зазвучали первые слова, очертания помещения стали медленно растворяться и исчезать. Поль почувствовал, что огромный розовый сталактит стал единственной осязаемой реальностью. Доносившиеся до него слова лишь усиливали чувство единения со странным объектом.

Внезапно, монолит начал расти, его форма приобрела какие-то неопределенные очертания. Другой голос подхватил слова. Поль заворуженно следил за сказочными превращениями объекта. Горная глыба, служившая основанием, тоже меняла свой облик. В ней отчетливо вырисовывались три сжатых пальца. В центре одиноко возвышался указательный, рядом с ним с некоторым наклоном обозначился большой, с другой стороны примостился третий... Конечно, это с самого начала была рука. Как он раньше не заметил?

Голос прозвучал совсем близко. Рука шевельнулась, разворачиваясь к нему. Палец стал медленно опускаться.

Дыхание Поля участилось, мозг становился все яснее по мере того, как палец отчетливей стал указывать на него. Расстояние между ним и пальцем было заполнено силовым потоком. Не подчиняясь никакой воле, его правое плечо и рука стали зудеть, затем их охватило ощущение покалывания.

Огромный палец, способный раздавить, приблизился — нежно, мягко — и почти неощутимо коснулся его правого плеча.

Обессиленный Поль чуть не упал — не от удара, а от нахлынувших эмоций. Он обнаружил, что сам является источником произносимых слов. Палец стал медленно возвращаться на прежнее место.

Едва Поль проговорил первые слова, чувство покалывания в руке сменилось тупой болью, затем онемением. Он вновь увидел очертания помещения, где они находились, а рука снова обернулась сталактитом на угловатой глыбе.

Круг речитатива завершился, кандидаты в молчании взирали на монолит, расслабляясь и медитируя. Затем Ларик приказал им следовать за ним в расщелину в стене.

Поль едва передвигал ногами, раздавленный мертвым грузом, свисавшим с правой стороны. Неловко действуя левой рукой, он ощупал свою правую руку, помассировал мускулы. Верхняя часть предплечья рас-

пухла, ткань рукава натянулась и больно сжимала плоть, грозя вот-вот лопнуть.

Опустив глаза Поль с ужасом обнаружил, что его рука — внешне вполне нормальная — свисает значительно ниже обычного, кисть болталась где-то на уровне колена. В родимом пятне толчками бился пульс, но, казалось, оно тоже онемело. Поль вспомнил слова Ларика о трансформациях, которые могут происходить этой ночью, о том, что их следует воспринимать спокойно, без лишних эмоций, и перестал обращать внимание на свою руку. Тем не менее он придирчиво оглядел остальных участников, отыскивая возможные уродства. Те, которых он успел увидеть, до того как нырнуть в туннель, внешне не изменились. И, по видимому, никто не замечал его уродства.

Они шли вперед. Дорога была довольно ровной, без изгибов и поворотов, и достаточно широкой. Ее освещал спокойный ненавязчивый свет. Не задерживаясь, путники миновали пустую комнату, откуда исходил противный высокий звук, отупляюще действовавший на мозг и еще долго звучавший в ушах.

Наконец они вышли в грот.

И здесь остановились. Грот оказался круглым помещением с выпуклым, подобно пузырю, потолком. Ларик расставил претендентов вокруг скального образования, напоминающего котел. Вновь зазвучало песнопение, и Поль опять окунулся в океаническое чувство отчуждения, как и на предыдущих станциях. Однако здесь к нему примешивались нотки депрессии и печали. Ощущение покалывания охватило левую руку. Когда до него дошла очередь говорить и слова были произнесены, левая рука видоизменилась и стала походить на правую.

Поль воспринял очередную метаморфозу почти без волнения, как необходимое условие обряда. Он решил, что и других одолевают подобные чувства. И вскоре его руки обрели былую подвижность и легкость.

Он посмотрел на остальных. Толстый узловатый канат был прикреплен к горному выступу и спускался в темную дыру. Один за другим кандидаты хватались

за канат и спускались по нему, в дыру, растворяясь в темноте. Когда очередь дошла до Поля, он с необыкновенной легкостью проделал то же самое, благодаря небывалой силе, которую обрели его руки.

В желто-голубой пещере, где они очутились, участники выстроились согласно ставшему уже знакомым порядку вокруг большого кристалла сферической формы, покоящегося на пьедестале. К концу процедуры Поль почувствовал, как обжигающая боль охватила его левую руку, будто та побывала в котле с кипятком. Он не придавал этому значения, даже не стал осматривать ее до тех пор, пока ритуал не завершился и Ларик не повел их к новой станции сквозь расщелину в стене.

Рука все еще зудела, хотя ощущение жара исчезло. Когда Поль оглядел ее, то увидел, что она покраснела и распухла, на коже появились пузыри и струпья, ногти уплотнились и почернели, приобрели странную треугольную форму и изогнулись, словно крючья. Пальцы вытянулись и страшными узловатыми палками свесились до лодыжек.

Мантия частично скрывала его уродство в длинных широких рукавах. Однако... Поль снова осмотрелся. Казалось, никто из других участников не замечал его положения. Поэтому он прогнал прочь беспокойство и тревогу и проследовал за всеми вдоль широкого ровного туннеля. Его походка была слегка расхлябанной и нескладной из-за дисбаланса тяжести рук.

Тяжелый меч свисал с цепей почти в центре следующего помещения — медленно раскачивался между потолком и полом. Он-то и стал объектом медитации кандидатов. С произнесением слов меч отклонялся в сторону говорящего и вспыхивал красным огнем.

Видения, вторгшиеся в мозг Поля, как и на предыдущей станции, вступили в открытую борьбу с сознанием. Ощущение обновленной конечности возникло теперь вместе с обжигающей острой болью в правой руке. Но все это воспринялось им с мазохистским наслаждением. Он произнес слова звонким голосом и даже не посмотрел на правую руку, зная наперед, что увидит.

По завершении процедуры Поль присоединился к шеренге участников, которые гуськом направлялись к выходу в стене и далее вниз по наклонному туннелю. Он двигался словно во сне. Все его поступки подчинялись некой алогичной модели, которую он сам для себя придумал. Ощущения, преломляясь сквозь представленный им образ себя, больше не беспокоили Поля. Его даже не заботило, замечают ли другие кандидаты уродливые метаморфозы, происходящие с ним.

Туннель шел уступами, в нем витали сладковатые ароматы. Стены были покрыты живой сетью бледных огоньков. Глянцевый пол сверкал влагой.

Кандидаты долго спускались вниз, затем вышли в маленькую комнату и встали кругом около обыкновенной, ничем не примечательной каменной глыбы кубической формы. Помещение было усыпано цветами, которые источали приторно-сладкий запах, заполнивший все пространство; воздух казался густым и липким, как сироп.

Слова, произнесенные в этой комнатушке, тяжелым молотом обрушились на уши. По телу Поля прокатилась теплая волна, сердце учащенно забилося в груди. Голова закружилась, перед глазами поплыли круги. Впрочем, даже если потерять сознание, падать тут некуда, в такой тесноте стояли участники. Впоследствии Поль осознал, что в это время он прекратил сопротивляться подсознательным тенденциям; в его памяти образовался полный провал — вплоть до того момента, пока он не обнаружил, что сам произносит речь.

Похоже, здесь у него возникло совсем иное видение, которое подавило все остальные чувства. Сердце учащенно билось, готовое выпрыгнуть, Поль тяжело дышал. Он увидел, что кандидаты, стоявшие с ним прежде бок о бок, удалились и стали едва различимы. Аромат цветов заметно ослаб и теперь практически не улавливался, словно шел издалека.

Закончив монолог, Поль наклонил голову и заметил, что его мантия стала влажной. Затем он ощутил невероятную ширину своих плеч, бочкообразную форму груди. Неудивительно, что его одежда промокла!..

Что это — просто иллюзия? Поль всмотрелся в ближайших участников. Занятые самосозерцанием и захваченные собственным водоворотом чувств, они не обращали на него ни малейшего внимания.

Он медленно поднял правую руку. Просунув ее под плащ, стал лихорадочно ощупывать одежду под мокрым пятном на мантии. Его неуклюжие пальцы неожиданно натолкнулись на упругие, жесткие уплотнения. Он начал осторожно ощупывать каждое утолщение. Казалось, все тело от пупка до шеи покрыто шрамами и рубцами.

Поль высвободил руку и бессильно опустил ее. Подняв глаза, он заметил, что Ларик внимательно разглядывает его. Едва их глаза встретились, Ларик немедленно отвернулся.

Выйдя из комнаты, кандидаты попали словно в продолжение того туннеля, который привел их в тесную душную комнатку. Новый туннель, как и предыдущий, шел вниз в том же направлении.

Передвигаясь, Поль старательно контролировал свое дыхание, иначе легкие норовили работать, как кузнечные меха.

Между прочим, становилось все холоднее, а следующее помещение оказалось больше и просторнее других. Его пол был устлан зеленоватым камнем. С потолка на цепях свешивалась старинная масляная лампа. От звука слов ее пламя вздымалось к потолку.

Теперь это случилось с левой ногой. В тот момент, когда началось покалывание, Поль уже знал, что произойдет дальше. И все-таки совсем пал духом. Нога удлинилась и отяжелела. Приходилось неуклюже переваливаться, до боли выпрямляя одну ногу и держа согнутой вторую. Как Поль ни старался отогнать тревожные мысли, чудовищные превращения лишь усиливались по ходу ритуала.

По пути к следующей станции по относительно ровному просторному коридору ему предстало множество загадочных видений. Он даже боялся опереться рукой о стену — то там, то здесь проглядывало звериное лицо, похожее на маску, соблазнительно манила

женская грудь, цвел роскошный цветок или важно расхаживала экзотическая птица.

Поддавшись диковинным галлюцинациям, Поль совсем сбился с толку и даже не представлял, что их может ждать в следующем помещении. Вокруг медленно проплывали зодиакальные животные. Едва он сосредоточивался на одном из образов, как тот мгновенно распадался на калейдоскоп других видений. Поль махнул рукой на все и перестал замечать окружающее. Почти с благодарностью он воспринял пощипывание в правой ноге — по крайней мере хоть можно передвигаться без особого труда.

Теперь он шел вслед за остальными, осторожно переступая по бесконечным ступенькам огромными ногами. Процессия втянулась в очень темное помещение, где сталактиты и сталагмиты сливались в единую серебристую колонну. Ларик подвел к ней претендентов и расположил их по кругу.

Мозг Поля мгновенно прояснился. В него закралась тревожная мысль: а что же в действительности с ним происходит и как долго еще продлится церемония?

Видения и образы начали таять и рассыпаться. Только серебристая колонна гордо и величественно блистала в темноте, будто излучая силу. В ее свете сознание Поля прояснилось. Он вытянул вперед свои массивные ручищи и внимательно оглядел их. Где он мог видеть раньше подобные лапы?

Затем его руки упали безвольно по швам — он вспомнил. Эти руки — точная копия тех, которые были у чудовищных тварей там, за Вратами, в загадочной стране снов.

Что это значит? Почему кошмары воплощаются во время вроде благородного обряда посвящения? Не о таких ли метаморфозах предупреждал Ларик? А может, за этим кроется кое-что еще?

Поль поднял руку и дотронулся до лица, осторожно ощупал каждую черточку. Вроде ничего не изменилось, и в тоже же время...

Внезапно острая боль пронзила его живот. Спазма заставила согнуться. Непроизвольно Поль наклонился

вперед и обхватил грудь руками. И в этот момент Ларик вновь заговорил, но теперь совсем другие слова. Ремень вдруг врезался в плоть, пришлось его расстегнуть; тут же раздался треск лопнувшей под мантией одежды.

Когда боль отпустила, начал увеличиваться объем таза, бедра расширились и искривились. Теперь Поль с большим трудом сохранял вертикальное положение. Казалось, спина сгорбилась, и эта чудовищная кривизна влекла его к земле, требовала опоры на четыре конечности.

Он поневоле упал на руки. По ногам разлилась тупая боль.

Затем все померкло в полном безразличии. Секунды рационального мышления и трезвости иссякли, их сменила вереница видений и воздействия силы. Время текло неуловимо. Мысли кружились в круговороте повторений, почти бессознательно он сам произнес заученные фразы. Когда они снова двинулись в путь, Поль в забвении последовал за остальными, почти припадая к земле и неуклюже передвигая одеревеневшими ногами.

Ларик подвел их к люку в полу; дальше предстояло спускаться по шаткой лестнице. Поль подождал, пока прошли все участники, затем и сам начал рискованный спуск.

Лестница скрипела и трещала под его неподъемным телом; одна перекладина сломалась с громким треском, и он едва не рухнул вниз, однако схватился за боковины и, ободрав в кровь ладони, продолжил спуск.

Оказавшись наконец среди претендентов, он заметил, что два участника распростерлись на полу. Возле одного из них на коленях стоял Ларик и массировал грудь.

Поль сошел с лестницы и огляделся. Парень, которого приводил в чувство Ларик, что-то промычал и сел. Тогда Ларик тотчас перешел к другому — маленькому рыжеволосому человечку с гримасой боли на лице и крепко стиснутыми зубами — и приложил ухо к сердцу. Очевидно, он не уловил признаков жизни, так как снова вернулся к первому пострадавшему. Спустя не-

сколько минут помог ему подняться и вновь склонился над огненно-рыжим. Тот по-прежнему неподвижно лежал на полу.

Ларик ощупал его, покачал головой и встал, оставив лежащего в той же позе. Жестом приказал остальным построиться вокруг него, затем поднял вверх обе руки.

Едва возник силовой поток, ноги Поля вновь дали о себе знать. Боль была пронзительной, почти невыносимой. В конце концов разросшиеся ступни разорвали обувь и вырвались наружу. Полю прикрыл их мантией.

Ритуал шел обычным чередом. Ему показалось, что церемония подходит к концу. Скоро все завершится, и можно будет уйти куда-нибудь и уснуть...

Он сообразил, что сам произносит слова — как ни странно, самым обычным своим спокойным голосом. Закончив фразу, Полю закрыл глаза. Тотчас перед его глазами всплыл очень яркий образ. Он увидел осажденный Рондовал; вокруг замка свирепствовала буря. Потом видение покрылось дымкой, и на его месте возникло другое. На центральном балконе стоял высокий человек, на его шее развевался черный шарф, в руках он держал магический скипетр. Волосы незнакомца словно инеем были покрыты сединой, лишь черная прядь ярко выделялась, рассекая шевелюру на две части. Он пел, отдавая приказы своему неземному воинству, и разил врагов огненными молниями.

Напротив него стоял другой колдун, весь в белом — старый Мор. Старик явно одерживал верх, оборона противника слабела.

Седой незнакомец обмяк, затем убежал с балкона. Там он бросился в соседнюю комнату и начал творить магический ритуал с заклинаниями. Силы столкнулись. Мгновение спустя он уже стоял в центре Магического Круга, в воздухе носились слова заклятий. Внезапно в комнате возникло легкое завихрение, в углу около потолка закрутился дымок, клубившийся и густевший в такт заклятиям.

— Белфаниор нед септат! Бел...

Дверь с треском распахнулась, явившийся посланник рухнул на пол, покоренный силой заклятия.

— Ворота разбиты, враг ворвался... — успел выкрикнуть он, перед тем как умереть.

Колдун проговорил заклятие защиты, ударил скипетром и разорвал Круг. Он вышел из комнаты, прошел через холл и оказался в другом помещении. Там схватил висящий на стене мощный магический лук, затем вынул из колчана единственную стрелу и вышел.

Потом Поль увидел его уже внизу — незнакомец пустил стрелу и сразил командира атакующих. Далее он схватился со старым Мором. Мор одержал верх, и сраженный колдун умер под грудой обрушившихся каменных глыб.

Видения поплыли словно в тумане. Шторм стихал, битва угасала. Поль увидел Мора верхом на кентавре, они двигались к западу. Тело мертвого волшебника вез другой кентавр.

Картина вновь затуманилась.

В пещере, освещаемой лишь слабым огоньком посоха Мора, он был один на один с мертвым колдуном. Тело лежало на каменной плите лицом вверх, руки скрещены на груди. Склонившись над телом, Мор возился с лицом покойника — что-то прижимал и разглаживал. Немного позже он резко поднял руки — и будто бы сорвал лицо!

Нет, не лицо. Маску. Только теперь Поль заметил, как похожи черты лица Мора на черты мертвого волшебника.

Он начал что-то тихо шептать, но Поль не мог разобрать слов. Его внимание было приковано к серебряной нити, незримо окутавшей маску.

Образ подернулся рябью, затем все распалось.

Поль открыл глаза. Все претенденты застыли в состоянии внутреннего созерцания, по комнате эхом разносились слова. Ларик стоял с воздетыми вверх руками, медленно прихлопывая в такт последним своим фразам. Потом он обошел всех кандидатов и остановился возле рыжеволосого мертвеца. Поднял его, взвалил себе на спину, затем, двигаясь по периметру, разорвал Круг. Ларик оглянулся и жестом пригласил следовать за ним.

Они вышли из комнаты и двинулись по широкому туннелю, приведшему в огромную пещеру — неправильной формы, щедро украшенную большими сталактитами, создававшими причудливые закутки. Здесь было значительно холоднее, и голова Поля начала проясняться.

Ларик обошел вокруг пещеры и пристроил тело в одном из закутков.

Вернувшись, он взобрался на небольшое возвышение и обратился к претендентам:

— Крендел оказался единственным, кто не выдержал воздействия сил. Остальные, можно сказать, так или иначе прошли испытание. Еще несколько недель магическая энергия нового уровня будет искать свой баланс, лишь затем ваши способности стабилизируются. Поэтому я не рекомендую вам пока практиковать Искусство — результаты могут принять непредвиденный оборот. Отдыхайте, ограничьте свою деятельность исключительно материальным планом, отвлекитесь на время от магии. Когда почувствуете, что готовы, начинайте с самого малого — и внимательно себя контролируйте. Так, потихоньку, продвигайтесь от простого к сложному, и то лишь тогда, когда убедитесь, что все идет нормально.

Он оглянулся через плечо и указал направление.

— Этот туннель выведет вас наружу. Я сам буду провожать вас, каждого по отдельности, навстречу рассвету... Ты первый, — сказал Ларик рядом стоящему. — Пройди несколько метров и подожди меня, я догоню тебя через минуту.

Он спустился с насыпи и повернулся к Полю.

— Пойдем, — промолвил он и повел его в один из темных сталактитовых закоулков.

— Что-то пошло не так, — прошептал Польш, — я стал чудовищем, а никто этого даже не заметил.

— Все правильно, — ответил Ларик.

— Значит, я не прошел испытания? Ведь обряд посвящения уже закончен.

— Одержимый Магией! — сказал Ларик. — Твое превращение не имеет ничего общего с благородным

обрядом. Можешь ли ты заявить, что никогда ничего не слышал о замке Авинконет?

— Да, никогда не слышал.

— И ничего не знаешь о Вратах и черном, зловещем мире?

Поль нахмурился.

— Понятно, — сказал Ларик, вздохнув. — Все, что я сделал с тобой, крайне необходимо. Я использовал возможность воздействовать на твой мозг на каждой ступени посвящения и наложил силовые оболочки — они часть за частью превращали твоё тело в подобие тех тварей, которых ты видел в том проклятом месте. Конечно, твой разум остался неприкосновенным.

— Зачем? — спросил Поль. — Что я сделал тебе?

— Лично мне ничего, — ответил Ларик. — Но зло, которое ты несешь, настолько велико, что мои действия оправданы. Потихоньку узнаешь, что лежит перед тобой. Теперь извини, я должен вернуться к остальным посвященным.

Поль протянул длинную когтистую руку, пытаясь схватить его.

Ларик сделал едва уловимый жест, и рука застыла в воздухе.

— Я имею полный контроль над твоим новым телом, — произнес он торжественно, — я обернул тебя целой сетью практически неразрушимых заклинаний. Видишь, с какой легкостью я способен тебя парализовать? Кроме того, я прикрыл твою внешность маскировочными чарами. Только ты зришь себя таким, каким ты стал на самом деле, — еще одно необходимое напоминание. Ты сейчас практически творение моих рук.

— А ты так тревожился из-за черной магии, — насмешливо произнес Поль. — Не конкуренции ли опасаешься?

Ларик вздрогнул и отвел глаза.

— В данном случае все, что я предпринял, необходимо для борьбы со страшной заразой.

— Только не надо проповедей. Я ничего дурного не совершал. А вот ты — да.

Ларик пошел прочь. Поль закричал ему вслед, но крик оборвался, когда Ларик обернулся и сделал еще один жест рукой. Теперь Поль вовсе не мог говорить.

— Я приду за тобой в последнюю очередь, и мы отправимся в замок Авинконет, — сказал Ларик, затем рассмеялся и добавил: — Постарайся никуда не уходить.

Он скрылся за сталактитовым выступом и исчез из виду.

До Поля донесся звон капающей в бассейн воды. Он слышал собственное хрипкое дыхание, гул голосов остальных посвященных, беззаботно обсуждающих события ночи и собственные переживания.

Если магия породила его, то она может его освободить, думал Поль. Но он не мог обнаружить источника своей силы. Казалось, какая-то часть его беспробудно спит. Он стал размышлять над словами Ларика, вновь и вновь копался в памяти, пытаясь отыскать ключ к загадке происходящего. И, кстати, как может быть связана нынешняя ситуация с тем нападением колдуна в Рондовале, с которым так бравво расправился Маусглов?

Внезапно донесся звук приближающихся шагов. Слишком рано, чтобы вернулся Ларик, но...

Перед ним появился высокий, не ниже Ларика, мужчина, правда, чуть полнее. Его лицо постоянно менялось, словно маски наплывали одна на другую. Глаза бегали, нос то морщился, то надувался, ноздри раздувались. Когда незнакомец открыл рот, чтобы произнести слова, Поль увидел сверкающий ряд зубов. Он перешел на внутреннее зрение, но так и не мог проникнуть сквозь защитную оболочку, которой ловко замаскировался пришелец.

— О, я вижу, моя маскировка до сих пор на тебе держится, — раздался знакомый голос. — Но что стряслось с остальными?

Поль обнаружил, что не может даже промычать в ответ.

— Боже, — воскликнул незнакомец, — что за ужасное тело! Такое чудовище способно понаделать дел, я бы сказал, только дай ему волю. Хотя, полагаю, ты

довольно сильно привязан к своему собственному телу, а?

Он поднял голову; два глаза — огромный и совсем крошечный — с интересом разглядывали Поля. Размеры глаз постоянно менялись, менялось и само выражение лица.

— О, прости меня, — повторил незнакомец, — совсем забыл, что ты не можешь говорить.

Он протянул руку и легонько ударил Поля по губам. После секундной боли по лицевым мышцам прокатилась волна расслабления. Польш ощущил, что его челюсти разжались и он в состоянии даже пошевелить головой.

— Какого черта вам нужно? — выдавил Польш.

— У меня совсем нет времени на объяснения, даже при всем желании, — ответил незнакомец. — История очень длинная, а сейчас надо заняться более важными делами. Кажется, все идет прекрасно. На твоём месте я бы не беспокоился.

— Что ты называешь «прекрасно»? — огрызнулся Польш, указывая на свое чудовищное уродство.

— Ну, не обязательно все оценивать с эстетической точки зрения. Я имею в виду развитие событий. Теперь Ларик думает, что заполучил тебя с потрохами.

— Вообще-то я склонен с ним согласиться.

— Дело легко исправить, если ты хочешь продолжить игру.

— Но я даже не знаю ни правил, ни ставок.

— Это будет частью твоей награды, если все пройдет хорошо. Ты получишь ответы на все вопросы — даже на те, которые до сих пор не задавал.

— Например, кто ты такой и чего добиваешься?

— Безусловно.

— А мне понравится то, что я выясню?

— Это вопрос вкуса, здесь каждый сам себе судья.

— У меня есть выбор?

— Да, ты можешь действовать самостоятельно — или будут действовать с помощью тебя.

— Что я должен сделать?

— Для начала следовать за ходом событий, выяснить замыслы твоего пленителя и решить, нужно ли тебе это. Затем ты сам начнешь действовать в соответствии со своими желаниями. Ларик уверен, что ты полностью в его власти, но я сейчас разорву все его детские заклатья. Сбросим, как шелуху, это достаточно умело сработанное произведение, в которое он тебя облачил, и восстановим твою юношескую, слегка утомленную плоть. Затем я покажу тебе работу истинного мастера. Освободив и восстановив твое тело, я замаскирую его так же, как и твое лицо, — ты якобы останешься тем же уродом, в которого тебя превратил Ларик. Ну а на бис я покрою тебя защитной оболочкой, аналогичной той, которая скрывает твои подлинные черты от слишком любопытных глаз...

— Маскировка под маскировкой?

— Именно так.

— Чего ради?

— В свое время те, кто желает видеть тебя поверженным, должны быть уверены, что под внешним словом прячется пойманное чудовище.

Высокий колдун шагнул вперед и встряхнул его за плечи. В тот же момент Поль почувствовал боль, словно от электрического разряда. Руки онемели. Он безвольно повис. На пол с грохотом упали его ботинки, которые он долгое время нес под мышкой.

Колдун схватил молодого человека за руку — острая боль волной прокатилась по ней. Боль стала невыносимой, Поль едва справился с ней, прежде чем осознал, что незнакомец держит уже другую руку и что-то мурлычет, склонившись над ней. Было ли это мурлыканье частью процедуры, Поль не мог определенно сказать. Незнакомец начал производить серию довольно сильных ударов вдоль позвоночника одной рукой, одновременно другой постукивая по ребрам в области сердца. Даже своим чудовищно раздувшимся массивным телом Поль ощутил, что мужчину никак нельзя назвать слабым.

Потом из носа и рта со свистом и хрипом вырвался воздух, и в тот же момент его грудная клетка обрела

нормальные размеры. Поль развел плечи и начал выпрямляться. Одновременно он получил по сильному удару в промежность и в живот, там тоже начались долгожданные превращения. Поль смог полностью распрямиться и теперь наслаждался слегка болезненными ощущениями обретаемого вновь тела. Колдун заколотил по его ногам, и Поль почувствовал разливающуюся в них боль.

— Должен сказать, что ты слишком рьяно принял за меня, — заметил он.

— А ты предпочел бы шестичасовое бормотание заклинаний и удушливые ароматы?

— С успехом не спорят.

— Похвально. Я начинаю создавать первую маскирующую оболочку, скрывающую тебя такого, как ты сейчас.

Все покрылось словно мраком, затянулось серым непроницаемым туманом, скрыв жесты и выражение лица незнакомца. Поль почувствовал, как запульсировало под оболочкой родимое пятно в форме дракона в ответ на присутствие настоящей магии. Туман вокруг него сгущался, окружив непроницаемым коконом, начал уплотняться, затем стал просачиваться под одежду.

Колдун вздохнул и выпрямился.

— Это все, что они увидят. Если им удастся заглянуть под наружную маску, то разглядят лишь то, что я скоро сотворю. Однако я должен предостеречь тебя относительно наружности.

— Что-нибудь может произойти?

— Ты должен вести себя так, будто ты еще под контролем. Когда Ларик вернется, застынь в том же состоянии, в каком он тебя парализовал. Следуй всем его приказам, словно у тебя нет выбора. Если ты отступишь, ты потеряешь свой шанс узнать кое-что о будущем. Тебе придется бороться собственными силами.

Поль кивнул. Он внимательно оглядел себя и вновь увидел уродливые формы, но теперь не ощущал их.

— Я скрою от окружающих наружную оболочку чудовища так же, как это сделал Ларик, — произнес колдун, — но оставляю ее видимой для тебя. Это еще

раз напомнит тебе, как нужно себя вести — неуклюже и послушно.

Поль внимательно следил за руками колдуна и за сложными жестами, которые они вытворяли.

— Ты видишь нити, когда творишь заклятия? — спросил Поль.

— Иногда, — ответил колдун, — но сейчас я вижу лишь пучки цветных лучей, которые я перехватываю. Тихо. Дай сосредоточиться.

Поль вглядывался в постоянно меняющееся выражение лица незнакомца, пытаясь отгадать его истинные черты. Но каждый раз возникали новые сочетания, и ничего нельзя было принять за образец.

Движения прекратились, колдун выпрямился.

— Той ночью, в лагере, ты говорил мне, что наши интересы могут не совпадать.

— О, вероятность этого равноценна игре в чет или нечет, — ответил незнакомец, — я надеюсь на лучшее. Да и в любом случае я, по крайней мере, буду уверен, что сделал все от меня зависящее. Кроме того, в данный момент мы оба хотим одного и того же: чтобы ты вышел отсюда, обманул своих врагов, сориентировался.

— А что может произойти, когда я выйду отсюда, — есть какие-нибудь соображения?

— О да. Тебя тут же похитят — увезут в Замок Авинконет.

— Ларик тоже говорил об этом. Но кто еще замешан в этом? И что меня ждет в конце?

— Лучше будет, если ты сам найдешь ответы на все вопросы.

— Черт побери! Ты что-то скрываешь!

— Ну и чем же я отличаюсь от остальных?.. Давай, парень, действуй. Сыграй свою партию до конца!

— Не обращай со мной свысока! Просто, чтобы разобраться, мне нужно больше информации.

— Закрой рот, — прошептал колдун и повернулся. — Займи прежнюю позу. По-моему, кто-то идет.

— Но...

— Молчание, — произнес незнакомец и исчез за углом.

Глава 7

Маусглов забился в горную нишу, слева от входа в пещеру. Его капюшон трепетал под порывами утреннего ветра. Встающее солнце давало начало новому дню, щедро окрашивая красками и блеском пробуждающийся город, покинутый им несколько часов назад.

Мимо уже проследовали восемь участников посвящения. Каждого из них сопровождал Ларик. Они приветствовали рассвет, затем отправлялись по домам, по одному или в сопровождении слуги или наставника.

Заслышав шаги, Маусглов встрепенулся и повернул голову к входу. Увидев в проеме Поля, он встал, выпрямился — но не бросился навстречу. В противоположность другим, Поль уже снял свой белый саван. Его походка была медленней обычной и более неуклюжей. Лицо Ларика, одетого в ту же одежду, что и днем, все в том же красном платке на голове, уже не было столь торжественным и важным, как когда он выводил из Белкена остальных. Колдун что-то быстро проговорил Полю, лишь только они вышли наружу. Они оба тут же повернулись налево и начали удаляться.

В полном недоумении Маусглов вышел из своего убежища и поспешил за ними.

— Доброе утро, — сказал он, — как прошла ночь?

Ларик чуть споткнулся и оперся на руку Поля. Но когда он повернулся, его лицо было совершенно спокойно. Поль тоже медленно повернулся, на его лице застыла безразличная, ничего не выражающая маска.

— Доброе утро, — ответил Ларик, — твой друг в полном здравии физически, но многие, кто проходят

испытания, подвергаются в разной степени эмоциональным и психическим расстройствам. Беда не миновала твоего друга.

— Это очень серьезно?

— Все зависит от многих причин — но, как правило, дело поправимо. Я как раз тороплюсь помочь ему.

— Именно поэтому вы пропустили приветствие рассвета?

Глаза Ларика сузились от негодования. Он был явно уязвлен осведомленностью Маусглова.

— Возможно, ты прав, традиции нужно соблюдать до конца.

Он вернулся назад к тому месту, где стояли остальные и начал готовиться к заключительной процедуре ритуала.

— Поль! Ты, по крайней мере, узнаешь меня? — спросил Маусглов.

Ларик обернулся.

— Конечно, узнает, — заверил он. — Но, согласно ритуалу, не имеет права ни к кому обращаться, пока не кончится обряд. Ты сможешь услышать его ответ через несколько минут.

Колдун повел Поля к площадке, что-то тихо и быстро говоря ему на ухо. Маусглов огляделся по сторонам. Спустя некоторое время он увидел, как Поль поднял вверх руки и повернулся лицом к встающему солнцу. Едва Поль начал бормотать приветствие, Ларик немного отошел от него. Маусглов внимательно следил за ними, спрятав под плащ руки.

Закончив сокращенный гимн солнцу, Поль повернулся.

— Не знаю; насколько все это серьезно, — произнес наконец он, — но сейчас мне нужно на какое-то время уйти вместе с Лариком, иначе я могу упустить все шансы на успех.

— Надолго?

— Понятия не имею. Столько, сколько потребуется.

— Возможно неделю, другую, — вставил Ларик, — иногда даже дольше.

— Куда ты ведешь его? Я пойду с вами.

— Я не могу сказать тебе, пока не проконсультируюсь с экспертами. Возможно, его вылечат здесь. А может быть, беднягу придется увезти в другое место.

— Куда?

— Будет видно после консультации.

— Поль, — сказал Маусглов, — ты уверен?..

— Да, — ответил Поль.

— Прекрасно. Пойдем. Если все будет происходить здесь, я подожду. А если где-нибудь в другом месте, я поеду с тобой.

— Не нужно, — ответил Поль и отвернулся. — Я больше не нуждаюсь в тебе.

— Тем не менее...

— Ты будешь обузой! — закричал Ларик и вскинул вверх руку.

Маусглов двинулся за ними, однако без прежней проворности. Члены его тела вдруг лишились своей чувствительности и силы. Он упал, а рука продолжала сжимать рукоятку пистолета, который он так и не успел вытащить.

Еще не придя в себя окончательно, Маусглов услышал едва уловимый, постоянно прерывающийся шаркающий звук. Когда наконец он открыл глаза, его взор тупо уперся в маленький серый холм, поросший мхом, и россыпи гравия. День стоял уже в разгаре.

Маусглов медленно пошевелил левой рукой и пододвинул ее ближе к плечу, оперевшись ладонью о землю. Он еще долго пролежал в такой позе, пока не почувствовал холод камня.

Вновь раздалось шарканье. Он слегка приподнял голову, и в тот же миг его шею пронзила острая боль. С огромным трудом Маусглов пододвинул вторую руку, немного отдохнув, приподнял свое отяжелевшее безвольное тело, затем, упираясь ногами, попытался сесть. С третьей попытки ему удалось занять сидячее положение, но он еще долго раскачивался, превозможая боль и головокружение.

Обретя устойчивость, он огляделся и увидел ту площадку, где стояли Поль и Ларик. События сегодняшнего утра понемногу оживали в его памяти. Маусглов повернулся к востоку; положение солнца подсказало ему, что он провалялся больше часа.

Он еще раз прокрутил в памяти события утра, пытаясь отыскать какую-нибудь зацепку или отгадку того, что могло произойти внутри горы и что нужно делать. В следующий раз при споре с колдуном пистолет надо держать наготове, со взведенным курком.

Из глубины горы опять донесся слабый шум. Маусглов согнул колено и, со всей силой толкнув размякшее тело, сумел подняться. В тот же момент шарканье шагов раздалось теперь возле самого выхода.

Он поднял пистолет и прицелился, взведенный курок с готовностью клацнул.

Шаги приближались. Спустя секунду в проеме показался маленький огненно-рыжий человечек, одетый в грязно-белый саван. Человечек оперся спиной о скалу; его глаза безумно бегали, голова тряслась. Маусглова он будто и не замечал. Он дергался и раскачивался, словно припадочный, с мертвенно-бледным лицом.

Маусглов долго и внимательно наблюдал за ним, прежде чем решился заговорить.

— Что произошло? — спросил он, не сводя пистолета.

Голова дернулась, безумно выпученные глаза лихорадочно вращались, не в силах сосредоточиться на источнике звука. Наконец во взгляде незнакомца появилась некоторая осмысленность. Выражение его лица заставило Маусглова содрогнуться от ужаса.

— Что произошло? — повторил он.

Человечек шагнул вперед, вытянул белую руку с растопыренными пальцами, открыл рот. В его горле что-то захрипело, он пошевелил пальцами и потрогал кончик языка. Снова робко шагнул вперед, высунул язык и протянул обе руки.

Сделал еще один шаг, затем еще один, еще; его правая рука судорожно дергалась, ощупывая воздух. Человечек широко открывал рот, но в горле рождались

только бульканье и хрипы, хотя походка незнакомца стала тверже и уверенней.

— Стой! — воскликнул Маусглов. — Что тебе нужно?

Человечек что-то прорычал и бросился вперед.

— Стой! — снова закричал Маусглов.

Человечек опять шагнул вперед, и Маусглов спустил курок.

Пуля попала в левую руку незнакомца, развернув его и качнув в сторону. Какое-то время он беспомощно раскачивался, затем рухнул на колени, даже не пытаясь схватить и зажать пораженное место. Затем почти тотчас поднялся, повернулся к Маусглову и замычал.

— Не заставляй меня стрелять снова, — заорал Маусглов, взводя курок. — Я узнал тебя. Ты один из кандидатов. Скажи, что тебе нужно?

Человек подался вперед, Маусглов выстрелил.

Мужчина вздрогнул, дернулся, но на этот раз устоял, выпрямился и двинулся вперед. Его горло отчаянно изрыгало целый поток бульканья и хрипения.

— Все хо-о... о... о... р... р... о... ш... — наконец выговорил он.

Маусглов облизал губы и прицелился.

— Ради всего святого, стой! Я не хочу убивать тебя!

— Неее... важжж... но. С... с... слушай, — произнес человек.

Его лицо по-прежнему ничего не выражало, глаза безумно вращались, протянутые руки тряслись и дергались. Маусглов отступил назад на три шага, незнакомец двинулся на него. Тогда Маусглов прицелился прямо в грудь противника и выстрелил.

Человечек пошатнулся, упал навзничь, почти тут же сел, затем начал вставать на ноги.

— Нет! — взмолился Маусглов, — Пожалуйста! Остановись!

— Остановись! — повторил человек голосом, лишенным всяких эмоций. — Слушай, слушай, слушай! Поль. Важ... но. Для тебя.

— Поль? — переспросил Маусглов, взводя курок. — Что с ним?

— Да. Поль. Да. Теперь ты по... о... ни... ма... ешь меня. Да?

— Тогда замри на месте! Не подходи ко мне!

Человечек медленно поднялся на ноги. Внезапно Маусглов осознал то, что раньше лишь смутно тревожило его, — раны незнакомца не кровоточили. В тех местах, где прошли пули, одежда была разорвана и слегка обгорела. Но сквозь нее не просачивалась красная кровь.

— Замереть на месте? Где — здесь?

— Да. Я хорошо слышу. Говори. Что с Полем?

— Поль, — прохрипел незнакомец, покачиваясь, — в беде, Маусглов. Слушай.

— Я слушаю. Что случилось?

— Ларик наложил на него заклятие.

— Что еще за заклятие? Существует кто-нибудь, кто способен снять его?

— Не нужно. Уже сняли. Но Ларик не знает об этом.

— Тогда у Поля с мозгами все в порядке?

— Как обычно.

— А Ларик думает, что он под контролем?

— Да. Так захотел Поль.

— Куда его повели?

— В замок Авинконет.

— К Райлу Мерсону! Мне следовало догадаться... Я пойду за ними и помогу ему.

— Только не теперь. От тебя будет мало пользы. Скорее всего тебя убьют. Лучше поступить по-другому.

— Как?

— Иди к шефу Поля.

— Ибалу?

— Да. Расскажи ему, что случилось. Попроси о скорейшей переброске тебя в Рондовал.

— Допустим, он согласится. Что дальше?

— Ты умеешь разговаривать с драконами?

— Боюсь, нет. Но попробую.

— Расскажи старейшему из них — Лунной Птице, пусть отнесет тебя к мертвому кратеру на горе Анвил и поможет отыскать магическое оружие.

- Посох?
- Да.
- Хорошо, а потом?
- Отнесешь его Полю в Авинконет.
- С ним ничего не произойдет за это время?
- Его могут уничтожить в любой момент, по малейшей прихоти. Но если он останется в живых, посох ему здорово пригодится.
- Кто ты?
- Не знаю.
- Откуда тебе обо всем известно?
- Я был там, в пещере.
- Почему ты хочешь помочь Полю?
- Не могу сказать определенно.
- Почему я не сумел убить тебя?
- Бездыханное тело нельзя убить.
- Теперь я ничего не понимаю.
- Ты достаточно узнал. Прощай.

Рыжеволосый рухнул на землю и застыл.

Маусглов осторожно приблизился к нему. Незнакомец не дышал, Маусглов дотронулся до его щеки. Она была холодна, как лед. Он поднял правую руку человечка. Она тоже была холодной и уже окостенела. Он поочередно стал сжимать каждый палец незнакомца. Пальцы побелели и так и остались белыми. Наконец он склонился ухом к его груди, рядом с простреленным местом. Там царили холод и тишина.

Маусглов скрестил руки на груди покойника, прикрыл ему лицо капюшоном. На площадке, где стояли Поль и Ларик, он отыскал их следы и пошел по ним. Но следы скоро исчезли, затерялись в камнях. Еще несколько минут Маусглов потратил на поиски новых следов. Затем развернулся к городу иллюзий и начал медленно спускаться к сверкающим башням.

Глава 8

Ветер свистел в ушах яростно рвал и развевал кашпошон, Поль сидел на спине небольшого дракона крепко прижавшись к его плечам — маленькое коричневое существо было уменьшенной копией тех мощных гигантов, которые обитали в Рондовале. Поль обхватил ногами круп дракона, руки сжимали упряжь.

В двадцати метрах впереди и чуть выше летел Ларик, оседлав такое же создание с кожаными крыльями. Иногда колдун оглядывался на Поля, сохранявшего спокойный равнодушный вид. Огромное количество блестящих нитей, видимых только внутренним зрением, накрепко привязало их друг к другу.

Поль размышлял, насколько трудно будет убить Ларика, когда наступит время. Магия слишком ненадежна и медлительна, когда дело касается другого колдуна. Он решил действовать быстро, без предупреждения, со всей своей силой и сноровкой, как только узнает, что хотел, и сможет обойтись без этого человека. Было бы непростительно глупо оставлять в живых врагов подобного сорта.

Солнце склонилось к западу предвещая скорый конец дня, на небосклоне уже зажегся узкий блестящий серп луны. Верхушки облаков окрасились бледной дымкой и тускло поблескивали. На северо-западе куда они держали путь, замаячил смутный силуэт гор.

За день путешественники уже четырежды пересекали горные цепи. Гряда, видневшаяся впереди была окаймлена высокими пиками вершин. Плечи и ноги Поля онемели от неподвижности и теперь ныли. Он бро

сил взгляд на Ларика; казалось, тот совсем не устал — сидел, наклонившись вперед и крепко сжав губы, упрямо глядя перед собой, словно пытаясь прожечь дыру в черном небе.

Авинконет. Авинконет... Поль часами повторял это название в ходе полета. Он совершенно откровенно и правдиво сказал Ларику, что ничего не знает о нем, тем не менее... Теперь ему чудилось, что в названии есть что-то знакомое. Возможно, он встречал его в записях отца... Нет, не вспомнить ничего конкретного.

Авинконет. Авинконет и Рондовал. Могла ли между ними быть связь?

Солнце уже совсем скрылось за горизонтом, луна светила ярче — теперь серп месяца, искупавшись в слезах уходящего дня, во всей красе виднелся прямо перед ними, зацепившись за пик. Эта одиночная высокая гора открывала цепь хребтов, расположившихся за ней. Поль уже чувствовал, что узнает ее.

Авинконет был замком его снов, куда он проникал через Врата. Его всегда преследовала мысль, что это вполне реальное место. Но чтобы действительно посетить его, увидеть воочию...

Предстоящая встреча всколыхнула в нем целый рой чувств. Он обнаружил, что нервничает, боится посещения страшного места, Врат... В то же время что-то разжигало любопытство Поля, его преследовала мысль, что там нужно кое-что сделать, исполнить до конца начатое, несмотря на подспудный страх. Чувства были настолько противоречивы, что Поль сам не понимал, как поступит в ближайшем будущем.

Впереди вырастали зловещие холодно-серебряные сооружения. Огромная центральная башня была выстроена ступенчатыми террасами, на ее уровнях приютились многочисленные башенки со сверкающими куполами. Центральную цитадель окружал высокий мощный крепостной вал с узорчатыми зубцами, стены пестрели множеством бойниц, по периметру в углах расположились сторожевые вышки. С правой стороны башни во многих местах светились окна, по другим сторонам черные стекла отбрасывали мертвенный блеск.

Поль скользнул по замку внутренним зрением и сразу же заметил огромный пучок нитей, уходящих высоко в небо со стороны заднего двора. Увидел также и тонкий световой луч, опоясывавший переднюю стену слева направо. Лучик волнообразно пульсировал.

Оказавшись над замком, Ларик направил свою летающую лошадку в центр огромного круга. Преодолевая сопротивление ветра, Поль последовал за ним, и они начали медленный спуск.

Пока они шли вниз, кружа над внутренним двором, Поль продолжал наблюдать за маленьким огоньком, видимым только внутренним зрением, тем более что пришлось пролететь совсем близко от него. К нему была прикреплена прозрачная длинная нить. Внешний вид этой картины навеял Полю траурные мысли и печальные предчувствия.

Опустившись совсем низко, Поль обнаружил, что тыльная стена огороженной области представляла собой грубую горную породу — это был склон горы, то там, то здесь виднелись просверленные темные отверстия неправильной формы, некоторые из них были загорожены. На этом уровне светящийся след исчезал из виду.

Посадка оказалась довольно жесткой. Ларик тут же спешился, Поль почувствовал, как дернулось его тело, затем напряг и расслабил одеревеневшие мышцы и последовал за ним. Колдун расседлал зверей, прокричал им приказание и проследил, как они скрылись в одной из пристенных пещер. Затем пошел за ними и что-то потянул в темноте. Металлическая решетка с грохотом опустилась возле стены, закрыв входы и выходы. Гулкое металлическое эхо еще долго звенело в дальних уголках двора.

Ларик повернулся к Полю.

— Мы очень быстро добрались благодаря попутному ветру, — сказал он. — Я предполагал, что мы доберемся уже за полночь. Возможно, он захочет увидеть тебя прямо сейчас. Не знаю. Пойду проверю.

— А он — это кто? — осведомился Поль.

— Райл Мерсон, хозяин Авинконета.

— Чего он от меня хочет, чародей?

— Это он сам тебе скажет. Пошли.

Поль уловил, как напряглись и потянули вперед нити заклинаний, прикрепленные к его персоне. Он не сопротивлялся и покорно позволил себя увести в сводчатый проход, расположенный, похоже, на северной стороне горы. Они пошли вдоль мощеного камнем коридора, затем стали петлять по многочисленным поворотам и закоулкам. Влево, вправо, влево, влево, запоминал Поль.

Внезапно они остановились около тяжелой низкой двери, чуть-чуть приоткрытой. Ларик с силой надавал плечом и распахнул ее. Поль заметил, что ее можно закрыть снаружи на весьма внушительный деревянный засов.

— Входи, — велел колдун, нити ожили и повлекли Поля вперед.

Поль сделал несколько шагов и огляделся. Вдоль правой стены шла огромная деревянная скамья. Комната была очень маленькой, с низким потолком. В ней не было окон, лишь несколько вентиляционных щелей виднелись в каждом углу у самого потолка. На скамье лежали драное одеяло и груда разного тряпья. На полу стоял горшок. На стене над скамьей висел подсвечник.

Поль обошел всю комнату и повернулся. Ларик уже стоял за порогом. Поль почувствовал, что принудительное помывкание им исчезло.

— Что на ужин? — спросил он.

— Если он не сможет встретиться с тобой, я что-нибудь пришлю, — ответил Ларик.

— А я пока просмотрю список вин.

Ларик устался на него, затем покачал головой.

— Тебе следует быть посдержанней. Не хочу, чтобы ты здесь все разнес в щепки. Пойди и спокойно сядь на скамью.

— Хорошо, чародей. Никаких разрушений и ущерба.

Поль прошел вдоль комнаты и уселся на скамью. Тут же он почувствовал, как заработали и запульсировали нити заклинаний.

— У тебя здорово получается, — сказал он.

— Спасибо.

— ...Но не думаю, что это поможет тебе в конце концов.

Ларик прыснул.

— До конца еще слишком далеко!

— Никогда не покупай долгоиграющих пластинок, — посоветовал Поль.

— Что ты имеешь в виду?

— Даже если ты поймешь, будет уже поздно.

— Ладно, поступай, как знаешь, Чейнсон.

— Вероятно, так я и сделаю.

Дверь закрылась. Комната погрузилась во мрак. Поль услышал, как щелкнул засов, и с отвращением сбросил с себя нити заклинаний.

Его забавляла идея внедрить одну из нитей в Ларика. Это позволило бы проследить все его передвижения и увидеть то, что с ним связано. Поля раздрало любопытство, он отгонял от себя страхи рискованности мероприятия.

Он скользнул по комнате внутренним зрением — казалось, все плавало в жемчужном сиянии. Около двери извивалась бледная золотистая нить. Он протянул вперед правую руку и напряг волю. Под толстым слоем маскировки ощутил пульсацию в драконовом родимом пятне.

Нить медленно поползла к нему.

Намотав ее на пальцы, Поль почувствовал легкое электрическое покалывание. Он освободил мозг от всех мыслей, и возникшая пустота стала немедленно заполняться образами и впечатлениями, навеянными нитью. Тотчас он осознал, что уже нагоняет беглеца-чародея. Ларик расслабился и забыл о всякой осторожности, пребывая в уверенности, что Поль лишен всех магических средств и полностью подчинен ему.

Он последовал за Лариком. Попетляв по коридорам, колдун поднялся по лестнице. С одной стороны площадки было огромное окно, за ним вновь тянулись ступеньки. Ларик шел по роскошным холлам, пока наконец не вышел в галерею, ведущую к двойной двери,

щедро украшенной витиеватым орнаментом. Слуга в ливрее, примостившийся на низкой скамеечке справа от входа, встал при появлении Ларика, на его лице появилась улыбка приветствия.

— Не спит? — поинтересовался Ларик.

Слуга покачал головой.

— Скорее всего спит. Недавно лег и просил не беспокоить.

— О, конечно. Когда он проснется, Мак, скажи ему, что я доставил того человека, которого он хотел.

— Если проснется, то передам. Но я не думаю, что он встанет раньше утра.

— Тогда я пойду распоряжусь насчет еды для парня. Что там можно ему подать?

— Немного мяса с хлебом, я думаю, можно еще добавить пиво.

— Райл вернулся раньше, чем я ожидал...

— Обратный путь утомил его. Решил поспешить.

— Ладно, не рассказывай. Я иду на кухню. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Поль вновь последовал за Лариком. Теперь они спустились вниз и двигались по направлению к заднему двору. Колдун шел заметно медленней. Поль слышал, как он отдавал распоряжения насчет еды усталой полной женщине среднего возраста, которую он оторвал от собственной поздней трапезы. Затем Ларик приготовил легкий холодный ужин для себя и быстро поел.

Поль сохранял связь, однако почувствовал, как волна голода атаковала его, и голодный желудок отозвался призывным бурчанием. Краем глаза он узрел женщину, ставящую еду на поднос.

Ларик прикончил второй бокал вина, вздохнул и тяжело поднялся. Он пожелал женщине доброй ночи, посетил уборную, затем вновь принялся петлять по бесконечным коридорам, вверх и вниз по лестнице. Прodelав долгий путь, колдун оказался в северо-восточном крыле здания.

Поль старательно запоминал хитрые коридоры и маршрут, полагая, что Ларик движется в собственные

апартаменты. Но путь шел все ниже и ниже и, казалось, вел в глубь горы.

Следы роскоши исчезли. Помещения, по которым они проходили, скрывались под плотным слоем пыли, в них явно не ступала нога человека. Они служили свалкой старой сломанной мебели. Вокруг царила мрачная черная пустота.

Ларик соорудил небольшой светильник на кончике ножа и поднял его над головой, словно факел. Прыгающие блики отбрасывали уродливые тени на голых каменных стенах. Некоторое время колдун шел прямо, потом свернул в расщелину. Оттуда вниз вели узкий коридор и лестница с грубо высеченными ступенями. Коридор становился все уже и уже, потолок стал нависать ниже. Поворот. Ларик шел очень медленно и осторожно. Он повернул еще два раза, приблизился к высокому массивному выступу. На вершине его располагалось что-то большое и блестящее.

Ларик поднял руки и стал цепляться за камни. Огонек погас, как только он начал карабкаться вверх. Поль почувствовал, что его дыхание стало более глубоким. Достигнув вершины, колдун рухнул на колени и замер. Поль не мог отгадать, что помещалось перед ним, так как у Ларика что-то вдруг случилось с глазами.

Он подождал, но больше ничего не происходило.

Принесли долгожданную пищу, и Поль прервал контакт.

Покончив с едой, Поль оттолкнул пустой поднос и опять поискал золотистую нить. Но она либо куда-то ушла, либо вообще рассеялась. Следовало, конечно, ее к чему-нибудь прикрепить до лучших времен... Хотя, с другой стороны, он устал, а до утра его беспокоить не будут.

Поль соорудил на лавке постель из тряпья и растянулся на нем, укутавшись одеялом. Почти мгновенно он задремал, а мириады образов событий последних дней закружились перед глазами. Но они быстро таяли, сознание захватывала иная реальность.

На мгновение его пронзил холод, затем Поль вновь очутился возле массивных Врат. Он чувствовал, что за спиной у него кто-то стоит, но был не в состоянии оглянуться — или просто не хотел делать этого. Правая половина Врат была приоткрыта и вполне позволяла беспрепятственно пройти внутрь. Сквозь щель просачивалась легчайшая дымка тумана или дыма.

Ощущения, как и раньше, быстро овладели его сознанием, но теперь Поль не испытывал колебаний и раздвоенности. Он двинулся вперед и вступил на землю загадочной зловещей страны.

Первое, что он увидел с расстояния нескольких метров, была голова, посаженная на заостренный кол. Ее открытые глаза невидяще взирали на мир мертвыми глазницами. Голова принадлежала одному из демонических созданий, на ней застыло выражение злобы.

Эта картина глубоко задела Поля, он почувствовал в ней что-то очень личное, какое-то слишком замысловатое предостережение, которое в первый момент показалось ему очень забавным.

Он ощутил перемены, происходящие в нем; подмигнув наводящей ужас смертной маске, Поль воспарил к тусклым небесам подобно духу. Под ним среди камней кружились песчаные вихри, вздыбленные порывами ветра. Он летел на черных, огромных, как паруса крыльях к югу, двигаясь все быстрее и быстрее, исполненный чувством торжества. Поль ликовал и жаждал излить свой восторг под трубные фанфары.

Наконец вдали замаячил смутный силуэт гор.

Он, Продромулу, жил памятью снов. Другая жизнь стала его реальностью. Он забыл о Вратах, о мертвой голове и о маленьком человечке Поле Детсоне, который, очевидно, ему когда-то снился. Ничто и никто из того мира не было нужно ему.

Достигнув гор, он бросился грудью прямо на камни, но сильный порыв ветра отшвырнул его обратно. Шесть раз пытался он одолеть горы, и шесть раз его отбрасывало назад.

На седьмой попытке он одолел сопротивление ветра, и его изваяние — умащенное сладостями и пряно-

стями, омытое вином и кровью — разбилось вдребезги от его крика. Куда бы ни падала его тень, там рушились сооружения и монументы, его почитатели падали ниц и умирали.

Найалис возникла перед ним подобно башне из черных огней. Они ринулись навстречу блестящим водам неподвижного океана, затем закружились в стремительном танце, взлетая выше и выше, уносясь в безграничные просторы Вселенной. Вокруг горящими факелами падали сверкающие звезды.

Танец перешел в дикую пляску с бешеным темпом, они проделывали смертельные пируэты, кровь тяжелым молотом стучала в висках. Возле Ледяных Гор он вновь заговорил, вновь засиял Купол над Вратами, и Толкне, Великий Змей Мертвых Вод, прервав свое путешествие длиной в десять тысяч лет, поднялся из глубин навстречу ему...

Поль, секунду назад знавший о Ключах и клятвах черным богам, внезапно вздрогнул и очутился в собственной келье. Тревога охватила его. Он приподнялся и тут же отодвинулся, уставившись на полупризрачный образ женщины, стоящей около него. Ее руки вытворяли замысловатые жесты, губы шевелились, полупрозрачные глаза глядели неподвижно. Он приподнялся повыше и протянул руку.

Женщина отступила, ее бледный лик тревожно всколыхнулся. Он отодвинулся еще дальше, постарался изобразить на лице спокойствие и сделал заверительный жест. Она остановилась и стала явственно изучать его. Затем медленно подняла руку и указала на него. Повернулась, указала на заднюю стенку кельи, снова повернулась к нему и отрицательно покачала головой.

Поль озадаченно наморщил лоб. Тогда женщина повторила движения снова. Вдруг она подняла руки и выпрямила все пять пальцев на левой руке и два на правой. Опять покачала головой и повторила серию прежних движений. Он пожал плечами.

Она начала вращать руками. Он встал, она попятилась назад. Поль сделал шаг вперед, она отступила.

Он молча смотрел, как она отошла к дальней стене и растворилась в ней, оставив лишь аромат экзотических духов.

Поль вернулся на скамью и сел. Последовательность женских образов слилась с его прерванным сном в какую-то причудливую галлюцинацию полуреальности-полувымысла. Возможно, он все придумал, или ему привиделось. Что, в сущности, он помнит? Только широкие скулы; огромные глаза, маленький подбородок; узкие стрелы бровей и развевающиеся густые волосы. Именно эти черты делали образ запоминающимся и ясным.

Он оглядел все вокруг, но женщина не оставила после себя ни единой нити, по которой можно было бы определить ее реальность.

Поль подошел к двери. Усталость все еще давала о себе знать, хотя он чувствовал себя более отдохнувшим, чем раньше. Вероятнее всего, все обитатели замка еще спали. Тогда это самое подходящее время выйти отсюда и осмотреть замок.

Он переключился на внутреннее зрение и внимательно осмотрел дверь. Результат оказался весьма плачевным: будто блуждаешь в тумане в запотевших очках. Поль сосредоточился на засове, расположенном снаружи, попытался создать и закрепить нить заклинания, с помощью которой он смог бы открыть засов.

Медленно, очень медленно перед его взором проплыла зеленоватая нить — и тут же растаяла. Поль призвал силу родимого пятна и направил волю на возвращение нити.

Родимое пятно в форме дракона бездействовало, он не ощутил знакомой пульсации, лишь по плечам прошло легкое пощипывание.

Нить снова выплыла в поле его зрения. На этот раз Поль вроде успел схватить ее, но она проскальзывала сквозь его пальцы, как будто их вовсе не существовало. Затем нить вообще пропала.

Он опустил руки. Что происходит?

Впервые Поль ощутил собственное бессилие. Неужели Ларик заблокировал его энергию?

В памяти всплыли слова Ларика на заключительной стадии посвящения: мол, может случиться так, что не получится даже самая элементарная работа. Такое может продолжаться в течение нескольких недель. Однако, ведь все работало, ему удавалось многое проделывать, пока они с Лариком добирались до Авинконета! Тем более ему как-то не приходило в голову, что подобное может коснуться и его. Ведь его посвящение оказалось фикцией, обманом. Или он все-таки прошел обряд? Мог ли он должным образом пройти обряд, пока превращался в чудовище?

Поль потрянул головой и снова взялся за эксперимент. В висках застучала кровь, правое предплечье обожгло словно огнем. Снова он уловил расплывчатые очертания нити, но был не в состоянии управлять ею.

Поль вернулся на скамью и лег, поплотнее укрывшись одеялом. Он еще долго думал о загадочной призрачной женщине, прежде чем сон вновь одолел его. Из всего сна в памяти потом осталась лишь голова демона, насаженная на кол.

Глава 9

Полагаю, в некотором смысле это пошло мне на пользу, хотя трудно сказать наверняка. Оно что-то делало со мной или для меня — не знаю, что именно. С другой стороны, оно также способствовало затруднению понимания некоторых аспектов моего естества. В то же время...

Я вошел в Белкен, внутрь этой огромной, черной, сверкающей каменной глыбы, и направился по туннелю. В самой верхней комнате я некоторое время висел над водой. Там явно присутствовала чужеродная могущественная сила, проникавшая в каждую клеточку моего существа. В некотором роде она была очень разрушительной; я явственно ощущал ее разряды на многих уровнях. Тем не менее я решил продолжить изучение физической структуры и внутреннего устройства горы.

Маршрут, по которому надлежало проследовать будущим волшебникам, был явно обозначен на нефизическом уровне специфическими метками. Я проследовал на следующий пункт и там тоже некоторое время медитировал. Если это должно помочь им обрести иной уровень энергии, то, возможно, послужит и мне.

Как долго я пробыл на следующей станции, трудно определить. Довольно долго, полагаю, ибо, предавшись мечтам, я забыл о времени. До меня дошло, что, наверное, уже поздно, только когда я ощутил нагнетание и увеличение мощности той силы, на волнах которой я блаженствовал. Я быстро помчался по ее следу, к источнику могущественной энергии, и обнаружил его в центре блистающего у подножия горы города. Сила ис-

ходила от сидящих по кругу колдунов. Именно в это время я осознал, что уже довольно поздно и вечер в разгаре. Это означало, что посвящение вот-вот начнется, а энергия будет наполнять гору в течение всей ночи. Я бросился обратно, к следующей станции, повинувшись своим собственным побуждениям и чувствуя, что новая энергия поможет восполнить пробелы памяти.

Что-то странное произошло на четвертой станции. Я услышал голос — мучительно знакомый, обращающийся непосредственно ко мне, даже с намеком на некую интимность.

— Фэни, — говорил он, — Фэни.

Это был мужской голос, и мне показалось, будто я понимаю смысл сказанного слова. Голос звучал настойчиво и сурово, в нем чувствовалось приказание.

Фэни. Может, это мое имя, затерянное в далеком прошлом и предъявленное в такой форме? Нет, пожалуй, неверно. Фэни...

— Фэни! — прозвучало более повелительно.

Вместе со словом во мне запульсировало чувство долга, зажглось желание следовать непонятному приказу. Но сознание, что это нарушит мои планы, подавило стремление подчиниться.

Я расширился и сжимался, судорожно мечась по помещению и отыскивая средство избавления от приказа.

— Фэни!

Ничего! Здесь не было ничего такого, на что могло быть направлено непонятное приказание, что могло утолить чувство долга.

Я двинулся дальше. Гора наливалась все большей энергией и силой. На следующей станции напряжение чуть спало, поэтому я остался здесь чуть подольше. Я снова утратил чувство времени и впал в блаженное состояние транса, которое резко оборвалось приближением процессии кандидатов. Я тотчас бросился к следующему пункту, чтобы мне никто не мешал.

Шестая станция показалась мне самой приятной. Я размяк и разнежился; заполнив все пространство, я стал впитывать и поглощать бьющую ключом энергию.

Казалось, прошло совсем немного времени, но вновь донеслись шаги претендентов. На этот раз я даже не пошевелился. Двигаться не хотелось; кроме того, мне пришло в голову, что будет полезно и поучительно посмотреть церемонию ритуала.

Я наблюдал за ними.

Вот они вошли и заняли свои места. Когда начали говорить, я обнаружил, что мое внимание приковано к тому, кого звали Лариком. Я стал внимательно разглядывать колдуна и наконец понял, почему он заинтересовал меня. Это было ошеломительное открытие, и я все еще размышлял о его последствиях, когда мой взор обратился к Полю. Меня поразили изменения, происшедшие с ним. Он согнулся и скрючился, и его руки, хотя по-своему привлекательные — такие массивные и коричневые — в сущности, не были его руками. Впрочем, Поль не мог не замечать этого, и если он не беспокоился, то с чего беспокоиться мне?

И все же меня это беспокоило и тревожило.

Дальнейшее обследование выявило, что Поль — единственный из всех участников, кто подвергся анатомическим преобразованиям.

Только я сделал такой вывод, как у бедолаги началось новое изменение в области плеч и живота. Теперь я мог обнаружить источник метаморфоз и сразу же определил, что уродства вызваны Лариком. Но мотивы подобного поступка были мне непонятны, так как мысли колдуна становятся абсолютно непостижимы, когда дело касается его собрата. А все остальные головы не содержали ни единой дурной мысли, были полностью поглощены созерцанием и пребывали в состоянии транса.

Я подождал конца церемонии и двинулся вместе с претендентами к следующей станции. Удастся выяснить, что кроется под действиями Ларика, или нет, меня не столь уж занимало. Мне хотелось уяснить методу магического воздействия на Поля.

Я очень тщательно осмотрел и исследовал следующее превращение. Все это можно более точно назвать передачей или перенесением. Как только нога Поля

превратилась в огромную уродливую лапу, я освободился и сумел проследить то, что происходит вне горы. Я помчался, кружась словно вихрь по проспектам, где пространство сжимается как губка, а время летит подобно бешеному потоку, не подвластному ничьим законам.

Я приблизился к Вратам — к снам, преследующим Поля, которые до сих пор видел лишь мельком. Скользя в них, оказался на мертвой земле и сразу столкнулся с вопящим существом, полумонстром-получеловеком с родимым пятном в форме дракона на правой руке.

— Брат мой, — обратился я к нему, — носи это аккуратно, бережно — недолго, пока не закончится обряд.

Но существо не могло или не хотело меня понять. Оно продолжало душераздирающе вопить и биться своим изуродованным телом. Я наслал на него глубокий сон, и создание забылось прямо там, в треугольнике серых выступающих камней. Мне хотелось помочь обоим — Полю и тому чудовищу, — хотя это совсем не приносило пользы лично мне. Я сам себя убедил, что в данный момент необходимо мое личное вмешательство — впервые — в дела других, для того чтобы обеспечить благополучный исход всему, в том числе и удовлетворению моих интеллектуальных потребностей.

Но даже тогда я уже начал задумываться.

Еще несколько мгновений я рассматривал эту зачарованную землю, затем развернулся и отправился обратно. Надо мной полыхали молнии и гремели раскаты грома. Я вернулся на исходную точку и тут же уловил мысли в голове Ларика. Это были мысли об Авинконете и тех, кому он служил.

Первый проблеск понимания происходящего озадал меня.

Насладившись удовлетворением от проделанной работы, я последовал за процессией до следующей станции и там увидел, как произошла трансформация с другой ногой Поля. Это еще больше взволновало меня. Его мозг, как и у остальных кандидатов, был во власти дурмана; это убедило меня в том, что он стал жертвой

обмана. Хотя я мало знал, чтобы судить о людях, я подумал, что происходящее с ним совсем несправедливо и вовсе нечестно, особенно то, что делает Ларик.

Когда мы подошли к следующей станции, к уродству Поля добавилось кое-что еще — один из участников умер. Конечно, он ничего не значил для меня, но в этот самый момент вновь прозвучало слово «Фэни». Я оглядел остальных, ожидая их реакцию, но реакции не последовало. Конечно, мертвый человек мог отвлечь их от всего остального, хотя слово прозвучало довольно громко, а несколько мгновений спустя повторилось.

А затем еще раз.

Оно стало навязчивым в своих повторениях. Я сжался, затем расслабился и прислушался. Господи! Как глупо предполагать, что кто-то еще его может слышать, если оно адресовано только мне, мне одному! Где-то в глубине я сознавал, что понимаю это слово.

Мертвого положили в сторону, ритуал пошел своим чередом, Поль опять стал видоизменяться. И вдруг все это оказалось не столь уж важно. Изменения происходили *со мной* — естественно, не на том физическом уровне, что с Полем. Во мне быстро нарастали и крепились новые понятия — свободы воли и предопределенности. К несчастью, у меня не было времени предаваться размышлениям, мое внимание целиком поглотило само превращение: изменился мой разум. Я придерживался негласной, хорошо усвоенной позиции — не вмешиваться в дела других. И я не вмешивался, так долго, сколько себя помню.

Я вновь задумался над своей позицией и решил, что настало время исключений.

Мне не нравилось то, что происходило с Полем, но у меня не было достаточных опыта и знаний, чтобы пустить процесс в обратную сторону. Я должен что-то предпринять — вот только что? — для того, чтобы он обрел своей прежний нормальный вид, а там уж Поль расправится со своими врагами, как сочтет нужным.

Я думал об этом все время, пока мы шли к конечной станции. Голос, твердящий «Фэни», исчез. Я внимательно следил за Лариком в те моменты, когда он не

руководил действием. Он внушал Полю мысли об Авинконете, где он станет пленником, как только кончится ночной ритуал.

Когда все покинули конечный пункт и вышли в огромную пещеру, Ларик на моих глазах обездвигил Поля, настав на него паралич. Затем он стал выводить остальных. Мне казалось, что я мог бы снять чудовищную оболочку, удерживающую симпатичного мне юношу, но я колебался и не знал, что делать.

Я последовал за первым кандидатом, чтобы познакомиться с заключительной процедурой ритуала. Многих учеников на выходе из пещеры встречали наставники; поблизости я заметил и Маусглова. Конечно.

У меня уже созрел план, когда я вернулся в пещеру. Однако, увидев того волшебника, который ночью навещал Поля по пути на Белкен, я остановился и стал наблюдать.

От человека исходила небывалая сила. Он умело пользовался ей, чтобы повернуть процесс чудовищных метаморфоз, происходящих с Полем, вспять.

Вскоре Польш вернулся к своему прежнему виду, затем вновь замаскировался. Намерения волшебника, в сущности, никак не мешали моему плану, хотя Польш по-прежнему оставался в опасности.

Я вспомнил о теле Крендела, того огненно-рыжего человека, который недавно скончался. В данный момент никто им не интересовался; я проник в него и стал изучать, как оно работает. Я хотел, чтобы оно исполнило поручение: встретить и предупредить Маусглова, ожидавшего снаружи.

Глава 10

Маленький человек проскользнул в золотистое отверстие в центре комнаты, и оно тут же начало смыкаться за ним. Взгляду, брошенному сквозь это пульсирующее сияние, предстал бы не противоположный конец роскошной комнаты, а тот путь, по которому прошел человек в темных одеждах, — огромный украшенный гобеленами зал и галерея с колоннадами света и тьмы.

Затем сверкающий хрусталик сжался, сверкнул и погас. Ибал откинулся на подушки. Его дыхание участилось и стало глубже; на лбу заблестели капельки пота.

Вонни, сидящая возле него на коленях, нежно промокнула лицо друга голубым шелковым платочком.

— Совсем немного таких, — сказала она, — кто качественно исполняет заклятье прохода.

Ибал улыбнулся.

— Да, тяжело, — признался он, — и, говоря по правде, больше я этим заниматься не намерен. Сейчас, однако...

— ...совсем другое дело, — закончила Вонни.

Он кивнул.

— Что дальше?

— Теперь отдыхать.

— Ты знаешь, я не это имела в виду.

— Хорошо. Отдыхать — и все забыть. Я протянул ему руку помощи, выполнил долг чести.

— Так ли?

Ибал вздохнул.

— В моем возрасте честь и не имеет права требовать большего. Давно минули те деньки, когда я на этом не остановился бы.

Руки Вонни нежно скользнули по его волосам, обняли мускулистые плечи и погладили их. Затем она взяла бокал с холодным искрящимся вином и поднесла к его губам.

— Ты убежден в своей оценке случившегося?

— Только боги знают, что еще может произойти! — воскликнул Ибал. — Что-то крайне неестественное направило Маусглова ко мне с историей о том, что юноша, которому я покровительствовал, — сын старого Дета и сейчас похищен Райлом Мерсоном. Честь подсказывала мне, что я должен кое-что сделать для моего протеже, иначе Райл Мерсон погубит его. К счастью, единственное, что хотел Маусглов, — как можно быстрее переправить его обратно в Рондоваал. Я только что осуществил это.

— И достаточно?

— Конечно, нет, если бы он был моим учеником. Но я только сделал ему одолжение. Я едва его знаю.

— Однако... — начала Вонни.

— Все, — отрезал Ибал.

— Нет, я не о том.

— О чем же?

— То, что ты сказал в самом начале, разве это может быть правдой?

— Я забыл, о чем говорил.

— Ты сказал, что это продолжение того, что произошло еще до рождения Поля...

— Лишь мое предположение.

— ...того, что привело к войнам.

Ибал взял кубок из ее рук и сделал глоток.

— Да, я уверен, — наконец изрек он.

— И теперь все это может повториться?

Он пожал плечами.

— Или полностью закончится. Да. Я думаю, это может произойти; вернее, Райл верит, что это может произойти.

Ибал отставил кубок, поднял руки и внимательно посмотрел на них.

— Поль, по-видимому, проявил излишний интерес к чему-то очень могущественному и сверхъестественному, — сказал он, — но на его пути встречаются надежные друзья.

— Я говорю не о Поле. Я думаю о ситуации в целом, частью которой он стал. Это место — целое собрание весьма искусных представителей магии. Подобное случается лишь раз в четыре года. По-моему, мы имеем дело с большим, чем с простым совпадением. Тебе не кажется, что нам следует обратить внимание коллег на случившееся?

Ибал рассмеялся.

— Остановись и задумайся на минутку, — произнес он сквозь смех. — Полагаю, это самое худшее, что можно предпринять. В этом конфликте есть привлекательные стороны для обоих кланов. Некоторые усмотрят в нем выгоду, некоторые нет. Неужели ты действительно считаешь, что мы сможем добиться консенсуса? Да прямо здесь начнется следующая война!

Пока он говорил, Вонни напряглась, ее глаза расширились от удивления.

— Господи! — воскликнула она. — Возможно, ты прав!

— Так почему бы нам не забыть обо всем? — предложил Ибал окрепшим голосом. Он взял ее за руки. — Причем я точно знаю, с чего начать.

— По-моему, у меня началась головная боль, — промолвила Вонни.

Маусглов не оглядывался. Он отнесся к колдуну, отправившему его в Рондовал, как к необходимости. Если магия обернется против него, то случится непоправимое. Но если она поможет ему, он будет несказанно благодарен. До новой встречи с Полем лучше избегать внимания колдунов.

Маусглов произнес слова благодарности Давстиру, покровителю воров, — лишь он один оказывался полез-

ным ему. Он молча молился ему, проваливаясь в космическую бездну и летя рядом со звездами.

Он обнаружил связку нитей заклинаний, которые оставил Поль, взялся за один узелок и произнес нужные слова. Затем повернулся и без всяких колебаний направился по запутанному лабиринту коридоров, ведущих в подземелье, долго блуждал по холодным туннелям с пляшущими тенями и наконец достиг входа, где среди руин лежала сокрушенная Полем огромная плита.

Пробираясь между валунами, Маусглов вышел к месту, где умирает эхо, а стены и крыша теряются из виду; к месту, где кружится голова от звериной вони, а факелы меркнут в крошечной мгле. Оно тоже было знакомо ему, и он смело шагнул вперед, не испытывая той дрожи и трепета, которые испытывал несколькими месяцами раньше.

Многочисленные нагромождения чешуйчатых и шерстистых тел преграждали ему путь; большинство созданий спало околдованным сном так же, как и сам он спал когда-то. Некоторые, однако, предавались обычным дневным, недельным и месячным снычкам.

Идя к знакомой нише, Маусглов удивлялся тому, как когда-то сам спал здесь долгим сном. Он мог оказаться совсем в другом уголке мира, но где бы он ни был, его постоянно влекло сюда — хотя склонность эта не доставляла ему удовольствия. После двадцатилетнего магического сна под одной оболочкой заклятия вместе с Лунной Птицей, в нем зародилось странное чувство — что-то очень напоминающее дружбу и привязанность к гигантскому дракону. Маусглов много раз пытался объяснить для себя эту странную связь, приводя сложные доводы, основанные на собственной индивидуальности. Нет, ему совсем не нравились подобные размышления.

Подойдя к тому месту, где обычно отдыхал Лунная Птица, маленький вор в изнеможении прислонился к огромному валуну.

— Маусглов! Сколько времени мы не виделись!

Маусглов вздрогнул и отпрянул — горный выступ оказался плечом дракона. Но он тут же успокоился и положил руку на плечо друга.

— Да, я вернулся. Случилась беда. Нам нужна твоя помощь.

Огромное мощное тело зашевелилось. Лунная Птица начал вставать.

— Что произошло? — спросил он.

— Мы должны добраться до горы Анвил, отыскать там посох Поля и вернуть его ему.

— Он бросил его в огненный кратер...

— Да, он мне говорил.

— Но я вернулся, и огонь умер. Сейчас там лишь серые камни. Придется копать. Нужны инструменты.

Маусглов на мгновение задумался.

— Там есть комната, возле заднего двора, — проговорил он, вспоминая. — Я пойду туда и поищу что-нибудь. Встретимся во дворе.

— Мне легче доставить тебя туда. Это будет быстрее.

— Хорошо.

— Влезай!

Маусглов вскарабкался ему на спину. Минуту спустя они уже летели.

Глава 11

Поль проснулся от яркого света, бьющего прямо в лицо. Он повертел головой, стараясь уклониться от него, затем сел и открыл глаза.

Дверь в келью была приоткрыта.

Он прислушался. Из коридора не раздавалось ни звука.

Поль осторожно встал на ноги, прошел по келье и остановился в том месте, где стоял раньше, безуспешно пытаясь сотворить заклятие; там, где начали саднить его глаза.

Что это? Иллюзия?

Он протянул руки к дверному косяку и потрогал его. Затем легонько толкнул дверь. Она чуть-чуть сдвинулась. В этот момент он почувствовал, что кто-то беззвучно смеется над ним. Как будто нечто неясное, злое, потешалось, видя его замешательство, его трепет. Это «нечто» обитало за гранью реальности и не имело с ней ничего общего.

Поль застыл, ожидая повторения ужасного смеха, но везде царил тишина. Наконец он рискнул идти вперед и вышел в коридор. Нигде никого не было.

Что теперь? Следует ли ему пройти тем маршрутом, которым шел Ларик? Или стоит обследовать замок? А может, лучше спуститься во двор, взять одну из летающих лошадок и бежать?

Последнее показалось Полю самым верным. Улететь, спрятаться и подождать, когда силы вернуться к нему. Тогда можно отправиться в Рондова, сбросить свою чудовищную оболочку, снова вернуться сюда и

разнести это зловещее место в пух и прах, как когда-то на горе Анвил. Это лучше, чем остаться в логове врага совсем беспомощным и послушным, как игрушка в чужих руках.

Он повернулся в сторону двора с конюшнями. И в тот же миг застыл на месте.

Бледное прозрачное пламя преграждало его путь.

— Итак, выбора, по сути, у меня не было, — грустно произнес Поль.

— А разве существует вообще такое понятие, как выбор? — раздался знакомый иронический голосок у него в голове.

— Полагаю, мне на собственном опыте предстоит убедиться в этом.

— Как и в большинстве случаев, — прозвучал ответ. Теперь в голосе проскальзывали миролюбивые нотки.

— Я не могу определить, друг ты или враг.

— Мы — представители. Однажды мы уже помогали тебе.

— А теперь...

— А у тебя есть причины сомневаться в тех, кто раньше помогал тебе?

— У меня возникло чувство, что я вовлечен в чужую игру.

— Точнее сказать, тебя вытянули оттуда.

— Ну, это весьма спорное утверждение. Но вы заявляете, что вы — представители. Представители чего?

— Перемены.

— Это слово можно понимать по-разному. Может, уточните? Что-нибудь более конкретное?

— Две силы правят миром: наука и магия. Иногда они враждуют друг с другом. Мы представляем сторону магии.

— Но это место едва ли можно назвать оплотом техники.

— Верно. Прямого столкновения здесь не происходит.

— Черт побери! Получить от вас ясный ответ, все равно что подоить дикую кошку! Почему нельзя просто сказать мне, что здесь творится?

— Правда — это священная штука, и мы свято охраняем ее.

— Очевидно, вы хотите сотрудничать со мной?

— Именно поэтому мы помогаем тебе вновь.

Полю попытался перейти к внутреннему зрению. Теперь все получилось легко и гладко. Он уловил человеческие очертания внутри пламени — маленькая мужеподобная фигурка, голова ее склонилась на грудь, руки скрывались в длинных рукавах. Оранжевая нить висела возле правой руки Поля, на дальнем конце ее колыхалось пламя. Полю схватил нить пальцами и сжал в руке, спутав клубок. Родимое пятно тут же откликнулось пульсацией.

— Теперь ты скажешь мне все, что я захочу... — начал он.

Внезапно его руку обожгло словно огнем, все тело захлестнула боль. В бессилии Полю опустился на колени. Внутреннее зрение иссякло. Рука невыносимо ныла.

— Я был вынужден так поступить, — прозвучал голос в его голове.

— Ладно, — процедил он сквозь зубы. — Я сам найду правильный выход.

— Это было бы куда проще и сэкономило бы тебе массу времени, чем бесплодный разговор о том, что и кто здесь замешан.

Полю поднялся, поддерживая болящую руку здоровой.

— Что ж, остается надеяться, что вы окажетесь полезными этой ночью.

— Так и есть. Повернись и следуй за другим представителем.

Полю повернулся и увидел второй язычок пламени — величиной с ладонь, он висел посередине коридора на расстоянии вытянутой руки от него. Как только взгляд Поля обратился к нему, огонек начал медленно удаляться в глубь коридора.

Он повел его по огромному холлу, заставленному уродливыми статуэтками людей и нелюдей. Все было окрашено красноватыми отблесками; блики плясали и пульсировали, создавая иллюзию, что движутся каменные фигуры. Воздух был вязким и застревал в легких; Поль старался дышать как можно реже.

В некоторых помещениях еще сохранился прежний лоск, и можно было составить смутное представление о былом убранстве комнат и их обитателях. Родимое пятно в форме дракона отчаянно пульсировало.

Поль спустился вниз по каменной лестнице; каждая следующая ступенька казалась грубее и шершавее предыдущей. Он миновал мрачные помещения и длинные унылые коридоры. Судя по пройденному пути, огонек завел его как раз под замок, в сердце самой горы. В тот же момент Поль рискнул оглянуться и увидел другое пламя у себя за спиной. Он также увидел тени, плавающие будто в жидкости. Они были вполне осязаемые; по его спине пробежал холодок страха, и он поспешил догнать своего таинственного гида.

Комнаты и коридоры, которыми он проходил, были покрыты многолетним слоем пыли. Затем вереницей пошли камеры пыток, оборудованные всем необходимым — цепями, дыбам, щипцами, клещами, гирями, дробилками, кнутами, плетками и огромным набором всевозможных ножей. Все это было покрыто пятнами, ржавчиной, затянута пыльной паутиной. В каждом углу валялись кости; их давным-давно обгрызли и облизали крысы, и теперь они белели бесформенными горами.

Поль провел по стене ногтем, и эхо многократно повторило скрипучий звук. Когда он перешел на внутреннее зрение, то уловил незримые следы жестоких действий, происходивших здесь много лет назад. Зверские драмы всюду оставили несмываемые следы.

В мрачном расположении духа Поль вернулся к обычному восприятию.

— Кто... — прошептал он, обращаясь скорее только к себе, — ответит за все это?

— Бывший лорд, Райл Мерсон, — прозвучал в голове немедленный ответ.

— Он был чудовищем!

— Когда-то подобные вещи широко практиковались. Он прекратил эту практику около четверти века тому назад, утверждая о своем раскаянии. Говорят, что с тех пор Мерсон вел относительно безупречную, возможно, даже добродетельную жизнь.

— И это правда?

— Кто знает, что на самом деле прячется в сердце человека? Возможно, он не в силах признаться в этом даже себе.

— Все это для меня слишком загадочно. Я, конечно, в данном вопросе не объективен, но в его обращении со мной никак не могу усмотреть признаки порядочности и добродетели — и то же в полной мере относится к его прислужнику, Ларику.

— У людей всегда есть причины для поступков. Мотивы и цели редко имеют совпадающие моральные оттенки.

— А вы? Вы тоже такие?

— Нас нельзя назвать ни моральными, ни аморальными, в наших действиях нет ни намека на свободу.

— Тем не менее что-то же заставляет вас следовать тому курсу, которым вы следуете. Это и есть решение.

— Так только кажется. — Не прозвучала ли ирония в этих словах?

— И ничего нельзя изменить, да?

— Ничего.

Они прошли около емкости, распространяющей зловоние; на дне ее что-то плескалось. Пол в углублении, по соседству с вентиляционной шахтой, был влажным и покрыт каплями, влага образовывала причудливые иероглифы. Стены в помещении залипли мутной слизью. Внезапно Поль почувствовал всю тяжесть горной массы и земли у себя над головой, ощутил тяжелое дыхание скалы.

Он удивился короткой беседе, внезапно всплывшей в памяти и напомнившей о заявлении Семерки после сражения на горе Анвил. Тогда создалось впечатление, что их действия чем-то предопределены. Но

существовало что-то еще, что-то большее, что ему надлежало вспомнить о них. Именно это было главным, но оно, как забытое сновидение, все время ускользало...

Все попытки вспомнить забытое тут же оборвались, лишь только Поль свернул за угол и остановился. Что было впереди — коридор или комната, он не мог определить. Все окутывал туман, сизый дым закрыл весь обзор, хотя запах не ощущался.

Пламя замерло, как только Поль остановился; теперь огонек был совсем рядом. Он стал ярче, внутри него появились зеленоватые блики.

— Что за черт! — воскликнул Поль. — Что это?

— Простое перераспределение эфира.

— Я не верю в эфир.

— Тогда называй его как-нибудь по-другому. Возможно, внесешь вклад в будущую лексикографию. Мы знаем, что подобные вещи отличаются от тех вещей, среди которых ты вырос.

— Будь я проклят! Это уже кое-что. Так вы знаете мою историю!

— Мы были свидетелями твоего выдворения из этого мира. И видели, как ты вернулся.

— Очень интересно. Однако ваши замечания подсказывают мне, что вы совсем не знаете о положении вещей там, где я вырос.

— Это правда, хотя нам многое удалось узнать и о многом сделать выводы, изучая твои действия и реакции с самого момента возвращения. Например, знание технологии, которую ты демонстрировал...

Огонек внезапно погас. Поль неподвижно стоял в темноте, уставившись на слабо люминесцирующий туман. Он прислушивался к ударам сердца и вызывал огонек из драконова пятна. Наконец голубой язычок пламени появился перед ним в том месте, где был предыдущий огонек.

— Пошли!

Этот голос был женским, в нем чувствовалась власть.

— А что стряслось с другим моим гидом?

— Он слишком много болтал. Пошли!

Поль очень удивился. Неужели ему удалось отыскать трещинку в их сверхпрочной броне?

— Я подошел слишком близко к чему-то... Вы не хотите, чтобы я это знал.

Ответа не последовало. Голубое пламя стало медленно отплывать. Поль не шевелился.

— Знаешь, о чем я думаю? — произнес он. — Я думаю, что вы намерены использовать меня, как сына моего отца. Это он создал вас. Я связан особыми узами с Рондовалом, а вы только и можете, что служить заданной цели.

Огонек замер и затрепетал.

— Ты не прав.

— Я и не думал, что это понравится вам, — продолжал Поль, будто не слыша возражения. — Все ваши разговоры о предопределенности и детерминизме... Для вас я — продукт другого мира, и вы не способны рассматривать меня наравне с теми, кто всю жизнь провел в этом мире. Для вас я лишь случайный фактор, шальной фант, но у вас нет выхода, вы все равно должны взаимодействовать со мной. Сегодня вы наверняка захотите удивить меня, произвести впечатление, чтобы я оказался более сговорчивым, послушным. Заявляю, что я видел такие вещи, по сравнению с которыми представление у горы Анвил — никчемные пустяки. Я готов оставаться равнодушным к любым вашим попыткам меня обескуражить.

— Ты закончил?

— Пока да.

— Тогда продолжим путь.

Пламя медленно двинулось вперед. Поль пошел следом.

Казалось, его сносит чуть влево, но он не видел никаких выступающих объектов, которые следовало бы обогнуть. Он тащился вперед, едва переставляя ноги. Бледно светящаяся дымка клубилась и кипела над его головой, в ней носились бесчисленные тени.

Огонек сменил направление. Поль не мог точно определить, идет ли он вдоль длинного петляющего коридора или повернул обратно и оказался в одной из

комнат. Так как руками стен было не нащупать, он предполагал, что последнее более соответствует реальности. Но вокруг не было ни намека, способного подтвердить хоть одну версию.

Тени приблизились, их силуэты стали отчетливее. Некоторые имели человеческие очертания, некоторые — нет. Над головой проплыл силуэт дракона; казалось, он парит высоко в небе. Тени молча плыли рядом с Полем, не обгоняя и не выбегая вперед. Он попытался перейти на внутреннее зрение, но все осталось без изменений.

Внезапно прямо перед ним выросла фигура крупного лысого мужчины с большими руками. Огонек метнулся вперед и, очевидно, пристроился где-то неподалеку.

— Отец! — воскликнул Польш.

Рот его приемного отца скривила полуулыбка.

— Что ты делаешь в этом аду? Ты нужен нам дома, нужен, как продолжатель моего дела.

— Ты не настоящ... — произнес Польш, запнувшись.

Майкл Чейн выглядел совершенно реальным. Выражение его лица, интонация речи — в точности Майкла Чейна после нескольких бокалов, едва сдерживающего недовольство.

— Ты всегда приносил мне одни разочарования. Всегда.

— Отец...

— Ладно, продолжай играть в свои глупые игры. Терзай материнское сердце.

Отмахнувшись от него, высокая фигура повернулась и направилась прочь.

— Отец! Подожди!

Майкл Чейн исчез в клубящемся тумане.

— Это обман! — закричал Польш, со злостью обращаясь к пламени. — Я не знаю, как вам удалось это сделать и зачем, но это — подлый обман!

— Жизнь полна обманов. Сама жизнь может оказаться обманом.

Он отвернулся.

— Почему мы застряли здесь, в темноте? Я думал, вы хотите отвести меня в более важное место.

— Ты первым остановился.

— Ладно, пошли дальше.

Бетти Льюис, одетая в обтягивающее длинное вечернее платье, стояла слева от него. Ее фигура манила и влекла, она казалась совсем близкой и реальной...

— Мог бы предупредить, — сказала Бетти. — Возможно, между нами и не было сильного чувства, но тебе, по крайней мере, следовало попрощаться.

— Я не мог, — ответил Поль, — у меня не было выбора.

— Ты такой же, как все, — промолвила девушка.

Туман между ними сделался гуще, Бетти медленно растворилась в нем.

— Я понял, чего вы добиваетесь, — бросил Поль пламени. — Ничего у вас не выйдет.

— Это иллюзии, свойственные данному месту. Ты сам вызываешь их.

Поль шагнул вперед.

— Вы привели меня сюда!

— Поль? — раздался знакомый голос справа. По его телу прокатилась волна дрожи.

— Черт с тобой! — бросил Поль, не оборачиваясь. — Эй, пламя, пошли!

Пламя послушно скользнуло вперед, Поль последовал за ним. Тень по-прежнему стояла справа от него.

— Поль!

Он даже не оглянулся. Но затем в поле его зрения появилась рука — мускулистая, покрытая рыжими волосками, на запястье широкий браслет с кнопками и индикаторами, сигнальными сенсорами. И, даже увидев руку, Поль не поверил в реальность образа.

Пока рука не взяла его за плечо и не развернула к себе.

— Я чувствую твое пожатие, — медленно произнес Поль.

— Я чувствовал на себе твой гнев, — отозвался голос.

Поль поднял глаза.

Перед ним стоял Марк Мараксон, грубоватый и мужественный. Линза на месте левого глаза светилась темно-голубым светом.

— Ты не оставил мне другого выхода, — ответил Поль.

— Ты забрал мое имя, моих родителей, ты украл мою девушку...

— Нет! — закричал Поль.

— ...Ты отнял мою жизнь, — закончил Марк.

Линза искусственного глаза стала черной как смола, щеки налились кровью, затем вновь побледнели.

Поль вскрикнул.

Рука, сквозь кожу которой просвечивали кости, медленно отдалялась от него. Фигура растворилась в тумане. Лишь черная линза некоторое время злобно сверкала, но вскоре и она исчезла.

Поля трясло, как в лихорадке. Он закрыл ладонями лицо, затем убрал руки. На том месте, где стоял Марк, теперь была Нора. На ее личике застыла маска безразличия.

— Это правда, — промолвила она, — ты убил человека, которого я любила.

— Подожди!

Поль бросился к ней и почти настиг. Но ее тень затерялась в толпе других. Он тоже повернулся и побрел прочь, бесцельно, то в одну, то в другую сторону.

— Поль! Остановись! Сохраняй самообладание!

Он обернулся. Перед ним стоял старый Мор, опираясь на посох.

— Ради того, что я вижу теперь перед собой, не стоило возвращать тебя на родную землю, — сурово отчитал дряхлый колдун. — Уж лучше бы Марк осуществил свою бредовую идею.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — ответил Поль. — Скажи мне то, о чем я хочу узнать!

Образ Мора вспыхнул ярким пламенем и исчез.

— Оставайся со мной, — донеслось из пламени, — ситуация может выйти из-под контроля.

— Из-под чьего контроля? — спросил Поль, разворачиваясь.

Стел, лидер кентавров, стояла возле него глядя прямо в глаза.

— Ты подорвал наше доверие, хотя клялся на своем скипетре в обратном

— Я не подрывал веры!

— Злой сын злого отца!

Поль повернулся и зашагал прочь.

— Вернись! — Теперь в голосе звучали нотки угрозы.

Гигантская фигура с собачьей головой показалась из-за пирамиды, внезапно выросшей перед ним

— Вор! Разрушитель Магического треугольника Инта! — раздалось у него в голове

— Я ничего не украл, я взял лишь то, что принадлежало мне, — возразил Поль.

— Проклинаю всех воров! Их нужно травить собаками, сжить со света!

— Подавись своими проклятиями, — ответил Поль. — Я побил тебя однажды. Теперь я не боюсь тебя

Поль шагнул в сторону раскачивающейся фигуры

— Образы набирают силу! Он действительно может ударить тебя! — истошно закричало вновь возникшее пламя

Собакоголовый поднял правую лапу. Поль стремительно развернулся и побежал

— Стой!

Маленькая фигурка выскочила прямо на него. Это был беленький зверек с длинными ушами, одетый в кафтан. Он вертел носом и что-то вынюхивал

— Снова опоздал! — произнес зверек — Моя голова надежна, как ад! — Затем внимательно посмотрел на Поля, добавил — И твоя тоже, — и исчез

Поль хотел пойти за ним

— Стой! Не шевелись! Здесь.

Он почти столкнулся с мужчиной. Им оказался неизвестный колдун, с которым он сражался в Рондовале. Поль попятился

Колдун вскинул правую руку в которой тотчас оявился длинный нож, и направил его прямо Полю в грудь.

Поль упал на землю и покатился. Он катился и полз до тех пор, пока не удалился от этого места на достаточное расстояние. Еще несколько мгновений он неподвижно лежал, потом медленно поднялся на ноги.

Навстречу ему шел еще один человек — высокий мужчина с царственной осанкой. Черная прядь вороним крылом выделялась на его белых густых волосах. Поль сразу понял, что черты лица незнакомца были копией его лица.

— Ты?.. — нерешительно произнес Поль.

— Дет Морсон, твой отец, — тут же прозвучал ответ.

— Хорошо, прокляни меня и ты и ступай своей дорогой, — Поль резко бросил ему, выпрямляясь. — Ведь здесь такая игра, правда?

— Я не являюсь частью этой игры. Я лишь воспользовался случаем, — Дет Морсон протянул руку и нежно потрепал Поля по щеке. — Какой бы путь ты ни выбрал, что бы ни решил, как бы ни сложились обстоятельства, твоим главным врагом будет Одержимый Магией.

— Как — Одержимый Магией? Я думал, это просто слово для обозначения...

— Генри Спаер — величайший из Одержимых Магией, он единственный известен здесь.

— Что это за имя — Генри Спаер? Здесь...

Пламя вспыхнуло ярким языком и вторглось между ними.

— Назад, Дет! Возвращайся в свой особый ад! — провозгласил голос из пламени. — Твоя власть над нами кончилась!

Дет поднял руки, затем скрестил их на груди. Пламя стало пожирать его образ. Вдруг он поднял голову и внимательно посмотрел на Поля.

— Белфаниор, — сказал он, — вспомни это имя в минуты нужды и опасности.

Поль открыл было рот, чтобы задать вопрос, но Дета уже унесло порывом огненного ветра.

Плясавшее пламя стало гаснуть, уменьшаться, приобретая прежний размер и цвет.

— Что ты думаешь об этом? — любопытствовал огонек.

— Понятия не имею, — ответил Поль.

— Что он еще сказал тебе?

— Ничего. У него не было времени.

— Ты лжешь.

— Правда — это священная вещь, я свято охраняю ее.

Пламя замерло. Поль ощутил признаки замешательства и гнева, но слов не последовало. Пауза затягивалась.

Затем, словно пожав плечами, пламя кольхнулось и поплыло влево. Поль пошел за ним. Тени по-прежнему следовали около него, но теперь не приближались. Пламя полетело с большой скоростью, и Полю пришлось перейти на трусцу.

Туман начал рассеиваться. По левую сторону возникла стена, справа по-прежнему ничего не было. Вскоре впереди показалась арка; Поль прошел в нее и почувствовал, что к нему вернулись нормальные эмоции и чувства. По эту сторону арки тумана совсем не было, только легкая прозрачная дымка и слабый запах плесени.

— По-моему, мы все время ходим возле одной большой комнаты, правда? — спросил Поль.

Ответа не было.

— Все в этом месте так или иначе сходится на мне. Ведь так? — снова заговорил Поль.

Опять молчание.

— Ладно, — произнес он.

Они подошли к лестнице, ведущей наверх.

— Если все, что вы хотите от меня, — это сотрудничество, тогда запомните: ваш клиент совсем не горит от счастья.

Они стали подниматься по лестнице.

Внезапно Поль ощутил прилив веселья. В драконо-вом родимом пятне появились знакомые импульсы.

Они поднялись по лестнице и прошли по хорошо меблированной, хотя и не жилой комнате. Выйдя из нее, вновь вышли на лестницу, ведущую наверх. Взоб-

равшись по ней, Поль вдруг понял, что они находятся в восточном или северном крыле здания и что он уже мысленно проходил здесь вместе с Лариком.

— Мы идем обходным путем?

— В этом есть необходимость.

— Почему?

— Чтобы избежать нежелательных встреч с обитателями.

— Это единственная причина?

— А что еще?

— Чтобы затруднить мне задачу или произвести некое впечатление...

— Ты слишком превозносишь себя.

— Это больше относится к вам..

— Мы учтем.

Они повернули налево и пошли по узкому коридору. Затем направо — в комнату, где огромное окно выходило на голую пустынную равнину, освещаемую блеклыми звездами. В комнате стояла старая сломанная мебель, предназначенная для чего угодно, только не для прямого использования.

Следующая комната, тоже служившая свалкой вещей... Поль с отвращением отбросил паутину, попавшую на лицо. Крыса с визгом перебежала ему дорогу и затаилась под древним креслом.

Еще через две комнаты, в холле с несколькими дверями, его вновь охватило чувство, что он уже был здесь. Ларик наверняка проходил здесь раньше.

Когда он вновь оказался перед лестницей наверх, усталость стала одолевать его. Они повернулись налево и направились по туннелю к месту, где грубо высеченные ступени убегали глубоко вниз. Пламя полетело еще быстрее, теперь оно светилось очень ярко. Полю приходилось почти бежать, чтобы не отставать. На бегу он дотронулся до каменной стены — шершавая и влажная. Да, именно этим маршрутом шел Ларик.

Он сбился со счета, запоминая повороты; наконец перед ним оказался темный каменный выступ с сияющим предметом наверху. Пламя медленно поползло по выступу. Поль стал карабкаться вслед.

- Что это? — спросил он, отдышавшись.
- То, что нам нужно.
- Вы очень любезны.
- В гораздо большей степени, чем ты подразумеваешь.

Спустя несколько минут Поль увидел гроб, закрытый выпуклой прозрачной крышкой. Подойдя ближе, он вздрогнул и замер: в гробу находилось тело его ночной посетительницы. Широкие скулы, маленький подбородок, волнистые пряди волос... В ярком свете пламени-проводника волосы отливали золотисто-каштановым. Черты лица были незнакомы.

- Привидение... — выдохнул он.
 - Говорят, ее дух и сейчас блуждает по замку, но это не имеет значения. Сними крышку.
 - Как?
 - Там есть запоры по сторонам и с концов.
- Поль продолжал вглядываться в бледные черты.
- Что за Белоснежка?
 - Прости, что ты сказал? Я не понимаю.
 - Почему она под стеклом?
 - Ее отец, Райл Мерсон, желает иногда ее видеть.
 - Невозмутимый тип, этот Мерсон, да? Должно быть, наложил на нее охранную оболочку — если она умерла много лет назад.
 - Очень много. Открой крышку.
 - Зачем?
 - Чтобы вынуть ее.
 - А зачем?
 - Ее присутствие требуется в другом месте. Дейлай, что тебе говорят!
 - Ладно, хотя ей, по-моему, и здесь не плохо.
 - Ты понесешь ее на руках.

Пламя загорелось ярче, и Поль смог разглядеть углубление за гробом — темный туннель. Он осмотрел гроб и нашел задвижки... Один за другим открыл замки, затем обхватил руками крышку и потянул ее. Крышка не поддавалась. Поль вновь и вновь прилагал усилия. Внезапно пронзительно взвизгнув, крышка стала медленно подниматься.

Он снял ее и положил на землю. Потом склонился над женщиной и стал внимательно разглядывать ее.

— Как ее звали?

— Тайза. Бери ее и неси.

Пламя поплыло к углублению в стене. Поль поднял женщину на руки. Приятный знакомый аромат защекотал его ноздри.

— Почему она умерла? — спросил Поль, обходя катафалк и подходя к нише в стене.

— Случайная жертва в долгой запутанной борьбе.

Через некоторое время огонек круто повернул влево; Поль почувствовал, что туннель ведет вверх. Тяжелое предчувствие, появившееся в нем с момента пробуждения, теперь стало особенно ощутимым. Он чувствовал, что подходит к кульминации, движется в самое сердце таинства, которое носит очень личный характер, и где ему предстоит сыграть главную роль.

Снова поворот, и он оказался в огромной комнате с высокими потолками. Комната была вырублена прямо в скале. Большое прямоугольное отверстие в стене слева открывало вид на бледнеющее небо и верхние террасы горы. В центре стояли тяжелые стулья и длинный стол. У дальней стены...

Поль остановился и огляделся.

— Неси ее сюда.

Медленно, почти механически, его тело исполнило приказ. Он едва понимал, что делает, глаза были прикованы к дальней стене.

— Положи сюда. Нет. Головой в другую сторону.

Поль опустил тело Тайзы на наклонную плиту, ногами к возвышению. Ее голова оказалась в широком углублении, вырубленном в серой породе. Машинально он поправил длинное голубое платье девушки, при этом заметив неглубокий бассейн в конце вырубленного прохода. Кинжал из черного камня лежал на его краю. Он механически отметил все это, не придав фактам значения. Его внимание по-прежнему было приковано к другому.

Он в ужасе смотрел на стену перед собой, где находилась массивная двустворчатая дверь. Его лоб по-

крылся испариной, руки дрожали, когда он отходил от тела и двигался вперед. Это были Врата из его забытых снов, теперь представшие перед ним во всей мощи и величии.

Поль подошел ближе. Двери были массивными, прочными, с железной обивкой и инкрустациями из черного дерева. Казалось, на них нет замков и запоров, только петли и фигурные ободки.

Прямо на Вратах был выгравирован искусно сделанный сложный рисунок. В центре помещалось изображение огромной змеи, взмывшей над гладью вод. В ее тело были вбиты три массивных гвоздя — один в шее, один в хвосте и один в середине тела.

Подняв глаза, Поль увидел знакомые очертания громадного, птицеподобного существа черного цвета. Большие, словно паруса, крылья были вытесаны в скале. В нем тоже торчали гвозди — по одному в каждом крыле.

Поль продвинулся еще на шаг вперед, дыша тяжело и прерывисто. Он снова стал Продромолу, Открывающим Путь, посягнувшим на рай самого Кода. Взмыв из глубин, внизу извивалось могучими кольцами тело Толкне, Великой Змеи Мертвых Вод, поднимаясь навстречу ему. Найалис пронзительно крикнула, предупреждая его. От крика содрогнулись горы; все, что таилось в их сердцах, выплеснулось наружу. Описав в воздухе круг, Поль стал падать грудью навстречу гладкому зеркалу воды...

Он тут же пришел в себя, вспомнив о Ключах и об обещании черным богам вывести людей с проклятых земель, соединить разделенные пространства, открыть новый светлый путь между мирами. А Ключи...

Ключи!

Статуэтки и есть те Ключи. Странные Ключи, живущие своей собственной жизнью... И...

Поль нахмурился, его выразительные глаза потемнели и сверкнули.

Да...

Прямо на полу была вырезана большая несимметричная диаграмма, расцвеченная бледно-желтыми,

красными, голубыми цветами. Одна ее часть захватывала плиту, где лежала Тайза; другая секция диаграммы простиралась вперед, касаясь косяка левой половины Врат. Резко выделенные, почти треугольные сегменты были вытянуты, обозначены шипами и выделялись из общего тела схемы.

Внезапно Поль ощутил сильную пульсацию родимого пятна. И принялся считать.

— Пять, шесть, семь.

— Точно.

Он посмотрел на огонек, который теперь завис около Тайзы.

— Возьми наше физическое воплощение и осмотри плоские изображения, затем поставь каждого из нас на свое место. Ты знаешь порядок.

— Хорошо.

Поль перешел на внутреннее зрение, поднял правую руку, поймал одну из семи черных нитей, тянущихся от уровня правого плеча. Вращая рукой, начал наматывать нитевидное волокно, пока не почувствовал напряжение. Энергия выплеснулась из родимого пятна в форме дракона и стала подниматься по нити.

Он поставил на ладонь одну из статуэток — высокую, стройную женскую фигурку, с волевыми резкими чертами и властной осанкой. Ее одежду украшали золотые блестки и кушак из оранжевых, красных и желтых камней. Во лбу сверкал крупный ярко-зеленый изумруд.

Она излучала теплоту. Ладонь Поля становилась все горячее, пока он внимательно разглядывал статуэтку.

Да.

Он повернулся направо и поместил фигуру на самой вершине второй выпуклости с конца, повернув лицом к Вратам.

Выпрямившись, бросил взгляд на прямоугольный проем и увидел, что все звезды уже исчезли, а небо стало почти светлым. Снова поднял руку, отыскивая нужную нить.

Однако нити исчезли, и Поль обнаружил, что его зрение вернулось в нормальный ракурс. Он попытался настроиться на внутреннее видение, но ничего не получалось.

Родимое пятно тоже утратило прежнее кипение энергии. Поль стал массировать предплечье, потер в области родимого пятна. Затем вновь попытался установить внутреннее зрение.

— Что случилось?

— Не знаю, я не могу справиться.

— Что значит — не можешь справиться? Ведь ты только что делал это!

— Знаю. Но что-то исчезло, ускользнуло от меня. Энергия возникает и теряет свою силу с тех пор, как я вышел из Белкена. Теперь я утратил ее.

Огонек придвинулся и застыл перед ним на уровне глаз. Поль зажмурился от яркого света.

— Держи глаза открытыми.

Он послушался и увидел, что огонек разрастается, переходит в пламя, становится огромным костром почти с него ростом, даже больше его.

Поль отшатнулся и отступил назад.

— Стой спокойно, не шевелись! Мне нужно обследовать тебя.

Пламя обернулось вокруг него словно покрывало, охватило целиком. Он почувствовал, что пламя пронизывает его тело, каждую клетку. Но он не ощущал жары или ожогов; было только чувство вибрации, словно у моряка, спустившегося на берег после долгого плаванья.

Внезапно вибрация исчезла, пламя сморщилось и стало гаснуть, пока не превратилось в прежний маленький огонек.

— Ты сказал правду. Сейчас ты не способен к сеансам магии. Понятия не имею, как долго продлится этот период немощи, а ночь уже на исходе. Утром за тобой может послать Райл Мерсон... Ладно, мы вынуждены отказаться от прежнего плана и запереть тебя в твоей келье. Верни статуэтку обратно и...

Поль отрицательно покачал головой.

— Конечно. В таком состоянии ты не в силах ее вернуть, а мы не способны осуществлять прямой контроль за нашими аналогами... Возьми фигурку. Мы проходили мимо множества выступов и ниш по пути сюда. Ты найдешь, куда спрятать ее.

— А что будет с Тайзой?

— Оставь здесь.

— А если кто-нибудь ее здесь найдет?

— Неважно. Пошли.

Пламя скользнуло мимо и повело в путь. Поль взял статуэтку и зашагал вслед за огоньком. В туннеле он обнаружил подходящий тайник и спрятал ее в трещине горной породы.

Они вышли из пещеры и направились в замок. Уже после нескольких поворотов Поль понял, что они идут совсем другим маршрутом. Теперь они двигались намного быстрее. На их пути совсем не встречались комнаты, наполненные дымом, и темные коридоры.

Через короткое время Поль оказался перед кельей, вошел внутрь и закрыл дверь. Снаружи донесся звук задвигаемого засова.

— Так что же, выходит, зря мы путешествовали? Только для показухи, так?

— Постарайся уснуть.

Пламя исчезло. Внезапно усталость совсем ододела Поля, голова закружилась. Он едва добрался до скамьи и растянулся на ней. У него не было времени обдумать создавшееся положение, уже накатывались мягкие черные волны сна...

Глава 12

Генри Спаер перевоплотился в новый облик, покинув пещеры Белкена и полностью неузнаваемым появился в зачарованном городе. Он провел весь день в бесконечных празднествах с братьями-колдунами, никто из которых не знал его настоящего облика. Довольный и сияющий он разгуливал среди них, и никто не подозревал о том, что он вынашивает роковую черную тайну. Он пил вино, приправленное легкими наркотиками, творил чудеса, но старался избегать самых могущественных своих коллег. Здесь не было такого мага, схватки с которым он опасался, однако он не хотел вступать в конфликт с большими мастерами Великого Искусства, дабы его преждевременно не разоблачили.

Спаер ходил, разбрасывая проклятья и посылая рок на тех, кого он не любил и осуждал, и как бы случайно одаривал благами других, снискавших его расположение. Ему нравился подобный ореол таинственности и льстила роль приближенного к Богу. Он слишком долго сдерживал себя и выжидал. Но теперь... Сейчас Спаер видел будущее, свободное от всяких ограничений. Это великое будущее, словно птичка, вспорхнет с его протянутой руки. Он почувствовал странное всеподавляющее чувство близости и родства с теми, кто обретет много выгод от его трудов, пока никому неизвестных.

С наступлением вечера город распускался во всей своей колдовской красе и очаровании. Спаер уже долгие годы не испытывал подобного превосходства. Его сила достигла невероятных пределов, но он удерживал себя от демонстрации своего могущества, ограничива-

ясь малой толикой того, чем он обладал. Хотя и это вызывало немалое удивление его новых друзей, собравшихся для состязаний и игр.

Он веселился и танцевал до самой ночи. Затем тщательно и кропотливо подготовил все для грандиозной по масштабам послеполуночной трапезы. Поборол сон, восстановил энергию и бодрость с помощью мастерски сработанных заклинаний. Потом дрейфовал на серебряном катерке по каналу, кольцом окружившему город, прихватив с собой куртизанку и хороший запас игристого вина. После долгих лет мрака и неясности, вечных маскировок и тайн это было зовом на праздник.

Ночь была в разгаре, и город превратился в настоящее царство света и цвета, буйство магических фантазий, гармонию звуков и чувств. Спаер продолжал пировать до тех пор, пока небо не побледнело на востоке. Лишь только появились первые всполохи над городом, словно пелена, промелькнула мгновенная волна тишины. Пролетев над замолчавшим, сверкающим огнями городом, она разбилась о скалы Белкена. Прерванное веселье и ночные забавы возобновились с прежней силой. Но общий дух веселья стал медленно угасать.

Стряхнув с себя пыль мечтаний и избавившись от нахлынувших чувств, Генри Спаер поднялся с благоухающего ложа. Ночные забавы и веселые развлечения больше не влекли его. Теряя последние капли легкомыслия, он покидал обманчивую территорию блистательного города. Хмурясь и увеличиваясь в размерах, он двигался к северу. Подошел к краю околдованного города и смело вышагнул из его оболочки. Распрощавшись с городом-сном, он стал подниматься по отлогому холму. На его вершине остановился и огляделся по сторонам, затем поспешил вниз.

Наконец Спаер остановился, поднял сухую суковатую палку с торчащими во все стороны мелкими веточками. Он ласково погладил ее и начал что-то нежно нашептывать, указывая палкой во все четыре стороны света. Потом замер и долго смотрел на нее, медленно поглаживая рукой. Тем временем утро занялось сильнее, на улице заметно посветлело. Когда он встал на

колени возле вертикально стоящей палки, тень от нее задвигалась, приобретая очертания маленького животного. Спаер стал распевать какое-то заклинание.

— Иохиппус, Мезохиппус, Протохиппус, Хиппаррион... — так начинался замысловатый речитатив.

Пыль и песок, поднятые с земли, закружились в стремительном вихре вокруг крохотной фигурки. Смерч полностью поглотил ее очертания. Кружение продолжалось с бешеной скоростью, теперь вихрь превратился в гигантскую воронку. Скрежет песка и камней стал оглушительным, превратился в могучий рев. Воронка, подобно бездне, вовлекала в себя все живое и неживое — кусты, гравий, камни, валуны, траву и лишайник.

Спаер отшатнулся от грохочущего вихря, поднял руки и начал серию одному ему понятных пассов. Длинный протяжный крик вырвался из центра воронки и на секунду заглушил ураганный рев.

Прогрохотав напоследок, вихрь улегся. Стала оседать пыль и вздыбленная земля. Сквозь оседающую пыль выступила большая, о четырех конечностях фигура, застывшая с высоко поднятой темной головой.

Маг подошел ближе и ласково потрепал по длинной шее животное, абсолютно незнакомое обитателям этого мира. Оно тихо заржало в ответ, а мгновение спустя успокоилось и замерло. Спаер вскочил в седло и натянул поводья. Они стояли в центре кратера, которого не было, пока маг не начал творить заклинания. Он ласково заговорил с песочного цвета животным, нежно поглаживая того по шее и почесывая за ушами. Затем легонько потянул за поводья уздечки.

Животное начало выбираться из ямы, осторожно карабкаясь по склону. Спаер заулыбался, затем довольно рассмеялся. На востоке появились первые розовые зарницы, верхушки облаков окрасились нежным румянцем. Маг поддал коленками под бока, пришпорил чудо-животное и рванул повод.

— Гей! Прах, гей! — закричал он. — Вперед!

И его неутомимый скакун вихрем помчался по равнине.

Глава 13

Они добрались лишь к вечеру. Маусглов и Лунная Птица кружили над разрушенной вершиной горы Анвил. Внимательно вглядываясь в руины, Маусглов, проведший здесь столько времени, с трудом узнавал знакомые очертания. Они видели лишь один громадный кратер, безмолвный и зловещий. Рядом находилось какое-то почти разрушенное огромное здание.

— Это где-то здесь, — сказал он, — вот то место, куда Поль бросил посох.

— Да, это оно, — подтвердил Лунная Птица.

— Говорят, что глаз дракона видит дальше и глубже человеческого глаза.

— Все верно.

— А вдруг какие-нибудь механизмы до сих пор работают?

— Я не вижу ни малейшего движения.

— Тогда давай спускаться.

— В кратер?

— Да. Вон площадка около конуса. Я залезу и все обследую.

— Внутри все спокойно. Я не чувствую особенного тепла.

— Ты видишь до самого центра, до недр?

— Во время парения я могу скользить и проследить тепловые потоки. Да, я могу видеть недра.

— Тогда давай спускаться, если ты уверен, что это не опасно.

Лунная Птица начал спускаться, двигаясь по спирали вниз, вдоль обожженных, тлеющих краев кратера.

Приблизившись к нужному месту, дракон стал замедлять вращение, сложил крылья, поджал конечности и начал медленно падать. В момент посадки он чуть распустил крылья, подобно парашюту, и мягко коснулся земли.

Сжав зубы и сощурившись, Маусглов с тяжелым чувством оглядывал серые неровные стены. Его подбрасывало и раскачивало из стороны в сторону, когда они передвигались по изуродованной поверхности. Схватившись за Лунную Птицу, он наклонился над впадиной, затем выпрямился и прижался к вонючему крупу. Кругом царило гробовое молчание, тени безмолвно скользнули по склонам.

Лунная Птица огляделся по сторонам, затем посмотрел вверх, потом вниз.

— Я немного просчитался, — заметил дракон.

— Что ты имеешь в виду?

— Размеры этого места. Здесь нет достаточного пространства, чтобы взлететь.

— Что же нам делать?

— Просто выкарабкиваться, когда подойдет время.

Маусглов тихо выругался.

— Есть и другая, более светлая, сторона дела.

— Любопытно.

— Посох определенно находится здесь, — огромная голова повернулась, указывая направление. — Там.

— Откуда ты знаешь?

— Драконы могут чувствовать присутствие магии, магических предметов. Я знаю, что он находится под землей. Примерно в этом месте.

— Покажи мне.

Лунная Птица заскользил по руинам и развалинам. Наконец остановился, вытянул левую лапу и огромным черным когтем нацарапал на земле букву «Х».

— Колай здесь.

Маусглов развернул заранее взятые инструменты, выбрал кирку и принялся за работу. Расширяя углубление во всех направлениях от отметины, он старался до пота, кашляя и чихая от вздымаемой пыли. Он снял

плащ, затем и прилипшую рубашку, чтобы не стесняла движения. Спустил какое-то время застыл как изваяние и тупо уставился на серую грудку земли. Его тело облепил слой пепельной пыли. Плечи ныли, ладони покрылись пузырями и отказывались держать кирку.

— А твое драконье чувство, — спросил он наконец, — не может подсказать, как глубоко захоронен посох?

— На глубине примерно трех твоих ростов.

Кратер отозвался гулким эхом, когда Маусглов отшвырнул кирку.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Я не думал; что это столь важно. — Дракон помолчал. — А что, важно?

— Да я же никогда так глубоко не докопаюсь!

Маусглов уселся на грудку гальки и вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони. Губы трескались от пепла. На зубах скрипела зола. В носу стоял вкус и запах золы.

Лунная Птица подошел ближе и уставился в неглубокую яму.

— Может, у тебя плохие инструменты? Слушай, вдруг здесь кое-что сохранилось со времен правления Рыжего Марка?

Маусглов стал медленно поднимать глаза, пока его взор не застыл прямо над головой.

— Пожалуй, я могу забраться туда и поискать, — сказал он. — Но даже если мне посчастливится найти что-нибудь взрывчатое — или один из лучеметов, светом разрезающих предметы насквозь... Не повредят ли подобные орудия тому, что мы ищем?

Лунная Птица со смехом зафыркал, брызгаясь слюной. Куда бы ни попадали плевки, они тут же закипали и начинали тлеть. Через несколько секунд в каждой плевке плясал огненный язычок.

— Эту вещичку однажды спрятали только потому, что никто не может уничтожить ее.

— А ведь верно... Кроме того, иначе все равно ничего не выйдет.

Маусглов поднял свой плащ и принялся выбивать им из себя пыль. Достаточно похлестав себя, вновь надел рубашку

— Ладно. Мне кажется, я помню, где могут быть спрятаны подобные вещи. Если, конечно, они все еще целы. И если мне удастся отыскать это место среди развалин.

Он направился к тому, что казалось наиболее непреодолимой стеной кратера. Лунная Птица заскользил следом.

— Я лучше прямо сейчас начну выбиратья.

— Вон там, по-моему, вполне подходящая ступенька для твоей туши.

— Иди. Я сам вылезу. Мне хотелось бы быть подалее от всех волнений и потрясений.

— Хорошая мысль.

Маусглов отыскал опоры для ног и для рук и начал подъем. Позднее, уцепившись за край какого-то выступа и переводя дыхание, он оглянулся и увидел, что Лунная Птица, хоть и черепашьими темпами, но упруго движется вверх. Дракон медленно и осторожно ощупывал кромку, отыскивая наиболее подходящее место для опоры, затем вонзал в нее мощные острые когти, делал прочные зарубки, прежде чем навалиться всем своим весом.

Маусглов отвернулся и снова внимательно оглядел территорию. «Да, — решил он. — Туда на юго-восток. Одно из мест, где я когда-то прятался, под тем монолитом. И...»

Он посмотрел на солнце, клонящееся к горизонту, пытаясь определить, сколько времени у него в запасе. Затем проделал со всей возможной скоростью и ловкостью путь, маршрут которого уже неоднократно прокручивал в голове.

Маусглов проходил мимо покореженных балок, нагромождения камней, воронок от снарядов, развороченных машин, куч гальки и мусора, осколков стекла, мимо скелетов людей и драконов. Поверженный город весь высох, превратился в прах. Ничего живого. Ничего не шевелилось, кроме теней.

Он вспомнил дни своего трусливого бегства. Глаза машинально скользнули к небу, отыскивая механических птиц круглосуточного наблюдения и разведки. В воображении возникла мощная фигура Марка Мараксона, словно монумент; выпуклая линза искусственного глаза переливалась всеми цветами радуги, когда Марк двигался от света к тьме и наоборот.

Проходя по одному из перекрытых тротуаров, около разрушенного моста, Маусглов нырнул в полуобвалившийся дверной проем, ведущий в здание без крыши. Внутри он шел, лавируя между скрюченными телами миниатюрных роботов Марка. (Его возмущало прозвище «карлик», которым их называли другие, поскольку они были одного с ними роста.) Любопытно, каково пришлось участникам того сражения — подняться от варварства до уровня высокоорганизованного существования и вновь кануть в бездне лет, быть похороненным здесь, на этом кладбище изуродованных машин и мертвых технологий. Возможно, период высоко развитой цивилизации длился лишь короткое время, они еще не успели забыть примитивных привычек и навыков. Когда-нибудь все это превратится в очередную легенду...

Вдруг откуда-то — Маусглов не мог определенно сказать, откуда именно, — донеслись звуки ударов молотком, затем дважды он услышал клацанье и рычание, говорящее о том, что кто-то пытается завести машину.

Он отыскал ведущую вниз лестницу и в течение десяти минут очищал ее от хлама, мешающего пройти. Спустившись, проследовал по закоулкам блестящих туннелей, ведущих внутрь горы. Все хитросплетение подземных коридоров ожило в его памяти, как будто он только вчера проходил данным маршрутом. С одной лишь разницей — передвигаться приходилось в почти полной темноте, так как генераторы, питающие энергией и обеспечивающие освещением подземные мастерские, были разрушены. Маусглов шел буквально на цыпочках, ступая осторожно и бесшумно, в правой руке нервно сжимая пистолет. Но никто не собирался нападать на него.

Дверь в арсенал оказалась закрытой, но он мог открыть ее даже в кромешной тьме, чувствительные пальцы ловко орудовали, перебирая бесчисленные отмычки, с которыми он не расставался. Эти пальцы имели собственную память, поэтому справились с замком раньше, чем Маусглов сообразил, что путь свободен.

Он прошел в комнату и отыскал нужную полку. Убедившись, что гранат вполне достаточно, стал распахивать их в специальный пояс, затем остановился, чтобы отыскать и пополнить патронами свой пистолет.

Покидая арсенал, Маусглов вдруг по самому ему непонятным причинам запер дверь. Затем поспешил в туннель, держа пистолет в полной боевой готовности.

Лишь только он поднялся по ступенькам, его охватила паника. Он тут же подавил ее, однако в душу закрались нехорошее предчувствие и тревога. Чем было все это вызвано, он не стал даже задумываться, но полностью положился на свое шестое чувство, так как оно не раз выручало его в прошлом.

Маусглов остановился и замер, потом вжался в стену и стал медленно подниматься по ступенькам. Он двигался бесшумно и был невидим.

Когда его голова достигла уровня пола, он снова замер и прислушался к шорохам полуразрушенного помещения. Никакого движения. Казалось, ничего здесь не изменилось с момента его первого прохождения.

Он глубоко вздохнул и одним рывком одолел оставшиеся ступени, затем рванул к дверному проему.

Справа от себя он заметил едва уловимое движение.

Он замер, увидев одного из коренастых, мускулистых аборигенов, которые ранее работали на шахте. Абориген притаился за обвалившейся плитой потолка, намереваясь преградить ему путь. На человеке болтались лохмотья былой униформы, которую носили при Марке.

Маусглов поднял пистолет, но не выстрелил.

Коротышка был вооружен длинным кривым ножом. Его оружие казалось совсем смехотворным по сравнению с тем, что сжимали чуткие пальцы Маус-

глова. Человечек был один, однако если поблизости существуют остальные, то звуки выстрелов могут насторожить и привлечь их.

— Не волнуйся, — дружелюбно начал Маусглов, опуская пистолет, — я уже ухожу.

Еще до того, как рот коротышки перекосила гримаса, он понял, что ему не следовало говорить подобным тоном.

— Ты один из тех, — прорычал человечек, двигаясь на него и замахиваясь ножом. — Ты друг колдуна...

Маусглов согнулся, его правая рука скользнула к рукоятке кинжала, торчащей из голенища, большой палец привычно отстегнул крохотный ремешок, удерживающий кинжал на месте.

Все еще согнувшись, он вынул кинжал и медленно начал отступать, забирая вправо. Противник бросился вперед, возле самой головы Маусглова сверкнуло кривое лезвие. Маусглов увернулся от удара, размахнулся кинжалом и ударил человека в плечо. Затем отскочил вбок и, делая боковой маневр, притворился, что намеревается нанести удар прямо в грудь. Извернувшись от выпада противника, Маусглов нанес коротышке небольшую рану в области правой брови. Лишь легкий мелкий порез — но выступившая кровь должна была охладить противника и снизить его темп.

Внезапно Маусглов споткнулся о неровный выступающий край каменного пола и некоторое время отчаянно размахивал руками, пытаясь сохранить равновесие. Ему удалось устоять, но он продолжил движение и подхватил с земли пригоршню камней.

Выпрямившись, он швырнул камни в лицо преследователю, метнулся вправо и вперед. Лезвие кинжала попало коротышке в левый бок, но вытащить его Маусглову сил не хватило.

Противник оттолкнул его и замахнулся собственным ножом. Маусглов метнулся в сторону, снова подобрал горсть камней, бросил их, но промахнулся. Коротышка угрожающе двинулся вперед — кинжал по-прежнему торчал в его боку, нож застыл в поднятой руке, побледневшее лицо ничего не выражало.

Маусглов не мог сказать, сколько еще он протянет. Новый бросок, возможно?.. Слишком рискованно повернуться спиной или наклониться вниз за камнями — противник все еще довольно-таки успешно охранял дверь. Он решил просто увертываться от него, пока коротышка совсем не обессилит. Абориген до сих пор не делал попыток позвать на помощь, и Маусглов решил не пользоваться пистолетом, пока не останется другого выхода или не поднимется тревога.

Противник кривил губы, пытаясь выдавить улыбку. Он шел прямо на него. Тут Маусглов понял, что уперся спиной в огромную плиту, бывшую когда-то перекрытием крыши.

— Я выживу, — прорычал коротышка, — я залечу раны. А вот ты...

Он бросился вперед, размахивая ножом и теперь не опасаясь промаха.

Маусглов отстегнул тяжелый пояс с гранатами и со всей своей силой швырнул его под ноги нападавшему.

Коротышка споткнулся и начал падать, Маусглов отодвинулся от плиты. Ему не удалось отскочить, так как нападающий снова замахнулся ножом. Однако он сумел задержать поднятое вверх запястье и всем телом навалился на врага. Другой рукой схватился за торчащую рукоять кинжала и начал неистово крутить ей. Наконец ему удалось выдернуть кинжал.

Отклонившись назад, Маусглов приставил острие к горлу противника — и тут заметил кулак, стремительно приближающийся к его лицу. Маусглов отклонил голову и еще больше откинулся назад. Он тут же почувствовал, как ноги противника сжали его тисками. Тело охватила адская боль. Рука противника вновь устремилась ему в лицо, теперь растопыренные пальцы нацелились на глаза.

Маусглов выставил руку, блокируя удар. Но рука неумолимо приближалась к лицу. Ноги противника сжимались все сильнее. Маусглову казалось, что его поясница вот-вот хрустнет. Коротышка, сжав зубы, расправил плечи и стал медленно отрывать их от земли.

Не мешкая ни секунды, Маусглов перестал сдерживать руку противника, выхватил кинжал и ударил его в другой бок.

Противник вздрогнул и упал, стукнувшись головой о каменный пол.

И Маусглов перерезал горло врагу его же собственным ножом.

Кровь была фонтаном, а Маусглов не отпускал нож, опасаясь уйти, пока не прекратятся судороги. Он не обращал внимания, что его руки по локоть в крови, кровью залепаны рубашка и ноги. Наконец он выдернул нож и отбросил его в сторону. Затем встал и пошаркал ногами по телу, обтирая кровь, потом выдернул из тела кинжал и тщательно вытер его одеждой убитого. Он убрал кинжал в голенище, подобрал пояс с гранатами и перекинул его через плечо, вытащил пистолет и вышел из здания.

Ничто больше не возникло на его пути до самого кратера, и Маусглов почти уверился, что его противник был единственным уцелевшим; возможно, бедняга просто свихнулся, находясь в полной изоляции и почти заживо погребенный среди руин, питаясь только воспоминаниями о прошлом.

Внезапно он услышал шум падающих камней, металлический скрип, скрежещущие и шелестящие звуки — каждый из них в одиночку мог вполне сойти за шум ветра, рокот обвала или возню крыс. Однако все вместе они доносились с места недавней схватки и означали совсем иное.

Маусглов ускорил шаг, перейдя почти на бег, а звуки неслись за ним вслед. Он тщательно осматривал каждый дюйм проходимой поверхности, но не находил ничего вызывающего лязганье или шарканье. Тем не менее шум усиливался.

Достигнув начала подъема, Маусглов тут же принялся карабкаться вверх, не оглядываясь назад. Осмотрев все до самого края кратера, он нигде не увидел Лунной Птицы, даже у самой вершины. И все время сзади слышались шаги. Бросив взгляд назад, Маусглов увидел человек шесть-восемь преследователей, бегущих

за ним среди руин. Они были вооружены дубинками, ножами и копьями. У Маусглова отлегло от сердца: никто из них не пользовался боевым оружием, в котором преуспел Марк; разрушительные лучеметы так и не прижились в их обиходе. Некоторые на шее носили металлические части машин, подобно амулетам. Он еще удивился, как же они могли обслуживать столь прогрессивную технику, если, оторвавшись от нее, вновь сразу же превратились в дикарей. Его размышления были быстротечны, однако подтвердили давнюю мысль: примитивизм и варварство нелегко отмирают даже в высокоразвитом обществе.

Забираясь вверх, Маусглов поразился той призрачной, почти нереальной связи, которая накрепко соединила его с Лунной Птицей. Двадцатилетняя совместная летаргия сцепила их словно оковами. До сих пор он разговаривал с драконом только с близкого расстояния, но и теперь ему казалось, что их разделяет лишь одна горная терраса.

— Лунная Птица! Ты слышишь меня? — мысленно закричал Маусглов.

— Да, — донесся откуда-то ответ.

— Где же ты?

— Лезу вверх.

— Я в беде. На меня напали те люди, которые некогда работали на Марка.

— Много?

— Человек шесть-восемь. Может быть, больше.

— Плохо.

— Ты ничем не можешь помочь?

— Отсюда ничем.

— Что мне делать?

— Быстрее выбираться.

Маусглов смачно выругался и оглянулся назад.

Почти все его преследователи были уже у стены — один из них, самый мускулистый, размахнулся, чтобы бросить копьё.

Маусглов вынул пистолет и выстрелил. Он промахнулся, но рука нападавшего дрогнула, и копьё пролетело мимо.

Он снова выстрелил. Теперь один из преследователей выронил дубинку и с воем схватился за правое плечо.

— Что это было? — донесся мысленный вопрос Лунной Птицы.

— Пришлось выстрелить пару раз, — ответил Маусглов, продолжая подъем.

— Ты нашел, что искал?

— Да, у меня есть взрывчатка. Но мои преследователи слишком рассредоточены, чтобы накрыть их одним взрывом.

— Но ты ведь можешь использовать оружие на расстоянии?

— Да.

— Когда поднимешься до края, бросай взрывчатку в то место, где копал.

— А ты далеко отсюда?

— Это не столь важно.

— Может возникнуть сильная воздушная волна.

— Будет забавно. Не беспокойся.

Маусглов снова посмотрел вниз. Три преследователя уже начали карабкаться по склону. Замерев на мгновение, Маусглов осторожно вытянул руку и выстрелил в первого. Человек упал.

Он не стал больше задерживаться на расправу с остальными, а, отвернувшись от погони, вложил в подъем все свои силы. Теперь Маусглов находился около вершины. Его преследователи оказались сильны и проворны. Но он был легче и более подвижен, поэтому сумел оторваться на приличное расстояние.

Наконец он достиг края, быстро перелез через него и укрылся под его защитой. Только тогда снова взглянул вниз. Лунная Птица старательно подтягивал увесистое тело. За все это время он одолел лишь четверть подъема.

— Я не могу бросать гранаты, — мысленно обратился к дракону Маусглов, — ты слишком близко!

— Я летал даже в грозовых облаках, — пришел ответ, — когда кругом блистали молнии и оглушал гром. Тем не менее все еще жив. Бросай!

— Не могу.

— Мы погибнем, если ты не решишься. И Поль...

Маусглов вспомнил о погоне, вынул гранату и бросил ее туда, где чернела перелопаченная земля. Он закрыл уши ладонями. Донесся оглушающий взрыв, содрогнулась земля. Затем послышался грохот обваливающихся камней.

— Лунная Птица! С тобой все в порядке?

— Да. Бросай следующую. Торопись!

Маусглов повиновался и повторил операцию. После следующего взрыва он снова спросил:

— Лунная Птица?

— Да. Давай следующую.

Ответ ему показался совсем слабым, или грохот взрывов слегка оглушил его. Он бросил очередную гранату и дождался третьего взрыва. На этот раз ударная волна отбросила его назад и прижала к каменной глыбе.

— Лунная Птица?

Ответа не последовало.

Маусглов наклонился вниз, но кратер был скрыт густыми клубами пыли. Та область, где висел дракон, погрузилась в дым и мрак.

— Ответь мне, Лунная Птица!

Молчание.

Когда его голова перестала гудеть и улегся звон в ушах, он уловил скребущиеся звуки подъема по склону. Но они доносились с той стороны, где недавно прошел камнепад. Маусглов не рискнул больше бросать гранаты, так как побоялся окончательно разрушить склоны.

Он перелез через край и начал спускаться.

Пыль забивала нос и глаза, но он старался воздерживаться от чихания. Пыль скрипела на зубах, вызывая сухость во рту. Несколько раз он харкал и отплевывал вязкую слизь, хотя это не избавляло от неприятного привкуса. С каждым шагом спуска становилось все темнее.

Его глаза все время возвращались к месту, где еще недавно сидел Лунная Птица, но он не мог разглядеть сквозь дым и копоть силуэт гигантского дракона.

Маусглов продолжал спускаться, желая лишь одного — передвигаться как можно быстрее. Наконец пыль начала оседать. Прежде всего он заметил двух коротышек; они спускались вниз. Вскоре показались еще двое.

Пока Маусглов нащупывал рукой опору понадежнее, его тело ощутило толчки и вибрацию горы, на склоне которой он распластался. За вибрацией послышался глухой рокот.

Внизу под ним, то разгораясь, то угасая, но тем не менее расширяясь, возникло оранжевое сияние, лившееся прямо из сердца кратера. Вновь раздался рокот, вслед за ним поднялось облако горячего воздуха.

Донесся истошный крик. Преследователи — теперь их было уже пятеро — замерли на месте, затем в панике принялись снова карабкаться вверх.

«Мои взрывы спровоцировали извержение, — подумал он. — Все начинается снова».

— Господи! Нельзя вниз. Нельзя вверх. Остается только ждать смерти.

— Спускайся. Это тебе совсем не повредит.

— Начинается извержение!

— Нет. Спускайся. Это безопасно.

— Что? Что происходит?

— Хватит болтать. Спускайся.

Руки Маусглова продолжили прерванные поиски опоры, на которую он мог бы перенести свой вес.

По мере того как он спускался все ниже, свет разгорался ярче. Вибрация и содрогание почвы продолжались, но они стали тише и мягче, подобно отголоскам дальнего землетрясения.

Внезапно мимо него со свистом и грохотом пролетел какой-то блестящий предмет, за ним последовал другой. Разойдясь в пространстве кратера, маленькие кометы исчезли за его пределами.

— Ты уверен, что внизу безопасно? — спросил Маусглов, прижимаясь плотнее к стенке.

Ответа не последовало.

Продолжая спускаться, он осознал, что температура в кратере поднялась не столь уж сильно, как обычно

происходит при извержениях. Может, Лунная Птица развлекается играми с выпусканием пламени, пытаясь напугать врагов?

Нет, решил он, внимательно вглядываясь вниз. Задействована слишком большая площадь, да и огни вспыхивают слишком уж регулярно. Совсем не похоже на драконье пламя.

Маусглов целым и невредимым добрался до днища кратера. Пламя вздымалось вверх огромными искрами. Повсюду поднимались огненные столбы и громадные красные языки пламени. Но он никак не мог понять, что питает эти костры. Посередине, между кострищами, тянулся ясно различимый проход, и именно в том направлении, в котором намеревался проследовать Маусглов. Он пошел вдоль прохода.

Днище кратера в результате метания гранат оказалось еще больше изрытым и искореженным. Он проходил мимо развороченных глыб; держа курс к месту, где раньше копал. А через несколько шагов увидел перед собой огромную тень.

— Лунная Птица?..

Тень двинулась на него, возникла огромная голова. Между кривыми острыми зубами торчала узорчатая палка.

— Посох! Ты нашел его!

Маусглов протянул руку.

— Залезай мне на спину.

— Честно говоря, я не понимаю...

— Поговорим позже. Залезай!

Маусглов послушался и влез на Лунную Птицу, расположившись между лопатками. Тотчас же дракон начал двигаться, выбираясь из ямы. Он направился к северной стене — противоположной той, по которой они карабкались раньше. У стены кратера Маусглов крепче ухватился за Лунную Птицу, разгадав его намерение подпрыгнуть и начать подъем.

— Лунная Птица! Тебе не добраться до вершины по этой стороне. Этот склон почти вертикальный и гладкий.

— Я знаю.

- Тогда зачем лезешь?
- Здесь легче. Пока.
- Но...
- Подожди, пока не выберемся.

Маусглов вспомнил о горном выступе, о котором он говорил. На вид достаточно широкий и прочный, чтобы выдержать Лунную Птицу, но в действительности тупик.

Дракон быстро взобрался на него — намного ловчее и быстрее, чем в предыдущий раз. На этой стене было меньше уступов, она была круче. Когда они влезли еще выше, Маусглов повернулся и посмотрел вниз. Пламя разгорелось ярче, отдельные языки слились в единый костер. В лицо полыхнуло жаром. Один за другим стали подниматься тепловые потоки.

Наконец Лунная Птица достиг желаемого выступа и, удобно устроившись на нем, тоже посмотрел вниз. Лишь только он бросил взгляд, огонь превратился в настоящую огненную бурю. Тепло мощным потоком устремилось ввысь.

— Что происходит? — потребовал ответа Маусглов.

— Последний взрыв сорвал меня со стены, — ответил Лунная Птица. — Упав в кратер, я ощутил, что жезл находится совсем рядом.

— А пламя появилось уже потом?

— Я сам вызвал пламя. Я хотел отогнать преследователей.

— Как тебе это удалось?

— Я использовал могущество нижнего крайнего сегмента посоха. Он предназначен для вызова магического огня.

— Ты можешь пользоваться посохом? Мне и в голову не приходило...

— Только самым нижним сегментом. Драконы знают секреты огня.

— Хорошо, кажется теперь мы в безопасности, но пламя разгорается все сильнее. Нужно загасить костры — если, конечно, тебе удастся.

— Нет.

— Почему?

— Мне необходим сильный поток тепла. Чтобы подняться отсюда.

— Я не понимаю.

— Я планирую войти в тепловой поток. В теплом воздухе легче подняться наверх.

Тени от костров заплясали теперь уже почти рядом с ними. Мауслов вновь ощутил жаркую волну.

— До края не так уж далеко... Ты уверен, что сможешь подняться в тепловом потоке на эту высоту?

— Жизнь непредсказуема, — ответил Лунная Птица. — Крепче держись!

Он расправил мощные крылья и воспарил над кратером.

Глава 14

Чем больше я знакомился с окружающим миром, тем глубже тонул в пучине философских размышлений о Вселенной и природе собственного бытия. Настоящие ответы на вопросы блуждали неизвестно где. Я не мог отыскать их ни в практике, ни на общем теоретическом уровне. Теперь меня волновало, является ли сомнение неотъемлемой частью любого мыслящего существа. До сих пор я мирился с мыслью, что всеми существами правят побуждающие причины, в которых я не слишком разбираюсь. Их поведение казалось прямо связанным с конкретными обстоятельствами, тогда как я совершенно не усматривал в них объективных целей.

Я заиклился и начал повторяться. Я собирал информацию — хотя совершенно не понимал, что все это означает. У меня не было настоящей цели — одни лишь призрачные тени, упорно возвращавшие меня к мысли, что я должен знать больше и обладать чем-то значительным.

Несмотря на полную растерянность и вечные затруднения перед лицом бытия, я продолжал повиноваться тем настойчивым велениям, которые сопровождали меня с момента отбытия из Рондоваля. Я видел, как озадачило Маусглова полученное известие и он отправился выполнять поручение; мне очень хотелось верить, что Ибал обладает возможностями переправить его в нужное место сквозь пространство — несмотря на собственное желание. Я проследил, что Маусглов ушел, и вернулся к тому месту у подножия Белкена,

где совсем недавно практиковался в управлении человеческим телом.

Попробовал еще раз, теперь с большей осторожностью. Результаты оказались выше всяких похвал. Мне даже удалось напугать кучку подгулявших магов-студентов. Затем я на долгое время застыл, не зная, чем заняться. Может, проследить маршрут, по которому вернулся в город тот странный колдун? Его следы до сих пор отдавали едва заметным сиянием. Может, следует узнать, кто он такой? Или лучше догнать Поля и Ларика, направившихся на север к Авинконету?

Очень скоро последнее взяло верх.

Я взмыл в воздух, уплотнился и стремительно понесся к северу. Нагнал их еще в полете и пристроился сзади, разрядившись и расслабившись.

Ничего больше не тревожило меня. Неизвестное понукающее мной начало наконец угомонилось. Все оставшееся время до конца дня я чувствовал себя свободно и спокойно, как когда-то в золотые дни бесцельных блужданий по Рондовалу.

Конечно, подобное блаженство не могло длиться вечно — я понял это, когда солнце склонилось к закату и день стал медленно угасать, а впереди замаячил черный мрачный силуэт Авинконета. В этот момент я почувствовал страх.

Это было странное всепоглощающее чувство — дурное предчувствие, если хотите, — переплетенное с беспочвенной уверенностью, что я могу умереть, погибнуть, что мое существование обречено закончиться именно в этом месте. Такого раньше со мной никогда не случалось, это стало прозрением, своеобразным открытием, которое не радовало, а внушало ужас. Но даже если рассматривать его через призму моих объективных знаний о собственной природе, то оно вполне могло осуществиться. Я сразу ощутил, что жизнь, даже такая бесцельная как моя, совсем не такая плохая штука.

В тот же момент я понял, что мои предчувствия не случайны. Я почувствовал, что самое мое страстное желание — это продолжать существовать; пусть глупо и бесцельно, но жить.

Я подобрался поближе к Полю и погрузился в тепло его тела. Я не мог сообразить, почему у меня не возникает ни единой мысли о самостоятельном движении. Я приник к нему словно младенец к матери. Так, в обнимку, мы подлетели к мрачному замку.

Я остался с ним в момент приземления, затем последовал в келью, где его заперли. Потом еще некоторое время неотлучно находился с ним — до тех пор, пока не принесли еду. После ужина я решил, что его вряд ли кто-нибудь потревожит до самого утра.

Мой страх затих, предчувствия отдалились, их вытеснили рациональные взгляды на случившееся. Теперь, когда все успокоилось и затихли, казалось, не осталось ни одного полуночника — самое подходящее время обследовать загадочный замок, проверить, можно ли отвести угрозу или найти оптимальный способ ее нейтрализовать.

Поэтому я покинул Поля, оставив его в надежном, но малоинтересном помещении.

Я прошвырнулся по разным комнатам, погонял крыс и мышей, тщательно обследовал каждую спальню, отыскивая намеки на черную магию или угрожающие силы.

Я передвигался очень медленно, чтобы ничто не могло застать меня врасплох. Ночь была в самом разгаре, когда во мне появились нотки разочарования: злое предчувствие оказалось ложным. Ничто и никто не покушался на меня, не грозил; мной вообще не интересовались! Казалось, я блуждаю по самой обычной горной громаде, приспособленной для человеческого обитания, конструктивно усовершенствованной и пронизанной туннелями и шахтами. Об этом свидетельствовали грубые останки обстановки и яркая, нелепая манера их исполнения, не имевшая ничего общего с функциональными задачами. Незримые следы магических деяний казались до боли невинными и безвредными.

Тем не менее чувство, охватившее меня, вызвало замешательство, хотя меня не так уж легко обескуражить.

Ночь перевалила за полночь. Я обследовал каждую высокую башню. Я...

Непредсказуемая боль пронзила все мое естество. Такого острого ощущения мне еще не приходилось испытывать, за исключением того, что, может быть, подобный шок я испытал при рождении на свет... но я совсем не помню его. Вдруг все внезапно изменилось, что-то проникло в самые глубины моей личности.

Лишь только это произошло, мной завладели необъяснимые сомнения: а страх ли это вообще? Черная магия не имела к этому ни малейшего отношения. Последним результатом этих переживаний явилось чувство, что все дело во мне. Если бы я смог открыть его, то приоткрылась бы и моя собственная тайна.

Долгое время я парил и медитировал, однако созерцание ничего не дало — я не мог обнаружить источник, насылающий на меня таинственные волны боли и эмоций. Знаете, такое состояние, как будто где-то совсем рядом произносят твое имя, а ты не в силах разобрать слова.

Я путешествовал от одного этажа к другому. Тщательно осмотрев все помещения над землей, я решил обследовать лабиринты под замком, расположенные в основании горы. Там было много входов естественного и рукотворного происхождения. Я последовательно принялся за них.

И в одной из пещер обнаружил нишу со спящей женщиной. Та неподвижно лежала в гробу, а ее дух бесцельно блуждал рядом, поддерживая едва заметный ореол жизни вокруг тела. Я приблизился, чтобы внимательно изучить ее, — и ловушка тут же захлопнулась! Это была хитрая незаметная оболочка, предназначенная для заманивания в ловушку менее чем материальных существ, подобных мне, которые осмелятся приблизиться к приманке слишком близко, — вероятно, чтобы защищать даму от нежелательных вторжений.

Итак, я был пойман неподалеку от спящей девушки в то, что скорее можно описать как гигантскую, невидимую паутину. Я начал вырываться, прикладывая все свои силы, но безрезультатно. Тогда я расслабился,

разрядился и постарался изменить свою форму и естество. Это также не сработало. Провалились и все мои попытки переместиться в другую ипостась. Силовая паутина крепко держала меня.

Я повис, заполнил собой все пространство и стал анализировать создавшееся положение. Над оболочкой заклятия чувствовалась аура почтенного возраста, какую люди обычно приписывают выдержанному виноградному вину. Я уже был знаком с подобными капканами по опыту общения со старинными заклятиями в Рондовале. Лучшие из них, подобные этому, лишь расцветают и увеличивают свою мощь с течением времени благодаря циркулирующей в противоположных направлениях энтропии, усиливающей воздействие магии. Эта оболочка, насколько я, конечно, способен судить, была наложена пятнадцать-двадцать лет назад.

Я попытался пропустить сквозь нее заряд энергии, надеясь обнаружить слабину, с помощью которой можно было бы разгадать основу заклинания, или куда можно просто выскользнуть. Бесполезно! В ней не было ни одного изъяна. Меня будто цепко держал неуязвимый монолит.

Я пробыл в том месте довольно долго, пытаюсь вспомнить все, что могло помочь одолеть ловушку. Испробовав все средства и потерпев полное фиаско, я решил, что теперь у меня достаточно времени для философских размышлений. Привел в порядок мысли и стал раздумывать над существованием, бытием и небытием, затем еще раз проанализировал предчувствия, по-новому взглянул на свои переживания и эмоции.

Внезапно я услышал шаги...

В общем-то, очень легко соблюдать полную конспирацию, когда ты невидим и неслышим; однако я потратил немало сил, чтобы сохранить спокойствие на всех уровнях, включая и мыслительный, увидев приближающегося Поля в сопровождении бледного пламени, такого же бестелесного, как и я.

В очертаниях этого пламяподобного чувствовалось что-то очень знакомое, что-то, что мне совсем не

нравилось. Не зная почему, я понял, что в спутнике Поля достаточно силы, способной повредить мне.

Я ощутил какой-то обмен сообщениями между Полем и огоньком. Я слушал только Поля, даже не пытаюсь уловить диалог целиком, из опасения, что это может выдать и обнаружить мое присутствие перед пламенем.

Наконец Поль склонился над гробом, открыл задвижки, снял и отставил в сторону крышку. Последовала долгая и безмолвная пауза, после чего Поль поднял на руки женщину, прошел по комнате и ступил в туннель вслед за пламенем.

Внезапно я понял, что свободен. Оболочка была сосредоточена на женщине, а не связана с помещением или гробом.

Я повис в воздухе. Мне не терпелось посмотреть, куда они направляются, но я не хотел снова испытывать судьбу и еще раз попасть в силки, поэтому не подлетал слишком близко. Я медленно плыл за ними, выдерживая приличную дистанцию, дабы избежать коварства заклятия-ловушки.

Я сразу узнал огромную палату, как только вошел. Последний раз, когда я проходил здесь, я передвигался с метафизической скоростью и следовал по магическому маршруту, поэтому я не стал тратить время на ознакомление с окрестностями. Следовательно, я и понятия не имел, что именно здесь находятся Врата.

Врата...

Насколько я помню по снам Поля и своему беглому знакомству, Врата всегда выглядели громадными, зловещими и, к счастью, неизменно были закрыты. Они и сейчас не распахнулись настежь. Хотя во снах и полудреме они много раз бывали полуоткрытыми, пропуская посланников, полуматериальных существ и заблудившихся духов. И если их физическая сущность заключается в этом, она не позволит им захлопнуться навсегда, и я окажусь свидетелем начинающегося взаимодействия и слияния миров, где более древняя, странно устроенная форма с господством магических сил разольется во всей красе и будет стремиться под-

чинить себе молодую, лишенную волшебства землю, пытаясь изменить ее по своему подобию, и в конце концов обновится сама за счет сырых первозданных основ этого места. Чем сильнее магия, тем слабее жизненные силы. Но магия будет господствовать, не сомневаюсь...

Полю положил свою ношу на каменную скамью, окруженную аурой. Его движения были замедленны и вялы, как будто он двигался во сне. Я осторожно приблизился к нему и прикоснулся к его мозгу, его мышлению, чтобы уловить мысли.

Он был околдован. Он сам не подозревал об этом. Огонек поработил его.

Я не видел приемлемого способа вмешаться. Не требовалось сверхъестественных способностей, чтобы сообразить, что этот пламяподобный могущественнее меня. Совершенно бессильный и беспомощный, я лишь наблюдал, как пламя управляло Полем словно марионеткой, как оно заставило установить статуэтку в нужное место. И я по-настоящему обрадовался и облегченно вздохнул, когда силы магии покинули Поля, и их планы сорвались. Крушение надежд огнеподобного вызвало во мне безудержный прилив веселья. Это оказалось самой лучшей шуткой, над которой я когда-либо смеялся.

Я наблюдал, как они уходили. Вряд ли Полю могла угрожать внезапная опасность, кроме того мне хотелось повнимательнее ознакомиться со зловещей палатой. В глубине моей души зародились новые предчувствия, на сей раз связанные именно с этой комнатой.

Глава 15

Полю очнулся от пустого, лишённого видений сна, разбуженный звуком отодвигаемого засова. Сначала он почувствовал свинцовую тяжесть в руках и ногах, тупую пустоту в голове, как будто накануне его напичкали наркотиками. Но затем, ещё до того как Ларик переступил порог кельи, родимое пятно в форме дракона отчаянно запульсировало — бешеными ударами, ничего подобного раньше не было. Дикая пульсация, словно адреналиновый шок, охватила весь организм, голова Поля просветлела, боль и тяжесть исчезли, и он почувствовал в себе мощный прилив сил.

— Вставай, — скомандовал Ларик, подходя к нему.

Полю осознал, что может уничтожить этого человека одним-единственным жестом. Вместо этого он повиновался.

— Пошли со мной.

Полю вышел из кельи вслед за ним, старательно изображая тяжелую топающую поступь, по его мнению вполне соответствующую замаскированному чудовищу. Пройдя мимо окна, Полю увидел, что день в самом разгаре, но он не видел положения солнца и не мог определить, который час.

Они шли совершенно иным маршрутом, не тем, по которому он на магической волне преследовал Ларика; и тем не менее именно так вело его пламя.

— Если ты будешь сотрудничать с нами, — бросил небрежно Ларик, — то, возможно, тебя освободят без всяких увечий.

— Я, вообще-то, не считаю, что мне не причинили ущерба, — ответил Поль, поднимаясь по ступенькам.

— Твое нынешнее состояние можно исправить.

— А что это даст тебе? — поинтересовался Поль.

Ларик долго молчал, затем произнес:

— Тебе не понять.

— Что ж, попытайся объяснить.

— Нет. Объяснять и разжевывать — это не по мне, — ответил он. — Скоро ты можешь найти свои объяснения.

— Сколько тебе заплатили за обман и срыв обряда посвящения?

— Есть вещи, которые всегда останутся главнее других. Ты сам поймешь.

Поль хмыкнул. Энергия и могущество били в нем ключом. Его удивляло, что Ларик ничего не замечает. Он едва сдерживался, чтобы не выдать себя.

Они прошли вдоль длинного коридора, снова поднялись по лестнице и ступили в огромный холл.

— Мне бы очень хотелось встретиться с тобой при других обстоятельствах, — произнес Ларик, стоя на последней ступеньке.

— Мне кажется, что так и будет, — ответил Поль.

Он узнал это место по своему ночному путешествию — северо-западное крыло здания. Они приблизились к тяжелой, окованной двери. Ларик вышел вперед и постучался.

— Войдите, — раздался голос, более высокий, чем ожидал Поль.

Ларик открыл двери и переступил порог. Затем повернулся.

— Входи.

Поль вошел в комнату.

И попал в рабочий кабинет, отделанный неотесанным деревом и камнем. На полу лежали четыре красно-черных ковра. Окон в комнате не было.

Райл Мерсон восседал за огромным столом, перед ним стояли остатки завтрака. Он не соизволил подняться навстречу.

— Вот, тот самый Одержимый Магией, о котором мы говорили, — сказал Ларик. — Он почти послушный и ручной, за исключением бунтующего духа.

— Это самое главное, — ответил Райл. — Оставь его мне.

— Да.

— Я имею в виду — в буквальном смысле.

Поль увидел, как по лицу Ларика проскользнуло удивление, его глаза расширились, рот приоткрылся в немом вопросе.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

Широкое лицо Райла ничего не выражало, кроме безразличия.

— Будь любезен.

Ларик явно смутился.

— Очень хорошо, — произнес он искусственно бодрым голосом.

Он повернулся и направился к двери.

— Но не уходи далеко. Возможно, ты мне понадобишься.

Ларик оглянулся, мрачно кивнул и вышел из комнаты, плотно прикрыв дверь.

Райл внимательно рассматривал Поля.

— Я тебя видел на Белкене, — сказал он после затнувшейся паузы.

— Я тоже тебя видел, — проговорил Поль, выдержав взгляд собеседника, — на улице. Ты разговаривал с Лариком около кафе, где сидел я.

— У тебя хорошая память.

Поль покачал головой.

— Что-то не припомню, чтобы я давал повод для насильного похищения.

— Да, пожалуй, именно так тебе и должно это казаться.

— Полагаю, именно так это показалось бы любому.

— Мне бы не хотелось начинать разговор с подобной ноты...

— Мне бы вообще не хотелось начинать с тобой разговор. Чего ты добиваешься?

Райл вздохнул.

— Хорошо. Если все так случилось, то подобным образом и продолжим. Ты мой пленник. Ты в опасности. Я нахожусь в выигрышной позиции и могу причинить тебе любой вред, даже лишить жизни.

Толстый колдун встал, обошел стол и остановился напротив Поля. Он сделал какой-то жест, затем еще один; его движения руками были аналогичны пассам Ларика. Поль ничего не почувствовал, хотя он понял, что должно произойти, и удивился, что маскирующая оболочка под оболочкой до сих пор держится.

— Возможно, тебе нравится твое теперешнее положение?

— Не совсем.

— Твое лицо скрыто маскирующей оболочкой. Я оставляю ее на месте, потому что знаю, как ты выглядишь на самом деле.

— Интригующее начало. Давай, говори дальше!

— В прошлом году до меня дошел слух, что Рондовал снова обитаем. А позднее пришла весть о сражении на горе Анвил. Посредством магии я восстановил твою внешность. Твои волосы, твою родовую отметину, твое сходство с Детом было абсолютно очевидным. Приходилось сделать вывод, что ты — один из их рода и единственный, о котором я ничего не знал.

— И разумеется, ты должен был принять меры — ведь все ненавидят Рондоval.

Райл повернулся спиной, молча прошелся по комнате, вновь обратил к Полю лицо.

— Сейчас мне легче всего согласиться — мол, так и есть. Но существуют определенные причины, заставляющие меня поступить именно так. Хочешь узнать какие?

— Конечно.

— Когда-то Дет был моим лучшим другом. Ведь он твой отец?

— Да.

— Где же он тебя спрятал?

Поль покачал головой.

— Он меня не прятал. Насколько я понял, я присутствовал при падении Рондоvalа. Грудным младен-

цем старый Мор перенес меня в другой мир, где я и вырос.

— Очень интересно. На кого же он тебя заменил?

— На Марка Мараксона; человека, которого я убил в горах Анвила.

— В высшей степени увлекательно! Как же тебе удалось вернуться?

— Меня вернул сам Мор. Для противостояния Марку. Так ты знал моего отца?

— Да. Мы вместе проводили кое-какие мероприятия. Великолепный был волшебник.

— Ты говоришь так, будто произошло что-то роковое и вы перестали быть друзьями.

— Все верно. Мы окончательно разошлись в одном вопросе, касающемся нашего последнего великого проекта. В то время я разорвал наш союз и прекратил работы, уведомив Дета. А затем он стал инициатором того, что в итоге привело к конфликту и разрушению Рондовала. Третий участник нашего предприятия покинул его, когда уже все пошло прахом и приняло дурной оборот.

— Кто он?

— Очень странный Одержимый Магией, обладающий могущественной силой. Даже не знаю, где они познакомились. Его звали Генри Спаер. Необычное имя, правда?

— Ты хочешь сказать, что если бы вы оба не бросили отца, то Рондовал бы выстоял?

— Я уверен, что так бы и произошло, только в жестоко изменившемся мире. Лично мне кажется, что Дет и Спаер предали меня.

— Ну конечно!.. А теперь ты желаешь особой изощренной мести всему роду — в память о старых временах, да?

— Едва ли. Но теперь твоя очередь отвечать на вопросы. Так, говоришь, тебя привел Мор?

— Вернул меня — вот что я сказал. Он не сопровождал меня. Он выглядел очень больным. Я полагаю, он остался в том месте, где жил я.

— Обмен... Да. Ты пошел прямо в Рондовал?

— Нет. Я нашел собственный путь, правда, позднее.

— А твое наследство? Все то, что ты знаешь о Великом Искусстве? Как ты дошел до всего?

— Просто как-то по кусочкам уловил.

— И стал Одержимым Магией.

— Это я уже слышал. Ты до сих пор не сообщил мне, чего ты хочешь.

— И все же происхождение сказывается, да? — спросил Райл с сарказмом.

Поль изучал лицо стоящего перед ним человека. Теперь оно светилось иронией, наложенной поверх прежней маски безразличия. В узком прищуре глаз затаилась угроза. Эти глаза буквально поедали Поля. Губы Райла слегка приоткрылись в кривой ухмылке. На щеках появился легкий налет румянца. Поль также заметил, что одна из пухлых рук Райла так сильно стиснута в кулак, что кольцо глубоко врезалось в плоть.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — спокойно сказал Поль.

— Думаю, отлично понимаешь, — ответил Райл. — Твой отец посягнул на баланс сил, господствующий в нашем мире, но его попытки не увенчались успехом. Я остановил его здесь, а силы Джареда Кейта закончили с ним в Рондовале. Но рано или поздно наступает ответная реакция. Ее породил Марк Мараксон на горе Анвил. Он принес в мир новый разлад, но тебе удалось остановить его. Теперь баланс снова отклоняется в сторону, уже в другом направлении — так, как хотел твой отец, — в сторону всеобщего господства колдовства над миром. Его еще можно остановить в данной точке, или все пойдет прахом, и мечта твоего отца осуществится. Все эти годы я ждал, чтобы остановить процесс, вернуть исходный баланс.

— Я повторяю: понятия не имею...

Райл подошел и ударил его по щеке. Поль подавил в себе желание отклониться, когда почувствовал прикосновение пальцев к своей щеке.

— Сын черного мага! Это у тебя в крови! — Райл вдруг осекся и замолчал, потом отступил назад. — Ты

откроешь Врата. Ты завершишь великое дело своего отца.

Внезапно Поль понял, что все сказанное действительно правда. Врата... Конечно же. Он забыл о них. Все его сны... Они промелькнули в его сознании. Вместе с ними пришла определенная готовность.

— По твоим словам, ты сам был сторонником этого предприятия в самом начале? — спросил Поль, стараясь говорить спокойно и уверенно.

— Да, это правда, — подтвердил Райл.

— И ты говорил о черной магии...

Райл опустил глаза, подошел обратно к столу, усясь поудобнее на стуле и откинувшись на спинку.

— Да, — ответил он, его глаза тупо уставились в остатки завтрака, — причем, полагаю, во всех смыслах. Черная, потому что ее использовали для того, что не имеет морального права существования, и черная — в более утонченном смысле своего глубинного значения, то есть пользующаяся силами извращенного характера, искривляющая само понятие магии. Первое утверждение всегда оспаривается, но второе никто не подвергает сомнению. Я допускаю, что сам однажды был черным магом, хотя больше этим не грешу. Я пересмотрел и изменил окончательно свои взгляды много лет назад.

— То, что ты нанял Ларика для грязной работы — сотворения оболочек заклятия, — вряд ли обеляет тебя. Мне кажется, ты не избавился от духа черной магии. А случай со мной...

Его слова заставили Райла вздрогнуть, он поднял глаза и уставился на Поля.

— В твоем случае я все сделаю сам, если понадобится. Однако прежде всего это будет примером черной магии в первом смысле — попытка предотвращения огромного зла.

— Ну прямо по законам великой морали... А они еще нужны кому-нибудь?

— Я думаю не только о тебе и мне. Я думаю о том, что ты можешь принести целому миру.

— Открыв Врата?

— Именно.

— Прости мое невежество, а что произойдет, если Врата откроются?

— Этот мир заполняют, наводняют силы более далекого древнего мира — на нашем языке это силы зла. Более древняя и могущественная магия той земли сокрушит естественные законы нашего мира. Наступит настоящее царство черных чар и колдовства.

— Но зло — понятие относительное. Скажи мне, как конкретно неприязнь колдуна к чему-то может обеспечить главенство магии над всем остальным.

— Ты используешь тот же аргумент, каким когда-то твоему отцу удалось убедить меня и склонить на свою сторону. Но затем я узнал, что освобожденные силы настолько могущественны, что ни один колдун не сумеет обуздать их. Мы окажемся во власти тех, кто находится позади Врат, и небольшой группки наших отщепенцев, которым безразлично, с кем объединяться и на какой почве.

— А кто эти отщепенцы?

— Одним из них был твой отец, затем Генри Спаер, ты сам и другие подобные тебе — все Одержимые Магией.

Поль едва сдержал смех.

— Как я понял, ты — не Одержимый Магией?

— Нет, все свои навыки я обрел тяжким трудом, усердием и тренировкой.

— Кажется, я начинаю понимать суть произошедшей в тебе перемены, — сказал Поль — и мгновенно пожалел о сказанном, когда увидел, как изменилось лицо Райла.

— Нет, я не верю в это, — почти выкрикнул маг, злобно сверкая глазами, — ведь у тебя нет дочери, несущей вечное проклятие Генри Спаера!

— Привидение этого замка?.. — промолвил Поль.

— Ее тело спрятано в надежном месте, она ни жива, ни мертва. Спаер сделал это, когда я вышел из их союза. Даже поэтому я горю желанием отомстить им.

Полью хотелось повернуться, размяться, покинуть комнату.

Вместо этого он спросил:

— Что конкретно ты имеешь в виду, когда говоришь «Одержимый Магией»?

— Я имею в виду подобных тебе, с природными способностями к Великому Искусству, — ответил Райл, — тех, кто обладает тесным, более личностным контактом с магическими силами, — мастеров, художников своего дела.

— Спасибо, что разъяснил все это, — сказал Поль. — Я понимаю, ты мне не поверишь, если я вздумаю отрицать твои слова касательно моих намерений... Поэтому просто скажи, чего ты хочешь.

— У тебя были сны, — сухо произнес Райл.

— Да...

— Сны, — продолжил он, — которые я посылал тебе; в них твой дух входил во Врата и становился свидетелем полного упадка мира зла, встречался с обитающими там тварями, проводящими все свое время в пирах безнравственности и порока.

Поль вспомнил свои ранние сны, но он также вспомнил и более поздние видения, уводящие его в города, расположенные за горами. Их нельзя было назвать заброшенными, пришедшими в упадок; наоборот, они хранили очень сложную, многогранную культуру, во многом превосходившую его уровень понимания.

— Это все, что ты хотел показать мне? — спросил Поль, окончательно запутавшись.

— Все? А разве недостаточно? Недостаточно, чтобы убедить любого сомневающегося, что Врата не должны быть открыты?

— Кажется, я понимаю твои доводы. Но скажи, кроме снов, ты ничего на меня не насылал?

Райл склонил голову набок и задумался.

— А, Кет...

— Кет? Тот колдун, который напал на меня в моей собственной библиотеке?

Райл согласно закивал.

— Он самый. Да, это я подослал его. Хороший человек. Я думал, что он лучше и талантливее тебя и все решит, как надо.

— Что «надо»? Ты тут все толкуешь о Вратах и моем отце, об Одержимых и черной магии, но я до сих пор не знаю, чего ты добиваешься от меня!

Толстый колдун вздохнул.

— Я думал, что, навевая тебе сны, смогу донести до тебя угрозу, а потом, тщательно обрисовав положение вещей целиком, что я сейчас и сделал, попытаться, только попытаться, склонить тебя на свою сторону, убедить в правоте моих мыслей и склонить к сотрудничеству. Это бы облегчило всем жизнь.

— Вряд ли ты начал переговоры с нужной ноты, затеяв игры с превращениями в чудовище и уродуя меня!

— Это тоже было необходимо, чтобы показать тебе, до чего я способен дойти, если ты не согласишься помогать мне.

— И все же ясно не до конца. Что может находиться на другой стороне — кроме смерти?

Райл довольно потер руки и улыбнулся.

— Твоя голова, конечно, — сказал он — Я начал с самого легкого. Но если после этого — после подобного эксперимента с видоизменениями твоего тела — ты откажешься дать мне то, что я прошу, тогда я завершу трансформацию до конца. Я отошлю твою голову встречать за Вратами подобных тебе изгнанников. Мне останется неполноценный демон-слуга, а ты... Ты видел, какова жизнь за Вратами — там-то ты и проведешь отпущенные тебе дни.

— Что ж, звучит очень убедительно, — заметил Поль — Итак, чего ты хочешь?

— Ты знаешь, где находятся Ключи — Ключи, которые могут открыть Врата или захлопнуть их навсегда. Мне они нужны.

— Вероятно, чтобы сделать последнее?

— Точно.

— Увы, у меня никаких Ключей нет. Я даже не представляю, как они могут выглядеть.

— Как ты смеешь заявлять такое, если я сотни раз видел, как ты изучал их на столе! И даже во время схватки с Кетом.

Мысли Поля вернулись к прошлому одновременно к той сцене и одному из снов. Он почувствовал как в нем нарастает сопротивление.

— Ты их не получишь, — сказал он.

— Я и думал, что убедить тебя совсем нелегко — заметил Райл, вскакивая на ноги. — Если открытие Врат так много для тебя значит, далеко же ты зашел.

— Дело не во Вратах, — ответил Поль. — Просто мне не нравится, когда такими методами у меня что-то отнимают. Придется тебе хорошенько потрудиться чтобы получить искомое.

Райл поднял руки.

— Это будет намного проще, чем ты думаешь, — сказал он. — Мы сейчас выясним, насколько ты ока зался дальновидным.

Как только руки Райла пришли в движение Поль начал бороться с желанием разом покончить со всем этим маскарадом. Но тоненький голосок твердил ему «Еще не время». Возможно, это был его собственный голос. Он обратился к внутреннему зрению и увидел огромную оранжевую волну, катящуюся прямо на него.

Поля охватила вялость, мысли спутались, тело одеревенело. Настоящее утратило свою конкретность, сознание растекалось словно воск, он потерял чувство реальности и сам не знал, чего хотел, а чего не хотел.

Райл что-то говорил. Казалось, его голос доносится откуда-то издалека.

— Как тебя зовут?

Находясь в странном, приятном опьянении, Поль почувствовал, как движутся его губы, и как бы со стороны услышал собственный ответ:

— Поль Детсон.

— Под каким именем ты известен в том мире где вырос?

— Дэниэл Чейн.

— Владеешь ли ты семью статуэтками, являющимися Ключами к Вратам?

Внезапно между ними вспыхнул огненный проблеск, едва заметное пламя разделило магов. Райл, однако, не заметил его присутствия.

— Нет, — услышал собственный ответ Поль.

Жирное лицо колдуна озадачилось. Затем он улыбнулся

— Это грубо сформулировано, — проворковал Райл елейным голоском. — Ты можешь сказать мне, где находятся или могут находиться семь статуэток, которые некогда принадлежали твоему отцу?

— Нет, — снова ответил Поль.

— Почему нет? — спросил Райл.

— Я не знаю, где они.

— Но ты же видел их, трогал, держал их у себя?

— Да

— Что же с ними стало?

— Они были украдены по дороге на Белкен.

— Я не верю в это.

Поль молчал

— ...Но ты можешь поздравить себя за предусмотрительность, — продолжил Райл. — Ты надежно защищен даже от самопредательства. Очень искусная мощная оболочка. Мне придется потратить много времени, чтобы выяснить ее истинную природу и сломать. К несчастью для тебя, у меня нет ни времени, ни желания это делать. Придется заставить тебя говорить другими методами. Я, кажется, уже упоминал о том, чем тебе это может грозить.

Колдун проделал очередную серию пассов, и сознание Поля начало быстро проясняться. Как только все его чувства достигли прежнего уровня, пламя тотчас исчезло.

— Я также восстановил твою внешность, из сугубо эстетических побуждений, — сказал Райл. — Теперь ты похож сам на себя. Желаеть мне что-нибудь сказать?

— Пожалуй, нет

Толстый колдун засеменял к двери, открыл ее и прокричал

— Ларик!

— Да? — донесся откуда-то издалека голос

— Отведи этого человека обратно в темницу, — велел Райл. — Я пошлю за ним, когда будет готова комната для допросов с пристрастием

— Ты опробовал принудительную оболочку?

— Да, самую сильную. Он защищен. Теперь пойдем с другой стороны.

— Жаль.

— Что делать...

Райл вернулся в комнату

— Поль, ступай за ним.

Поль сдвинулся с места, повернулся и медленно зашагал к двери. Он удивился тому, что вдруг пришел ему в голову... Ведь он пройдет совсем рядом с Райлом. Если напасть неожиданно и быстро, колдун не успеет воспользоваться магическими чарами. Затем он, конечно, схватится с Лариком. Поль стал размышлять, удасться ли ему отправить на тот свет Райла раньше, чем сюда подоспеет младший маг. Между прочим..

Образ пламени вновь всколыхнулся около него

— Не время, — раздался в его мозгу голос — уже скоро. Подожди. Держи себя в руках.

Специально растягивая время, Поль медленно прошел возле Райла и вышел в коридор, где его уже ждал Ларик.

— Хорошо, пошли, — сказал Ларик, направляясь в сторону, противоположную той, откуда они пришли

Поль услышал, как хлопнула дверь, и ближе подошел к Ларику; он почти дышал ему в затылок. Один резкий сильный удар, чуть ниже головного платка, который младший маг, по-видимому, вообще не снимает и Ларик навсегда выйдет из игры

Почти тотчас перед его глазами предупредительно заплясал бледный огонек.

— Сворачивай сюда.

Поль повиновался, потом заметил:

— Но это не тот путь, по которому мы шли.

— Я знаю это, сукин сын. Просто хочу показать тебе, что вытворяют такие, как ты.

Они вдруг оказались в знакомом месте, и мысли Поля лихорадочно заскакали. Почти в панике он понял куда его ведут и что собираются показать.

— Топай Топай!

Он ничего не мог придумать, прислушиваясь к пульсации в замаскированной руке, решил всецело положиться на руководящее пламя, незримо скользящее возле него. Что-то подсказывало ему, что скоро представится возможность отомстить Ларику и уничтожить его...

Конечно. Теперь ясно, что делать. Поль неожиданно точно понял, что произойдет, и не сомневался, что сумеет должным образом отреагировать.

Они вошли в пещеру. Ларик сотворил маленький огонек-фонарик, освещающий им путь. Поль был внутренне готов к тому, что через несколько шагов они окажутся там, где находится открытый пустой гроб. Три шага, два, один...

Раздался страшный, почти звериный крик Ларика. В нем была боль умирающего зверя. Эхо ответило воплем из всех закоулков пещеры.

Зрение Поля само по себе перешло на внутреннее видение. По пещере лихорадочно металась разноцветные лучи яркого света. Он напрягся, и ему удалось расщепить их на отдельные светящиеся нити, но лишь только он расслабился, они вновь объединились в лучи и световые ленты. Это были строго горизонтальные лучи разной ширины, они не плавали, а медленно поднимались вверх. Спустя мгновение появились вертикально расположенные лучи, а вслед за этим и диагональные. Мир предстал в весьма своеобразной кубической проекции.

В то же мгновение Поль осознал: это то, что представлялось ему ранее в форме нитей. Он также понял, что за этим ракурсом существуют и другие и что впредь он будет видеть магический мир в форме, наиболее подходящей потребностям текущего момента. И это видение будет намного гибче и свободнее, будет предоставлять больше возможностей, чем до сих пор способны были сделать его ограниченные силы. Поль едва удержал себя от немедленного использования магических лучей, и в этот момент к нему повернулся Ларик. На его лице застыл звериный оскал ужаса.

— Она исчезла! Украдена! Как?..

Выпученные глаза мага скользнули в сторону, он медленно повернул голову вправо. Поль был уверен, что Ларик перешел на внутреннее зрение и теперь увидел след, указывающий, в каком направлении была унесена Тайза.

Ларик быстро развернулся и обежал могильную плиту. Едва заметный бледный след уверенно вел от пустого гроба.

Поль обошел плиту с другой стороны, держа фокус на внутреннем зрении и находясь в полной готовности использовать все открывшиеся ему возможности нового понимания магического мира. Он поспешил за знакомым огоньком, сияющим в самом конце туннеля, заскочив туда, где была спрятана статуэтка.

Когда он вошел в палату, в его мозг ворвался целый хор голосов:

— Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас!

Ларик, повернувшись к нему спиной, склонился над Тайзой, простертой на жертвенном камне. Их разделяла шагов десять. Поль протянул обе руки и ухватился за оранжевый луч, устремляя всю энергию через родимое пятно в форме дракона. Через мгновение луч высвободился — длинный яркий шест, направленный на Ларика.

Движение Поля еще не было закончено, а Ларик заметил его и начал поворачиваться. На лице колдуна отразились удивление и растерянность, но тут же их сменила вспышка внезапного понимания. Ларик ответил — и довольно быстро.

Его левая рука выстрелила вверх, пальцы задвигались. Он схватил красный диагональный луч и толкнул его в сторону Поля.

Силовой удар оранжевого луча свалил Ларика на пол, но ему удалось увернуться от поражающего потока. Поль развернул длинное оранжевое копьё и, словно отрубив кусок левой рукой, укоротил его, превратив в метательный дротик. Ларик тряхнул головой и попытался встать на ноги. Его взгляд был прикован к Полю,

к тому, как он отводит назад правую руку, намереваясь швырнуть в противника блестящий дротик.

Ларик присел и поднял руки, защищая голову. Поль направил световую шпагу прямо на него, и руки Ларика бессильно упали. Яркие лучи, разделявшие соперников, дернулись, подпрыгнули и распались на длинные продольные полосы.

Ощущение было такое, будто внезапно закрыли жалюзи. Ларик оказался скрытым за радужной красочной стеной. Пика Поля врезалась в разноцветное ограждение, и в этот момент копье и стенка взорвались фейерверком огней.

Когда сияние померкло, Поль увидел, как Ларик торопливо делает пассы у груди.

Внешнее зрение предупредило как раз вовремя. Ларик орудовал двумя диагонально расходящимися лучами, словно огромными сверкающими ножницами.

Поль схватил вертикальный луч и установил его перед собой, не давая сжаться световым клещам. «Ножницы» резанули, едва не прихватив запястья Поля. По лицу Ларика промелькнуло едва заметное напряжение, когда тот старался сдвинуть руки плотнее; лезвия резко дернулись и приблизились. Поль упирался всем телом, стремясь отбросить их назад, а его противник подался вперед, намереваясь пересилить сопротивление.

Внезапно Поль резко отскочил назад, упал на пол и откатился в сторону, в то время как Ларик покачнулся и лучи захлопнулись прямо над его головой.

Вскочив на ноги, Поль повернулся лицом к сопернику, внимательно следя за его руками, и начал двигаться по кругу, выдерживая дистанцию футов в пятнадцать, Ларик медленно поворачивался вслед за ним. Очень плавно руки колдуна творили сложное, тщательно продуманное заклинание жестами. Поль пристально следил за его движениями, хотя и не в состоянии был разобрать некоторые мелкие манипуляции магических действий на том уровне понимания, каким он владел.

Внезапно нога Ларика проделала мах; тут же один из расположенных внизу лучей обвил лодыжку Поля,

дернулся, и Поль повалился на бок, оказавшись на полу. Проклиная себя за оплошность, Поль старался подняться на ноги.

Но пол вдруг отяжелел, его поверхность стала волнистой, он притягивал к себе, не давая опомниться. Борясь с притяжением, Поль обнаружил, что его тело теперь находится не на полу — он сидел верхом на волне из световых лучей в полуметре от пола.

Только теперь он начал осознавать, что технология магических действий порой важнее, чем грубая энергия. Поль так и не смог подняться на ноги, хотя ему удалось твердо встать на колени с опорой на левую руку. Он увидел, как правая ступня Ларика стала быстро двигаться вверх и вниз, будто нажимая на педаль рояля, стремясь взболтать и размесить поверхность пола. Казалось, что магический дар Ларика раскрылся полностью, его способности были настолько велики, что контрмеры он мог осуществлять машинально, в то время как Поль всякий раз приходилось несколько секунд думать, как отразить следующую атаку.

Но, может быть, магия — не единственный способ борьбы? Если бы удалось подойти ближе, то одного хорошего точного удара было бы достаточно, чтобы Ларик забыл все магические приемы. Поль чувствовал, что его боксерские навыки не забыты и могут сослужить добрую службу в рукопашной схватке. Ну а если и это не сработает, то ему остается успокоиться на мысли, что он вступил в схватку с мастером...

— Лучи! Их ведь можно использовать, чтобы поддерживать, подпереть собственную массу. Значит...

Вытянувшись вверх, Поль ухватился за расположенные на достаточной высоте лучи и подтянул свое тело; он продолжал подтягиваться, пока наконец не повис относительно свободно над притягивающим словно магнит полом.

Правая рука Ларика тотчас пришла в движение, двигаясь из стороны в сторону где-то на уровне плеча.

Поль схватил горизонтальный луч, качнулся и кинул тело прямо на противника, в последний момент увернувшись и упав на пол.

Ларик держал три метровых луча из зеленого света. Они сверкали, словно шпаги, готовые обрушиться на Поля.

Поль тут же выхватил диагональный луч из желтого огня, усилием воли превратил его в некое подобие сабли или длинного кривого ножа и замахнулся. В первый раз в этом мире он держал в руках подобие ножа — первый раз с тех далеких пор университетских соревнований по фехтованию.

Он парировал удар в голову и отпрыгнул в сторону. Ларик продвинулся вперед.

В этот момент Поль заметил сразу две вещи: Ларик стоял к нему лицом, повернувшись всем корпусом, а не боком, и в его левой руке материализовался высокий продолговатый предмет.

Меч и щит — это не совсем то, с чем Поль привык заниматься в университете. Ему не хотелось сражаться средневековым оружием, хорошо знакомым противнику.

Ларик нанес рубящий удар, нацеленный в грудь Полю, но тому удалось вовремя отскочить назад и избежать неприятных последствий. Ларик продолжал наступать, Поль отодвигался назад.

Быстро, в один миг, он припомнил все, что касалось оружия этого времени. Ларик наверняка незнаком с выпадам, он привык работать лезвием меча, но никак не острием.

Поль прекратил пятиться и притворился, что готов ударить прямо в грудную клетку. Ларик слегка замахнулся мечом, чтобы ударить с плеча в ответ. Но Поль не шевелился и Ларик улыбнулся.

В тот миг, как двинулся меч Ларика, Поль отскочил назад, подпрыгнув высоко вверх. Его оружие описало полукруг, оказалось прямо над руками колдуна, и он с силой вонзил его в предплечье врага. Из глотки Ларика вырвалось сдавленное подобие крика, меч выпал из руки. Маг оступился и шагнул назад, прикрывая себя. Поль улыбнулся, топнул ногой и начал наступать.

Ларик вскинул правую руку, но Поль не обратил на это внимание. Зеленое лезвие взмыло с пола и вновь

оказалось в руке у Ларика, отразив удар. Поль уже не мог остановиться, поэтому, наоборот, рванулся вперед, со всего размаха пнув ногой в самый центр щита Ларика. Ларик пошатнулся, и Поль пнул еще раз. Меч снова выпал из рук мага. Не думая больше о фехтовании, Поль поднырнул под щит противника, и его прямой левый, словно молния, угодил в солнечное сплетение.

Ларик, образовав руками своеобразный блок защиты: ладони прикрывали лицо, а локти — грудь и живот, бросился вперед. Поль отступил и ударил левой в голову, но промахнулся, и Ларик успел, падая, схватиться за его колени. Не удержав равновесие, оба упали.

— Убей его! Быстрее! — ревели настойчивые голоса.

Как только Поль оказался на полу, Ларик бросился на него, но был встречен и отброшен двумя мощными ударами в корпус. В такой позиции Поль уже точно знал, что нужно делать.

Он вытянул правую руку на уровень плеча ладонью вверх, одновременно перевернулся и встал, расставив ноги над лежащим навзничь Лариком. Родимое пятно в форме дракона тревожно запульсировало, когда один из самых черных лучей проплыл рядом с его руками, а затем начал сворачиваться и уплотняться в черный шар, несущий мощный отрицательный заряд, всепоглощение, смерть.

Однако в самый последний момент, бросив взгляд на противника, Поль успел изменить движение руки, и смертоносная сфера полетела в глубь комнаты.

Ларик попытался встать, поэтому пришлось еще раз хорошенько его стукнуть. Поль почувствовал, как противник обмяк и затих. Он качнулся на пятках, отбросил налипшие на лоб волосы и огляделся.

Правая рука Ларика была обнажена...

У правого запястья чернело родимое пятно в форме дракона.

Глава 16

Голос Райла гремел на всю комнату:

— Он еще жив?

Поль, не обращая внимания на вопрос, подошел к телу и сорвал платок с головы Ларика. Белая прядь разделяла темные волосы на две части, протянувшись ото лба до затылка.

Только после этого Поль повернулся в сторону массивной фигуры, застывшей в дверях.

— Ты убил его? — повторил Райл.

— До сих пор я еще никого не убивал здесь. Кто такой Ларик? Кем он доводится тебе?

— Как тебе удалось освободиться от оболочки, наложенной на тебя?

— Нет. Сперва отвечай ты. Я хочу все знать о Ларике

— Ты слишком быстро забыл свое место, — тихо произнес Райл. — Ты сумел освободиться из-под непосредственного контроля, но позволь напомнить: твой поводок короток.

Райл произнес заклинание, снимающее чары иллюзии. Человеческая оболочка Поля растаяла, и он превратился в чудовище.

— Ну вот, оболочка готова для полной завершающей трансформации, о которой я тебе говорил. Требуется лишь заключительное слово.

— Я думаю, ты не прав, — возразил Поль.

Он накрепко волю, заставил энергию пробежать по всему организму, пропуская ее сквозь родимое драконово пятно. Облик чудовища стал распадаться; его по-

длинные черты обрели свой прежний вид. По густым волосам будто пробежал легкий ветерок, их цвет вернулся к прежнему оттенку, посреди головы появилась одинокая белая прядь.

Одежда повисла лохмотьями, Поль тяжело вздохнул, увидев то, что осталось от бывшего костюма, затем рассмеялся.

— Ответь мне, — повторил он свой вопрос, — кто такой Ларик?

Лицо Райла побледнело.

— Давно, когда твой отец и я были еще друзьями, он поручил мне заботу о своем сыне, отдал его мне в ученики.

— Ларик — мой брат?

Райл кивнул.

— Он на пять лет старше тебя.

— Что ты сделал с ним?

— Я учил его Великому Искусству и старался, чтобы из него получился хороший человек, порядочный, уважающий...

Поль быстро подсчитал кое-что в уме.

— Он был к тому же хорошей страховкой, когда ты порвал с отцом, так? Ты обрел отличного заложника, защиту против гнева и мести бывшего друга.

— И не стыжусь этого, — ответил Райл. — Ты не знаешь своего отца. Настоящий дьявол и в то же время один из лучших колдунов. Я должен был позаботиться о собственной безопасности.

Внезапная догадка озарила его, и Поль спросил

— Не потому ли Генри Спаер, который все еще оставался союзником моего отца, проделал кое-что с твоей дочерью? Не хотел ли он обеспечить безопасность Ларика?

Краска залила лицо Райла.

— Ты думаешь так же, как и они, верно? — злобно бросил он. — Да. Твой отец не осмелился посягнуть на меня, но этот злодей не знает ничего святого, он отнял у меня самое дорогое — дочь. Ларик до сих пор чувствует свою вину за прорыв Спаера.

— Полагаю, ты ему об этом постоянно напоминаешь. Именно этим ты держишь его в узде, да? Комплекс вины?

— То, что ты никогда не испытывал, я уверен. Ты-то готов перерезать беспомощной девушке горло. И уже давно бы сделал это, не услышь я крик Ларика.

— Я бы охотнее перерезал твое горло, — сказал Поль, надвигаясь на мага. — Ты — проклятый лицемер, ты ничем не лучше моего отца или Спаера. А может, и хуже. Ты был готов поддерживать их союз, пока это сулило тебе выгоды. Когда ты понял, что самому придется кое-чем пожертвовать, немедленно изменил окраску, превратился в белого мага, ярого поборника баланса сил... Это больше предательства! Сплошное притворство! Ты ничуть не изменился. Ты держишь моего брата для выполнения грязной работы, чтобы не замарать своих белых ручек. Но они все равно в грязи! Надеюсь, ты не такой глупец, чтобы отрицать это?

Райл начал творить охранные пассы. Поль тут же перешел на внутреннее зрение. Драконово родимое пятно напомнило о себе всплеском пульсации.

— И ты говорил мне о морали, рассуждая о Ключах к Вратам, а моя дочь уже лежала готовая к жертвоприношению? Так кто же из нас больший лицемер, Детсон?

Огненная дуга появилась между пальцами колдуна. Поль отчаянно озирался в поисках нитей или лучей, но напрасно.

Затем внезапно комнату стал заполнять цветной дым.

Поль вытянул и напряг руки. Тотчас в том месте, где он хотел, появилась голубоватая дымка. Он почувствовал влагу на своих руках. Мгновение спустя он уже подбрасывал с руки на руку водяную сферу размером с баскетбольный мяч. Огонь. Вода. Казалось, у него заранее есть любое средство на все, что возникало в голове у Райла.

Он подождал, пока старый колдун сделает первый шаг. В голове пронеслись воспоминания о битве с Кетом, затем с Лариком, и Поля вновь озадачило, почему всякий раз менялось его собственное восприятие маги-

ческого мира. Вдруг ему пришло в голову, что в каждом случае его видение было окрашено пониманием и восприятием окружающего мира врагом. Возможно, мир Райла просто был более туманным и облачным, чем обычно.

— Мы изменили способ восприятия друг у друга, так ведь? — спросил Поль полусшепотом.

— Я здесь, чтобы убить тебя, а не читать лекции! — огрызнулся Райл.

Огонь, который он держал, превратился в раскаленный кинжал, направленный в грудь Поля

Поль возжелал холода и стужи и почувствовал, как стали замерзать его пальцы. Водяная сфера закружилась, начала твердеть, покрываясь коркой льда. Кинжал столкнулся с ледяной глыбой, отколов от нее дюжину сверкающих осколков, и упал на пол. Поль швырнул ледяной мяч в Райла, однако колдун вовремя увернулся, и мяч с треском разбился о противоположную стену

Райл поднял вверх руки и резко отпустил их. Комната исчезла. Теперь они находились в пространстве, заполненном цветными облаками, и ничем больше. Поль шагнул вперед. Как и раньше, он рассудил, что если ему удастся подойти на дистанцию ближнего боя, бокс поможет успешно нейтрализовать магические чары и, конечно, самого Райла.

Он шагнул вперед, но путь ему преградила внезапно возникшая низкая стена. Он хотел встать на нее и перелезть, однако ее верхушка оказалась усыпанной осколками битого стекла. Поль отскочил назад и тут же натолкнулся на что-то. Оглянувшись, увидел другую стену. Затем появились еще две — слева и справа. Почти одновременно они начали смыкаться, зажимая его в кольцо. Райл стоял прямо перед ним, ладони его рук были направлены друг на друга и медленно сдвигались навстречу друг другу.

Но у куба не было верха и низа. Поль направил энергию вниз, желая вызвать густые клубы тумана, которые подняли бы его подобно лучам в битве с Ларином. Он встал на мгlistую подушку и перенесся на ней через преграду. Все оказалось даже слишком просто

Наблюдая за Райлом, Поль увидел по его глазам, что затевается очередная каверза. Колдун до сих пор не выяснил, в чем его слабость, какова его сила. Он знал лишь, что должен довести намеченное до конца. Поэтому в глазах мага тайлся страх. Он вел борьбу очень осторожно, присматриваясь к противнику, изучая его, выдерживая дистанцию.

Подобным образом вел себя и сам Поль. Райл, без сомнения, был мастером своего дела. До тех пор, пока он не оценил возможностей Поля, лучше внезапной решительной атакой разом добиться успеха. Но Поль не был уверен, что сможет провести ее. Тем не менее он решил действовать быстро. Вот только как? Разве что...

Разве что ему удастся изменить правила, повести бой, так сказать, на своей территории. Нельзя позволять противнику навязывать свои условия. Надо покончить с Райлом как можно быстрее. Мало того, что Ларик может очнуться в любой момент и прийти на помощь Райлу. Поль опасался еще и того, что его силы могут иссякнуть, как уже случалось несколько раз — неожиданный упадок магических сил, непредсказуемая потеря контроля над энергией.

Он много раз дивился еще в битве с Кетом, действительно ли необходимы подобные символические немые сцены в магических столкновениях. Воля против воли, силовые манипуляции против силовых манипуляций, личная энергия против личной энергии — и дьяволу остальные ухищрения.

Внезапно Поля озарило, что его мысли текут совершенно алогично, не как в учебниках; он рассуждает, как Одержимый Магией. Но всякий раз, когда он пытался прибегнуть к технике манипуляций, которой следовало учиться долгие годы традиционным путем, его действия замедлялись, он явно был слабее тех, по чьим правилам был вынужден играть. Разумеется, были определенные преимущества в действии по хитрым приемам Великого Искусства, но он не располагал временем, чтобы учиться. Поэтому решил действовать по-иному, в ближнем бою.

С некоторым трепетом Поль перешел на обычное зрение. Туман исчез, комната обрела нормальный вид. Райл стоял около выхода. Его глаза блуждали где-то далеко в своем внутреннем мире.

Поль поднял правую руку в направлении Райла и пожелал, чтобы колдун упал, скрючился и умер. Родимое пятно в форме дракона словно сковало льдом, энергия ударила ключом. Он продолжал концентрировать волю. По руке прошло привычное волнообразное ощущение.

Райл пошатнулся, но сохранил равновесие.

Внезапно Поль обнаружил, что стоит на маленьком кусочке земли. Бушующие потоки воды бурным водопадом низвергались из его рук. Райл расположился на крохотном островке вниз по течению. Как только Поль заметил, что край островка Райла скрылся в шипящих волнах, он усилил энергию, направляя ее прямо на остров, помогая волнам.

Райл взмахнул руками, его лицо напряглось. Водяной шторм начал затихать. Лишь маленькая волна ударилась о полосу земли, где стоял маг. Накатилось еще несколько волн, и все затихло. На рукотворном море установился полный штиль. Но пауза затишья длилась не долго. Вскоре поверхность моря снова всколыхнулась, только теперь волны катились в сторону Поля. Он наблюдал, как вода разгоняется, набирая скорость и мощь, и клочок земли, на котором он стоял, начал медленно погружаться в шумящие воды.

Он тряхнул головой, избавляясь от наваждения. Райл снова ввергнул его в символическую, специально задуманную ситуацию. Поль заставил себя забыть о бушующем море и направил все усилия на восстановление своего присутствия в комнате.

Океан исчез. Снова привычная комната. Ничего не изменилось. Однако Поль почувствовал давление, словно кто-то будто клещами сжимал все тело.

Он перефокусировал энергию.

— Стори, растай, исчезни!..

Давление исчезло, а Райл вздрогнул, как от внезапного удара. Поль оказывал теперь собственное давле-

ние, сосредоточив на его передаче все силы. Райл попытлся, будто отгоняемый сильным ветром.

Внезапно их разделили огоньки пламени; словно огненный веер, увлекаемый ветром, они устремились в сторону Райла и вырвались из глубокой расщелины, разделившей гористую поверхность, на которой теперь находились противники.

Ветер стих так же внезапно, как и начался, и огни стали вертикальными. Поль почувствовал, как лица коснулся теплый бриз. Огненные языки изогнулись в его сторону.

— Нет! — закричал Поль, и видение исчезло.

Но теплое дуновение и ощущение жара остались; пока ему не удалось окончательно собраться и привести в порядок свои чувства. Затем он бросил энергетический поток на противника. Им овладела прежняя страсть расправы.

...Он стоял на одном горном пике, Райл — на другом. Между ними свирепствовала буря, метались молнии...

— Нет, — тихо произнес он, — не сейчас.

И тут же вновь очутился в комнате.

...Каждый из них стоял на огромном айсберге. Серое зыбучее море разлилось между ними...

— Нет.

...Вокруг царил черный мрак; комета, оставляя яркий след, начала...

— Нет.

Полю с трудом удалось овладеть собой и вновь сосредоточиться. Он отогнал прочь новый приступ бессилия. Волю должна встретить воля. Он должен быть сильным.

— Нет.

Почти минуту он сопротивлялся нападкам колдуна, затем тяжесть и сжатие стали вновь одолевать его. Поль обратился к последним резервам решимости и сопротивления. Но даже в этом положении понял, что, хотя и Райл имеет свой потолок, он не сможет больше сдерживать противника, не сможет сопротивляться.

Райл оказался сильнее. Конечно, у него не было шанса выяснить это раньше.

Поль сделал шаг вперед. Если подойти к врагу ближе и пустить в ход кулаки...

Давление превратилось в невыносимый пресс уже на следующем шагу. Нет, комнату ему не пересечь...

Теперь жирное лицо колдуна расплылось в улыбке.

— Отец?

Райл повернулся — и давление исчезло. Скользнув глазами влево, Поль увидел Тайзу, сидящую на каменной скамье.

— Тайза?

Человек шагнул ей навстречу.

Поль собрал остатки сил и нанес удар. Райл упал как подкошенный.

— Отец!

Тайза рухнула на скамью. Ларик зашевелился и попытался встать, но снова растянулся на полу.

Громовые раскаты дикого хохота потрясли высокие своды комнаты.

Глава 17

Волк расхаживал по громадной пещере, расположенной в нижней части Лица. Перед ним застыли замерзшие силуэты зверей и людей.

Он отлучился только на охоту и то был не в состоянии далеко отойти от логова — одна часть его мозга вела непрерывное наблюдение за входом. Волк быстро прикончил какую-то тварь и притащил в пещеру. И там лежал возле призрачных силуэтов других существ, похрустывая костями. Царили молчание и покой.

Когда он снова поднялся, его движения уже не были быстрыми и резвыми, они становились все медленнее и медленнее; замедлялись и его сердцебиение и дыхание. Наконец он едва шевельнулся и замер. Глаза волка распахнулись еще шире. Он стал полностью неподвижен.

Затем, медленно раскручивая кольца, змея соскользнула с невысокой террасы рядом с Лицом. Извиваясь, она начала спускаться по отвесной горной стене — язычок трепетал, глаза злобно сверкали.

Рептилия соскользнула на пол. Она почувствовала запах останков волчьей еды и сожрала их. После трапезы стала подниматься по стене, обследуя террасу за террасой, заглядывая в каждую щелку или трещину, поедая насекомых, которые ей встречались. Язык метался из стороны в сторону, чутко проверяя любое колебание воздуха.

Проходили часы, движения змеи замирали. Растянувшись на всю длину, она застыла на дне расщелины, окруженной ночным мраком.

Огромная кошка проснулась и потянулась в изящной растяжке. Она вышла полюбоваться на спокойное, равнодушное Лицо, свысока вззирающее на мир. Обошла дозором пещеру, затем ненадолго покинула ее в поисках добычи, как это делал волк. Вернувшись, застыла и окостенела в процессе вылизывания, одна нога высоко поднята над головой.

Человек пробудился ото сна. Он выругался, вынул кинжал, тщательно осмотрел и вычистил его. Поднявшись, принялся расхаживать взад и вперед. Спустя некоторое время он заговорил с Лицом. Лицо никогда не отвечало, но человек и не настаивал. Он чувствовал в нем ум и силу. Незрячие глаза, казалось, следовали всюду за ним, куда бы он ни шел.

Последние слова человека повисли в воздухе, и он превратился в неподвижную часть декорации.

Гарпия проснулась и испустила истошный вопль с проклятиями. Быстро обежав и проверив порядок в пещере, она предалась обильным испражнениям и погрузилась в галлюцинации. Затем стала рассматривать Лицо, не шевелясь и не двигаясь. Доела остатки кошачьей еды.

Все они были равны перед Лицом.

Глава 18

Поль повернулся к двери. В проеме стояла массивная фигура, окутанная слишком нереальной темной тенью. Увидев, что Поль смотрит на него, незнакомец вошел в комнату. Мрак, сопровождавший его персону, тут же рассеялся.

Поль застыл в изумлении. На мужчине был желтый плащ, под ним виднелась темно-коричневая одежда. Голубые глаза незнакомца смотрели приветливо. Соломенные волосы начали серебриться сединой на висках. В чертах лица чувствовалась сила и уверенность. В целом — лицо открытого честного человека, располагающего к доверию.

Незнакомец улыбнулся, обнажив ослепительный ряд блестящих ровных зубов.

— Это тебе урок на будущее, юноша, — произнес он, и Поль тотчас узнал голос. — Райл держал тебя в своих руках, но сам позволил сбить себя с толку. Я снял с тебя старую оболочку, предоставив тебе полную свободу, я хотел посмотреть, на что ты способен. — Он тряхнул головой, откинув назад волосы. — Тебе также не следует допускать подобной растерянности. Следовало немедленно начать атаку и нанести сокрушительный удар, а не стоять столбом. Не будь простофилей, малыш. Более искусный и проворный колдун мог в два счета убить тебя в тот момент — мог, запомни это.

— Но то, что его отвлекло, и само могло нести угрозу, — ответил Поль.

— Если на тебя падает здание, вряд ли стоит обращать внимание на гудок приближающегося автомоби-

ля. Главное тогда — избежать опасности и гибели под обломками. Таков закон выживания. Ты вел себя отлично, но много колебался. Впрочем, нерешительность — это не смертельно.

— Автомобиль? Кто же ты такой, черт возьми?

— Ты знаешь мое имя.

— Генри Спаер?

— Ну вот и познакомились.

Человек снова улыбнулся.

Непонятно откуда он извлек черный портсигар, вынул сигарету и сунул ее в рот. Та задымилась раньше, чем он успел сделать первую затяжку. Спаер с удовольствием сделал глоток дыма и оглядел апартаменты.

— До сих пор шло так, как я и предполагал, — произнес он, с интересом разглядывая помещение.

Он сунул руку под плащ и достал статуэтку, которую Поль спрятал в туннеле.

— Ты нашел ее...

— Конечно.

Генри Спаер прошел мимо него и установил фигурку на вторую позицию в правой части диаграммы на полу.

— Осталось еще шесть...

— Это первая сигарета, которую мне довелось увидеть в этом мире, — задумчиво произнес Поль.

— Знающий толк человек черпает удовольствия и маленькие радости из многих мест, — ответил Спаер. — Буду рад научить тебя — чуть позже. Теперь же необходимо закончить одно очень важное дело.

— Мои сны, — промолвил Поль. — Ты освободил меня от тех навязчивых видений, которые я назвал бы первой серией, тогда ночью в пути...

Спаер кивнул.

— Но вместо тех появились другие — вторая серия. Они тоже были связаны с тем же местом, однако были совершенно иными.

Генри снова кивнул, над его головой поднялось облачко табачного дыма.

— В первых примерах тебе навязывали определенное одностороннее представление, — заметил он. — Я по-

думал, что справедливости ради следует представить тебе и противоположную сторону, чтобы ты мог составить целостную картину.

— Должен признаться, что и целостная картина не слишком исчерпывающая и не совсем понятна мне.

— Было бы странно иначе, — проговорил Спаер. — Поскольку это более древняя и почти чужая нам цивилизация. Куда более важно, понравилась она тебе или нет.

Глаза Спаера посмотрели прямо в глаза Полю. Не выдержав пристального взгляда, молодой человек отвел глаза в сторону.

— Я нашел ее... увлекательной, — проговорил Поль. Он мельком взглянул на Спаера и увидел, что тот улыбается.

— Прекрасно, — сказал колдун, — я верил, что мы будем едины в оценках. Что ж, доставай остальные шесть ключей и приступим к делу.

Поль оглядел комнату и обвел ее рукой.

— Ты предостерегал меня от нерешительности и рассеянности. А что будет с этими?

— Мне потребуется много сил, чтобы вернуть их в сознание, — ответил Спаер. — Воля моя дрогнет, и я сомневаюсь в успешном завершении нашей важной работы.

Поль покачал головой и, повернувшись, подошел к Тайзе. Ее неподвижное тело казалось мертвым.

— Твой взгляд, похоже, следует за направлением твоих мыслей.

— Неужели нам действительно понадобится человеческая жертва?

— Да. Так что воспрянь духом, у тебя есть выбор. Можно спасти девушку ради твоего удовольствия и даже найти применение Райлу, который с радостью убил бы тебя, если бы это пошло ему на пользу.

— А... мой брат?

— Он не вписывается в наши планы. Райл извратил его мышление. Я бы предложил тебе такой вариант: я вышлю его куда-нибудь подальше, например, в тот мир, где вырос ты.

— Он колдун. Он может вернуться.

— Очень просто кое-что стереть из его памяти.

— Это слишком жестоко.

— Его обращение с тобой тоже нельзя назвать образцовым.

— Но ты сказал, что на него влиял Райл.

— Какая, впрочем, разница? Я готов пощадить его только потому, что он твой брат.

— Скажи честно, вот я отдам тебе то, что ты просишь... Какие гарантии есть у меня, что я понадоблюсь тебе в дальнейшем?

— Предстоят глобальные изменения, один я не в силах контролировать и управлять целым миром. А Одержимых Магией не так уж много. Нельзя с ними расправляться без самых основательных причин. А ты, конечно, всегда будешь на особом счету, благодаря участию в операции с Ключами.

— Понимаю, — произнес Поль.

— Ой ли? Осознаешь ли ты то, что произойдет, когда откроются Врата?

— Думаю, да. По крайней мере, догадываюсь.

— Это будет наш триумф. С той могучей силой, которая окажется в нашем распоряжении, мы станем богами нового мира.

Поль перевел глаза на Врата — игра света и тени создала причудливый ракурс, казалось, прикованная птица дергается, стараясь сорваться с гвоздей,

— Предположим, я скажу «нет»? — спросил Поль.

— Это может повлечь весьма значительные последствия для нас обоих. Но какие у тебя есть причины для несогласия?

— Я не люблю, когда меня насильно вовлекают во что-то, а затем ставят перед фактом, независимо от того, кто инициатор — ты, Райл или фигурки. Мной манипулировали, как марионеткой, едва лишь я ступил на землю этого мира. Мне надоело быть пешкой в чужих руках.

— Ладно, как в любых важных делах количество вариантов не беспредельно, а весьма ограничено. В твоём конкретном случае: либо ты заодно со мной, либо

против меня, либо желаешь отойти от всего. Два последних варианта для меня неприемлемы и повлекут ответные меры с моей стороны.

— Мне не понравится все это, — ответил Поль, — хотя, возможно, тебе тоже.

— Ты угрожаешь мне, юноша? — мягко спросил Спаер.

— Просто вношу ясность, — ответил Поль.

Высокий колдун вздохнул.

— Да, ты теперь силен, Поль. Сегодня ты сильнее, чем за всю свою прошлую жизнь. Ты выдержал посвящение, и твои огни сияют самым привлекательным образом — в данный момент; никто не может сказать, как долго это будет длиться. Но поверь, я все равно гораздо сильнее и могущественнее тебя. Между нами не возникнет даже соревнования. Ты окажешься словно слабенькое пламя свечи под ураганом моей воли. Я могу и попросту заставить тебя отдать Ключи. Но я бы предпочел, чтобы ты принял такое решение самостоятельно, по собственной воле, чтобы ты остался жить и подерживал меня без всяких заклятий с моей стороны.

— Почему?

— У меня есть на это определенные причины, но расскажу о них позже, когда окончательно уверюсь в тебе.

— Ты предвидел между нами определенный конфликт. Твои слова намекают...

— Да, предвидел. Но его можно избежать. Если ты такой щепетильный, я даже сам совершу жертвоприношение.

Поль рассмеялся.

— Дело не в этом. Несколько минут назад я не задумываясь убил бы Райла, если б смог. Повторяю: ты манипулируешь мной, навязываешь то, что идет не от меня.

— У меня нет выбора.

— Черт бы вас всех побрал!

Спаер повернулся и в задумчивости уставился на Врата.

— А вот любопытно... — начал он.

— Между прочим, — перебил Поль, — если ты убьешь меня, каким образом ты добудешь Ключи?

— С большими трудностями, если, конечно, мне это вообще удастся, — ответил Спаер. — Ведь ты носишь их в том, что можно назвать практически личной вселенной. Если ты умрешь, возникнет адская, почти неразрешимая проблема.

— Ну, тогда твое красочное сравнение: «свеча против урагана» не совсем годится. Тебе придется поумерить силы, чтобы ее вообще случайно не задуло.

— Возможно. А возможно, и нет. На твоём месте я бы особенно на это не рассчитывал. Врата можно открыть и с помощью всего одного Ключа, хотя потребуются несколько лет напряженнейшего труда и, естественно, возникнет много проблем. По счастью, мы ведь говорим о твоём отказе совершенно гипотетически, не так ли?

Поль подошел к Вратам и прикоснулся к ним. Руку обжег холод. Казалось, распятая змея заглянула ему прямо в глаза.

— А что случится, если статуэтки будут уничтожены? — спросил он.

— Это сделать очень и очень трудно, — ответил Спаер, — даже если знаешь, как.

— Мы ведь говорим гипотетически...

— Ладно. Врата навсегда исчезнут из нашего мира, из этого плана реальности, и ты будешь смотреть лишь на самую обычную гору.

— Однако они открыты — или их можно открыть без всяких Ключей — в том, другом мире?

— Да. Но только тени способны совершить подобный переход, как ты, например, в своих снах.

— А каким образом Врата вообще оказались здесь?

— Вследствие наших усердия и стараний — твоего отца, Райла и моих.

— Но как? И причем тут статуэтки?

— Все, довольно. Гипотетический разговор — или это своеобразный допрос? — закончен, — заявил Спаер. — Существуют три выбора: один хороший и два плохих, помнишь?

Поль повернулся лицом к Спаеру, прижавшись спиной к Вратам и сложив руки на груди. Тут же он почувствовал холод, разом охвативший всю спину, но не сдвинулся с места. Энергия до сих пор не изменила ему, она пульсировала в драконовом родимом пятне.

Глаза Спаера на какую-то долю секунды расширились и странно блеснули.

— Я знаю твой ответ, — промолвил он, — но должен услышать его из твоих уст.

— Ты бросил моего отца, оставив его на растерзанные врагу.

Эта фраза озадачила Спаера, он нахмурился.

— Он не послушался моего совета. И войска подошли из-за его действий, а не из-за моих. Мне не было смысла погибать вместе с ним, просто из солидарности. Но зачем тебе все это? Ты даже не знал своего отца.

— Просто любопытно, — сказал Поль, — хотелось услышать твою версию.

— Надеюсь, ты не станешь мне отказывать на основании этого аргумента? Ведь ты был совсем дитя.

Поль кивнул. Он вспомнил о привидении, духе отца, сопровождавшем его в сумрачной пещере.

— Ты прав. Но побалуй меня еще одним ответом, если не возражаешь. Могла ли между вами произойти борьба за власть, в конечном итоге за господство в том новом мире?

Спаер слегка покраснел.

— Я не знаю, — сказал он в некотором замешательстве, — не исключено...

— А может, она началась уже тогда? Вы были в преддверии революции, новых перемен, а это лучшее время, чтобы избавиться от конкурента...

— Хватит, довольно. Я и так понял, что твой ответ «нет». Может, согласишься сказать мне, по какой причине ты отказываешь?

Поль пожал плечами.

— Выбери любую по своему вкусу. Я и сам не до конца понимаю. Но чувствую, что причин достаточно.

Холод сковал все его тело, но Поль не сделал ни малейшего движения, чтобы отодвинуться от тела

змеи, которое он подпирал спиной, прислонившись к Вратам. Такое впечатление, что Врата сами удерживают его...

— Очень жаль, — произнес наконец Спаер. — Ты начинал мне нравиться.

И тут Поль нанес удар. Он сконцентрировал каждую частичку своей силы, собрал всю свою волю — и выстрелил этим сгустком энергии.

Очень медленно и спокойно Генри Спаер достал сигарету из портсигара, но тут же бросил ее, раздавив подошвой. Затем спрятал портсигар в один из потайных карманов плаща. В его поведении сквозила некоторая наигранность и бравада. Поль знал, что колдун почувствовал его удар. Но психическая атака сделала свое дело. Поль ощутил смертельный страх перед могуществом Спаера. Он целиком положился на провидение и чувствовал себя так, будто летит в бездонный черный колодец, у которого нет дна.

Взгляд Спаера молнией пронзил Поля. И все-таки в его душе поднималось сопротивление. Спаер сделал шаг вперед. Это было подобно падению головой в пылающий костер, встрече лицом к лицу с тигром.

Перестроив зрение на внутреннее видение, Поль сосредоточился на противнике, руки сами заняли боевую стойку. Образ Спаера, до сих пор находившийся на некотором расстоянии от него, растаял. Лицо колдуна расплылось в самодовольной улыбке, на лбу выступил пот. Кулак летел в направлении Поля.

Он быстро пригнул голову и нырнул в сторону, затем поднял руки, защищая лицо. Послышался громкий треск и хруст, затем короткий вопль. Поль тут же сообразил, что удар Спаера пришелся по Вратам.

Он опустил руки, прицелился и ударил левой, затем без передышки правой по корпусу. Но удары не произвели никакого эффекта, словно попадали в камень.

Даже отвесив левый аперкот и почувствовав, что тот достиг цели, Поль осознал, что единственная боль, которую испытывал этот человек, — это боль в костяшках пальцев от удара по Вратам.

Поль ударил правой, метя в лицо противнику, но его удар был блокирован на полпути.

И тут Спаер всем телом врезался в Поля, отбросив его к Вратам. Затем отступил на шаг назад, и их глаза снова встретились.

Поль взывал к родимому пятну в форме дракона. Его конечности онемели, будто после удара электрическим током. Он сумел взять себя в руки и вновь почувствовал силу, но, казалось, вся его воля не в состоянии защитить его от противника. Внезапно он ощутил нарастающее давление, схожее с тем, что вызывал Райл. Оба противника стояли абсолютно неподвижно.

Хотя Поль сосредоточил всю энергию на собственной защите, тяжесть все нарастала. Кровь молотом застучала в висках, грудь сдавило так, что дыхание прорывалось с трудом. Тело покрылось испариной. Поль вспотел так, что хоть выжимай, и в то же время дрожал от холода. Голова пошла кругом. Сознание померкло, прояснилось, потом снова померкло. Он понял, что может противостоять Спаеру всего несколько секунд. Силы таяли. Этот человек подчинит его своему контролю, заставит отдать злосчастные статуэтки, а затем, возможно, его самого принесет в жертву.

Где же то пламя, которое руководило им? Ему показалось, что он услышал тихий дразнящий смех. И внезапно понял, что именно к этому вели его огоньки. Они тоже хотели, чтобы Врата были открыты. И раз он не желает помочь им в этом, его не будут защищать.

Голова закружилась еще сильнее, в глазах померкло. Если это уже конец, он, по крайней мере, должен попытаться нанести противнику последний удар.

Поль оперся правой рукой о Врата и вытолкнул себя навстречу Спаеру. Из последних сил он отчаянно замолотил кулаками, снизу, сверху, сбоку, опять сверху...

Он сам удивлялся, что его удары достигали цели. Последнее, что он успел увидеть, падая на пол и теряя сознание, было изумление, застывшее на лице Спаера, падающего навзничь.

Свет погас, сознание Поля окутал мрак. Он ничего не почувствовал, рухнув на пол. Темнота и пустота.

Глава 19

Падение. Он медленно проваливался сквозь мрак и безмолвие. Его единственным ощущением стал холод, сковавший плоть. Но и холод впоследствии исчез.

Как долго он падал? Мгновения, годы, столетия... Прежний холод, одолевавший его, исчез, и теперь в душе воцарилась безмятежная эйфория. Вспоминать? Нет, слишком большое напряжение. Единственное, что он помнил, это то, что хорошо бы познать покой.

Появилось странное убаюкивающее качание. Даже больше... Затем раскачивание сменилось не менее странным подталкиванием в одном направлении. Оно сносило его, баюкая, словно в кресле-качалке.

Едва заметное свечение. Казалось, оно исходило сразу отовсюду. Он даже не задумался, каким сенсорным аппаратом воспринимается это почти фантастическое сияние. Его сознание просветлялось, но отдельные участки мозга по-прежнему были глухи и немы.

Свечение становилось ярче, а движение замедлялось. То, что располагалось внизу, предстало бледно-желтой массой с темными пятнами.

Теперь панорама прояснилась, хотя с каким-то искривленным понятием перспективы. Восприятие света странным образом исказились, стало совсем невозможно определить расстояние до объектов, маячивших внизу. Это была развороченная земля, гористая, песчаная, окутанная тенями, низко стелющимися змеевидными туманами плыли грязные облака. Контрасты еще не давали четкости изображения, поэтому ничего

нельзя было узнать, даже определить масштаб. Тем не менее место казалось до боли знакомым. Где? Когда?..

Толчок — и он провалился ближе к земле. Где же те горные вершины или крутые горные хребты, мимо которых он обычно пролетал? Куда он летит? Может ли он контролировать свое передвижение? Кажется...

Теперь он двигался вдоль огромного горного выступа. И вскоре проблема разрешилась сама собой.

В трех метрах под ним высоко на шесте покоилась голова демона. Адская ухмылка застыла в чудовищном оскале. Черные, словно угли, глаза были широко раскрыты и злобно следили за ним.

Он почувствовал что-то сродни содроганию, пролетая над наводящим ужас указателем. Голова чуть ли не подмигивала ему, словно зная некий его секрет. Внизу простиралась пустыня, а он парил в сумрачном бледном небе с нарождающимися огоньками звезд. Над пустынной землей металось облако пыли, порывами налетал холодный пронизывающий ветер.

Вскоре пустынный ландшафт остался позади. Откуда-то поднялся огромный фонтан брызг, стремясь преградить ему путь. Впрочем, брызги рассеялись, подобно бисеру, так и не достигнув цели. Несколько мгновений спустя в воздухе повис звенящий металлический звук, словно от огромного призывного гонга. Его вибрирующие переливы еще долго стояли в ушах.

Яркая комета чиркнула по небу, оставив в вышине едва заметный след. Донесся громовой раскат, причем шум грозы шел оттуда, где совсем не было облаков.

Похоже, он полетел быстрее, в ушах зашвистел ветер. Далеко внизу чередовались освещенные и мрачные участки земли, образуя причудливую картину, целое море кривых изображений — вытянутых, изогнутых, прекрасных, абсолютно чужих, зловещих, успокаивающих, а иногда совершенно безумных.

Он пролетел мимо разрушенного города, над которым суетились и мелькали бесформенные черные силуэты. Посреди руин металась маленькая голубая огоньки. Случайно одна из теней наложилась на другую и поглотила ее.

Пролетел над черной башней, откуда доносилось одинокое сладкоголосое пение. Скрученное многоногое создание с влажной растрескавшейся кожей свернулось калачиком на крыше башни и теперь напоминало гнилую тухлую сливу.

Бронзовая колесница бесшумно пронеслась в вышине. Мертвенно-бледное существо, закутанное в плащ, безмолвно погнало пятерку длиннохвостых созданий. Из их разгоряченных ноздрей вырывались густые клубы белого пара, который тотчас рассеивался на мельчайшие брызги и, замерзнув на ветру, кружился веселым хороводом сверкающих снежинок. В следующий момент видение пропало, а через миг он уже начал сомневаться, была ли снежная колесница на самом деле.

Мелодичный звон, будто от сотен звучных колокольчиков, сопровождал его перелет над серой равниной, где полчища людей и демонов застыли в воинственных позах и склонились перед древним изваянием, чьих пальцев он коснулся.

Впереди горизонт раскололся надвое по всей длине — будто тонкий неровный край мира, пробуждаясь, медленно поднимался. Он сосредоточил на этом восходящем крае мира все свое внимание. Взгляду предстали зубчатые своды и крепостной вал — мощный, массивный, высокий и черный.

В какой-то момент ему почудилось, что он вот-вот разобьется об эту громаду. Но огни переместились, и перед ним открылась новая перспектива; он понял, что все это бесконечно далеко и невероятно огромно. Внутри его призрачного естества что-то сжалось, пришло интуитивное понимание того, что это место лучше пролететь, не задерживаясь.

Внизу земля, стыдливо скрытая дымкой, нет-нет да и обнажала свои красоты. У него не было глаз на затылке, однако внутреннее чутье подсказывало ему, что что-то незримо движется вслед за ним. Он предпринял короткую атаку на свой одеревеневший мозг, пытаясь выбить из окоченевших глубин, кто он и откуда. Затем продолжил созерцание мира, раскинувшегося внизу,

вспоминая, что когда-то он уже был здесь, и отдавая себе отчет в том, что сейчас он летит сюда с целью выполнения важной миссии.

Неясные очертания гор угрожающе замаячили впереди. Он уже точно знал, что, какова бы ни была их природа, пересечь их будет очень сложно. Он принялся внимательно изучать ребристый силуэт, отыскивая каньон или ущелье — любую брешь в сплошной стене. Ему показалось, что удалось отыскать такую низинку слева от себя, и он попытался изменить траекторию полета в направлении ущелья.

И тут же, осознав свой поступок, пришел в изумление. Это было первое волевое действие с тех пор, как сознание немного просветлело. И он искренне радовался, что удалось осуществить его. Тем не менее сразу возник вопрос: что же влекло его по пути прежде, до этого момента?.. Он вдруг ощутил некую тягу, исходящую откуда-то из-за гор; нечто, влекущее к себе и желающее ему достичь цели быстро и благополучно.

Приближаясь к горам, он заметил, что становится более материальным, чем раньше. Его существо теперь встречало явное сопротивление среды, чувствовало порывы встречного ветра. Внизу громоздились огромные хребты, их вершины, словно колья, пронзали облака. Сильный поток ветра, как пушинку, подхватил его и отшвырнул назад.

Он восстановил силы и снова ринулся на штурм, теперь держась ближе к горам. На этот раз ему удалось пролететь дальше, прежде чем ветер отбросил его.

В третьей попытке он двигался быстро, подобно стреле, стараясь выбросить себя вперед изо всех сил. Вот перед ним замаячил смутный горный склон... Но ветры вновь закружили его, и как бы отчаянно он ни сопротивлялся их мощным порывам, стремясь прорваться к такому близкому правому склону ущелья, вся борьба оказалась тщетной.

В четвертый раз он попробовал изменить угол полета, и был отброшен почти тотчас.

Он низко парил, восстанавливая спокойствие и ориентацию, собираясь с новыми силами. Пора! Теперь

он придерживался лучшего курса, выявленного в предыдущих попытках, и приблизился к горам почти вплотную. Изогнувшись всем телом и немного взмыв вверх, он разогнался.

Ветры злобно плясали вокруг и трепали его естество, словно порванные струны сломанного музыкального инструмента. Он трепетал в их бешеном вихре но не сдавался. Не обращая внимания на их порывы он продвигался вперед.

Однако силы уже покидали его, энергия таяла, подобно снегу под ярким солнцем. Его охватило смутное предчувствие. Если он не соберет остатки сил и не преодолеет горы именно сейчас, то будет обречен на бесцельные скитания; века пройдут прежде чем он обретет новую энергию.

Порывы ветра усилились, превратившись в воздушный занавес. Он напряг остатки своих гаснущих сил для последней решающей попытки, и секундное затишье дало возможность преодолеть солидную часть пути. Но бешеный вихрь поджидал у самого ущелья.

— Зовущий меня, кто бы ты ни был! — безмолвно взмолился он — Если ты действительно желаешь меня видеть, помоги!

Почти тут же он почувствовал тягу и сразу осознал, что впервые некая благожелательная сила физически воздействует на него, а не просто служит путеводной звездой. Он подключил всю свою энергию и удвоенной скоростью бросился вперед, побивая все свои прежние достижения. Ущелье было прямо перед ним, оставалась самая малость — немного повернуть.

Он снова напряг силы, смялся с неведомой тягой и нырнул в ущелье. Он надеялся найти за горами убежище от пронизывающего ветра, однако вместо этого столкнулся с целым сонмом вихрей. Пробиваясь через ураган к расщелине, приходилось тратить жалкие остатки энергии. Он шел почти напролом. Впереди уже явно различался горный выступ, а рядом еще несколько ущелий.

Бросаясь навстречу воющим порывам он вплотную приблизился к хребту и обрел наконец защиту на под

ветренной стороне горного склона левее цели. Наверху завывали ветры, роняя на камни сверкающие хороводы снежинок, которые тут же таяли и стекали слезинками к подножию гор. Помогающая ему доселе тяга ослабевала, возвращаясь на психический уровень и приобретая характер умственного побуждения

Почувствовав, что сил собрано достаточно он вновь пошел в атаку на воздушные стихии и в конечном итоге достиг последнего защищенного от шторма участка Впереди отчетливо маячило желанное ущелье

Вот и последний рывок. Вдалеке словно мираж мелькнула черная зеркальная гладь древнего моря

Его отнесло чуть в сторону, озлобленные ветры закружили свою жертву в бешеном вихре, взмывая ввысь. Окружающий мир завертелся в безумном калейдоскопе чувства утратили связь с реальностью и теперь выдавали обрывки безумных галлюцинаций. Он уносился все выше, затем ощутил резкое падение Неведомая сила потащила его словно по невидимой стиральной доске ввергнув в бесшабашную стихию

Спустя некоторое время движение стало замедляться он бесцельно парил почти на месте — и в тот момент снова ощутил знакомую тягу Он двинулся прочь от проклятого хоровода высоких ветров, опускаясь все ниже и ниже Постепенно органы чувств пришли в норму, и все стало на свои места.

Внизу, растянувшись почти до самого зеркала воды простирался сказочный город террас и уступов, асимметричных зданий из металла. Все эти каким-то образом знакомые желанные очертания убежали далеко к горизонту Башни цветного дыма благоухали пахучими ароматами Хитрая игра перспективы и бледных огней обманывала, сбивала с толку

Он спустился еще ниже и увидел демонов, разгуливающих со своими любовницами, странная замедленная музыка неслась из вращающихся пятиугольников На проспекте застыли в древних пируэтках ритуального танца гротесковые фигуры Огромное ужасное существо, посаженное на цепь между двумя бурыми колоннами рыдало, уткнувшись в каменное

основание; вокруг него высились кучи зеленоватых воющих нечистот, подходящие почти к самым краям основания. Бледные, подобные искрам костра, вспышки озаряли мрачное хмурое небо высоко над морем, отражаясь от зеркальной черной поверхности сотнями разноцветных бликов.

Перспект ошеломил его, в нем было что-то новое, не поддающееся пониманию. Это новое шло отовсюду, куда ни падал взгляд. Например, та желтая башня со стороны моря. На вершине ее высилась статуя женщины-птицы...

Вдруг женщина-птица шевельнулась, и он понял, что это вовсе не статуя. Голос Найалис, словно фанфары, разорвал тишину и далеко разнесся над морем.

Все замерло.

Он развернулся к морю и помчался над водной гладью, постепенно наращивая скорость. Окружающие картины замелькали, будто в окне скоростного экспресса, и слились в вереницу убегающих образов. Он летел, повинувшись приведшему его сюда зову, и впервые почувствовал присутствие того, ради чего было предназначено все его путешествие...

Впереди замаячила черная тень. Затем на долю секунды возник огромный чернокрылый силуэт, рвущийся в небеса. Он был окружен вереницей сверкающих огней. Лишь короткий миг длилось видение; затем его вновь захватило и повлекло к предназначенному судьбой месту свидания. Пробудившееся, обновленное сознание собиралось воедино и опять разбивалось вдребезги.

Он раскрыл клюв и послал призывный клич бездыханному морю, крик торжества и уверенности в том, что он, Генри Спаер, встретится и объединится с древним сознанием Продромулу, Открывающим Пространство и Новый Путь.

Он, подобно волнорезу, врезался в ураганный ветер и спикировал вниз, к своему отражению на воде. Там крылась сила, он знал. Он созовет свой народ и поведет его к Вратам, к новой жизни. Там же разбудит свою человеческую плоть. Этого будет достаточно для

Открывающего Путь и Пространство. Достаточно помощи; кровь, пролитая однажды, омоет новую оболочку. Теперь ничто не в состоянии помешать его планам слияния реальностей, возрождению его мира.

Он взмахнул крыльями, наслаждаясь их силой и мощью и бросая на зеркальную поверхность грациозную величественную тень.

Внезапно море расколосось. Башня чешуи и грязи вздыбилась прямо перед ним. Существо стремительно приближалось к птице, сверкая немигающими красными глазами. Глубинные водоросли рваными лохмотьями свисали с колючего гребня. В них, словно в сетях, застряли покореженные полусгнившие останки кораблей и скелеты животных, среди которых сновали тела морских мусорщиков. Толкне, Великий Змей Мертвых Вод, застыл в ожидании следующей схватки, возобновляя древний, почти погасший конфликт.

Продромолу шире расправил крылья, затмевая почти все небо, и замер в полете, приняв боевую стойку. И Толкне нанес удар. Подобно молоту голова змеи врезалась в парящую птицу, захлестывая ее потоком брызг и вовлекая в бушующую пучину вод. Толкне нырнул вслед за скрывающейся птицей.

Лапы Продромолу растопырились, выбросив вперед острые кривые сабли когтей и пропоров тело змеи, оставляя глубокие борозды. Он со всей силой рубанул клювом, когда змея намеревалась задушить его кольцом своего тела.

Враги кувыркались по поверхности, не в силах одолеть друг друга. Вокруг них поднялись вихри пены, брызги. В воздухе метались выдранные перья и куски плоти, вздымались кровавые фонтаны, которые тут же расплывались по поверхности воды алыми пятнами. Когти Продромолу терзали тело змеи, а петля ее тела продолжала затягиваться. Толкне отчаянно мотал головой, выискивая уязвимое место для удара. Над ними немым свидетелем нависало хмурое небо, которое лишь изредка озарялось проблесками солнечной улыбки.

От крика Найалис вновь содрогнулись небесные и водные своды.

— Это тот вызов, на который ты никогда не сможешь ответить, Птица, — прошипел Толкне.

— Мы уже беседовали об этом раньше, Змея, — крикнул в ответ Продромолу.

Впервые их глаза встретились, и противники на мгновение застыли.

— Поль?.. — клацнула птица.

— Генри?..

Продромолу ударил клювом. Сквозь его оперение на секунду проглянули человеческие черты. Толкне забился в мертвой хватке когтей. Но темный ураганный вихрь поднял высокие волны. На пенном гребне одной из них змея перевернулась на спину и хвостом нанесла мощный удар рвущемуся в небеса Продромолу.

Толкне повлек птицу назад, стягивая ее тугими кольцами своего мускулистого тела. Но Продромолу вывернулся, сбросив склизкую удавку, и яростно заработал клювом и когтями-саблями. Он отчаянно бил крыльями, дюйм за дюймом продвигаясь к земле, увлекая за собой и змею, не давая ей погрузиться в воду.

Затем еще глубже вонзил свои когти в вырывающееся тело врага и резко взмыл ввысь. Море вздрогнуло от его победного крика, когда ему удалось вытащить корчащееся, упирающееся тело почти целиком. Вот уже показались горы, на их террасах мелькали строения города-мира... Собрал силы, Толкне вновь ринулся в атаку. Голова змеи метнулась вверх, рот широко распахнулся. Но ядовитые клыки лягнули, не достигнув цели. Растопыренный хвост птицы, словно заслонка, отгородил ее от смертоносных зубов. Не теряя высоты, Продромолу размахнулся и ударил клювом.

Голова Толкне вновь приблизилась к противнику. Однако новый удар клювом отбросил ее, и птица рванула еще выше. Они летели к облакам, земля становилась ближе и ближе. Толкне вялой массой висел в когтях Продромолу. Мощные крылья делали яростные взмахи, развивая все большую скорость. Порывы ветра швыряли безвольное тело змеи из стороны в сторону.

— Без воды, — со смехом крикнул Продромолу, — ты ничто, просто фаршированная шкура!

Толкне не ответил.

— Я — Открыватель Пространства, Нового Пути, — вновь заговорил Продромолу, — я широко распахну Врата и вдохну дыхание свежей жизни.

— Ты не покинешь этого мира!

Продромолу мчался к земле. До него уже доплывали ароматы, он слышал музыку и восторженные крики, толпа аборигенов в ярких оранжевых одеждах томилась на берегу, готовая ко всему: убивать или быть убитыми, забиться в радостной истерике, лишь только приблизится его тень. Он раскрыл клюв и вновь издал победный клич, а приблизившись, стал оглядываться, тщательно подбирая место. Наконец отыскал подходящее недалеко от нижних террас и разжал когти.

Тело змеи извивалось и корчилось словно от огня. Там, где оно с треском упало на землю, рухнули здания, похоронив под обломками людей и демонов. Языки пламени поднялись над руинами и развороченными останками. Продромолу пригнул голову, сложил за спиной крылья и камнем устремился к земле.

Однако стоило ему вцепиться во врага, как тело змеи внезапно ожило, придя в действие, — словно пружиной выстрелило. Змеиный хвост изогнулся петлей и затянулся вокруг птицы. Яростно махая одним крылом, Продромолу потерял равновесие и стал заваливаться в сторону. Враги, намертво вцепившись друг в друга, покатались по земле, уничтожая здания и статуи. Все ниже и ниже по террасам... Пение раздалось с новой силой, когда они скатились к подможию.

Стальная петля тела Толкне все затягивалась, и Продромолу с отчаянием обреченного принялся рвать куски мяса. Кровь хлестала фонтаном. Враги крутились в смертельной схватке. За ними тянулся длинный след тел в оранжевых одеждах. Птица молотила клювом, не глядя. С каждым новым ударом тело змеи содрогалось все сильнее. Кольцо, сдавливающее птицу, слегка дернулось и ослабло. Продромолу удвоил силы, сильнее заработал клювом, разбрасывая кровавые куски плоти. Они смачно шмякались о серебристые листья декоративного кустарника, обильно обагрив его алой кровью.

Продромолу почувствовал, что враг слабеет. Вздохнув свободнее и слегка высвободившись из тугих тисков, он снова рубанул клювом, затем запрокинул голову и испустил пронзительный крик. Потом медленно, осторожно расправил крылья и, преодолевая боль, поднялся в воздух.

Голова змеи метнулась вверх, острые зубы вцепились в его правую лапу. Скользящими движениями Толкне медленно потащил Продромолу в воду.

— Ты не покинешь этого мира, — повторил Толкне, глубже погружаясь в холодные воды.

— Поль, — завопил противник, — ты сам не знаешь, что творишь...

Повисло гробовое молчание, сопровождаемое лишь шелестом скользящего по песку тела.

— Знаю, — пришел откуда-то хриплый ответ.

Толкне нырнул, увлекая за собой Продромолу.

Птица на миг вырвалась и ударила клювом прямо в змеиную голову — за миг до того, как ядовитые клыки подобралась к тонкой шее и вонзились в нее.

Когда вода забурлила и сомкнулась над ними и мощный клюв ударил по змеиной голове, Поль почувствовал, что теряет сознание. Все затуманилось, словно отдаляясь. Он еще вонзал клыки в шею противника, а уже стало казаться, что он не имеет к этим событиям никакого отношения, будто все происходило и не с ним вовсе, а с какими-то двумя другими, совершенно неизвестными существами...

Отчаянно дергаясь, колотя клювом, он не мог разжать мертвой хватки. Генри Спаер погружался в морские глубины и чувствовал приближение черноты, надвигающейся на него. Он хотел закричать, хотя сознание меркло.

На какой-то миг ему удалось собрать остатки сил и энергии. Но его могущество иссякло раньше, чем он закончил серию магических действий.

Глава 20

Он шел, а вокруг клубился туман. В плотной дымке двигались другие фигуры. Одна из них, очень знакомая, что-то говорила ему...

Холодно, очень холодно. Хорошо бы укутаться в одеяло, однако в руки ему дали что-то другое. Впрочем, от непонятого предмета исходило тепло, и это было здорово.

Затихли звуки, похожие на стоны, — которые он и не замечал, пока они не прекратились. Он сильнее схватился за предмет, который оказался у него в руках, и почувствовал приток силы.

— Поль! Вставай! Очнись!

Кто-то похлопал его по лицу.

По лицу? Да, у него есть лицо.

— Вставай!

— Нет, — вяло пробормотал он, сжимая в руках посох.

Посох?

Поль открыл глаза. Лицо, склонившееся над ним, было словно окутано дымкой, но казалось до боли знакомым. Оно приблизилось и, наконец, прорвалось в его сознание.

— Маусглов...

— Вставай! — Маленький человечек отчаянно тормошил его. — Остальные уже приходят в себя!

— Остальные? Я не могу... Ой!

Поль попытался сесть на пол. Когда с помощью Маусглова удалось это сделать, он понял, что держит в руках посох отца.

- Как ты нашел его?
- Потом! Давай, действуй им!

Поль оглядел комнату. Ларик лежал с широко открытыми глазами, бессмысленно глядящими в одну точку. В другом конце, около двери, слабо постанывал Райл Мерсон; тщетно пытаюсь подняться. Краем глаза Поль увидел, как дрогнула и слегка шевельнулась рука Тайзы. Он вспомнил слова Спаера о потере воли и тут же повернулся к самому колдуну — в момент, когда тот садился на полу.

— Это что, все враги? — с удивлением спросил Маусглов. — Если так, то лучше тебе что-нибудь сделать, причем побыстрее!

- Уходи отсюда! — крикнул Поль.
- Я не оставляю тебя одного.
- Уходи! Уж не знаю, как ты сюда попал...
- Через окно.
- Ну и давай так же назад. Живо!

Поль встал на колено и поднял посох, направив его на Генри Спаера. Маусглов скрылся из виду, хотя Поль не мог сказать, ушел он или где-нибудь спрятался.

Рука призывно пульсировала, и он безмолвно воздал хвалу богам, что силы не покинули его. Статуэтка все еще стояла в некоей точке диаграммы лицом к Вратам. Поль поднялся и послал в посох весь заряд энергии. Ладони слегка зашипало в ответ. По телу будто прошла мощная глубокая нота, организм дрожал, словно натянутая органная струна.

У него не было больше сомнений, что так или иначе Спаер должен умереть. Если он сохранит ему жизнь, то окажется виноват неизмеримо сильнее и до конца дней своих будет нести полную ответственность за все зло, которое может совершить этот человек.

Язычок почти жидкого пламени оторвался от конца скипетра и полетел в направлении Генри Спаера. Комнату озарили сверкающие переливы огня, по стенам запрыгали причудливые тени.

Внезапно пламя разделилось на два язычка. Они обогнули Спаера, стоящего в самом центре разветвления с высоко поднятой рукой.

— Как тебе удалось добраться до этой вещи? — Голос колдуна перекрыл треск огня.

Поль не ответил. Он сосредоточил все силы на том, чтобы сомкнуть огненную развилку вокруг противника. Подобно окровавленным ножницам в безумных трясущихся руках, языки пламени то сходились, то расходились около человеческой фигуры, замершей в центре. Поль чувствовал, как сопротивление то усиливается, то слабеет, по мере того как Спаеру будто волнами приходила энергия.

— Снаружи твой дракон, да? — спросил Спаер. — Должно быть, ты хорошо его выдрессировал... Сам я драконов не переносу — слишком сильно от них несет мерзким запахом прокисшего пива и тухлых яиц.

Внезапно языки раздвоенного пламени разошлись еще шире, образовав некое подобие буквы «У», а затем и «Т». Верхняя перекладина буквы слегка развернулась в сторону Поля... И устремилась прямо на него.

Поль от напряжения стиснул зубы. Движение пламени прекратилось. Он поймал себя на мысли, что даже с таким мощным инструментом как посох, преимущество на стороне Спаера. Казалось, силы мага беспредельны, в то время как его собственные силы, даже помноженные на могущество посоха, достигли предела.

Пламя вновь ожило и качнулось, однако Поль по-прежнему удерживал его на расстоянии. Он знал, что выбрал неверную тактику атаки. Другое дело, что менять ее уже слишком поздно, да и вряд ли смена характера атаки привела бы к успеху.

— В твоих руках очень мощное оружие, — спокойно произнес Спаер, как бы читая его мысли. — Но любое оружие тогда лишь хорошо, когда его держит мастер. Ты слишком молод и совсем недавно обрел силы магии. Тебе оно вряд ли поможет. Ты поставил перед собой невыполнимую задачу. — Он сделал шаг вперед, и языки пламени соединились в бушующий костер. — Кроме того, я сомневаюсь, что твоя задача осуществима в принципе.

— Замолчи! — выкрикнул Поль. Он попытался отогнать пламя, но оно упорно стояло на месте.

Спаер сделал шаг вперед и замер, когда мощная энергетическая волна, вызванная вспышкой ярости Поля, заставила языки пламени качнуться в его сторону

— Если будешь упорствовать, результат может быть только один, — продолжал Спаер ровным голосом, — и я не хочу этого. Послушай меня, мой мальчик. Раз уж ты, молодой и неопытный, сумел доставить мне столько хлопот, значит, ты хорош, очень хорош. По правде говоря, мне не хочется тебя уничтожить тем более что в этом совсем нет необходимости

Со стороны окна раздался громкий хлопок, пуля рикошетом отлетела в стену. Спаер и Поль одновременно повернули головы в одном направлении. Маусглов стоял снаружи, опершись локтями на подоконник. Пистолет, нацеленный на Спаера, еще дымился

Потом Маусглов застыл, будто окаменев, и исчез из виду, повалившись вниз. Пистолет с грохотом упал на каменный пол.

Поль посмотрел на Спаера и увидел заключительный жест заклинания.

— Будь у меня на секунду-две больше времени, я бы заставил его выстрелить в самого себя, — произнес маг. — Впрочем, еще успеется. Огнестрельное оружие слишком варварская вещь в таком идиллическом месте, не правда ли? Между прочим, я полностью одобряю твоё поведение на горе Анвил. Баланс должен быть смещен в сторону магии, где мы будем верховодить и главенствовать.

Тяжело дыша, Поль постоянно тратил усилия, чтобы удержать пламя. Родимое пятно в форме дракона само горело, словно в огне. Без посоха он давно бы уже погиб, не выдержал бы столь мощной лобовой атаки. Казалось, силы Спаера черпались из неиссякаемого источника. Маг будто вырос; статный, осанистый, уверенный в себе, он превратился в бога, привыкшего к беспрекословному повиновению.

— Как я говорил, в этом совсем нет необходимости, — продолжил Спаер. — Я склонен забыть всю эту

мышиную возню перед Вратами и простить своеобразную борьбу прототипов; похоже, ты до сих пор ничего не понимаешь. Более того, теперь, как никогда прежде, я уверен, что из тебя был бы хороший союзник. — Маг отступил на шаг, и незримое давление внезапно исчезло, пламя будто задуло. — В знак моей доброй воли, я сделал первый шаг к мирному разрешению нашего конфликта. Давай прекратим сражаться и подумаем лучше, как выйти из сложившейся ситуации с обоюдной выгодой. Я даже научу тебя некоторым необычным приемам обращения со скипетром...

Поль вскрикнул и сморщился от боли, затем рухнул на колени. Вся левая половина тела была охвачена невыносимо болезненными спазматическими схватками. Ему показалось, что хрустят и ломаются ребра.

Собрав остатки энергии, он швырнул их в Спаера в гигантской психической волне. В ней все слилось воедино: страх, ненависть, чувство предательства, стыд за свою доверчивость и огромное желание...

— Это не я! — закричал Спаер в гневе и одновременно в изумлении, отлетая обратно к стене.

— Ларик! Прекрати.. — донесся слабый голос справа. Райл Мерсон пытался встать на ноги.

Тотчас спазмы стихли, хотя их последствия все еще ощущались: Поль по-прежнему стоял на коленях, стонал и вздрагивал.

— Помоги ему! Черт, где же ты! — кричал Райл. — Там возле стены — Спаер!

Толстый колдун неожиданно проворно подбежал и взялся за посох чуть ниже руки Поля. Поль тут же почувствовал частичное ослабление напряжения, которое давило на него довольно длительное время.

Широко распахнутые глаза Спаера сузились в щелчки. Ларик встал с другой стороны Поля, положив свою руку на посох еще ниже.

— Ты говорил, что я использую тебя, — произнес Спаер. — Да, это правда. Но они ничем не лучше — они ведь тоже хотят использовать тебя в своих целях.

Поль напрягся, и они все вместе нанесли удар. Пламя подпрыгнуло и продвинулось вперед, но снова за-

мерло, будто натолкнувшись на невидимую стену. Он удвоил усилия и почувствовал, что остальные последовали его примеру, однако ситуация не изменилась. Во всяком случае Спаер улыбался — легкой печальной улыбкой.

— Что происходит? — спросил Поль едва слышным шепотом.

— Он нас сдерживает, — выдавил Райл.

— Всех троих? Но до этого я один почти с ним справился!

— Моя маленькая змейка, — раздался громовой голос Спаера с противоположного конца комнаты, — хотя тебе удалось удивить меня несколько раз, я всего лишь зондировал тебя, нащупывал пределы твоей силы и не слишком напрягался, чтобы у нас было время спокойно поговорить. Теперь ясно, что все мои попытки убедить тебя провалились и надо доводить дело до конца. Хотя мое сердце разрывается от жалости к тебе, я вынужден сказать «до свидания» — возможно, в более гармоничной жизни...

Он направился вперед.

Внезапно посох под ладонью Поля стал раскаляться. Но, несмотря на боль, молодой человек сильнее сжал его, и все трое направили энергию в одно русло, пытаясь остановить Спаера, который казался сейчас воплощением могущества и уверенности.

Спаер почувствовал некоторое давление, но это не остановило его. До ноздрей долетел легкий запах палевого мяса. Голова Поля кружилась, комната куда-то уплывала, вокруг сгушалась дымка. Фигура справа от него не была больше Райлом Мерсоном. Что он говорит?..

Спаер внезапно замер и согнулся, как от острого желудочного спазма. Затем стал проделывать круговые движения ладонями, держа правую руку прямо перед собой, а левую отведя в сторону. Через мгновение он выпрямился, но продолжал выписывать круги в воздухе. Теперь его движения стали синхронными, в них появился определенный ритм. Спаер посмотрел перед собой, потом влево.

— Подумать только, кто к нам пришел, — произнес он с удивлением и одновременно с сочувствием.

Полю, который уже не понимал, горячий его посох, ледяной или теплый, повернул голову в сторону входной двери.

Там стояли Ибал и Вонни. Ибал держал в руке белый жезл, его подруга прижимала к груди некое подобие женского карманного зеркала.

— Я смотрю, тебе на помощь пришла старая гвардия. — Теперь глаза Спаера сверкали, он выглядел совершенно оправившимся от удара. — Придется снова отправить их на пенсию.

Левая рука колдуна изменила ритм и последовательность движений. Металлическое зеркало ослепительно вспыхнуло, когда Вонни слегка покачнулась. Ибал мягко положил руку ей на плечо и взмахнул жезлом, словно дирижерской палочкой.

— Было время, когда ты был великим мастером, старик, — сказал Спаер, — но теперь тебе лучше уйти на покой...

Он щелкнул пальцами правой руки. Внезапно Райл Мерсон вскрикнул и рухнул на пол.

— Небольшой отвлекающий маневр всегда на пользу, — произнес Спаер с печальной ухмылкой. — Тем более...

Однако зеркало снова сверкнуло, и по его лицу пробежала тень напряжения, а улыбка исчезла.

— Проклятая ведьма! — пробормотал он, отступая на шаг в сторону.

Тонкий, словно яркая проволока, белый луч ударил из жезла Ибала в правое плечо Спаера. Спаер злобно промычал при виде бессильно повисшей руки, чувствуя обжигающую боль, пронзившую правую половину тела. Его одежда дымилась.

Он сделал размашистый жест, и посох вырвался из рук Поля и Ларика.словно стрела он метнулся через комнату, развернулся поперек и толкнул в грудь Ибала. Белый жезл с грохотом упал на пол, немного погодя рухнуло на пол и безвольное тело старого мага, его лицо стало выглядеть на двадцать лет старше.

Зеркало вновь ослепительно сверкнуло, но Спаер загородился ладонью, и яркий луч, отразившись от нее, попал в Поля и Ларика.

Поль ощутил мощный удар, из глаз посыпались искры. Падая, он пытался опереться на Ларика, но тот и сам едва стоял на ногах. Они одновременно рухнули на пол. Закрывая глаза, Поль бросил взгляд на Спаера, оставшегося с Вонни один на один. С руки колдуна каплями стекала кровь, волосы на голове стояли дыбом, подпаленные брови сошлись в грозную линию, лицо налилось ярким нездоровым румянцем, плащ дымился.

— Дорогая моя леди, — сказал Спаер, идя прямо на нее, слегка покачиваясь, — все кончено.

Откуда-то издалека донесся ее тихий ответ:

— В таком случае держись.

Спаер застонал, и Поль решил, что Вонни прикончила его. Потом, словно из-под земли, раздался его слабый голос:

— Недурно. Но все же надо было лучше:

Однако Поль уже вскарабкался на ноги и брел, словно в тумане, сопровождаемый фигурой человека, очень похожего на него. Фигура что-то говорила ему, что-то очень важное...

— Белфаниор! — громко и отчетливо произнес Поль, подняв голову.

Затем он упал, и над ним закрубились вихри тумана.

Глава 21

Мой мир разорвался на части и сложился в единое целое — теперь совсем в ином свете. Возможно, я и сам подвергся аналогичному процессу. Бесцельное прозябание, длящееся годами, вдруг оборвалось и приобрело совсем иной смысл вследствие одного-единственного жеста. Мятежный экзистенциальный дух мой успокоился и затих. Все — с самого моего рождения — стало ясным и заняло свое место. Я прозрел в один момент. Я ликовал.

«Белфаниор!»

Белфаниор. Да, именно, Белфаниор. Имя подходило мне идеально, как специально пошитая одежда, выполненная и подогнанная на заказ. Я незримо вертелся перед зеркалом воображения, восхищаясь то фасоном, то тканью.

Я был зачат впопыхах, собран из сырого материала мироздания могущественным чародеем Детом Морсоном в день его смерти — возможно, в самые последние минуты перед гибелью. Вся эта спешка произошла из-за стремительного наступления его врагов. Он был просто не в состоянии должным образом завершить свое творение, снабдить меня всеми необходимыми инструкциями, отдать приказания, задать нужные мотивы. Дет Морсон устремился навстречу смерти, так и не завершив окончательного заклęcia и не запустив в движение силы, которые он вызвал. И даже не сказав мне, кто я и для чего существую. Будучи добросовестным по натуре, я пытался выяснить все это самостоятельно.

Чертовски приятно узнавать о собственной важности в схеме мироздания и конкретно в происходящих событиях.

И очень здорово, в прямом смысле этого слова, найти и обрести собственный путь в этом мире, в противоположность тем, кто является на свет до предела напичканным банальными приемами, готовым интеллектуальным и эмоциональным багажом, которые заботливо собраны хлопотливыми няньками, и всю жизнь идет проторенной тропой, даже не помышляя о переменах. Кстати, о размышлениях...

Теперь я понимаю, почему Морсон не выпустил меня на волю. Не только потому, что я был не закончен — без заключительного-то ритуала произнесения моего имени! — а потому что моя младенческая сила оказалась слишком незначительной перед полчищами, осадившими замок. Их колдуны-предводители просто не обратили бы на меня никакого внимания, небрежно расправились бы со мной, даже не раскрыв истинных причин моего появления на свет.

О, сколько времени с момента падения Рондовала я томился и маялся, находясь в заточении в маленькой комнатушке, в сетях хитрой оболочки заклятия!.. Теперь, право, и не помню. Возможно, годы — пока естественное разрушение и тление не сломали преграды, удерживающей меня в моей темнице. Впрочем, меня это мало беспокоило, ибо вел я тогда практически несмысленное существование, того изысканного философского мышления, которым я ныне наслаждаюсь, не было и в помине. В последующие годы я изучал географию, архитектуру, но никогда не интересовался силой, удерживающей меня в замке, даже тогда, когда мои скромные вылазки в окрестностях неизменно сопровождались какой-то непонятной тягой, которая покидала меня лишь в стенах замка. Я был молод и наивен. Мне и в голову не приходило задавать себе многие вопросы. Я плавал в солнечных лучах, купался в лунных бликах. Идиллическая жизнь!.

Так было до тех пор, пока не появился Поль и началась вся его активная деятельность. Она возбудила

во мне настоящее любопытство. Не считая мелких насекомых, а также непонятных обитателей иных уровней реальности, я общался лишь — мысленно — со спящими драконами и им подобными, а подобное общение совсем не стимулирует творческое развитие интеллекта. Внезапно меня наводнило словами и заключенными в них идеями. Именно тогда я пришел к самосознанию и впервые начал исследовать загадки собственного происхождения.

Я знал, что каким-то образом связан с Полем благодаря его родимому пятну в форме дракона и другим признакам, которые напоминали в нем моего первого злополучного хозяина. Однако тогда мне было неизвестно, что все это — часть замысла моего существования. В свете последних данных становится ясно, что многие мои поступки, оказывается, были исполнены глубокого смысла. Такие, например, как оживление мертвеца с целью передать Маусглову важную информацию. Или мое собственное решение оставить Рондовал и сопровождать Поля.

«Белфаниор». Очаровательное слово!

Так как Поль пребывал в полусознательном состоянии, задыхаясь, страдая от боли и многочисленных ожогов, растяжений и ран, контуженный и совершенно изможденный, я сразу понял, что наиболее важная моя миссия в жизни — обеспечить его защиту, и я был рад, что это мне до сих пор удавалось, несмотря на все работающие против меня факторы. Мне доставило удовольствие то, что несколько раз я вырывал его из слишком горячих объятий тревожного сна, ну и не забыл отправить Маусглова за посохом, без которого он, пожалуй, сейчас бы был мертв.

Да, мне приятно, что, поступая так, а не иначе, я действовал правильно и добивался нужных результатов по собственной инициативе, а не вследствие неких приказов.

Увидев распростертое тело Ларика — тоже моего подзащитного, и Райла, Ибала, Вонни, я не без радости сообразил, что, как союзники, они наверняка подпадают под мою опеку. Новые философские горизонты,

открывшиеся передо мной, казались поистине безграничными.

Да.

Лишь только было произнесено мое имя, я сразу осознал кто я и зачем: я — Проклятие Рондовала (чисто технический термин), существующий для защиты замка и представителей рода, а если они погибнут, для мести за них. Я нашел это занятие весьма заманчивым и почетным.

Теперь я испытываю огромную благодарность к Дету Морсону, который, стоя одной ногой в могиле, все же нашел время и сотворил чертовски хорошее Проклятие, то есть меня.

Наблюдая за Генри Спаером и Вонни, которые, слегка пошатываясь, стояли друг против друга, я увидел, как они, собрав последние силы, выстрелили друг в друга энергетическими сгустками. Я тут же оценил их состояние и понял, что, несмотря на все выплеснутые на колдуна силы, он обладает преимуществом и скоро одержит победу.

Надо отметить, что его манипуляции были весьма поучительны. Насколько я понял, это подлинный мастер Великого Искусства. Кроме всего прочего, этот человек был ровня и близкий друг моему злополучному хозяину. В этом смысле особенно печально, что он стал врагом Рондовала, а следовательно, превратился в объект моего гнева.

Одновременно передо мной встала и другая дилемма: учитывая, что Дет Морсон умер двадцать лет назад, а два его отпрыска лежат без сознания на полу, кого из них я должен считать его настоящим преемником? Ларик старше Поля, однако он давно покинул родные пенаты и прочно основался в Авинконете. Полю, наоборот, осел в Рондовале и лучше его понимает и чувствует. Живой пример тому — его далекоидущие планы восстановления и возрождения замка. Проблема выбора преемника могла вылиться для меня в очень важное событие, особенно с годами, ведь так или иначе именно от преемника зависел режим и характер моих работ.

В конце концов я принял решение в пользу Поля. Возможно, здесь сыграла роль и моя сентиментальность. Пока я убеждал себя в том, что за главный аргумент следует принять местожительство, во мне все время шевелилось подсознательное чувство, которое придало особую эмоциональную окраску решению. Это чувство твердило мне, что Поля я знаю лучше, чем его брата; кроме того, мне пришлось не по душе первоначальное обхождение Ларика с Полем. А если сказать по простому, Поль мне нравился больше.

Я приблизился к его распростертому, вздрагивающему телу и впервые попробовал напрямую обратиться к нему:

— Теперь все в порядке, хозяин. Осталось несколько мелких деталей.

Он кашлянул, очевидно, стараясь показать, что услышал меня. Одновременно с кашлем раздался сдавленный крик Вонни.

Я вновь бросил взгляд на Генри Спаера. Колдун с перекошенным и почерневшим лицом как раз заканчивал последние пассы какого-то заклятия. Я также заметил, что Райл Мерсон пришел в себя и пытался поднять руку; Ларик и Ибал, очевидно, еще некоторое время пролежат без сознания. Тайза с трудом села на скамью и выглядела в высшей степени встревоженной.

Я прокрутил в голове варианты моих ответных действий против Спаера и большинство сразу же отверг — даже затопление палаты подземными водами, хотя оно, честно говоря, доставило бы мне огромное эстетическое удовольствие.

В конце концов, я остановился на одном-единственном решении и осталось лишь детально продумать план и цвет мизансцен. После долгих-долгих сомнений был определен и оттенок: авокадо, причем светло-зеленый.

Глава 22

Когда Поль услышал голос в голове, он открыл глаза и с трудом пошевелил головой, на большее не хватало сил.

Насколько он мог судить, ситуация, в сущности, не изменилась. Вонни утратила очарование цветущей молодости и превратилась в усталую женщину средних лет. Спаер тоже выглядел утомленным, но в его движениях сквозила жизненная сила. Еще мгновение, и он окончательно победит.

Громкий, свистящий звук раздался откуда-то из дальнего угла комнаты. Спаер повернул голову в том направлении и остолбенел; его лицо застыло, руки замерли на полужесте. Вонни, тоже повернувшая голову, казалось, испытывала не меньший ужас.

Поль в свою очередь тоже пытался кинуть взгляд на происходящее и, когда ему это удалось, увидел, как воздух возле стола сгущается в омерзительнейшее тело, подобное тому, которое он сам носил, — только без головы. Плечи монстра венчала огненная корона цвета светло-зеленого авокадо.

Поль услышал, как вскрикнула Тайза. А по перекосившимся лицам Вонни и Спаера ясно читалось, что они винят друг друга в порождении подобного ужаса.

В этот момент луч света вырвался из ладоней Райла Мерсона и ударил в грудь Спаера. Колдун отпрянул назад и сделал жест рукой, будто смахивая пылинку.

Поль, отвлекая противника, поднял руку, будто бы намереваясь использовать магию, хотя на самом деле родимое пятно в форме дракона молчало, силы снова

изменили ему. Спаер сделал предостерегающий жест, и в тот же момент громовой голос потряс своды комнаты:

— Перед тобой Проклятие Рондовала!

Огненноголовый демон шагнул вперед, и Спаер — кровь отхлынула от его лица, оставив безжизненную мертвую маску, — поспешно схватил в руки статуэтку, стоявшую на диаграмме перед ним.

— Я верно служил вам! — закричал он. — Теперь ваш черед! Сейчас или никогда!

Вспышка света от зеркала Вонни метнулась в сторону Спаера, одновременно около стола раздался странный скрипящий звук.

Световой луч так и не достиг Спаера — исчез где-то в недрах фигурки, словно впитался в нее без остатка. Камушки, украшавшие статуэтку, вспыхнули яркими разноцветными огнями.

Темная призрачная тень устремилась от стола вперед, обогнав демона. Она облетела рукотворное чудо — тяжелое деревянное кресло, миновала Спаера, развернулась в воздухе вокруг оси и неожиданно сзади ударила Спаера под колени.

Колдун будто подкошенный рухнул в кресло, а оно наклонилось назад и быстро взлетело в воздух, лишь только Проклятие Рондовала взвилось в прыжке. Кресло описало в комнате широкую дугу, пытаясь уйти от мстителя в огненной короне. Подлетело к стене, накрепилось... а затем метнулось в сторону окна!

Белфаниор немного замешкался, оценивая ситуацию, развернулся и помчался следом. Ему удалось ухватить край желтого плаща Спаера, развевающегося словно крыло. Кресло резко дернулось, Спаер издал сдавленный звук, поднял руку к горлу и все-таки успел расстегнуть пряжку. Плащ упал, а кресло, набирая скорость, вылетело в окно.

За окном раздался удивленный крик, потом яростно взревел дракон. Мгновение спустя донеслись пушечные выстрелы и витиеватая ругань Маусглова.

Поль оперся на локоть и попытался встать. На плечо ему легла поддерживающая рука Райла.

— Не волнуйся, — произнес волшебник. — Он остановлен. Теперь мы спасены.

Райл помог ему сесть, затем оглянулся на Тайзу, Ларика и Вонни.

Старая женщина сидела на полу неподалеку от своего зеркальца. Она склонилась над головой Ибала, лежавшей у нее на коленях, и что-то шептала, нежно поглаживая его по волосам. Почувствовав взгляд Райла, Вонни подняла руку, прикрывая лицо. Райл смутился и быстро отвел глаза.

Ларик пошевелился.

Райл, слегка покачиваясь, направился к дочери.

— Злополучный хозяин! — рявкнул Белфаниор, пав ниц перед Полем. — Я явился на твой зов. Прошу прощения, что тому человеку удалось сбежать от моего гнева.

— Кто ты такой? — спросил Поль, торопливо отодвигаясь от огненной короны цвета светло-зеленого авокадо. — И, пожалуйста, встань!

— Белфаниор, Проклятие Рондовала, твой верный слуга, — ответил демон, приняв вертикальное положение и тут же склонившись в поклоне.

— Вот как?

— Да. Ты позвал, и я явился. Я бы разорвал его на части ради твоего удовольствия, если бы не подлый трюк с креслом.

— Возможно, когда-нибудь тебе еще представится случай, — сказал Поль. — Спасибо за службу. Она была как раз кстати, вовремя и хорошо исполнена.

Белфаниор протянул ему желтый плащ.

— Твоя собственная одежда представляет весьма жалкое зрелище и нуждается в починке. Возможно, этот плащ колдуна...

— Спасибо.

Поль взял плащ. Цвет легкой ткани и ее структура казались очень знакомыми. Внутри, рядом с воротником, он увидел белую этикетку и отвернул язычок лейбла, внимательно разглядывая. «Сделано в Гонконге», гласила надпись.

Поль чуть не выронил плащ, по его телу пробежал озноб.

— Тебе помочь, злополучный хозяин?

— Нет. Я сам.

Он накинул плащ на плечи и застегнул на шее. Преодолевая боль, вытянул ноги, затем встал. Резь в левой части тела усилилась.

Ларик тоже пытался встать на ноги, и Поль протянул ему руку. Ларик замешкался, не зная, что делать, потом принял ее и поднялся, однако не отпустил руку, а долгое время смотрел на родимое пятно в форме дракона. Затем перевел взгляд на волосы Поля.

— Я не знал, — прошептал Ларик.

— Я сам узнал лишь в последний момент, — произнес Поль в ответ.

Обернувшись, он увидел Маусглова, сидевшего на подоконнике и с любопытством разглядывавшего происходящее. Через минуту маленький человечек что-то прокричал в окно и спрыгнул на пол.

— Лунная Птица не угнался за креслом, — сказал он. — Слишком шустрое.

Поль кивнул. К нему подходили Райл и Тайза.

Ларик повернулся, улыбкой встречая Тайзу. Но девушка прошла мимо него, обняла Поля за шею и поцеловала.

— Спасибо, — наконец выдохнула она, — я думала, этот день никогда не настанет, пока, блуждая призрачным духом, не увидела тебя. Я сразу поняла, что ты каким-то образом освободишь меня.

Глядя за ее спину, Поль заметил странное выражение, промелькнувшее по лицу Ларика. Он быстро скользнул из объятий девушки и мягко отстранил ее, чуть сгибаясь в сторону ноющего от боли бока.

— Рад, что смог помочь, но один бы я вряд ли справился. Это просто судьба и обстоятельства.

— Ты слишком скромн.

Поль отвернулся.

— Надо немедленно помочь Ибалу и Вонни.

Старый чародей выглядел снова юным, но все еще лежал без сознания. Красота Вонни тоже почти верну-

лась, а завершающие штрихи накладывались прямо на глазах Поля. Она подняла голову и улыбнулась.

— С ним будет все нормально, я сама сдерживаю его пробуждение, пока не будет завершена косметическая оболочка. Чары молодости можно подлатать и позже.

Вонни взяла магическое зеркало и посмотрелась.

— Тщеславие, я знаю, — произнесла она. — Как же без него!

— Позвольте, — вмешался Райл, подходя к ним, — может, лучше перенести Ибала в более удобное место. Поль, твой слуга легко...

— В этом нет необходимости, — успокоила Вонни, поднося зеркало к лицу Ибала.

Глаза волшебника тут же открылись. Он полюбовался своим отражением, затем начал вставать.

— Ведите, — сказала Вонни, — а мы за вами.

Глава 23

Ночь близилась к концу. В огромной палате замка Авинконет шесть статуэток, украшенных драгоценными камнями, стояли в центре серии концентрических окружностей, нарисованных на полу. Среди кругов были начертаны Слова и Знаки. На их размещение ушел целый день. Любая мелочь, выполненная неправильно, любой неучтенный фактор — капля краски, размазанный силуэт, неправильно прочитанное Слово, неточно выписанные фигуры, даже подземные толчки и полчища паразитов — могли испортить все дело.

Наконец последнее заклятие было произнесено и нарисована заключительная линия, сделан финальный жест. Ключи были нейтрализованы.

Теперь Поль, Ларик, Ибал, Вонни, Райл, Тайза, Маусглов и Белфаниор сидели, полулежали, стояли, парили в форме эфира — кто во что горазд. Они отдыхали, подкреплялись, освежались, ведя неторопливую беседу в дальнем углу огромной комнаты.

— Не могу понять, почему они не помогли ему, — произнес Маусглов.

— Полагаю, что они все время помогали Спаеру, — ответил Райл, — но в конце концов мы изнурили их, их силы истощились.

— То есть теоретически он все еще способен открыть Врата одним Ключом? — спросил Маусглов.

— По его словам, да, и я ему верю. Хотя потребуется много сил и энергии. Точно трудно сказать. В конце концов именно Спаер был непревзойденным специалистом в этой области.

— Ну а что сейчас? — спросил Ларик.

Он сидел возле Тайзы, которая не сводила глаз с Поля. Поль же, не отрываясь, смотрел в книгу, лежащую у него на коленях.

— Сейчас они нейтрализованы и изолированы, но я не успокоюсь, пока все семь Ключей не будут уничтожены, — сказал Райл. — Вдруг их как-нибудь выкрадут или высвободят и все начнется сначала.

— Какое-то время я могу сохранить их от смертных воров, — предложил Маусглов.

— А я — от воров всех иных видов, — раздался из воздуха голос Белфаниора.

— Да можно ли их вообще уничтожить? — спросила Тайза. — Ведь чего мы только не перепробовали...

— Все существующее имеет свои слабости, — произнес Ибал, поднимая бокал. — Нужно тщательно их исследовать.

— Это здесь, — проговорил Поль, — в первых записях, правда, в разрозненном виде. Отец оставил кое-какую ниточку, ключи к разгадке. Теперь я собираюсь прочитать его записи внимательнейшим образом от начала до конца и сложить все крупницы в единое целое. Потребуется время...

— Это необходимо сделать, — сказал Ларик.

— Да.

— Не могу не восхищаться твоей проницательностью, — сказал Ибал. — Знаешь, если бы я был Одержимым, а не традиционным представителем Великого Искусства, добывшим свое мастерство трудом и терпением, вряд ли бы я сейчас сидел здесь с вами.

Райл кинул на него, острый взгляд. Ибал хмыкнул.

— Не смотри на меня так. Ты сам этим занимался, пока неожиданно не прозрел. А если бы ты был Одержимым, что тогда?

Райл отвернулся.

— Я говорю это не для того, чтобы позлить тебя, — продолжил Ибал, — а как предостережение. Не надо доверять Одержимым Магией — кроме тех, что здесь находятся, — пока они не пройдут доскональной проверки

— Думаешь, Спаер попробует найти союзников?

— А ты на его месте так бы не поступил?

— Кажется, я что-то нашел, — сказал Поля, переверачивая страницу. — Разобраться нелегко, но...

Ощущение напряженности повисло в воздухе, как будто внезапно повысилось давление. В течение нескольких секунд оно нарастало, затем все кончилось.

— Что это было? — спросил Маусглов.

— Ключи попытались разбить оковы, — объявил Белфаниор. — Им это не удалось. Ваши заклятия оказались на должном уровне.

— Многообещающее начало, — произнес Ларик. — Читай, брат. И пометь это место.

Позднее, незримо парящий, я был единственной, если не считать дремлющего дракона, аудиторией Поля, сидящего на парапете Авинконета и медленно играющего на гитаре перевязанными руками.

День для меня выдался удачный — я обрел свое имя и цель в жизни. Слушая песни Поля, я решил, что он, в сущности, совсем неплох — по меркам злополучных хозяев. Кроме того, мне нравилась его музыка.

Затем произошло странное. Мое восприятие совсем не похоже на чувства людей, ибо, я склонен полагать, не так легко поддаюсь обману. И все же... Луна прорвала завесу облаков, залив все вокруг бледным серебристым светом. Бледный луч выхватил Поля из тьмы, и мне показалось, что его волосы белые, а посредине вороновым крылом лежит черная прядь, то есть все совершенно наоборот. В моей памяти всплыл образ моего создателя — и я снова как бы взглянул в лицо Дета, скрытого под маской лица Поля. Образ поражал своей силой и натуральностью, вызвав у меня, признаться, неприятное чувство.

Но видение исчезло, а музыка лилась и лилась. Что есть жизнь: краткий иллюзорный миг или длинная песня? Я нуждался в новых источниках философского размышления и поэтому вновь и вновь задавал себе этот вопрос.

Содержание

Подмененный , роман, <i>перевод с английского О. Колесникова</i>	5
Одержимый Магией , роман, <i>перевод с английского А. Кузьминой</i>	195

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 16 томах

Том восьмой

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *Г. Трифсик*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректор *О. Курдаева*

Оператор компьютерной верстки *В. Ветчинин*

Художественный редактор: *М. Захаренкова*

Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*

Оформление форзаца: *А. Кириллов*

Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 11.8.95. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 22,68. Тираж 25 000 экз.

Заказ № 6281.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

ПОДМЕНЕННЫЙ ОДЕРЖИМЫЙ МАГИЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995